Е. И. КОРКИНА

НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Е. И. КОРКИНА

НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Кр. 19404

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1970

В книге на большом фактическом материале современного якутского языка дано научное описание имеющихся в языке десяти форм наклонения глагола, показаны их образование, временные формы, значение и употребление, проводится сравнение с аналогичным материалом родственных тюркских языков.

Теоретические положения, выводы иллюстрированы удачно подобранными примерами.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. Л. Н. ХАРИТОНОВ

ЯКУТСКАЯ
Республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

7-1-3
181-69 (II)

ВВЕДЕНИЕ

Можно считать общепризнанным, что якутский язык является языком, основательно изученным еще в дореволюционное время. И действительно, мало какому из языков народов царской России посчастливилось стать предметом исследования для таких крупных ученых, как академики О. Н. Бетлингк [1] и В. В. Радлов [2], автор фундаментального словаря якутского языка Э. К. Пекарский [3], С. В. Ястремский [4] и др.

Опираясь на основополагающие работы указанных авторов, якутские языковеды за советский период продолжили и углубили дальнейшее изучение фонетики, грамматического строя, лексического состава и диалектных особенностей якутского языка. Большой вклад в якутское языкознание своими капитальными работами по морфологии, синтаксису и диалектологии якутского языка внесли Е. И. Убрятова и Л. Н. Харитонов. Выращенные ими молодые языковедческие кадры направляют свои усилия на восполнение пробелов, существующих в изучении отдельных конкретных вопросов якутского языка.

Одним из таких не подвергавшихся до сих пор специальному монографическому исследованию вопросов якутской грамматики является вопрос о модальных формах глагола, прежде всего о наклонении, хотя в целом

[1] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik. Text und Wörterbuch. St.-Pb., 1848—1851.

[2] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff. St.-Pg., 1908.

[3] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. СПб., 1907.

[4] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.

категория глагола в якутском языке основательно изучена Л. Н. Харитоновым. Им написаны и опубликованы работы «Типы глагольной основы в якутском языке», «Формы глагольного вида в якутском языке», «Залоговые формы в якутском языке». В названных работах Л. Н. Харитонов с большой тщательностью выявил и описал состав глагольных основ современного якутского языка, разграниченный им по семантическим, структурным и фонетико-морфологическим особенностям на три большие группы (типы): глаголы действия — состояния, образные глаголы, звукоподражательные глаголы. Он детально анализировал систему видовых и залоговых форм якутского глагола, рассмотрел их происхождение и образование, структурно-фонетические и морфологические признаки, значения и особенности употребления.

В плане дальнейшего детального изучения якутского глагола и предстоящего составления грамматики якутского языка большую научную и практическую актуальность имеет исследование категории наклонения глагола.

Хотя категория наклонения глагола в якутском языке еще не подвергалась специальному изучению, однако в общем плане она в значительной мере получила освещение в работах почти всех якутоведов дореволюционного и советского периодов.

Первое описание наклонений якутского глагола мы находим в фундаментальной работе акад. О. Н. Бетлингка «О языке якутов». О. Н. Бетлингк в якутском языке установил пять наклонений: повелительное (Imperativ), изъявительное (Indikativ), возможное (Potenzialis), условное (Conditionalis), совершенное (Perfectiv).

В повелительном наклонении он отметил наличие двух форм времени: настоящее и будущее. При этом спряжение глаголов в настоящем времени он видел только во 2-м и 3-м лице, а за будущим временем не признавал 1-го лица множественного числа [5]. В изъявительном наклонении Бетлингк находил только два времени — настоящее и прошедшее, при этом первое он представил только в положительной форме и без 3-го лица единственного и множественного числа. Такое обеднение временных форм изъявительного наклонения Бетлингком хорошо объяснила

[5] O. Böhtlingk. Указ. соч., §§ 515, 516.

Е. И. Убрятова. Положив в основу классификации частей речи словоизменение, Бетлингк вынужден был причастные формы по их склоняемости отнести к именам и не рассматривать их как спрягаемые формы глагола [6]. В действительности же изъявительное наклонение глагола в якутском языке в отличие от других косвенных наклонений глагола, как и в родственных тюркских языках, обладает богато разветвленной системой времен.

Изданная в 1900 г. «Грамматика якутского языка» С. В. Ястремского (первое издание), являясь в значительной своей части прямым переводом работы Бетлингка «О языке якутов», в описании и анализе форм наклонения глагола не дала ничего принципиально нового. Им описаны те же пять наклонений, какие были рассмотрены Бетлингком. Сделаны небольшие уточнения по отдельным вопросам, из которых не все могут быть приняты сегодня. Так, например, в качестве формы 1-го лица множественного числа настоящего времени повелительного наклонения в положительном спряжении он привел форму на *-ыах* (*быһыах*, *кэлиэх* и др.), которую правильнее рассматривать как форму двойственного числа. В спряжении глаголов повелительного наклонения будущего времени он указывал формы 1-го и 2-го лица единственного числа (*быһыым*, *быһаар*), а также форму 2-го лица множественного числа (*быһаарыҥ*), что также нуждается в уточнении.

Эти же пять наклонений глагола мы обнаруживаем в работе акад. Радлова «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen». Радлов внес целый ряд существенных уточнений в бетлингковское описание наклонений, хотя в целом он остался в рамках этого описания. Так, он полнее и правильнее представил времена повелительного наклонения. Радлов полнее (т. е. в аспектах и положительного, и отрицательного спряжения) показал форму настоящего времени изъявительного наклонения, уточнил окончание 3-го лица множественного числа прошедшего категорического времени этого же наклонения, ошибочно оформленное Бетлингком с помощью аффикса принадлежности (*быс-ты-лар* вместо бетлингковского *быс-ты-лара*). Большой интерес представляют гипотезы Радлова, объясняющие происхождение почти всех

[6] Е. И. Убрятова. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945, стр. 14.

форм наклонения и отдельных временных форм, опираясь на большой сравнительный материал из других тюркских языков. Правда, в отдельных деталях описания трудно согласиться с автором. Так, он, как и С. В. Ястремский, за форму 1-го лица множественного числа настоящего времени повелительного наклонения принимал форму двойственного числа на *-ыах*, допускал спряжение глаголов в будущем времени повелительного наклонения во всех трех лицах, неправомерно отрицал наличие отрицательного спряжения глаголов утвердительного наклонения.

Вопрос о наклонениях глагола освещался и в практических грамматиках по языку. В первой по времени издания «Краткой грамматике якутского языка» Д. И. Хитрова в якутском языке устанавливается пять наклонений: повелительное, изъявительное, условное, возможное и неокончательное [7].

Значительно полнее своих предшественников он представил систему времен изъявительного наклонения, представил настоящее время в положительной и отрицательной формах, указал три разновидности прошедшего времени (прошедшее неопределенное, прошедшее совершенное и давнопрошедшее) и две разновидности будущего времени (будущее неопределенное и будущее совершенное).

Таким образом, в выявлении и описании форм изъявительного наклонения Хитров явно превзошел своего знаменитого предшественника Бетлингка и не менее известных своих современников — Радлова и Ястремского. Под названием условного наклонения Хитров объединил три разных наклонения: собственно-условное, утвердительное и сослагательное. Форму собственно-условного наклонения (*суруйдарбын*, *суруйдаргын*, *суруйдар* и т. п.) он преподал в качестве прошедшего неопределенного времени условного наклонения. Форму утвердительного наклонения (*суруйууҥубун*, *суруйууҥугун*, *суруйууҥу* и т. д.) он квалифицировал как совершенное время условного наклонения. Форму сослагательного наклонения он показал в качестве будущего неопределенного времени условного наклонения. Поразительно, что Хитров сумел уловить три широко употребительных варианта сослагатель-

[7] Краткая грамматика якутского языка, составленная протоиереем Д. Хитровым. М., 1858, стр. 51.

ного наклонения, вернее три варианта спряжения этой формы:

Положительная форма

Ед. число

1 л. *суруйуох этим, суруйуобум этэ, суруйуом этэ*
2 л. *суруйуох этиҥ, суруйуобуҥ этэ, суруйуоҥ этэ*
3 л. *суруйуох этэ, суруйуоба этэ, суруйуо этэ* и т. д.

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *суруйуом суоба этэ, суруйумуом этэ*
2 л. *суруйуоҥ суоба этэ, суруйумуоҥ этэ*
3 л. *суруйуо суоба этэ, суруйумуо этэ* и т. д.

Возможное наклонение Хитров показал безотносительно к той или иной временной форме в обоих аспектах спряжения.

Наконец, под названием неокончательного наклонения он привел четыре различных формы глагола: 1) деепричастия на *-аары* (*суруйаары, суруйумаары*), 2) и 3) формы дательного падежа от причастий на *-ыах* и *-тах* (*суруйуохха, суруйдахха, суруйумуохха, суруйбатахха*) под названием неопределенного времени и 4) причастную форму *-ыах* (*суруйуох, суруйумуох*) под названием будущего времени.

Из приведенного видно, что данное Хитровым описание косвенных наклонений якутского глагола нуждается в большем уточнении, нежели сделанное им описание основного изъявительного наклонения.

Из практических пособий советского периода по языку первым по времени издания является «Биһиги саҥабыт» («Наш язык») А. А. Иванова (Кюндэ) [8]. А. А. Иванов-Кюндэ был одним из первых талантливых якутских языковедов и писателей. Составленные им учебники по якутскому языку показывают большую его самостоятельность и оригинальность в трактовке отдельных вопросов якутской грамматики. В частности, в вопросе о наклонениях он не ограничился простой фиксацией сказанного своими предшественниками, а в целом ряде случаев внес свои

[8] Kynde (æ. æ. Ujħanър). Biħigi saŋabьt. M., 1925.

дополнения и коррективы. Прежде всего следует отметить, что он удачно передал на якутский язык самый термин «наклонение» термином *«киэп»*, а также названия отдельных наклонений, которые прочно закрепились в якутской лингвистической и учебной литературе и употребляются по сей день.

В якутском языке он установил шесть наклонений: повелительное (*соруйар киэп*), просительное (*көрдөһөр киэп*), постепенное (*сыыра-баара гынар киэп*), предупредительное (*сэрэтэр киэп*), желательное (*баҕарар киэп*) и наклонение уверенности (*эрэнэр киэп*). Описание повелительного наклонения у Кюндэ совпадает с описанием Ястремского с той только разницей, что он отрицает первое лицо единственного числа (*көрүүм*, *барыым* и т. д.). Кюндэ в качестве самостоятельного наклонения выделил просительное наклонение, которое он образовал от формы повелительного наклонения при помощи аффиксов *-ый*, *-ный* и *-ытыный* (*ылыый*, *ылыманый*, *ылыгытыный*). Предупредительным он назвал возможное наклонение (форму на *-аайа*), основываясь на одном из выражаемых им оттенков значения. Наклонение, названное предыдущими исследователями языка условным, Кюндэ рассматривает под названием желательного. Такое рассмотрение в определенной степени также было оправдано, ибо это наклонение в некоторых контекстах действительно приобретает и употребляется в желательном значении. Совершенное наклонение (Perfectiv) он называет наклонением уверенности (*эрэнэр киэп*), опять-таки исходя из выражаемого им основного значения. Спряжение его он представил в обоих аспектах в следующем виде:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*көрүүһүбүн*	*көрүүһүбүт*
2 л.	*көрүүһүгүн*	*көрүүһүгүт*
3 л.	*көрүүһү*	*көрүүһүлэр*

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*көрүмүүһүбүн*	*көрүмүүһүбүт*
2 л.	*көрүмүүһүгүн*	*көрүмүүһүгүт*
3 л.	*көрүмүүһү*	*көрүмүүһүлэр*

В следующем своем учебнике, изданном в 1934 г. [9], Кюндэ вносит ряд уточнений в изложенное им описание наклонений глагола в якутском языке. Так, он общее количество наклонений сокращает до четырех: повелительное (*соруйар*), предупредительное (*сэрэтэр*), желательное (*бабарар*), наклонение уверенности (*эрэбил киэп*).

Выделенное в первом учебнике в качестве самостоятельного просительное наклонение он сейчас рассматривает как диалектный вариант повелительного наклонения, находящий употребление в ряде районов (*барыый*, *кэлиий* и др.). Постепенное же наклонение он сейчас рассматривает как будущее время того же повелительного наклонения.

Таким образом, Кюндэ в описании категории наклонения в якутском языке перед нами предстает как вдумчивый оригинальный исследователь языка. Однако непонятным и слабым местом в его описании наклонений якутского глагола остается то, что у него целиком выпало самое главное и емкое наклонение — изъявительное с его богато представленной системой времен.

В 1926 г. в Москве на русском языке издается «Учебная грамматика якутского языка» Н. Н. Поппе [10]. Поппе вместо термина «наклонение глагола» пользуется термином «форма глагола». В якутском языке он различает повелительную, просительную, желательную, изъявительную, условную, совершенную форму, а также форму опасения. По сравнению с предшествующими исследователями языка Поппе дает более развернутое описание значений этих форм. Так, у него «повелительная форма выражает приказание, обращенное ко 2-му лицу единственного и множественного числа, к 1-му лицу множественного числа и 3-му лицу единственного и множественного числа» [11]. Поппе находит, что от 2-го лица единственного и множественного числа повелительной формы при помощи приставок *-ый*, *-ыный* и *-ынытыый* образуется просительная форма, которая употребляется для выражения вежливой просьбы. Например: *быһыый*, *быһыҥыый*,

[9] К у n d е (Ujһanьар Ɵ. Ɵ.). Saqa tьla. Kьramaatьka uonna һьraapsajdьk surujuu. Çokuuskaj. 1934.

[10] Н. Н. П о п п е. Учебная грамматика якутского языка. М., Центриздат, 1926.

[11] Там же, § 71.

быһыгытыый, быһымагытыый — «режь же, режьте же, не режьте же». Под желательной формой глагола Поппе подразумевает форму будущего времени повелительного наклонения в том виде, в каком она приводилась Бетлингком и Ястремским (*быһыым, быһаар, быһыахтын, быһыахтыннар*), и устанавливает, что она «выражает желание, чтобы что-нибудь было сделано, решимость сделать что-нибудь, согласие, чтобы что-нибудь было сделано» [12]. Из форм изъявительного наклонения он показал форму настоящего времени, которая «выражает действие, совершаемое в настоящее время», а также «может выражать действие, которое будет совершено в будущем» [13]. Относительно значения, выражаемого формой опасения, он пишет, что она «выражает с одной стороны надежду, с другой стороны боязнь или опасение, что что-нибудь случится, иногда выражает угрозу, употребляется также в значении повелительной формы» [14]. Условная форма глагола, по Поппе, выражает действие, обусловливающее что-нибудь: *быстарбын* — если я отрежу, то..., а совершенная форма — несомненную уверенность в наступлении действия: *бысыыһыбын* — я смогу, я в силах, в состоянии отрезать.

Эти же формы в переводе на якутский язык даются в учебнике Н. Н. Павлова «Грамматика якутского языка», изданном в 1935 г. [15] Некоторую дальнейшую детализацию и уточнение вопросов, связанных с описанием наклонений в якутском языке, хотя и могущих быть принятыми не без оговорок, мы находим в «Грамматике якутского языка» Н. С. Григорьева [16]. Он обнаруживает девять наклонений якутского глагола. Первое из них — повелительное (*соруйар киэп*), которое имеет формы настоящего и будущего времени. Спряжение в настоящем времени он представляет только в единственном числе:

1 л. *булуум*
2 л. *бул*
3 л. —

[12] Н. Н. Поппе. Указ. соч., § 73.
[13] Там же, § 75.
[14] Там же, § 76.
[15] Nj. Nj. Baaьlap. Saqa tьlьn kьramaatьkata. Penietike, morpoluogija. Çokuuskaj, 1935.
[16] M. I. Kirgielejep. Saqa tьlьn kьramaatьkata. Sitete suoq otto oskuolaqa yorener kinige. M., 1938.

Кроме того, в настоящем времени он допускает совместное лицо, которое он показал как форму «1 и 2 лица» — *булуох*.

Спряжение будущего времени автор дает в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1 л. —	*булуобуҥ*
2 л. *булаар*	*булуҥ*
3 л. *буллун*	*булаарыҥ*, *буллуннар*

Второе наклонение у Н. С. Григорьева — изъявительное, в котором он устанавливает три времени, в том числе одну форму настоящего, три формы прошедшего и три разновидности будущего времени.

Формы прошедшего времени представляют: недавнопрошедшее (*буллум*, *буллуҥ*, *булла* и т. д.); сравнительно давно прошедшее (*булбутум*, *булбутуҥ*, *булбута* и т. д.); давнопрошедшее (*булбуттаахпын*, *булбуттааххын*, *булбуттаах* и т. д.).

Формы будущего времени: 1) предстоящее в близком будущем, которое изменяется только в единственном числе (*булуом*, *булуоҥ*, *булуо*); 2) предстоящее в сравнительно далеком будущее, которое изменяется по всем трем лицам в обоих числах:

Ед. число	Мн. число
1 л. *булуобум*	*булуохпут*
2 л. *булуобуҥ*	*булуоххут*
3 л. *булуоба*	*булуохтара*

3) обязательное (категорическое) будущее:

Ед. число	Мн. число
1 л. *булуохтаахпын*	*булуохтаахпыт*
2 л. *булуохтааххын*	*булуохтааххыт*
3 л. *булуохтаах*	*булуохтаахтар* [17].

Третье наклонение — предупредительное, которое автор представил в таком же виде, в каком описывали его пре-

[17] M. I. Kirgielejep. Указ. соч., стр. 106—107.

дыдущие исследователи языка. Под названием желательного наклонения, подобно Кюндэ, он описывает условное наклонение, образуемое с помощью аффикса *-тар*, а совершенное наклонение называет «наклонением уверенности».

Н. С. Григорьев первым из якутских авторов зарегистрировал и описал предположительное наклонение (*сэрэйэр киэп*), образуемое при помощи аффикса *-тах*. Спряжение его им преподано в следующем виде:

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*бардаҕым*	*бардахпыт*
2 л.	*бардаҕыҥ*	*бардаххыт*
3 л.	*бардаҕа*	*бардахтара*

Употребление этого наклонения он показал в прошедшем и будущем временах. В качестве самостоятельного наклонения Н. С. Григорьев выделил (как Кюндэ в первом своем учебнике и Поппе) просительное наклонение, образуемое при помощи аффиксов *-ыый*, *-ныый*, *-тыый* и *-рыый* и изменяемое в настоящем и будущем временах.

Спряжение его в настоящем времени он представил в следующем виде:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһыымыныый*	*быһыаҕыҥытыый*
2 л.	*быһыый*	*быһыҥытыый*
3 л.	*быстыныый*	—

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһымыымыныый*	*быһымыаҕыҥытыый*
2 л.	*быһыманыый*	*быһыманҥытыый*
3 л.	—	—

Спряжение в будущем времени он показал следующим образом:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһыахпыныый*	*быһыахпытыныый*
2 л.	*быһаарыый*	*быһаарыҥытыый*
3 л.	*быһыахтыныый*	*быстыннарыый*

Отрицательная форма

1 л.	*быһымыахпыныый,*	*быһымыахпытыныый*
2 л.	*быһымаарыый,*	*быһымаарыҥыныый*
3 л.	*быспатыныый,*	*быспатыннарыый,*
		быһымыахтыныый

Н. С. Григорьев также первым из исследователей якутского языка показал образование условного наклонения при помощи причастия на *-тах* (*буллахпына, буллаххына, буллаҕына, буллахпытына, буллаххытына, буллахтарына*), отметил его изменяемость в прошедшем и будущем временах.

Наконец, Григорьев выделил наклонение сожаления, представляющее собой модально-усилительную форму прошедшего результативного времени первого изъявительного наклонения.

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быспыппыан*	*быспыппытыан*
2 л.	*быспыккыан*	*быспыккытыан*
3 л.	*быспытыан*	*быспыттарыан*

Отрицательная форма

1 л.	*быспатахпыан*	*быспатахпытыан*
2 л.	*быспатаххыан*	*быспатаххытыан*
3 л.	*быспатаҕыан*	*быспатахтарыан*

В 1940 г. был издан учебник коллектива авторов под редакцией П. П. Барашкова [18]. Авторы при описании наклонений пользуются термином «формы глагола» (*туохтуурдар формалара*). Различают шесть форм глагола: повествовательную (*кэпсиир форма*), повелительную (*соруйар форма*), просительную (*көрдөһөр форма*), желательную (*баҕарар форма*), предупредительную (*сэрэтэр форма*) и форму уверенности (*эрэнэр форма*). Внутри повествовательно-изъявительной формы наклонения они находят одно настоящее, два прошедших (первое на *-ды*

[18] Саха тылын грамматиката. Толорута суох отто уонна отто школаҕа. I чааһа. Фонетика уонна морфология. М., Учпедгиз, 1940.

и второе на *-бытым*) и одно будущее время (*-гым*, *-ыабым*; *-гын*, *-ыабын*; *-га*, *-ыаба*; *-хпыт*, *-ыахпыт*; *-ххыт*, *-ыаххыт*; *-хтара*, *-ыахтара*).

Спряжение повелительной формы в будущем времени авторы дают в следующем виде:

Ед. число	Мн. число
1 л. —	*корүөх*
2 л. *көр*	*көрүӊ*
3 л. *көрдүн*	*көрдүннэр*

Соответственно они дают и отрицательную форму спряжения. Просительную форму глагола они представляют в пределах будущего времени и спряжение ее дают в следующем виде:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *кэлиим*	*кэлиэбим*
2 л. *кэлээр*	*кэлээриӊ*
3 л. *кэлиэхтин*	*кэлиэхтиннэр*

Отрицательная форма

1 л. *кэлимиим*	*кэлимиэбиӊ*
2 л. *кэлимээр*	*кэлимээриӊ*
3 л. *кэлимиэхтин*	*кэлимиэхтиннэр*

Условное наклонение на *-тар* ими понимается и преподносится как желательная форма (*бабарар киэп*). Спряжение ее ими мыслится в рамках будущего времени.

В описании двух остальных «форм глагола» (предупреждения и уверенности) авторы учебника повторяют сказанное предыдущими авторами, не внося ничего существенно нового в этот вопрос.

По сравнению со всеми вышеописанными практическими пособиями и грамматиками языка для средней школы своей продуманной систематизацией форм наклонений, описанием их образования и значений безусловный шаг вперед представляет учебник Л. Н. Харитонова [19]. Им зарегистрировано и описано шесть наклонений: изъяви-

[19] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката. САССР госиздата. Якутскай, 1942 г.

тельное (*кэпсиир киэп*), повелительное (*соруйар киэп*), возможное (*саарбабалыыр киэп*), условное (*усулуобунай киэп*), утвердительное (*бигэргэтэр киэп*) и предположительное (*сэрэйэр киэп*).

Л. Н. Харитонов установил, что глаголы изъявительного наклонения обладают в наиболее полном виде всеми грамматическими категориями, присущими глаголам: изменяются по трем временам, двум числам и трем лицам. Настоящее время изъявительного наклонения Л. Н. Харитонов в 1-м и 2-м лице образует при помощи аффиксов *-ыы/-ии*, *-уу/-үү* и *-а/-э*, *-о/-ө*, к которым присоединяются аффиксы сказуемости, а в 3-м лице при помощи аффиксов *-ыр* и *-ар*. Из форм прошедшего времени он отмечает две: недавнопрошедшее (на *-да*) и преждепрошедшее (на *-быт* + + аффиксы принадлежности).

Л. Н. Харитонов признает только одну форму будущего времени, образуемую при помощи аффикса *-ыах/-иэх*, *-уох/-үөх*, к которому присоединяются аффиксы принадлежности. Форму на *-ыам* (*барыам*, *кэлиэм* и т. д.), выделенную Н. С. Григорьевым в качестве самостоятельной формы ближайшего будущего времени, Л. Н. Харитонов рассматривает как стяженную форму единой формы будущего времени. Отрицательную форму будущего времени он образует при помощи имени отрицания *суох*.

За повелительным наклонением Л. Н. Харитонов признает значение повеления, просьбы и пожелания. Изменение видит в настоящем и будущем временах, притом в спряжение последних он, по сравнению со всеми предыдущими исследователями, внес существенное уточнение. Спряжение глаголов повелительного наклонения в настоящем времени он представил следующим образом:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *көрүүм*	*көрүөбүҥ*
2 л. *көр*	*көрүҥ*
3 л. *көрдүн*	*көрдүннэр*

Отрицательная форма

1 л. *көрүмүүм*	*көрүмүөбүҥ*
2 л. *көрүмэ*	*көрүмэҥ*
3 л. *көрбөтүн*	*көрбөтүннэр*

В будущем времени он допускает форму одного второго лица обоих чисел: *көрөөр — көрүмээр* (ед. ч.)

көрөөрүҥ — көрүмээриҥ (мн. ч.)

Учебник Л. Н. Харитонова в течение многих лет используется в качестве стабильного учебника для средних якутских школ.

Еще более развернутое описание наклонений Л. Н. Харитонов дает в своей работе «Современный якутский язык»[20]. В ней он дает описание уже семи наклонений. К перечисленным выше и включенным в школьный учебник формам он дополнительно вводит долженствовательное наклонение, передающее действие, совершение которого предрешено или необходимо. Притом автор различает два способа его образования. Первый способ — от основы причастия на *-ар* с помощью аффикса *-лаах*, к которому присоединяются аффиксы сказуемости (*барардаахпын*). Второй — от основы причастия на *-ыах*, к которой также присоединяются аффиксы *-лаах* и сказуемости (*барыахтаахпын*).

Отрицательную форму от обоих вариантов долженствовательного наклонения он образует аналитическим путем — путем сочетания, состоящего из усеченной основы причастия на *-ыах* и формы долженствования от имени отрицания *суох* (*барыа суохтаахпын*).

Л. Н. Харитонов установил, что глаголы долженствовательного наклонения могут быть отнесены в плоскость прошедшего времени с помощью недостаточного глагола *э-* (*барардаах этим*, *барыахтаах этим*). В рамках изъявительного наклонения он уже отмечает четыре формы прошедшего времени: недавнопрошедшее (на *-да*), преждепрошедшее (на *-быт* + аффикс принадлежности), прошедшее результативное (на *-быт* + аффикс сказуемости) и прошедшее незаконченное (на *-ар* + аффикс принадлежности). В данной работе, в отличие от школьного учебника Л. Н. Харитонова, отмечаются две формы условного наклонения: 1) собственно-условная форма, образуемая при помощи аффикса *-тар*, 2) условно-притяжательная форма, образуемая от причастия на *-тах*, поставленного в местном падеже.

[20] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947.

В работе Е. И. Убрятовой о языке норильских долган, рассматриваемого ею в качестве диалекта якутского языка, дано описание употребительных у долган форм наклонений. Среди них изъявительное наклонение с одной формой настоящего (на *-ар*), с одной формой будущего времени (на *-ыа*) и тремя формами прошедшего времени (на *-т*, на *-быт* + аффикс принадлежности, на *-ар* + глагол *э-*) [21], описываются повелительное, условное и утвердительное наклонения, которые образуются совершенно так же, как и в литературном якутском языке [22]. Далее Е. И. Убрятова находит, что причастие будущего времени на *-ыах* со вспомогательным глаголом *э-* в прошедшем времени образует желательно-сослагательное наклонение (*барыах этим*). Оно же с вспомогательным глаголом *э-* в прошедшем времени на *-быт* образует возможно-сослагательное наклонение (*барыах эбиппит*) [23].

Е. И. Убрятова первой из исследователей якутского языка на материале языка долган отметила, что «обычно выполняемое действие передается формой, образованной от причастия на *-ааччы* с аффиксами сказуемости (*барааччыбын* 'я имею обыкновение уходить', *барааччыта һуоххун* 'я не имею обыкновения уходить')» [24].

Е. И. Убрятова также высказалась за возможность рассмотрения в качестве особого наклонения якутского глагола сочетания модального слова *ини* с глагольной формой на *-аа*, возникшей, как она полагает, под влиянием монгольского языка, точнее, путем преобразования монгольского аффикса *-ҕа* в якутский аффикс *-аа* (*бараа инибин, кэлээ инибин*) [25]. Такова вкратце история изучения вопроса о глагольном наклонении в якутском языке.

Отсюда мы видим, что усилиями предшествующих поколений лингвистов-якутоведов оказались зафиксированными многие формы наклонений глагола, высказан ряд интересных догадок о происхождении отдельных наклонений, даны различные интерпретации по их значению и употреблению, что сохраняет научный интерес по сей

[21] Е. И. Убрятова. Язык норильских долган (тезисы диссертации). Р/ф ЯФ СО АН СССР, стр. 25—26.
[22] Там же, стр. 27—28.
[23] Там же, стр. 26.
[24] Там же, стр. 28.
[25] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.—Л., 1950, стр. 284—285.

19404

ЯКУТСКАЯ
Республиканская

день. Однако все это было не специальное, а попутное, отсюда и недостаточно глубокое и полное освещение вопроса. В силу этого не все формы наклонений оказались охваченными исследователями. У каждого из них получилось свое, не совпадающее с другими, количество наклонений. Имеет место разнобой в названиях и толковании значения наклонений, грамматической сущности их временных форм, смешение последних с формами наклонений и т. д.

Другим слабым и узким местом этих описаний является то, что в них категория наклонения рассматривается без увязки с категорией модальности, т. е. в отрыве от той базы, которая составляет основное грамматическое содержание категории наклонения. Последнее объясняется слабой изученностью категории модальности не только в якутском языкознании, но и в советской тюркологии в целом.

Так, нельзя сказать, что в тюркологии достигнуто единое общепринятое понимание категории модальности вообще, категории наклонения в том числе. Нет единства в определении количества наклонений по отдельным языкам. Имеет место разнобой в понимании их семантики, определении состава присущих им временных форм не только по родственным языкам, но даже внутри одного и того же языка. Имеет место смешение понятий «время и наклонение», «наклонение» и «модальность».

А. Н. Кононов, например, считает, что «наклонение выражает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим» [26]. Л. А. Покровская считает, что «наклонение передает отношение субъекта к действию, обозначенному глаголом» [27]. Н. К. Дмитриев наклонение определил как такую глагольную категорию, «которая показывает отношение говорящего к действию с точки зрения реальности или нереальности последнего», т. е. он внес дополнительный критерий — выявление отношения говорящего к действию с точки зрения реальности или нереальности этого действия [28]. Ш. Ч. Сат в грамматическом

[26] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.— Л., 1956, стр. 218.
[27] Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 137.
[28] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 732.

очерке тувинского языка, приложенном к тувинско-русскому словарю дал такое определение категории наклонения: «Предикативные формы глагола, употребляющиеся для выражения понятия действия или состояния, называются наклонениями или собственно-глагольными формами» [29]. К. Ищанов наклонение определяет следующим образом: «Наклонением называется особенность глагольной формы, выражающая позицию говорящего по отношению к процессу действия, т. е. манеру преподнесения действия говорящим лицом» [30].

Как видно из приведенного, при всей относительной близости данных определений, достаточного единогласия в них нет. Одни тюркологи наклонения глагола рассматривают как словоизменительную категорию (Н. К. Дмитриев, А. А. Юлдашев, Л. А. Покровская и др.), другие относят их к системе словообразования. Н. А. Баскаков считает, что «хотя эти категории наклонения и времени заложены только в первичных причастиях и в производных от них вторичных формах, они все же относятся к системе словообразования, а не словоизменения. Во-первых, к системе словоизменения относятся только четыре категории: числа, принадлежности, падежа и лица — как категории, выражающие отношения чисто синтаксического характера, не затрагивающие изменений лексического значения слова, в то время как категории наклонения и времени, происходя из словообразовательных категорий, придают причастным формам и их производным некоторые оттенки, отмечающие изменение лексического значения слова» [31].

Н. К. Дмитриев в башкирском языке устанавливает наличие четырех форм глагольного наклонения: повелительного, изъявительного, желательного, условного [32], А. А. Юлдашев в этом же языке находит шесть форм нак-

[29] Тувинско-русский словарь. Под ред. А. А. Пальмбаха. 1955, стр. 686.

[30] К. Ищанов. Повелительное и желательное наклонения в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс., 1963, стр. 4.

[31] Н. А. Баскаков. Категории наклонения и времени в тюркских языках. Совещание по вопросам категории времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1961, стр. 3—4.

[32] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 139.

лонения: изъявительного, желательного, наклонения намерения, долженствовательного, условного и повелительного [33]. Ш. Ч. Сат в тувинском языке обнаруживает восемь различных форм наклонения: изъявительного, желательно-повелительного, позволительного, предельного, долженствовательного, желательного, уступительного, условно-сослагательного [34], тогда как А. А. Пальмбах и Ф. Г. Исхаков здесь находят лишь пять наклонений: изъявительное, повелительное, согласительное, условное, предельное [35].

В казахском глаголе одни авторы находят четыре наклонения: изъявительное, условное, желательное, повелительное [36], тогда как другие считают, что их пять: изъявительное, условное, желательное, повелительное, неопределенное [37].

В азербайджанском языке одни авторы обнаруживают пять наклонений глагола: изъявительное, повелительное, желательное, обязательное, условное [38], другие же — шесть: повелительное, изъявительное, желательное, условное, долженствовательное, наклонение необходимости [39].

То же самое в хакасском языке. Н. П. Дыренкова находит четыре наклонения: повелительное, согласительно-желательное, изъявительное и условное [40], а Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул — пять: изъявительное, условное, желательное, побудительно-повелительное и сослагательное [41]. Н. П. Дыренкова в алтайском языке устанавливает четыре глагольных наклонения: повелительное, желательное, предварительное, или условное, и

[33] А. А. Юлдашев. Словообразование и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 116—117.

[34] Тувинско-русский словарь, стр. 686.

[35] Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 364.

[36] Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, стр. 232.

[37] Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, стр. 530.

[38] Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков. Баку, 1954, стр. 195.

[39] Азербайчан дилинин грамматикасы. Бакы, 1960, стр. 175.

[40] Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 66—88, 93, 107.

[41] Хакасско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953, стр. 429.

изъявительное [42], в то время как Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова находят пять: изъявительное, условное, желательно-побудительное, сослагательное, повелительно-желательное [43].

В уйгурском языке Н. А. Баскаков и В. М. Насилов устанавливают три наклонения: изъявительное, условное и повелительно-желательное [44], а Ш. Кибиров и Ю. Цунвазо — четыре: изъявительное, повелительное, условное, желательное [45].

В татарском языке одни авторы находят четыре формы наклонения: изъявительное, повелительное, условное, желательное [46], другие же — два: изъявительное и повелительное [47].

Все вышеуказанное прямым образом свидетельствует о недостаточной изученности категории наклонения в тюркских языках. Этот же вывод был сделан на Всесоюзном совещании по вопросам категории времени и наклонения в тюркских языках, проходившем в Баку в январе 1962 г. С другой стороны, нельзя не заметить того, что многое в освещении категории наклонения в тюркских языках строится по схеме русской грамматики. Однако и в русской грамматической традиции категория модальности относится к числу вопросов, не получивших еще достаточной разработки. В этом вопросе не наблюдается того единства, какое достигнуто по многим другим вопросам русской грамматики.

Необходимой предпосылкой теоретического осмысления и глубокой разработки любой малоизученной категории является конкретное изучение ее частных явлений. В этом свете отрадно отметить, что в последнее время начинают появляться отдельные монографические работы, посвященные специальному изучению категории модаль-

[42] Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.— Л., 1940, стр. 98, 105, 106, 107.

[43] Ойротско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. М., 1947, стр. 291, 292.

[44] Уйгурско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. М., 1939, стр. 218—220.

[45] Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961, стр. 311—314.

[46] В. Н. Хангилдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959, стр. 218—227.

[47] Русско-татарский словарь, т. I. Казань, 1955, стр. XXV—XXIX.

ности и конкретных форм наклонения в тюркских языках». Таковы диссертационные работы В. Г. Карпова «Изъявительное наклонение в хакасском языке» (1955), Н. А. Лисовской «Условный период в современном азербайджанском литературном языке» (1962), Т. Ходжаева «Повелительное наклонение в современном узбекском языке» (1963), К. Ищанова «Повелительное и желательное наклонение в современном казахском языке» (1963), М. Р. Федотова «Средства выражения модальности в чувашском языке» (1963), Н. Г. Агазаде «Категория наклонения в современном азербайджанском литературном языке (в плане соотношения с категорией модальности)» (1965), М. Ш. Рагимова «История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке» (1966).

Данная работа представляет собой первую попытку рассмотреть в общем плане модальные формы глагола на материале современного якутского литературного языка с посильным привлечением сравнительного материала из родственных тюркских языков. Автор далек от мысли, что он дает полное и окончательное решение этой большой и сложной проблемы, и ставит более скромную задачу: базируясь на достигнутых советским (прежде всего русским) языкознанием теоретических основах по изучению модальности, дать описание наличествующих в якутском языке форм наклонения, более подробно раскрыть их употребление и модальные значения, рассмотреть присущие им временные формы, а также по мере возможности выявить их происхождение.

Автор приносит глубокую и сердечную благодарность профессору Л. Н. Харитонову, кандидатам филологических наук Н. Е. Петрову и Н. К. Антонову за многие ценные советы и замечания, сделанные ими в ходе подготовки работы к печати.

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЛИЧНО-ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Общие теоретические основы категории модальности в советской лингвистической науке разработаны академиком В. В. Виноградовым. Данное им определение модальности как категории, выражающей отношение сообщения к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего лица [1], стало основополагающим в изучении этого важного и сложного вопроса.

Модальность — категория, представляющаяся нам всеобъемлющей, что обусловлено самой коммуникативной природой языка. Поскольку основное назначение языка — служить средством общения людей между собою, орудием труда и борьбы человека, постольку предложение — минимальная единица человеческой речи, выражающая относительно законченную мысль, всегда содержит не только простое сообщение о познанных или непознанных человеком явлениях реальной действительности, но и его отношение к ним. Это отношение человека к фактам и явлениям реальной действительности, грамматически выражаемое через говорящее лицо, может быть самым разнообразным.

Человек — говорящее грамматическое лицо может воспринимать сообщаемое как достоверный, объективный факт действительности, может оценивать его как возможное, предположительное, вероятностное или подавать его как желательное, необходимостное, долженствовательное явление и т. д. Модальность — постоянный признак любого предложения в любом языке. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный при-

[1] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 80.

знак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности»[2]. «Но предложений, в которых не было бы тем или иным способом выражено отношение содержания высказываемого к действительности, ни в одном языке не существует. Слово, словосочетание, группа словосочетаний — еще не предложение, пока им не присвоен тот языковой признак, которым указывается отношение заключающегося в них содержания к действительности. А это и есть модальность, и выражается она специальными структурными приемами, выработанными и устойчивыми в каждом данном языке»[3].

Некоторым исследователям такое понимание модальности кажется слишком общим и обширным, растворяющим в себе понятие предикативности или сливающимся с ним. Но очевидно, что общая способность речи сообщать о действительности, формируя с помощью определенных лексико-грамматических средств конкретных языков предложение, т. е. категория предикативности, и способность речи выражать отношение сообщения к действительности с точки зрения говорящего лица, т. е. категория модальности, — понятия разные. Отношения между ними воспринимаются как отношение целого к части. Как очень правильно утверждает за В. В. Виноградовым Н. Г. Агазаде, категория модальности является одним из компонентов языкового выражения категории предикативности, она ўже ее по своему функциональному объему и подчиняется ей[4]. Таким образом, категория предикативности расчленяется и находит свою конкретную реализацию, наряду с категорией модальности, в категориях времени и лица. «Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения»[5].

Недостаточно изучен в советской лингвистике и вопрос о взаимоотношении модальных и эмоционально-экспрессивных отношений. Некоторые исследователи не отделяют

[2] В. В. Виноградов. О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русского языка», II. М.—Л., 1950, стр. 41.

[3] Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Уфа, 1958, стр. 54.

[4] Н. Г. Агазаде. К вопросу о категории наклонения и модальности в современном азербайджанском языке. Баку, 1965, стр. 35.

[5] Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1960, стр. 80.

их друг от друга, рассматривая как одно и то же явление, точнее, эмоционально-экспрессивные реакции человека на факты и явления действительности относят к числу модальных отношений. Н. Е. Петров, специально изучавший состав и функции модальных слов в якутском языке, находит, что под отношением сообщения к действительности, устанавливаемым говорящим, понимается и выражение эмоционального чувства реакции говорящего субъекта, а также эмоциональное освещение им содержания высказывания. Сюда он относит страх, ужас, злость, гнев, ненависть, жалость, нежность, ласку, любовь, восхищение; поощрение, похвалу, порицание, угрозу, возмущение, раздражение, раскаяние, сокрушение, сетование, пренебрежение, иронию, злорадство и другие эмоции, выражаемые в виде разных оттенков эмоциональной, морально-этической, эмоционально-волевой квалификации высказывания при помощи служебных слов (модальных слов и частиц) и интонации [6].

В. В. Виноградов выступает за необходимость четкого отграничения эмоциональных форм выражения реакций на действительность от модальной оценки отношения высказывания к действительности, хотя «обе эти сферы речевых явлений, в которых отражается реальная действительность в ее преломлении в общественном сознании людей находятся между собой в самом тесном взаимодействии» [7]. Безусловно, что эти два рода реакции человека на явления реального мира теснейшим образом связаны друг с другом. Человек, воспринимая окружающий его объективный мир, выражая свое отношение к нему, очень часто реагирует на познаваемое эмоционально, ибо «без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» [8].

Эта связь между модальными и эмоционально-экспрессивными отношениями выражается в том, что они, имея каждое свои средства выражения, могут одновременно передаваться также через одни и те же лексико-грамматические средства (например, с помощью аффиксов, отдельных модальных слов и частиц). Так, в якутском языке имеется глагольный аффикс *-аахтаа* с ярко выраженным

[6] Н. Е. Петров. Модальные слова в якутском языке. Рук. фонд ЯФ СО АН СССР.
[7] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 49.
[8] В. И. Ленин. Полное собр. сочинений, т. 20, стр. 237.

эмоционально-экспрессивным значением уменьшительности и ласки, имеется значительная группа междометных слов, характерных для эмоциональной речи. Наряду с этим имеют место такие аффиксальные, т. е. морфологические, формы и модальные слова и частицы, с помощью которых одновременно передаются как модальные, так и эмоционально-экспрессивные оттенки. Например, просительно-вежливая форма повелительного наклонения на -ыый совмещает в себе модальное значение побудительности и эмоциональный оттенок просьбы. Просительно-увещевательный вариант этого наклонения также выражает побудительную модальность, окрашенную эмоциональным оттенком настойчивой просьбы или просьбы с оттенком легкого укора.

Многие модальные слова и сочетания слов в якутском языке, как справедливо считает Н. Е. Петров, служат для выражения различного рода эмоционально-модальных отношений (*хата*, *эчи*, *хор*, *дьолго*, *муҥар*, *саатар*, *сатахха*, *киһи кыһыйыах*, *хомойуох иһин*, *кыһытыан иһин* и др.)[9].

Все это свидетельствует о чрезвычайно большой близости и непосредственном взаимодействии между этими двумя категориями. Однако рассмотрение их в качестве одной общей категории, растворение эмоционально-экспрессивных значений в числе модальных, видимо, все же неоправданно, потому что каждая из этих категорий имеет свой круг значений и свои основные средства выражения в языке. С другой стороны, если они и очень тесно взаимодействуют друг с другом и выражаются иногда одними и теми же лексико-грамматическими средствами, первым планом воспринимаются модальные отношения как рассудочно-оценочные, на которые могут накладываться, наслаиваться эмоционально-экспрессивные как аффективно-чувственные реакции человека на явления действительности. И поэтому они, хотя в этом случае и очень тесно примыкают друг к другу, переплетаются друг с другом, проходят в разных плоскостях.

Круг модальных значений в языке нам представляется весьма обширным, несравненно более расчлененным и дифференцированным, чем круг модальных значений в логике, где отмечается всего три вида модальности (модальности возможности, действительности и необходимости),

[9] Н. Е. Петров. Указ. соч., стр. 37.

и мы безоговорочно присоединяемся к числу тех исследователей, которые выступают против попыток отождествления языковой модальности с модальностью в логике.

Обширный круг модальных отношений и значений имеет в каждом языке выработанные в нем специальные средства выражения. Модальные значения могут передаваться интонационным способом (т. е. разновидностями интонации, передающими сложное и тонкое разнообразие модальных оттенков); морфологическим, т. е. путем морфологических изменений; лексическим — с помощью модальных слов и частиц; лексико-грамматическим — с помощью особых конструкций предложения с использованием определенного лексического разряда слов и др.

Среди этих способов ведущее место занимает морфологически выраженная передача модальности с помощью глагольных наклонений, т. е. когда показателем модальности выступает особое морфологическое оформление глагола, придающее ему определенное модальное значение. Глагольные наклонения принято считать в качестве грамматической основы модальности, ибо они выражают модальность в наиболее абстрагированной и обобщенной форме как со стороны формы, так и со стороны содержания, тогда как лексические средства выражения модальности и по широте своих функций, и степени их грамматикализации составляют наиболее подвижную ее часть [10].

Наклонение, по определению В. В. Виноградова, представляет «грамматическую категорию в системе глагола, определяющую модальность действия, т. е. обозначающую отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [11].

Мы проводим свое исследование, пользуясь именно таким определением, таким пониманием категории наклонения. В каждом языке бывает разное количество наклонений, оформленных своими морфологическими показателями и различающихся между собой по модальному значению, т. е. по тому, как каждое из них выражает отношение глагольного действия к действительности с точки зрения говорящего лица. В каждом наклонении в обобщенном виде

[10] В. М. Никитевич. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953.

[11] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 581.

закрепляется определенный характер отношения действия к действительности. Модальное значение каждого наклонения выявляется на базе сопоставления его с другими наклонениями в соответствующих рядах оппозиций.

В якутском языке насчитывается десять самостоятельных форм глагольного наклонения, которые отличаются друг от друга своими морфологическими показателями и модальной семантикой: 1) изъявительное наклонение, формы которого служат для сообщения о действиях, представляющихся говорящему лицу фактом действительности и реализующихся в аспектах настояще-будущего, прошедшего и будущего времен; 2) повелительное наклонение, служащее для выражения различных оттенков побуждения к действию (приказ, повеление, призыв, просьбу, пожелание и т. д.); 3) условное наклонение, выражающее модальное значение условия, предпосылки для совершения другого действия; 4) возможное наклонение, выражающее модальное значение возможности совершения с точки зрения говорящего лица действия; предупреждения, опасения от его совершения; 5) утвердительное наклонение, служащее для выражения модального значения утверждения возможности, готовности, целесообразности, необходимости действия, выявляемого на основе определенных признаков или оценки конкретной ситуации говорящим лицом; 6) долженствовательное наклонение, выражающее модальное значение необходимости, неизбежности действия; 7) наклонение несовершившегося (неосуществленного) действия, служащее для выражения модального значения неосуществленности действия; 8) наклонение обычно совершаемого действия, служащее для выражения модального значения обычности, естественности действия; 9) сослагательное наклонение, служащее для выражения модального значения сослагательности действия; 10) предположительное наклонение, выражающее модальное значение предположения о совершенности действия.

По происхождению наклонения глагола в якутском языке можно разбить на несколько групп, в частности исходя из того, что в основе форм наклонений якутского языка лежат: а) глагольный корень + формообразующие аффиксы (повелительное наклонение, первый вариант условного наклонения, возможное наклонение); б) первичные причастные формы + личные аффиксы (формы изъявительного наклонения, вторая форма условного наклоне-

ния, утвердительное наклонение, наклонение обычности, предположительное наклонение); в) первичные причастные формы в сочетании с другими служебными глаголами (сослагательное наклонение, наклонение неосуществленного действия); г) вторичные причастные формы + личные аффиксы (варианты долженствовательного наклонения).

По своей структуре формы наклонений глагола в якутском языке разделяются на синтетические и аналитические. К аналитическим формам относятся формы наклонения несовершенного (неосуществленного) действия, сослагательного наклонения, варианты долженствовательного наклонения. Аналитическим способом образуются также отрицательные формы утвердительного, долженствовательного наклонений и наклонения обычности. Формы остальных наклонений образуются синтетическим способом.

В якутском языке, как и во всех других тюркских языках, категория наклонения весьма тесно связана с категорией времени. Это объясняется их былой генетической общностью. Исследователями тюркских языков доказано, что в основе форм времени и наклонения лежат одни и те же причастия. «В основе образования большинства времен и наклонений лежат причастия. И мы часто наблюдаем случаи, когда на протяжении истории развития языка одни и те же причастия служат основой при образовании форм времени и форм наклонения» [12].

Образовавшись из одних и тех же причастий эти формы «позже были дифференцированы в качестве особых форм наклонений, с одной стороны, и временных форм — с другой, которые в современном языке образуют уже определенную систему наклонений и различных временных оттенков» [13]. Но разные формы глагольного наклонения в современном якутском языке показывают различную степень связи с грамматической категорией времени, что в свою очередь объясняется различием модальности, выражаемой каждой из них. Наиболее тесную связь с катего-

[12] Н. З. Гаджиева. Категория долженствовательного наклонения в азербайджанском языке. «Вопросы составления описательных грамматик. Сборник статей». М., 1961, стр. 201.

[13] Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. М., 1956, стр. 281—282.

рией времени показывает изъявительное наклонение, которое может изменяться по всем трем временным аспектам (настояще-будущего, будущего и прошедшего времени), ибо изъявительное наклонение служит для выражения, с точки зрения говорящего лица, достоверной модальности.

То же самое, с известными ограничениями, можно сказать и о долженствовательном наклонении.

Для повелительного наклонения характерно изменение по двум формам будущего времени, ибо модальность побуждения к действию может мыслиться только в аспекте будущего времени, для наклонения неосуществленного действия — изменение в настоящем и прошедшем времени, для наклонения обычно-совершаемого действия — наряду с безвременностью изменение в прошедшем времени. Действия возможного и утвердительного наклонений мыслятся в плане будущего времени, что касается условного, сослагательного и предположительного наклонений, то для них характерно полное отсутствие выражения категории времени.

Формы наклонения глагола в якутском языке, как и в родственных тюркских языках, могут сочетаться с формами глагольного вида и залога, при этом аффиксы наклонений всегда следуют за залоговыми и видовыми аффиксами (*көр-дөр-үөхтээх*, *көр-с-үөхтээх*, *көр-үлл-үөхтээх*, *көр-төл-үөхтээх*, *көр-бөхт-үөхтээх* и т. д.).

По особенностям наклонения якутский язык имеет моменты сходства и расхождения с родственными тюркскими языками. Одни формы можно признать общетюркскими, имеющими место в других тюркских языках, другие — имеющими место в локальной группе тюркских языков Сибири, третьи — возникшими на собственно якутской почве и свойственными только якутскому языку. Отдельные общетюркские формы наклонений на почве якутского языка получили иное, отличное от других языков развитие — своеобразное модально-семантическое переосмысление. Такова, например, форма наклонения на *-аайа*, желательная модальность которой, сохранившаяся в родственных тюркских языках, переосмыслена в якутском языке как модальность возможности. Тюркской по происхождению, на наш взгляд, является форма и утвердительного наклонения на *-ыһы/-ыһык*, которая получила в якутском языке свое специфическое развитие,

Наклонения обычно совершаемого и неосуществленного действий присущи одним тюркским языкам Сибири (шорскому, алтайскому, хакасскому, чулымскому, тувинскому и якутскому).

Долженствовательное наклонение, хотя по своему модальному значению и совпадает с таковым в других тюркских языках, по своей форме является наклонением чисто як тского происхождения, формой, возникшей на собственно-якутской почве. Формами, возникшими на якутской почве, мы считаем также и вторую форму условного и форму предположительного наклонений.

К наклонениям — морфологическим выразителям модальности глагола в якутском языке тесно примыкают многие лично-глагольные конструкции, передающие отношение действия к действительности с точки зрения говорящего лица.

Одни из них нам представляются как грамматикализовавшиеся аналитические формы с одним общим значением и выполняющие в предложении функцию единого сложного сказуемого. Таковыми нам кажутся конструкции в составе причастий на *-ар*, *-ыах*, *-быт* и спрягаемых форм глагола *буол-*, формы, за которыми в тюркологии в какой-то степени укоренилось название перифрастических форм глагола.

Другие нам представляются как явление, промежуточное между грамматическими аналитическими формами и свободными глагольными словосочетаниями, т. е. как несвободные или полусвободные синтаксические словосочетания с модальным значением. Таковы сложные образования в составе падежной формы причастия на *-ыах* (*-ыахтын*) и небольшого числа модальных глаголов, а также сочетания причастий на *-ыах*, *-ар* и *-быт* с группой модальных слов именного и глагольного происхождения.

Третья группа этих конструкций нам представляется в виде свободных словосочетаний причастий на *-ыах*, *-ар* и *-быт* с группой спрягаемых модально-эмоциональных слов.

Однако рассмотрение этих лично-глагольных конструкций с модальным значением, примыкающих к наклонениям, представляет тему специального исследования.

Поэтому мы ограничимся описанием названных выше десяти наклонений глагола в якутском языке.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Одной из основных форм наклонения глагола в якутском языке является форма изъявительного наклонения.

Особенность этого наклонения в якутском языке, как и в других тюркских языках, состоит в том, что оно в отличие от других наклонений не имеет специальных грамматических показателей — аффиксов наклонения. Видимо, этим обстоятельством в значительной мере объясняется возникновение споров относительно того, следует или не следует признавать формы изъявительного наклонения в качестве форм самостоятельного наклонения.

Действительно, с этой стороны изъявительное наклонение выглядит как немаркированная, слабо дифференцированная единица в сопоставительном ряду других наклонений якутского глагола. Оно имеет как бы нулевую форму наклонения. Однако по своей модальной семантике это — самое емкое и, если можно так выразиться, главное глагольное наклонение в якутском языке. Посредством изъявительного наклонения выражается модальность достоверности высказывания. Высказывание оценивается или воспринимается говорящим лицом как полностью соответствующее действительности, как точно отражающее истинные связи и явления окружающей объективной реальности.

Эти представляющиеся как реальные действия в системе изъявительного наклонения развертываются в трех временных плоскостях (настояще-будущее, будущее и прошедшее времена). Внутри указанных времен основная достоверная модальность, присущая изъявительному наклонению, может, однако, в известной мере ослабляться под воздействием отдельных модальных слов и частиц, с которыми способны вступать в сочетания те или иные конкретные

временные формы (например, подвергаться сомнению, предположению и т. д.). Она может приближаться или даже совпадать со значением других — косвенных наклонений. Бывает и наоборот, т. е. с помощью модальных слов и частиц модальность достоверности может усиливаться и приобретать более яркое выражение.

ГЛАВА I
НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. В ряде тюркских языков настоящее время представлено несколькими формами. Так, в казахском языке различают: 1) настоящее действительное (сложное), образуемое при помощи деепричастия на *-ып* от основного глагола и одного из четырех вспомогательных глаголов (*отыр, тур, жур, жатыр*), принимающих аффикс лица (*жазып отырмын, жазып отырсың* и т. д.); 2) настоящее переходное, образуемое при помощи деепричастий на $\frac{-а}{-е}$/*-й*, принимающих аффикс принадлежности (*аламын, окыймын*) [1].

Эти же формы настоящего времени мы обнаруживаем в уйгурском языке [2].

В тувинском языке отмечают также две формы настоящего времени: 1) настоящее конкретное время, образуемое, аналогично предыдущим языкам, при помощи соединительного деепричастия на *-п/-ып*, одного из четырех вспомогательных глаголов (*тур(у), чор(у), олур, чыдыр*) и личных показателей (*ап тур мен, ап тур сен* и т. д.); 2) настоящее заглазное, состоящее из деепричастия на *-а/-й*, частицы *-дыр/-дир, -дур/-дүр* и аффиксов лица (*айтырадыр мен, айтырадыр сен* и т. д.) [3].

В хакасском языке различают четыре формы настоящего времени: 1) форму, образуемую при помощи деепричастия на *-п/-ып* + аффикс *-ча* (стяженная форма от первоначально полной причастной формы на *-ар* глагола *чат* + + аффиксы лица (*мин ойнапчам/ бын, син ойнапчазың, ол*

[1] Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954.
[2] Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
[3] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

ойнапча); 2) форму, образуемую при помощи деепричастия на *-п/ -ып* + аффикс *чадыр* + аффиксы лица (диалектный вариант предыдущей формы настоящего времени: *мин парчадырбын, сен парчадырзынь, ол парчадыр*); 3) форму, образуемую при помощи деепричастия на *-а/ -е* + аффикс *-дыр/ -дiр* ⟨*тур* ⟨*турур*) + аффиксы лица (*мен парадырбын, сен парадырзынь* и т. д.); 4) форму, образуемую при помощи аффикса *-и/ -р/* и аффиксов лица *мин парирбын* (*парим, син пару(р)зын, ол пари(р)*) [4].

В турецком и узбекском языках А. Н. Кононов фиксирует по три разновидности настоящего времени. Так, в узбекском языке он устанавливает: 1) настояще-будущее время, образуемое от основы глагола путем присоединения деепричастного аффикса *-а/-й* и аффиксов лица; (*ёзамен, ёзасан, ёзади* и т. д., *ўқийман, ўқийсан, ўқийди* и т. д.); 2) настоящее конкретное время, образуемое от основы глагола + аффикс *-яп* + аффиксы лица (*ёзяпман, ёзяпсан, ёзяпти* и т. д.); 3) настоящее длительное время, которое образуется от основы глагола + аффикс *мокда* + + аффиксы лица (*ёзмокдаман, ёзмокдасан, ёзмокда* и т. д.).

В турецком же языке он находит: 1) настоящее 1-е время, которое образуется через присоединение к основе глагола аффикса - (*ı*) *yor*, -(*i*)*yor*, -(*u*)*yor*, -(*ü*)*yor* и личных аффиксов (*yazıyorum, yazıyorsun, yazıyor* и т. д.); 2) настояще-будущее время, образуемое от основы глагола при помощи аффиксов *-r/ -ar, -er/ -ır, -ir, -ur, -ür* и аффиксов лица (*yazarım, yazarsın, yazar* и т. д.); 3) настояще-длительное время, образуемое от имени действия на *-mak/-mek* в местном падеже + личные аффиксы (*yazmaktayım, yazmaktasın, yazmaktadır* и т. д.).

В отличие от этих языков якутский язык имеет только одну форму настояще-будущего времени.

1. Спряжение и происхождение настояще-будущего времени

§ 2. Формы спряжения настояще-будущего времени мы приводим на примере глаголов *бар* 'идти, уходить' и *көр* 'смотреть, видеть'.

[4] В. Г. Карпов. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-а-бын, кор-о-бүн*	‘я иду, ухожу; смотрю, вижу’
2 л. *эн бар-а-һын, көр-ө-һүн*	‘ты идешь, уходишь; смотришь, видишь’
3 л. *кини бар-ар, көр-өр*	‘он идет, уходит; смотрит, видит’

Мн. число

1 л. *биһиги бар-а-быт, көр-ө-бүт*	‘мы идем, уходим; смотрим, видим’
2 л. *эһиги бар-а-һыт, көр-ө-һүт*	‘вы идете, уходите; смотрите, видите’
3 л. *кинилэр бар-ал-лар, көр-өл-лөр*	‘они идут, уходят; смотрят, видят’

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-бап-пын, көр-бөп-пүн*	‘я не иду, не ухожу; не смотрю, не вижу’
2 л. *эн бар-бак-кын, көр-бөк-күн*	‘ты не видишь, не уходишь; не смотришь, не видишь’
3 л. *кини бар-бат, көр-бөт*	‘он не идет, не уходит; не смотрит, не видит’

Мн. число

1 л. *биһиги бар-бап-пыт, көр-бөп-пүт*	‘мы не идем, не уходим; не смотрим, не видим’
2 л. *эһиги бар-бак-кыт, көр-бөк-күт*	‘вы не идете, не уходите; не смотрите, не видите’
3 л. *кинилэр бар -бат -тар, көр-бөт -төр*	‘они не идут, не уходят; не смотрят, не видят’.

§ 3. О происхождении данной временной формы якутоведами высказано несколько предположений. Академик Бетлингк допускал две возможности возникновения этой временной формы: 1) из первого деепричастия (т. е. деепричастия на *-а/-ыы*) + аффиксы сказуемости; 2) из причастия на *-ар/-ыыр* с помощью аффиксов лица с выпадением конечного *-р* в 1-м и 2-м лицах ед. и мн. числа. При этом он явно оказывал предпочтение своей второй гипотезе, отодвигая первую на второй план. «Настоящее время несомненно

происходит из соединения имени настоящего времени с аффиксами сказуемости, причем *р* исчезла»,— писал он [5].

В подтверждение своего предположения академик Бетлингк приводил следующие доводы: 1) причастие (по терминологии Бетлингка, глагольное имя на *-ар*/*-ыыр*) в полном виде выступает в 3-м лице единственного и множественного числа данного времени (*быһар* 'он режет', *быһаллар* 'они режут'); 2) отрицательная форма этого времени представляет собой не что иное, как отрицательную форму этого же причастия (*быспат* 'он не режет'); 3) османский язык образует настоящее время (которое одновременно является и будущим временем) от этого же причастия [6].

Данная гипотеза академика Бетлингка впоследствии была принята С. В. Ястремским. «Приведенные формы несомненно происходят из соединения имени настоящего времени с суффиксами сказуемого» [7]. Ее же разделял или, по крайней мере, не отрицал и акад. Радлов. Он писал: «По мотивам, приведенным Бетлингком, эта форма образована от причастия настоящего времени при выпадении *р* и это точно доказывается тем, что ее отрицательная форма образована от отрицательной формы причастия настоящего времени. Глагольные же формы, которые произошли из деепричастия на *-а*, имеют отрицательную форму, начинающуюся на *-ым* и присоединяющуюся к корню» [8]. Л. Н. Харитонов ограничился указанием того, что в современном языке форма настоящего времени образуется в 1-м и 2-м лицах с помощью аффиксов *-ыы*/*-а*, в 3-м лице с помощью аффикса *-ыыр*/*-ар*, к которым прибавляются аффиксы сказуемости. Однако в своей работе он приводит указанное выше второе предположение Бетлингка [9].

В самое последнее время Е. И. Убрятова высказала мысль о том, что в основе этого времени лежат два разных причастия: некое древнее причастие на *-а* и современное причастие на *-ар*.

[5] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 517.
[6] Там же.
[7] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 126.
[8] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff. St.-Pg., 1908, стр. 45.
[9] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 191.

«Настоящее время изъявительного наклонения в якутском языке имеет смешанную парадигму: 1-е и 2-е лицо единственного и множественного чисел образованы от древнего причастия на *-а*, 3-е лицо единственного и множественного числа — от причастия на *-ар*, в то время как все отрицательные формы настоящего времени образованы от причастия на *-бат*... О том, что форма на *-а* имела и синтаксическое употребление, вполне типичное для причастия, свидетельствует наличие в якутском языке отглагольных существительных и прилагательных на *-а* (*сыһа* — ошибка, *көнө* — прямой), которые могли возникнуть только при использовании этой формы для обозначения ею самого действия, его результата, его объекта и производителя, а также признака предметов, что обычно для причастных форм, обладающих всей полнотой синтаксических функций. Как причастие форма на *-а* была вытеснена причастием на *-ар* и перешла в разряд деепричастий» [10].

Из всех этих предположений нам более убедительным кажется предположение академика Бетлингка, которое разбираемую временную форму выводит из причастия на *-ар*. Вполне доказательными кажутся нам приведенные им доводы в защиту этой гипотезы: 1) действительно причастие на *-ар* в своем натуральном виде выступает в 3-м лице единственного и множественного числа этого времени; 2) отрицательная форма этого времени без сомнения представляет отрицательную форму причастия на *-ар*.

Кроме того, нам кажется, что в пользу данного предположения говорят широкоупотребительные в современном якутском языке модальные формы этого времени, в основе которых причастие на *-ар* выступает в своем полном (нередуцированном) виде. Таковы: 1) предположительная форма настояще-будущего времени — сложная форма, представляющая собою сочетание причастия на *-ар*, принявшего аффикс принадлежности и модального слова *буолуо*, *буолуоҕа* 'наверное, наверняка, может быть, видимо'. Она, как видно из нижеприводимых примеров, по своему основному значению представляет собою то же настояще-будущее время, только осложненное дополни-

[10] Е. И. Убрятова. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке. «Тюркологические исследования». М.— Л., 1963, стр. 87.

тельным модальным оттенком вероятности или возможности: Мин, баҕар, *сыыһарым буолуо* (ХС, 1965, 1, 33) 'Я, может быть, ошибаюсь'; Кини хайаан да *билэрэ буолуо* (АА ПУо 293) 'Он наверняка знает'; Эн да *куттанарың буолуо* уонна киһиргиигин (СО ТА II 101). 'И ты, наверное, боишься, но хвастаешь'; Санаабыт бэркэ көтөҕүллэн сылдьар! Ону бэйэҕит да, бука, *көрөргүт буолуо* (Кыым 25/III — 65 г.) 'Настроение наше весьма приподнято. Это, наверное, вы и сами видите'.

Во временнóм плане действия в приведенных примерах воспринимаются как совершающиеся обычно или в момент речи. В отличие от них ниже даем примеры, в которых указанное сочетание употребляется в значении будущего времени: О, дьэ билигин Сөдүөччүйэ уола Микиитэ эһигини кытта *кэпсэтэрэ буолуо*! (АА СК 30) 'Ну, теперь сын Феодосии Никита поговорит с вами, наверняка'; Бука *хонорбут буолуо* (ЛП ЫТ 6) 'Наверняка, мы заночуем';

Дьэ, *чабытарым буолуо* (АА ПУо 190) 'Ну, теперь я постращаю его'; Эһигини бука сотору колхозтан *үүрэллэрэ буолуо* (АА ПУо 14) 'Вас, наверное, скоро прогонят из колхоза'; Ийэҕэр эппэтэх эгин тылгын *этитэрим буолуоба*! (ПО А V 44) 'Заставлю тебя, уж будь уверен, сказать слова, не сказанные тобою даже матери'.

Предположительная форма настояще-будущего времени имеет свое отрицательное спряжение, в основе которого лежит отрицательная форма того же причастия на *-ар*, присоединившая к себе аффиксы принадлежности и вступающая в сочетание с модальным словом *буолуо* (*буолуоба*): Эн *билбэтиң буолуо* (АА ПУо 111) 'Ты, наверное, не знаешь'; Сүрэхпинэн үлэлии сатыыбын эбээт. Арай *кыайбатым буолуо* (АА ПУо 45) 'Изо всех своих сил стараюсь ведь я. Но, может быть, не справляюсь я (с работой)'; Хабырылланы эн колхозтан, бука, *кыайан үүрбэтиң буолуо*! (АА КСХ 239) 'Гаврила ты, наверное, не сможешь прогнать из колхоза'; Интернат туолбута, онон *ылбаттара буолуо* (АА СК 410) 'Интернат переполнен, поэтому, наверно, не примут'.

Форма сомнительности настояще-будущего времени представляет сочетание причастия на *-ар*, также принявшего аффикс принадлежности, с модально-вопросительной частицей *дуу*. По своему значению это то же настояще-будущее время, но в данном случае дополнительно ослож-

ненное модальным оттенком сомнения в совершаемости действий, могущих иметь место как в момент речи, так и после него: ...Кини сылаас дьиэтин санаата. Ийэтэ билигин хаастарын *аһатара дуу*, яблокаларын бүлүүдэҕэ *ууран эрэрэ дуу* (АФ ТА I 228) 'Она вспомнила свой уютный дом. Мать ее сейчас, возможно, кормит гусей, либо складывает в блюдо яблоки'; Кини туох эрэ санааҕа ылларбыт. Буолан баран улахан. Илин эҥэр үтүолэрин кытта тугунан тургутуһарын *толкуйдуура дуу*! (ХС, 1965, I, 114) 'Она задумалась о чем-то. Притом глубоко. Не о том ли думает, как ей потягаться со знатными восточного берега'; Михаил Семеновиһы *ыҥыран көрөрбүт дуу* (АА ПУо 264) 'Позвать что ли Михаила Семеновича (Не позвать ли нам Михаила Семеновича)'; Сарсыардааҥҥа дылы *көһүтэ түһэргит дуу*? (АА ПУо 271) 'Не подождете ли до утра (Может, подождете до утра)'; ... Ычча́т ортотугар үлэ *ыытан көрөрүм дуу*? Биитэр партизаннарга букатын *күрээн хаалларым дуу*? (СО ТА II 159) 'Или мне попробовать работать среди молодежи? Или насовсем сбежать к партизанам?'

Форма сомнения настояще-будущего времени может иметь и отрицательное спряжение: *Барарым дуу, барбатым дуу* 'Идти (что-ли) мне или не идти'.

Форма возможности настояще-будущего времени представляет собою сочетание причастия на *-ар*, принявшего аффиксы принадлежности, с модальным словом *буолаарай* 'возможно, может, может быть': *Мэһэйдиирим буолаарай*? (АА ПУо 95) 'Может, я мешаю (не мешаю ли я)?' Баҕар, Сааба Уоһукабы *билэргит буолаарай*? (ХС, 1965, 1, 33) 'Может быть, Вы знаете Савву Осипова?' Хайа били абаҕам аах атыылаппыт түүлээхтэрин *этэллэрэ буолаарай*? (ПО А II 202) 'Не о пушнине ли, которую поручили мне продать мой дядя и его люди, говорят?' Хайа минигин *сөбүлээбэттэрэ буолаарай*? 'А вдруг, меня не жалуют (не уважают, не любят) они?'

Следующей модальной формой данного времени, а именно его вопросительно-сомнительной формой, мы считаем сочетание причастия на *-ар*, принявшего аффиксы принадлежности, с модально-вопросительным словом *буолла* (формально-генетически формой прошедшего категорического времени от глагола *буол-*). Тугун да *өһүргэнэрэ буолла*? (НГ ЫК 114) 'Чего же, интересно, он обижается?' Тугу *этитээри гынаргыт буолла*? (ХС, 1965, 2, 19) 'Чего

же вы хотите, чтобы я сказал?' Хайдах соҕотоҕун *хаалларым буолла*? 'Как же я одна останусь?'

Если даже и допустить, что приведенные модальные конструкции могли возникнуть в языке позднее собственной формы настояще-будущего времени, то все равно примечательно то, что в их основу легла именно причастная форма на *-ар* (а не какая-нибудь другая), и они в современном языке воспринимаются как модальные разновидности настояще-будущего времени.

За возможность допущения происхождения формы настояще-будущего времени из причастия на *-ар*, по-нашему, говорит и вторая вопросительная форма данного времени, имеющая активное употребление наряду с его основной вопросительной формой.

Основная вопросительная форма настояще-будущего времени образуется простым наращением к личным окончаниям вопросительного аффикса *-ый*:

Ед. число

1 л.	*мин* +	вопросительное	слово	+ *барабын-ый*
2 л.	*эн* +	»	»	+ *барабын-ый*
3 л.	*кини* +	»	»	+ *барар-ый*

Мн. число

1 л.	*биһиги* +	вопросительное	слово	+ *барабыт-ый*
2 л.	*эһиги* +	»	»	+ *барабыт-ый*
3 л.	*кинилэр* +	»	»	+ *бараллар-ый*

1-е и 2-е лица множественного числа могут быть оформлены также в виде *барабыт-ы-ный* и *барабыт-ы-ный*.

Вторая же вопросительная форма данного времени образуется иным образом: к непосредственной основе причастия на *-ар* прибавляются аффиксы сказуемости и вопроса. Приводим парадигму спряжения:

Ед. число

1 л.	*мин* +	вопросительное	слово	+ *барар-бын-ый*
2 л.	*эн* +	»	»	+ *барар-гын-ый*
3 л.	*кини* +	»	»	+ *барар-ай*

Мн. число

1 л.	*биһиги* +	вопросительное	слово	+ *барар-быт-ый*
2 л.	*эһиги* +	»	»	+ *барар-гыт-ый*
3 л.	*кинилэр* +	»	»	+ *барал-лар-ай*

Как и в основной вопросительной форме, данная форма вопроса настояще-будущего времени допускает двоякое оформление 1-го и 2-го лица множественного числа: наряду с формами *бараpбытый* и *барарзытый* возможны формы *бараpбытыный* и *барарзытыный*.

В семантическом плане между приведенными вопросительными формами настояще-будущего времени имеется некоторое отличие. Первая (основная) служит для выражения вопроса в нейтральном виде. Она в одинаковой мере применяется к действиям, происходящим как в момент речи, так и после него, тогда как вторая служит для выражения вопроса, окрашенного модальным оттенком сомнения, нерешительности говорящего лица по поводу действий, предстоящих после момента речи, т. е. проецированных в план будущего времени и обычно вызываемых какой-нибудь трудной ситуацией. Например: Дьэ билигин ханна *барарбыный*, хайдах иитиллэн, киһи *буоларбыный* (АС ТА II 27) 'Куда же теперь я пойду, какое найдя себе пропитание, сумею остаться человеком?' Хайдах *гыҥарбыный*? (АС ТА I 173) 'Как же мне быть (поступить)?' Итинник уустук оҥоһугу хайдах сатаан *оҥорорбутуй*? 'Как же мы сумеем сделать такое сложное изделие?'

Можно полагать, что такое разграничение в значениях между рассматриваемыми двумя формами в языке произошло сравнительно поздно, видимо, после завершения процесса редуцирования и выпадения *р* из основ 1-го и 2-го лица обоих чисел данного времени.

О возможности допущения формы настояще-будущего времени из причастия на *-ар* свидетельствуют, по-нашему, и условная форма, и другие факты синтаксического употребления причастия на *-ар*. *Сатырым* да буоллар ааҕыам суоҕа этэ (АА ПУо 275) 'Если бы я и умел, не прочитал бы'; Ылан *биэрэриҥ* буоллар, колхоз сааһын тухары махтаныа этэ (АА ПУо 89) 'Если бы ты достал, колхоз был бы благодарен всю жизнь'; Эн Нинаны *билбэтиҥ* буоллар, таптыаҥ этэ дуо? (АА ПУо 95) 'Если бы ты не знал Нину, любил бы ты ее?' *Билэр* буоллаххына, кэпсээ 'Если знаешь, расскажи'; Эн бэйэн *билэриҥ* курдук, мин кырдьаҕаспын, ыарыһахпын 'Как ты сам знаешь, я стар, болен'; Эн миигин оҕо эрдэхпиттэн *билэриҥ* быһыытынан, көмөлөс 'Поскольку ты знаешь меня с детства, помоги'.

Наконец, в пользу данной гипотезы говорит тот факт, что причастная форма на *-ар/-ер*, *-ыр/-ир*, *-ур/-үр* употреб-

ляется в качестве формы будущего и настояще-будущего времени в большинстве современных тюркских языков.

Таким образом, на основании изложенных выше аргументов мы склонны отдать предпочтение гипотезе академика Бетлингка о том, что в основе настояще-будущего времени в якутском языке лежит причастие на *-ар*.

Выпадение *р* в 1-м и 2-м лице обоих чисел объясняется, видимо, определенными фонетическими закономерностями. Возможно, что здесь имеет место такое же явление, как выпадение *р* из основы недостаточного глагола *эр-/ир-* в тюркских языках и преобразование последней в *э-/и-*, т. е. редукция и выпадение *р* в закрытом слоге. Следует отметить выпадение *р* в данной позиции и в некоторых других тюркских языках. В частности, в хакасском языке наряду с полной формой 1-го лица единственного числа (*парарбын*) употребляется редуцированная форма его (*парам*).

§ 4. О происхождении самого аффикса *-ар/-ыр/-р* (с его фонетическими вариантами) в тюркологической литературе также имеются различные высказывания.

Так, Н. А. Баскаков считает, что «форма на *-ар/-ер-р -ыр/-ир.-р* генетически восходит к более древней полной форме этого аффикса *-гъар/-гер* ~ *-гъыр/-гер* > *ар/-ер, -ыр/-ир* *-р* первоначально с общей семантикой активного имени постоянно действующего лица и орудия действия, а затем в процессе развития семантики (с раздвоением значения) и дифференциации фонетического оформления *-гъар/-гер*, *-гъыр/-гир* > *-ар/-ер*, *-ыр/-ир*; эта форма в результате ее переосмысления в аспекте времени получает также значение причастия будущего неопределенного времени» [11].

И. А. Батманов сопоставляет аффикс *-ар* с вспомогательным глаголом *эр-/э-*. Он пишет: «Глагол *er-*, по-видимому, в процессе грамматикализации обратился в одних языках (имеющих тенденцию к утрате конечного *r*) в аффикс *-а*, а в других в *-ар* для образования глаголов от имен. Впоследствии в одном языке могли встретиться две (в процессе заимствования из двух разных источников) разновидности этого аффикса. С другой стороны, этот же гла-

[11] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. II Фонетика и морфология, ч. I. М., 1952, стр. 425.

гол *er-*, очевидно, превратился и в аффикс *-ар*, служащий для образования глагольно-именной формы»[12].

Ф. Е. Корш предполагал, что аффикс *-ар/-ер* «находится, по-видимому, в связи с монгольским деепричастием на *-рун/-рӱн* как *болорун* 'будучи' [13].

А. Н. Кононов считает, что «аффикс *-ar/-er*, возможно, восходит к форманту дательно-направительного падежа *-gar / -ger* < *-garu/ -gerü*» [14].

Однако следует отметить слишком общий и слишком гипотетический характер всех приведенных точек зрения, чтобы можно было высказаться в пользу какой-либо из них или против нее. Во всяком случае одно ясно, что это — одна из древних форм, которая уже в памятниках древнетюркской и древнеуйгурской письменности выступает как грамматически вполне оформившаяся и широко употребительная форма.

§ 5. О происхождении аффикса отрицательной формы настояще-будущего времени в тюркских языках (вместо ожидаемого по схеме аффикса *-мар* выступает аффикс *-маз/-мас(-бат)* также имеются различные высказывания тюркологов.

Так, Г. Рамстедт считает, что «отрицательное спряжение (настояще-будущего времени.— *Е. К.*) восходит к сочетанию имени на *m* с вспомогательным глаголом *är-* в форме причастия будущего времени *ärür* (тунгусское *eri* — жить, дышать). Так как этот вспомогательный глагол имел передний гласный, то первоначальный *r* в словах с задними гласными смягчился в *ŕ* (теперь *z*) и затем преобразовался в *maz/mäz*. Этот *-maz/-mäz* перешел затем в различных диалектах в соответствии с их звуковыми законами в *-mas/-bas/-pas*, якутское *-mat*, *-bat*, *-pat* и т. д.[15]

По мнению же большинства советских тюркологов аффикс отрицательной формы настояще-будущего *-мас/-мес* образовался путем сложения из обычного аффикса отри-

[12] И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка. Вып. III. Фрунзе, 1940, стр. 64.

[13] Ф. Е. Корш. Происхождение формы настоящего времени в западнотурецких языках. Древности Восточные, вып. I. 1907, стр. 12—13.

[14] А. Н. Кононов. Грамматика современного литературного турецкого языка. М.— Л., 1956, стр. 225.

[15] E. I. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II. Formenlehre. Helsinki, 1952, стр. 87.

цания *-ма/-ме* и аффикса настояще-будущего времени *р*, который впоследствии перешел в *с*.

Так, Н. А. Баскаков пишет: «Отрицательную форму причастия будущего времени образует особый аффикс *-мас/-мес*, *-бас/-бес*, *-пас/-пес*, который, являясь неразложимым в современном каракалпакском языке, генетически состоит из двух частей: *-ма-с/-ме-с*, где *-ма/-ме* — аффикс отрицательной формы, а *-с/-з* < *-р* исторически служил формантом положительной формы того же причастия будущего времени (ср. туркменские аффиксы отрицательной формы причастия будущего времени-мар/-мер, -маз/-мез)»[16].

Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов также объясняют преобразование аффикса *-мар* в аффикс *-маз/-мас* закономерным историческим соответствием в тюркских языках согласных *р* — *з/с*. В подтверждение этого соответствия они приводят целый ряд убедительных примеров: *gör — mek* ʽвидетьʼ, *göz* ʽглазʼ, *sor — mak* ʽспрашиватьʼ, *söz* ʽсловоʼ [17]. Притом Н. К. Дмитриев находит, что чередование *р* и *з/с* служит даже своеобразным критерием для разграничения сходных основ по частям речи: *р* характеризует глагольные основы, а *з/с* — именные. См. примеры:

көр	ʽвидьʼ,	*көз/гөз*	ʽглазʼ,
семир	ʽжирейʼ,	*семиз*	ʽжирныйʼ,
кудур	ʽбесисьʼ,	*кудуз/ыз/оз*	ʽбешеныйʼ [18].

Таким образом, последнее предположение о генезисе аффикса отрицательной формы настояще-будущего времени *-маз/-мас* имеет большее количество сторонников в лице видных советских тюркологов, чем первое, в силу своей большей вероятности.

Очевидность этого предположения находит свое подтверждение и в том, что ряд тюркских языков (азербайджанский, туркменский, чувашский) до сих пор оформляет отрицательную форму настояще-будущего времени с помощью более древнего аффикса *-мар*.

Так, с помощью этого аффикса оформляются 1-е и 2-е лицо ед. и мн. числа будущего первого в туркменском

[16] Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 429.

[17] Н. К. Дмитриев. Соответствие р/з. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика. М., 1955, стр. 325; А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 227.

[18] Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 325.

языке и только 3-е лицо изменяется с помощью аффикса *-маз*:

Ед. число	Мн. число
1 л. *ал-ма-р-ын*	*ал-ма-рыс*
2 л. *ал-ма-р-сыӈ*	*ал-ма-р-сыӈыз*
3 л. *ал-маз*	*ал-маз-лар* [19].

В азербайджанском литературном языке 1-е лицо настояще-будущего времени тоже образуется с помощью аффикса *-мар/-мэр* (*унутмарам*, *унутмарыг*). В ряде же говоров кубинского, темахинского, алесуинского и других диалектов Азербайджана этот аффикс употребляется во всех лицах отрицательного спряжения:

язмарам	'я не напишу'
язмарсан	'ты не напишешь'
язмар	'он не напишет'
язмарух	'мы не напишем'
язмарсуз	'вы не напишете'
язмарлар	'они не напишут' [20]

Преобразование же тюркского аффикса *-маз/-мас* в якутский аффикс *-бат* объяснимо в свою очередь не менее широко известным в тюркологии соответствием тюркских *з/с/ш* якутскому *т* (*кузурук* — *кутурук*, *хазын* — *хатын* и т. д.).

2. Значение настояще-будущего времени в якутском языке

§ 6. Тюркологи по-разному трактуют значение настояще-будущего времени в тюркских языках. С одной стороны, считается, что эта форма времени служит для обозначения действий, не приуроченных к определенному времени, действий, происходящих постоянно, регулярно или для передачи действий в будущем. В большинстве тюрк-

[19] Н. К. Дмитриев. Указ. соч., стр. 324.

[20] М. Ш. Рагимов. Формы выражения настоящего и будущего времени в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII вв. Языковедческий сборник. «Труды Ин-та литературы и языка им. Низами». Баку, 1957, стр. 231.

ских языков ее считают одной из форм будущего времени изъявительного наклонения. Такой точки зрения, например, придерживаются Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов и др.

С другой стороны, некоторые тюркологи (А. А. Юлдашев) считают, что данная форма времени содержит исключительно значение одного настоящего времени, т. е. служит для передачи действий, происходящих в момент речи, все остальные же оттенки значений определяются контекстом или лексико-семантической структурой основы глагола.

Материал якутского языка показывает, что одно из основных значений настояще-будущего времени в нем состоит в обозначении действий, не ограниченных конкретными временными рамками, а происходящих обычно, постоянно или естественных по своей природе.

Оҕону олус *таптыыбын* (АА ПУо 129) 'Я очень *люблю* детей' (т. е. любить детей — это постоянное качество говорящего); Түүлээҕи бултааһын бэрт элбэх сыраны *ылар* (НЯ КҮ 31) 'Охота за пушным зверем *отнимает* весьма много труда' (всегда, обычно, как правило); Почтаны самолет *таһар* 'Почту *возит* самолет' (такой заведен порядок, обычай); Лена өрүс Хотугу Муустаах океаҥҥа *түһэр* 'Река Лена *впадает* в Северный Ледовитый океан' (такова ее природа); Баайдыы обществоҕа киһи киһиэхэ бөрө *буолар* (СО ТА II 256) 'В буржуазном обществе человек человеку *становится* волком' (такова природа, сущность буржуазного общества).

Постоянный, регулярно повторяющийся характер действий, передаваемых формой настояще-будущего времени, часто подчеркивается введением тех или иных обстоятельственных слов. ... Мин эйиэхэ *ускуруой* үчүгэйи эрэ *санныыбын* (К ТА 370) 'Я тебе *всегда* только добра *желаю*'; Мин түүлбэр *туой* ыйанан өлбүт оҕонньор *көстөр* (АА КСХ 45) 'Во сне мне *вечно видится* старик-удавленник'. Эн Мэхээлэни тоҕо *куруук үтүрүйэбин*? (АА КСХ 10) 'Ты почему *всегда притесняешь* Михаила?' Сааскы көтөр кэлэн, сааһыттар *түүн аайы* уулары *кэрийэллэр* (АА КСХ 30) 'С прилетом весенней птицы (водоплавающей дичи) охотники *каждую ночь обходят* водоемы'; *Сайын* эвенкилэр чыыстайга *мунньусталлар*. Онно атыыһыттар *кэлэллэр* (НЯ КҮ 45) '*Летом* эвенки *собираются* на горах. Туда *приезжают* купцы'.

В приведенных примерах указанными выше обстоятельственными словами являются *ускуруой*, *туой*, *куруук*, *түүн аайы*, *сайын*.

Второе значение данной временнóй формы — обозначение действий, которые, начавшись раньше, продолжаются в момент речи. Талба *өрүс* үрдунээҕи бүтэй хочо синньигэс кырдалыгар үс ини-бии Дьөгүөрэптэр *олороллор*. Кырдал илин уһугар убайдара Мэхээлэ *олорор*. Орто быраат Киргиэлэй кырдал кутуругар *олорор* (АА СК 227) 'На узкой возвышенности небольшой прибрежной долины реки Талбы *живут* три брата Егоровых. На восточном кончике возвышенности *живет* старший брат Михаил. На заднем конце возвышенности *живет* средний брат Григорий'; Аҕам хаһыат *аабар*, ийэм иһит *сууйар*, мин уруокпун *оҥоробун* 'Отец мой *читает* газету, мать *моет* посуду, *я готовлю* уроки' (в данный момент, момент речи); Ньукулай оҕонньор бүгүн халлаан сырдыаҕыттан Маабыра эмээхсин ороһуостубаҕа сиир бурдугун *тардар* (АА СК 383) 'Старик Николай сегодня с самого рассвета *мелет* (и продолжает молоть в момент речи) зерно старухе Мавре к Рождеству'.

Некоторые функционально-служебные глаголы, по нашим материалам, особенно часто глаголы *тур-*, *олор-*, *сыт-*, *сырыт-*, *ис-*, в сочетании с деепричастными формами на *-а* и *-ан*, могут образовать аналитический вариант настояще-будущего времени, точнее: конкретного настоящего времени, с помощью которого передаются действия, совершаемые в момент речи или состояния, наличествующие в момент речи. Сэбирдэх Уйбаан... куйуурун *абырахтана олорор* (АА КСХ 25) 'Иван Сэбирдэх сидит — *чинит* свой рыболовный сак'; Остуол анныгар бурдук тохтубута *туртайа сытар* (АА КСХ 18) 'Под столом *белеет* просыпанная мука'; Бу биир бассабыыгы туппуппут сүгүн *кэпсэппэккэ турар* (ЭЭ ТА 197) 'Вот один пойманный нами большевик *стоит*, не желая путем разговаривать (с нами)'; Икки колхоз салайар кадрдарын бөҕөргөтүүгэ үлэ *бара турар* (Кыым 8/II — 1963 г.) '*Идет* работа по укреплению руководящих кадров двух колхозов'; Аттаах дьон буруйдаахтары *үүрэн иһэллэр* (ЭЭ ТА 45) 'Всадники *гоном ведут* сюда преступников'.

В данном случае настояще-будущее время якутского языка отчасти напоминает present continuous в английском языке.

§ 7. Форма настояще-будущего времени служит также для обозначения будущих действий, т. е. действий, совершающихся после момента речи. В этом случае она обычно сопровождается различными обстоятельственными словами, подчеркивающими отнесенность действий к будущему времени. *Сарсын* нэһилиэк уопсай мунньаҕа *буолар* (АА СК 579) '*Завтра будет* общее собрание наслега'; *Субу сотору* массыына *барар*, онон *киирсэбин* (ДТ ТА 53) '*Вот-вот пойдет* машина, я *еду* с ней'; ... Биһиги кооперативы мантан *көһөрөбүт* (ДТ ТА 77) 'Мы кооператив отсюда *перевозим*'. Оо, хаһан эрэ *кэлэллэр*? (АА ПУо 231) '*О, когда же они приедут*?' Хайа, *бүгүн* дьиэҕэр *барбаккын* дуу, Ылдьаа? (ДТ ТА 51) 'Разве *сегодня ты не идешь* домой, Илья?' Оҕонньор харчыта сүппүтүн билләҕинэ хайдах эрэ *дьүһүлэнэр* ! (НН ТА 138) 'Как только *поведет себя* (вот уж взбесится!) старик, когда узнает, что деньги его пропали'.

В некоторых контекстах форма настояще-будущего времени не просто передает события, которые должны совершиться в будущем, но приобретает дополнительный оттенок категоричности, повеления или приказа к совершению действия. Такое употребление формы в устной речи обычно подкрепляется повелительной интонацией, а на письме восклицательным знаком. Эн бэйэҥ эмиэ *барсаҕын*! (ЭЭ МЫ 10) 'Ты сам тоже *едешь с нами*'; Аны биирдэ *төннөҕүн!* (НЯ КҮ 182) 'Ты *вернешься* еще раз!'... Эбэтэр кыһыл көмүс ханна баарын *этэҕин*, эбэтэр биһиги эйигин *илдьэ барабыт*, барыбытыгар *ойох буолаҕын* (НЯ КҮ 120) 'Или ты *скажешь* где золото, или мы тебя *увозим* с собой и ты *станешь* женой для всех нас'; Суох аҕаа *барбаккын*,— диэҥ баран, Бойуот аҕатын тутан ылан кыбынан кэбиһэр уонна дьиэтин диэки айанныы турар (РК С 48) 'Нет, отец, *не пойдешь*,— так сказав, Бойот схватывает отца и, сунув подмышку, направляется в сторону дома'; Манна табаах *тардыллыбат* 'Здесь *не курят* табак'.

§ 8. Форма настояще-будущего времени нередко употребляется в обозначении действий, совершенных в прошлом. Обычно такое ее употребление имеет место в художественной литературе для стилистически-яркого изображения фактов прошлого как непосредственно происходящих перед глазами слушателя или читателя.

Притом такое употребление данной временной формы имеет место обычно в достаточно развернутом контексте,

в котором начало бывает оформлено одной из форм прошедшего времени и аспект прошлого достаточно ясно воспринимается из самого контекста. Сарсыннытыгар эмээхсин күнү быһа уһа оронҥо утуйан үллэ сытта. Дьон ботугураһан *кэпсэтэллэр*, оргуууй үктэнэн *хааамаллар* (АА СК 242) 'Назавтра старуха весь день пролежала — проспала, громоздясь на правой лавке. Люди *переговариваются* шепотом, *ходят* на цыпочках'; Воинов эмиэ тыаҕа куотан тахсыбыт, күн аҥара тыаны кэһэн баран кини Кириилэби дьэ булбут. Хас да хонон баран Воиновтаах Кириилэп саһан куоракка *киирэллэр*. Кириилэп кистэлэҥ типографияҕа *үлэлиир*, большевиктар листовкаларын нууччалыыттан сахалыы *тылбаастыыр*. Воинов тимири уһанар сиргэ балтаһытынан *киирэр* уонна типография, электростанция рабочайдарын революцияҕа кыттарга бэлэмниир үлэни *ыытар* (АА СК 393) 'Воинов тоже спасся бегством в лес, пробродив полдня по лесу, он наконец нашел Кириллова. Через несколько дней Воинов с Кирилловым тайком *уезжают* в город. Кириллов *работает* в тайной типографии, *переводит* большевистские листовки с русского языка на якутский. Воинов *поступает* молотобойцем в кузницу и *проводит* работу по вовлечению в революцию рабочих типографии и электростанции'.

С помощью данной формы времени с большой колоритностью передаются воспоминания о прошлом. Ньукулаас оҕо сааһыттан тугу өйдөөн хаалбытый? Кыһыҥҥы киэһэ көмүлүөк имик-самык уотугар балаҕан чэҥ муус эркиннэрэ *килэдиһэн көстөллөр*. Оҕо уйулҕатын көтүтэр ынырык хараҥанан барыйар оһох кэтэҕэр соҕотох ынахтара Алакаас *кэбинэр*, арыт дириҥник өрө тыынан, киһи курдук, көхсүн *этитэр*. Аҕата булдуттан ыкса түүн *эргиллэр* (ХС, 1961, 4, 10) 'Что запомнил из своего детства Николаш? Зимним вечером при сумеречном свете камелька *поблескивают* обледенелые стены юрты. В подавляющей душу ребенка тягостной темноте за камельком *пережевывает* свою жвачку их единственная корова Алакас; временами она тяжело *вздыхает*, словно человек. Его отец *возвращается* с охоты поздней ночью'; Аҥар атахпытын биир сиргэ үктээн туран, биир атахпытын соһо тардан эргичийэн хаарга «ойбон» *оҥо робут*, илиибитин быластаан баран хаарга охтон киэп *түһэртиибит*. Ардыгар аргыстаһан иһэр уолаттар *дьиибэлииллэр*. Кыайыах буоллахпытына, хаарга *түҥнэритэ анньыталыыбыт*. Кыайтарыах

буоллахпытына, Саня бэрт кыраттан сылтаан *ытаабытынан барар*. Оччоҕо уолаттар *сырсан хааланлар*. Баралларын кытта Саня *күлэр*: Һы-Һык, сордоохтор кырдьыктаннылар ээ (АА КСХ 93) 'Встав на одном месте на одной ноге, другую слегка волоча, поворачиваемся и на снегу *делаем* «прорубь», вытянув вдоль туловища руки, падаем на спину на снег и *снимаем* с себя форму. Иногда нас *дразнят* мальчишки, идущие вместе с нами. Если мы чувствуем, что их переборем, *поскидаем* их на снег, если чувствуем, что будем побеждены, то... Саня из-за сущего пустяка *начинает плакать*. Тогда мальчишки мгновенно *разбегаются*. Сразу же после их ухода Саня смеется: Ха-ха! Бедняжки, поверили ведь!'

Передаваемые данной формой прошлые события могут быть приуроченными к конкретному времени, к конкретным календарным датам. 1918 сыл ыам ыйын 14 күнүгэр «Известия ВЦИК» диэн хаҺыакка Емельян Ярославскай статьята *бэчээттэнэр*. Бу статьяны Уйбаан Кириилэп сахалыы *тылбаастыы охсор* (АА СК 321) '14 мая 1918 года в газете «Известия ВЦИК» *печатается* статья Емельяна Ярославского. Эту статью Иван Кириллов тут же *переводит* на якутский язык'; Бэс ыйын 26 күнүгэр этэрээт Өлүөхүмэ куоратын ылан, советскай былааҺы *олохтуур* (АА СК 322) '26 июня отряд, захватив город Олекминск, *устанавливает* Советскую власть'.

§ 9. Отрицательная форма настояще-будущего времени может быть использована в качестве одного из средств выражения оттенка пожелания, просьбы к совершению какого-либо действия или, наоборот, осуждения по поводу уже состоявшегося действия. Оннукка мин да *түбэҺэн аҺаабаппын!* '*Что бы* и *мне угодить* в такое и *наесться* вдоволь' (оттенок пожелания); Иттиник соллоҥнору биир уонча сылга күлүүскэ олордон *үөрэтэ түҺэн биэрбэттэр* (ХС, 1964, 4, 53) '*Посадить бы* таких жадюг лет этак на десять...' (оттенок пожелания); Ээ, сордоох, эн тугу баҕас билэҥҥин, тылбай-өспөй буолаҕын. Саҥата да суох *олорбоккун* (НН ТА 79) 'Э, несчастная, что ты вмешиваешься в разговор, словно понимаешь что-нибудь. *Сидела бы* молчком' (оттенок осуждения).

В таком употреблении данная форма довольно часто может присоединять к себе некоторые модальные, эмоционально-усилительные частицы (*ээ, эбээт, дабаны*), которые еще более усиливают вышеуказанные оттенки по-

желания, просьбы и наряду с ними дополнительно передают оттенки легкого совета, призыва или досады, сожаления по поводу уже совершенного действия. Гражданка, бу хаһыаты эн миэхэ *атыылаабаккын* *ээ*! (АА КСХ 134) 'Не продадите ли вы, гражданка, эту газету мне'; Ира! Кыратык *үҥкүүлүү* *туспэппит* *ээ*? (ВМ 117) 'Ира! Не потанцевать ли нам немного? (давай, потанцуем немного)'; Дэриэбинэттэн баран хаал диэн эн киниэхэ *сүбэлээбэккин* *эбээт* (ХС, 1964 № 2, 12) 'Ты бы посоветовал (не посоветуешь ли), чтобы он совсем уехал из деревни'; Оо, итиннэ *олорпоттор* *даҕаны*! (НГ ММ 10) 'О хоть бы посадили в него (в катер)!' Оо, биһигини эрдэ *уһугуннарбаккын* *даҕаны*! (АА КСХ 405) 'Хоть бы ты разбудила нас пораньше!' (сожаление по поводу, что разбудили поздно).

Этот же оттенок пожелания, просьбы к совершению действия и сожаления по поводу уже совершенного действия несет отрицательная форма инфинитива от причастия на *-ар*. В отличие от вышеприведенных примеров в данном случае указанные оттенки передаются в безличной форме. Колхозка *киирэн* *хаалбакка* (АА КСХ 74) '*Надо бы* в колхоз *вступить*'; Мааҕыаттан ити курдук *эппэккэ* (АА ПУо 204) 'Давно бы так *надо* было *сказать*'; Тыый, мас киллэрэн, уот *отто* *охсубакка* (АА КСХ 77) 'Тьфу, ведь *давно бы* следовало занести дрова и сразу *затопить* *печь*'.

В сочетании же с вопросительной частицей *дуо* отрицательная форма настояще-будущего времени может быть в качестве стилистического приема использована для подчеркивания особой интенсивности, силы уже совершенного до момента речи прошлого действия. В устной речи такие сочетания обычно сопровождаются соответствующей интонацией. Дьэ онтон Лэгэнтэй, куораттан баартыйа куурсун дуу, тугун дуу бүтэрэн, тахсан, кинилэр үрдүлэригэр силлиэлээх холоругу *түһэрбэт* *дуо*, доҕоор! (ХС, 1965, I, 36) 'Ну, затем Иннокентий приехал из города после окончания партийных или каких других курсов, *да как напустит* на них страшную бурю с вихрем, друг!' Өлүөскэ аллара өҥөс гынабын диэн сытыйбыт тэллэйи үктээн, халтарыйда, — дьэ аллара *куугунаабат* *дуо*? (НГ ЫК 9) 'Алешка, пробуя заглянуть вниз, наступил на гнилой гриб, оступился — и *как покатится* вниз!' Лэгэнтэйим, дьэ, онуоха *кыыһыран* *быыппастан* *турбат* *дуо*! (ХС, 1965, I, 39) 'На это Иннокентий мой *как разбушуется* от гнева!'

Таким образом, семантическая нагрузка разбираемой временной формы получается довольно емкая. Но поскольку основными оттенками ее значения является выражение действий, происходящих как в момент речи, так и после, на наш взгляд, точнее ее назвать не настоящим, а настояще-будущим временем, тем более, что такое название за аналогичной формой по родственным тюркским языкам в научной литературе укоренилось достаточно прочно.

ГЛАВА II
БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. Будущее время в тюркских языках представлено различными разновидностями. Так, в казахском языке различают: 1) будущее предположительное, в основе которого лежит причастие на $\frac{\text{-ар}}{\text{-ер}}$, -р + местоименный аффикс (*барармын*, *барарсын*, *барар* и т. д.); 2) будущее на -*мақ* (*бармақпын*, *бармақсын*, *бармақ* и т. д.); 3) будущее переходное (*ертен барармын*, *сендер кешке келерсіндер*)[21], в азербайджанском, узбекском, башкирском, татарском языках отмечают: 1) будущее предположительное на -*ар*/-*р* и 2) будущее категорическое на -*ачаг*/-*ажак*, в уйгурском устанавливают будущее неопределенно-предположительное с тремя подвидами (1) *барарым*, 2) *барадиƅандимән*, 3) *барƅидикмән*) и будущее определенное время, также с тремя подвидами (1) *келәмән*, 2) *ейтмакчимән*, 3) *бармақчи едим*[22]. В хакасском языке различают: 1) будущее основное на -*ар*/-*ер* (*мин парарбын* и т. д.); 2) будущее возможное на -*ƅадаƅ* (*килгедегзінч* — похоже, что ты придешь)[23], в турецком — будущее категорическое (*yazacagım*), ближайшее будущее время (*yazmak üzereyn*)[24], в тувинском — будущее настоящее (на -*ар*/-*р*), будущее ожидаемое (на -*калак*)[25].

[21] Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1954.
[22] Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
[23] В. Г. Карпов. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
[24] А. И. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.— Л., 1956.
[25] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961.

Якутский язык, кроме вышеописанного насточще-будущего времени, которое, как мы указали, в определенных контекстах может выражать значение будущего времени, имеет самостоятельную форму будущего времени. Она образуется от основы причастия на *-ыах* и аффиксов принадлежности.

1. Спряжение будущего времени

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барыаҕ-ым*	'я пойду (поеду)'
2 л. *эн барыаҕ-ыҥ*	'ты пойдешь (поедешь)'
3 л. *кини барыаҕ-а*	'он пойдет (поедет)'

Мн. число

1 л. *биһиги барыах-пыт*	'мы пойдем (поедем)'
2 л. *эһиги барыах-хыт*	'вы пойдете (поедете)'
3 л. *кинилэр барыах-тара*	'они пойдут (поедут)'

Единственное число положительной формы будущего времени имеет параллельно употребляемый фонетически стяженный вариант, который на спряжении вышеупотребленного глагола *бар-* выглядит так:

1 л. *мин барыам*
2 л. *эн барыаҥ*
3 л. *кини барыа*

Этот стяженный вариант некоторые исследователи якутского языка (Г. У. Гермогенов-Эргис, Н. С. Григорьев, Е. И. Убрятова), как нам кажется, неправомерно считали самостоятельной формой будущего времени, в частности, близким будущим в отличие от полного его варианта, который они называли отдаленным будущим [26].

Дело, во-первых, в том, что никакой семантико-смысловой разницы между этими двумя формами не ощущается, во-вторых, факты аналогичного фонетического стяжения якутский язык допускает и во многих других случаях (сравните, например, фонетические стяжения падеж-

[26] Г. У. Гермогенов и И. Д. Моруо. Самоучитель якутского языка. Якутск, 1930, стр. 66—68; М. I. Kirgielejep. Saqa tьlьn kьramaatьkata. М., 1938, стр. 106; Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 129.

ных форм того же причастия на *-ыах*: *барыаҕыҕар* ~ *барыаҕар* ~ *барыар*; *барыаҕыҕын* ~ *барыаҕын* ~ *барыан*).

Спряжение будущего времени в отрицательной форме производится аналитическим путем — от стяженного варианта формы с помощью имени отрицания *суох*.

Ед. число

1 л. *мин барыам суоҕа* 'я не пойду (не поеду)'
2 л. *эн барыаҥ суоҕа* 'ты не пойдешь (не поедешь)'
3 л. *кини барыа суоҕа* 'он не пойдет (не поедет)'

Мн. число

1 л. *биһиги барыахпыт суоҕа* 'мы не пойдем (не поедем)'
2 л. *эһиги барыаххыт суоҕа* 'вы не пойдете (не поедете)'
3 л. *кинилэр барыахтара суоҕа* 'они не пойдут (не поедут)'

Образование отрицательной формы будущего времени (в единственном числе) от ее полного варианта для современного якутского языка нехарактерно. Примеры на такое образование будущего времени мы обнаружили только в единственном литературном произведении — «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского. Билэбин бу сурук туһата суоҕун: кинини холобур кэриэтэ эн эрэ ааҕыаҥ, эйигиттэн атын киһи ким да *ааҕыаҕа суоҕа* (У А 14) 'Знаю бесполезность этого письма: его в качестве примера прочтешь только ты, кроме тебя ни один человек *не прочтет* (его)'.

Трудно сказать, был ли во времена Уваровского (сто с лишним лет тому назад) употребителен в якутском языке такой способ образования отрицательной формы будущего времени, или Уваровский образовал его под влиянием Бетлингка априорно (по схеме) от основы причастия, или он тут допустил неточность в его фиксации.

Д. И. Хитров в своей «Краткой грамматике якутского языка» (1858) отрицательную форму будущего времени образовывал синтетическим путем при помощи аффикса *-м/-ым*:

Ед. число	Мн. число
сурүйүмүоҕум, *сурүйүмүом*	*сурүйүмүохпут*
сурүйүмүоҕуҥ, *сурүйүмүоҥ*	*сурүйүмүоххут*
сурүйүмүоҕа, *сурүйүмүо*	*сурүйүмүохтара*

Такое образование отрицательной формы будущего времени для современного языка также нехарактерно. Оно возможно только в особых оборотах речи типа: *сатаамыахпыт* да буоллар кэллэхпит дии. 'Хотя и не сумеем (наверное)—пришли ведь'. Барыахпыт даҕаны, *барымыахпыт* даҕаны — ол биһиги дьыалабыт 'Можем поехать мы, можем не поехать — это наше дело'.

Вопросительная форма будущего времени, казалось бы, должна была быть образована непосредственным присоединением к форме времени вопросительного аффикса (в положительной форме по схеме: *барыаҕым-ый*, *барыам-ый* и т. д., в отрицательной форме по схеме: *барымыаҕым-ый*, *барымыам-ый*).

Но такое ее образование в какой-то степени допустимо и употребительно в современном языке только от стяженного варианта времени. Мин тугун *билиэмий*? (НЯ КҮ 40) 'Я -то откуда узнаю?' Тугу *кистиэмий*, улахан куттал буолбут (АФ ТА I 27) 'Что мне скрывать, большая опасность нависла'; Онно эн эмиэ тоҕо *барыаҥый* ? 'Зачем ты туда пойдешь?' Что касается подобного образования вопросительной формы будущего времени от его полного варианта, то оно совсем нехарактерно для современного языка. Нами обнаружен всего один пример на такое образование в «Образцах народной литературы якутов», собранных И. А. Худяковым и изданных под редакцией Э. К. Пекарского. Олоронгнун даҕаны тугу *гыныаҕыҥый*? Барыах биирга (ИАХ ОНЛЯ 29) 'И сидя (так), чем ты займешься? Поедем вместе'.

Известная высокая точность фиксации текстов И. А. Худяковым во всех планах позволяет нам полагать, что такое оформление вопросительной формы будущего времени, хотя и спорадически, но еще было употребительно в его время в говоре верхоянских якутов. Сейчас же образование вопросительной формы будущего времени большей частью производится по приводимой ниже схеме:

Положительная форма

Ед. число

1 л.	*мин*	+	вопросительное	слово	+	*барыах-пын-ый*
2 л.	*эн*	+	»	»	+	*барыах-хын-ый*
3 л.	*кини*	+	»	»	+	*барыаҕа-й*

Мн. число

1 л. *биһиги* + вопросительное слово + *барыах-пытын-ый*
барыах-пыт-ый
2 л. *эһиги* + » » + *барыах-хытын-ый*
барыах-хыт-ый
3 л. *кинилэр* + » » + *барыах-тара-й*

Убаай, эн хаһан *кэлиэххиний*? (АА СК 417) 'Брат, ты когда *придешь*?' Афоня, ол учууталгын тоһөҕө *ыҥырыаххыный*? (ДО К 66) 'Афоня, того своего учителя когда ты *пригласишь*?' Мин хайдах соҕотоҕун *барыахпыный*? 'Как я один *смогу пойти*?' Эһиги онно тугу *гыныаххытыный*? 'Вы там что *будете делать*?'

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин* + вопросительное слово + *барымыахпын-ый*
2 л. *эн* + » » + *барымыаххын-ый*
3 л. *кини* + » » + *барымыаба-й*

Мн. число

1 л. *биһиги* + вопросительное слово + *барымыахпытын-ый*
2 л. *эһиги* + » » + *барымыаххытын-ый*
3 л. *кинилэр* + » » + *барымыахтарай*

В данном случае спряжение в отрицательной форме производится от основы времяобразующей причастной формы, принявшей отрицательный аффикс. Бачча сылдьар киһи биир ийэбин хайдах *иитимиэхпиний*? 'Я, такой здоровый человек, как *не смогу прокормить* одну свою мать?' Сыбаайбабытыгар эһигини, доҕотторбутун, тоҕо *сырытыннарымыахпытыный*? 'Почему мы *не станем приглашать* на свою свадьбу (букв.: не дадим возможность побывать на своей свадьбе) вас, наших друзей?'.

Более употребительная отрицательная форма будущего времени образуется аналитическим способом — от положительной основы этого времени (в 1-м и 2-м лице единственного числа от стяженного варианта последнего) + имени отрицания *суох*, принявшего аффиксы принадлежности и вопроса.

Ед. число

1 л. *мин* +	вопросительное слово	+	*барыам суобай*
2 л. *эн* +	»	»	+ *барыаҥ суобай*
3 л. *кини* +	»	»	+ *барыа суобай*

Мн. число

1 л. *биһиги* +	вопросительное слово	+	*барыахпыт суобай*
2 л. *эһиги* +	»	»	+ *барыаххыт суобай*
3 л. *кинилэр* +	»	»	+ *барыахтара суобай*

Мигин ыттахтарына тоҕо *барыам суобай?* 'Если меня пошлют, почему же *мне не ехать* (почему я откажусь ехать)?'. Итинник үчүгэй усулуобуйаҕа ким *үөрэниэ суобай?* 'В таких прекрасных условиях кто *откажется* (не сможет) *учиться?*' Приведенное выше не «по правилам» образование вопросительной формы будущего времени наводит нас на допущение следующих объяснений:

1) В данном случае мы имеем дело с фонетическим преобразованием форм *барыаҕымый*, *барыаҕыҥый* и т. д. в формы *барыахпыный*, *барыаххыный* и т. д. Редукция и выпадение узкого гласного *ы* аффикса принадлежности во временной основе (*барыаҕ-ым*) вызвали оглушение звонкого увулярного *ҕ* и превращение его в глухой *х*, это фонетическое изменение повлекло за собой преобразование сонанта *м* в губно-губной глухой согласный *п*; получившееся фонетическое сочетание потребовало вставки перед вопросительным аффиксом соединительного слога *-ын*, т. е. в целом могла иметь место такая схема преобразования: *барыаҕ-ым-ый*>*барыах-п-ын-ый*. Сравните подобное изменение притяжательных имен, где имеет место выпадение гласных с последующим восстановлением конечного глухого основы: *быһаҕым* — ол ханна баар *быһахпыный?* *ынаҕыҥ* — бу хантан ылбыт *ынах-хын-ый?*

2) В данном случае (т. е. при образовании вопросительной формы времени) к причастной основе присоединяется не аффикс принадлежности, а аффикс сказуемости, а затем уже аффикс вопроса (*барыах-пын-ый*, *барыах-хын-ый* и т. д.).

3) В данном случае имеем историческую форму винительного падежа притяжательного склонения причастия на *-ыах*, принявшую вопросительный аффикс.

§ 2. Будущее время в якутском языке можно рассматривать как исконно тюркскую форму, поскольку якутское причастие на *-ыах* соответствует (и в фонетическом и в семантическом планах) тюркскому причастию на *-ачаг/-асак/-ажаг*.

2. Значение будущего времени

§ 3. Основное значение будущего времени в якутском языке состоит в том, что оно обозначает действие, совершающееся после момента речи. Сибилигин *барыам* (АА ПУо 25) 'Сейчас *пойду*'; Кэннэки *кэмсиниэҥ* (АА ПУо 36) 'Потом *пожалеешь*'; Биһиги киэһэ *барыахпыт* (АА КСХ 299) 'Мы *пойдем* вечером'.

...Сотору үүт *биэриэҕэ*, арыы эмиэ *биэриэҕэ* (АА КСХ 31) 'Скоро она *даст* молока, масла тоже *даст*'; Биһи эһигини *тыытыахпыт* суоҕа (СО ТА I 262) 'Мы вас *не тронем*'; Онно эйигин *ыытыахтара суоҕа* (К ТА 263) 'Тебя туда *не пошлют*'.

Это — основное значение формы. Но в некоторых контекстах данная форма времени может приобретать дополнительные оттенки значения. Например, оттенок категоричности, побуждения к совершению действий после момента речи, в будущем; в этих случаях она соответственно сопровождается повелительной интонацией. Туруҥ. Күн киирийитэ *тахсыаххыт* (АФ ТА I 46) 'Вставайте. К закату солнца *выйдете*'; Оттон бу «Известия» хаһыаттан балары *бэчээттиэҥ*. Онтон туран бу «СЯ» хаһыаттан бу бэлиэтэммит абзацтары маныаха диэри *түһэриэҥ* (СО ТА I 595) 'Затем из газеты «Известия» *напечатаешь* вот эти места. После этого из газеты «СЯ» *переведешь* вот эти помеченные места до сих пор'; Талба комсомолун Микиитэ Лэглээрини *илдьэ барыаҥ* (АА СК 461) 'Талбинского комсомольца Никиту Ляглярина *поведешь* с собой'.

При употреблении в побудительном значении форма будущего времени может осложняться присоединением к ней модального слова *үһү* 'говорят'. В таком случае повеление исходит не от говорящего лица, а от вторых — косвенных лиц. Модальное слово *үһү* как раз служит для выражения этого косвенного повеления. Мунньахха *барыаххыт үһү*! '*Говорят* (*велели передать*), что (вам) надо идти на собрание'; Эттэ, арыыта, хомордоохто, и һиттэ *ыытыаххыт үһү* (НЗ ҮС 61) '*Говорят* (*велят*), чтобы вы

послали мяса, масла, сковороду, посуду'; *Аҥыы киириэҥ үһү* 'Говорят, что *нужно тебе* зайти (*зовут тебя*) кушать'. Чэй, *киирэ тардыаҥ үһү*! (ИАХ ОНЛЯ 155) 'Ну, *велят тебе зайти* немедленно'.

§ 4. Форма будущего времени в некоторых контекстах может принимать также оттенок предупреждения от совершения какого-либо нежелательного с точки зрения говорящего лица поступка-действия или предотвращения какой-либо возможной или предстоящей опасности. Ньургун, аҕал, *алдьатыаҥ* (ХС, 1964, 1, 52) 'Нюргун, дай, *сломаешь*!'

— Дьоммут утуйдулар быһыылаах.

— Очче̄ҕо кэбис кииримиим. Дьону *уһугуннарыахпыт* (ХС, 1964, 1, 18).

'— Наши, кажется, заснули.

— Тогда я лучше не зайду. А то *разбудим* людей'.

Разнообразные дополнительные оттенки данная форма времени может приобретать путем присоединения к себе различных модальных слов и частиц. Так, посредством присоединения модально-вопросительной частицы *дуу* она выражает просительно-желательный оттенок. Баһылай, олорон кэбис, уонна бу хаас улахан булт буоллаҕа дии, онон эн *түҥэтэн көрүөҥ дуу*? (ПО А II 143) 'Василий, иди, присядь; гусь ведь считается за крупную дичь, поэтому *ты бы взялся* ее *делить*'; Аты ылбыккар сурук сыһҕа *биэриэҥ дуу*, Дьөгүөр? (АА СК 475) 'В знак того, что получил лошадь, *дал бы ты*, Егор, записку?' Тукаам, ыарыһахха *киирэ сылдьыаҥ дуу*... (СД МЭК 143) 'Дружок, *не побудешь ли* ты у больного?'

Присоединение к данной форме модальных частиц *ээ, эбээ, эбээт* придает ей: 1) оттенок большей готовности, решимости говорящего лица к совершению предстоящего действия. Хайаан да мин Чоркины кыыһырдан *арахсыам эбээт*! Сүрэҕин хайытан *арахсыам эбээт*! (АА ПУо 63) 'Я ни за что *не отстану* от Чоркина, пока его не рассержу! *Не отстану*, пока не доведу его до разрыва сердца (от страха)'; Бэйи оргууй, наадабын *саҥарыам эбээт*, доҕор! (АА КСХ 101) 'Погоди, будь потише, о своей-то нужде *я уж выскажусь*, друг!' 2) Оттенок категорического отказа от совершения действия, категорического несогласия с ним говорящего лица. Эдэр дьон, Микиитэлээх Дабыыт, ол талахха тахсаннгыт, сарсыарда оттор маста аҕалыҥ эрэ.— *Бара сылдьыаххыт эбээт*! — Дабыыт өһүргэнэн

малахаччыйа түстэ. Мин эһиэхэ масчыт балтаанай уол буолбатахпын (АА СК 75) '— Молодые люди, Давыд с Никитой, выходите к тому ивняку и принесите дров на завтрашнюю утреннюю растопку.— *Небось пойдете сами!* — Давыд внезапно закрутился обиженный.—Я вам не парень-дровосек на посылках.' — Биир түүнү — бостуой кэрэйэн, баран маныах да суолу өсөһөҕүн ээ.— *Тохтуохтара эбээ. Манаабат да буолуом эбээ* (АА ПУо 63) 'Напрасно из-за одной ночи жилишься, надо бы пойти попасти, а ты упрямишься.— *Небось подождут*, (хотите) *я и совсем-то перестану пасти*'. Аһыннаххына бэйэҥ *хостуу сылдьыаҥ ээ*, мин хас сүөһүнү аһынан ханна тиийэр үһүбүн! (ДТ ТА 159) 'Если тебе жалко, *небось* сам *вытащишь*, меня одного не хватит на то, чтобы жалеть каждую скотину'.

Путем присоединения модальной частицы *ини* данная форма принимает: 1) оттенок сомнения, неуверенности в возможности совершения будущего действия. *Кэлиэҥ ини, кэлимиэҥ ини* — ол аайы мин сүпсүнэ сылдьыам дуо? '*Придешь ли* ты, *не придешь ли* — а я каждый раз должен беспокоиться?' Ээ, оттон *ытыахтара ини*, соччо эрэммэтим 'Э, *пошлют ли*, не столь я уверен (в этом)'. 2) Утрачивает значение будущего времени. Действие в этом случае скорее воспринимается в плане настоящего времени с дополнительным оттенком досады, возмущения говорящего лица по поводу совершения данного действия. Бииргэ *сэриилэһэ сылдьыахпыт ини*, киниттэн *үөбүллэ сылдьыахпыт ини*! (АА СК 541) '*И* (надо же быть такому!) *воюем* мы с ним *вместе*, *и* (несмотря на это) *терпим* его оскорбления'.

§ 5. Форма будущего времени в 3-м лице единственного числа от страдательного залога глаголов образует безличный оборот. Манна уот *оттуллуо*, ити сибинньэни уокка *быраҕыллыа* (К ТА 317) 'Тут *будет разведен* огонь, и эта свинья *будет брошена* в огонь'. Сарсын итини мунньахха *туруоруллуо* (К ТА 404) 'Завтра это *будет поставлено* на обсуждение собрания'.

§ 6. Форма будущего времени от глагола *буол-*, обычно выступающая в фонетически стяженной форме (*буолуо*), в современном якутском языке употребляется в качестве модального слова со значением 'наверное, видимо, должно быть', которое способно примыкать как к глагольным, так и именным основам. Бэйэтэ *кистээбитэ буолуо* (АА ПУо 311) '*Наверное, спрятал* он сам'. Суох, Агаша *эп-*

пэтэбэ буолуо (АА СК 412) 'Нет, Агаша, *вероятно, не сказала*'. Ээ, *оннук буолуо* (НЗ ҮС 4) '*Видимо, так и есть*'. Сүөдэр, бу *түүл буолуо* (НЯ Т II 77) 'Федор, это, *наверно, сон*'. Сааһа да үксэ *бэрт буолуо* (АА СК 241 III) 'И возраст его, *видимо*, очень большой'.

ГЛАВА III
ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

§ 1. В отличие от настояще-будущего и будущего времени прошедшее время изъявительного наклонения в якутском языке представлено целым рядом форм, которые в структурном плане делятся на простые и сложные.

1. Недавнопрошедшее (определенное, категорическое) время

Аффикс *-т* (*-д*, *-л*, *-н*)+**аффиксы лица**

§ 2. Это — одна из основных, наиболее употребительных в языке форм прошедшего времени. Она зафиксирована всеми исследователями якутского языка, начиная с акад. Бетлингка и кончая авторами всех практических грамматик. Совпадает с наличествующей в других тюркских языках формой прошедшего времени на *-д*. Образуется от любого глагола при помощи аффикса *-т* (если основа глагола оканчивается на гласный или глухой согласный), *-д* (если основа оканчивается на *-й* и *-р*), *-л* (после основ с конечным *л*) и *-н* (если основа оканчивается на носовые звуки: *м*, *н*, *ҥ*), к которым присоединяются аффиксы лица.

Спряжение недавнопрошедшего (определенного, категорического) времени

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*мин быс-т-ым* 'я отрезал'	*биһиги быс-т-ыбыт* 'мы отрезали'
2 л.	*эн быс-т-ыҥ* 'ты отрезал'	*эһиги быс-т-ыгыт* 'вы отрезали'
3 л.	*кини быс-т-а* 'он отрезал'	*кинилэр быс-т-ылар* 'они отрезали'

1 л. *мин бар-д-ым* 'я пошел'	*биһиги бар-д-ыбыт* 'мы пошли'
2 л. *эн бар-д-ыӈ* 'ты пошел'	*эһиги бар-д-ыгыт* 'вы пошли'
3 л. *кини бар-д-а* 'он пошел'	*кинилэр бар-д-ылар* 'они пошли'
1 л. *мин кэл-л-им* 'я пришел'	*биһиги кэл-л-ибит* 'мы пришли'
2 л. *эн кэл-л-иӈ* 'ты пришел'	*эһиги кэл-л-игит* 'вы пришли'
3 л. *кини кэл-л-э* 'он пришел'	*кинилэр кэл-л-илэр* 'они пришли'
1 л. *мин мун-н-ум* 'я заблудился'	*биһиги мун-н-убут* 'мы заблудились'
2 л. *эн мун-н-уӈ* 'ты заблудился'	*эһиги мун-н-угут* 'вы заблудились'
3 л. *кини мун-н-а* 'он заблудился'	*кинилэр мун-н-улар* 'они заблудились'

В приведенной схеме спряжения данной формы прошедшего времени мы отмечаем некоторые фонетические отклонения от таковой же в других тюркских языках. Это отличие касается прежде всего окончания 3-го лица единственного числа, где мы вместо окончания *ы*, характерного для других тюркских языков, обнаруживаем *а*.

Но это — широко известное в тюркологии отклонение, когда вместо тюркских узких *ы* и *и* в якутском языке обычно выступают широкие *а* и *э* (татарское *барды*, якутское *барда* 'он ушел', *ятты — сытта* 'он лег'), и наоборот, вместо тюркского широкого гласного *а* в якутских словах выступает узкий гласный *ы* (татарское *ал*, якутское *ыл* 'взять', *ай — ый* 'месяц, луна', *канат — кынат* 'крыло').

Следующее отклонение касается окончания первого лица множественного числа, где в большинстве тюркских языков мы имеем *-к*, в некоторых *-мыз*, в якутском же языке имеем аффикс *-быт*. Известно, что среди тюркологов нет единого мнения о том, почему параллельно стали возможны в парадигме спряжения глагола тюркских языков эти два окончания 1-го лица множественного числа и о том, каково происхождение этих форм.[4] П. М. Мелиоранский и В. В. Радлов форму на *-мыз* считали более древней, чем форму на *-к*. «Мало того, з (или ƨ) в первом лице множественного лица явилось несомненно в срав-

нительно более позднее время, ибо в орхонском диалекте окончание первого лица множественного числа есть 𐰢𐰔 (*-мыз*, *-миз*), в якутском наречии, сохранившем вообще много архаических, пратурецких черт, окончанием для первого лица тоже служит не *к*, а *-быt*, *-бit*, *-бyt*, *бÿt*», — писал П. М. Мелиоранский [27]. Окончание *к* «было перенесено, по моему мнению, в прошедшее категорическое из какой-нибудь другой формы по закону так называемой аналогии», — продолжал он [28].

Акад. Радлов также писал: «Окончание первого лица множественного числа *-tык*, *-tik* вместо *-tымыз* я считаю более поздней формой, образованной путем присоединения к императиву на *-ajык*» [29].

А. Н. Кононов, наоборот, считает форму на *-мыз* более позднего происхождения по сравнению с формой на *-к* и полагает, что она могла возникнуть только тогда, когда образовались 1-е и 2-е лицо единственного числа, т. е. когда вся система спряжения приняла строгий симметричный характер [30].

Свои предположения по этому вопросу высказал и Н. А. Баскаков. Он допускает, что аффикс *-к* 1-го лица множественного числа 1) либо представляет собой фонетически полную основу спряжения прошедшего времени на *-ды*, т. е. *ал-дык* (*ал-дыгъ*) без оформления ее аффиксом лица, 2) либо она является стяженной формой, исторически восходящей к фонетически полной исходной форме *ал-дыгъ -лыкъ*, т. е. состоящей из основы глагола, аффикса причастия *-дыгъ* и аффикса множественности *-лыкъ*, редуцированной в процессе фонетического развития и принявшей современный звуковой состав *ал-ды*(*гъ*)-(*лы*)*къ* [31].

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, какая из приведенных точек зрения более вероятна и убедительна, мы ограничимся только констатацией, что 1-е лицо множественного числа якутских глаголов в данной форме

[27] П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, LXXI.

[28] Там же.

[29] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff. St.-Pt., 1908, s. 45.

[30] А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. «Тюркологический сборник», М.— Л., 1951, стр. 119.

[31] Н. А. Баскаков. Причастие на *-ды*/*-ты* в тюркских языках. «Труды Ин-та востоковедения», вып. 6, 1951.

времени представляет собой не необъяснимое отклонение, а только фонетическую разновидность тех форм тюркских языков, которые оформляют первое лицо множественного числа аффиксом *-мыз*, т. е. якутский язык в этом вопросе продолжает линию языка древнетюркских памятников.

Звуковое соответствие якутского зубного взрывного *т* зубным спирантам *с* и *з* других тюркских языков широко известно не только в данном, но и в целом ряде других случаев. Ср., например: *ызых* (хак.), *ызык* (шорск.) — *ытык* (якут.) ‘священный’; *азах* (хак.), *азак* (шорск.) — *атах* (якут.) ‘*нога*’; *казың* (хак.) — *хатың* (*якут.*) ‘береза’; *кузурук* — (шорск.) — *кутурук* (якут.) ‘хвост’ и др. Также очевидна возможность перехода якутского носового звука *м* в *б*.

И наконец, отличие в спряжении якутской формы недавнопрошедшего времени от тюркской касается окончания второго лица множественного числа, здесь вместо выступающих в тюркских языках *-кыз*, *-гыз* мы в якутском языке видим *-гыт*, что объясняется аналогичным же образом, т. е. соответствием тюркских *з/с/ш* якутскому *т*.

Схема спряжения в отрицательной форме

Ед. число

1 л. *мин быс-па-т-ым* ‘я не отрезал’
2 л. *эн быс-па-т-ың* ‘ты не отрезал’
3 л. *кини быс-па-т-а* ‘он не отрезал’

1 л. *мин бар-ба-т-ым* ‘я не пошел’
2 л. *эн бар-ба-т-ың* ‘ты не пошел’
3 л. *кини бар-ба-т-а* ‘он не пошел’

1 л. *мин кэл-бэ-т-им* ‘я не пришел’
2 л. *эн кэл-бэ-т-иң* ‘ты не пришел’
3 л. *кини кэл-бэ-т-э* ‘он не пришел’

1 л. *мин мум-ма-т-ым* ‘я не заблудился’
2 л. *эн мум-ма-т-ың* ‘ты не заблудился’
3 л. *кини мум-ма-т-а* ‘он не заблудился’

Мн. число

1 л. *биһиги быс-па-т-ыбыт* ‘мы не отрезали’
2 л. *эһиги быс-па-т-ыгыт* ‘вы не отрезали’
3 л. *кинилэр быс-па-т-ылар* ‘они не отрезали’

1 л. *биһиги бар-ба-т-ыбыт* 'мы не пошли'
2 л. *эһиги бар-ба-т-ыгыт* 'вы не пошли'
3 л. *кинилэр бар-ба-т-ылар* 'они не пошли'

1 л. *биһиги кэл-бэ-т-ибит* 'мы не пришли'
2 л. *эһиги кэл-бэ-т-игит* 'вы не пришли'
3 л. *кинилэр кэл-бэ-т-илэр* 'они не пришли'

1 л. *биһиги мум-ма-т-ыбыт* 'мы не заблудились'
2 л. *эһиги мум-ма-т-ыгыт* 'вы не заблудились'
3 л. *кинилэр мум-ма-т-ылар* 'они не заблудились'

Как видно из схемы спряжения, аффикс отрицания, в зависимости от конечного звука основы глагола, варьирует следующим образом: *-па*(*-пэ*, *-по*, *-пө*), *-ба* (*бэ*, *-бо*, *-бө*), *-ма* (*-мэ*, *-мо*, *-мө*). Он занимает место между основой и аффиксом времени.

§ 3. Форма недавнопрошедшего, категорического времени может быть образована и от сложных глаголов. В этом случае основной глагол выступает в форме деепричастия, а вспомогательно-функциональный глагол — оформителем времени. Миитэрэйдээх оҕонньор Дьөгүөрдээни хотонҥо көтөҕөн киллэрэн *сууйбутунан бардылар* (АА СК 45) 'Старик с Дмитрием, занесши Егордана на руках в хотон, сразу *стали* его *обмывать*'; Оҕонньор *ытаан барда* (АА СК 9) 'Старик *стал плакать*'; Оҕолор *сырса турдулар* 'Дети *побежали* (и продолжают бежать)'; Аҕам оронугар *ынчыктыы сытта* 'Отец мой *продолжал стонать*, лежа на своей постели'.

К вопросу о происхождении формы недавнопрошедшего, определенного (категорического) времени

§ 4. Как известно, среди тюркологов не достигнуто еще единого мнения в вопросе о происхождении формы прошедшего категорического времени, хотя и высказано много различных точек зрения. Академик Бетлингк в свое время выдвинул гипотезу о возникновении данной временной формы из стяжения более полной формы на *-тах*, т. е. он допускал, что из формы *быстаҕым* развилась форма *быстым*, из формы *быстаҕыҥ* — *быстыҥ*, из *быстаҕа* — *быста* и т. д.

Эту точку зрения разделяли Дени, Броккельман, Поцелуевский, которые образовывали форму прошедшего категорического времени в исследуемых ими тюркских языках при помощи адекватного аффикса *-дык/-тык*.

Однако нашлись и противники этой гипотезы. В частности, критиком академика Бетлингка в этом вопросе выступил П. М. Мелиоранский, который нашел неудовлетворительным его фонетическое обоснование гипотезы. Никаких следов фонетического процесса перехода сначала *х* в *ƃ*, а затем выпадения *ƃ* с образованием долгого гласного, наконец, сокращения последнего в краткий (*быстахым* < *быстаƃым* < *быстыым* < *быстым*) не обнаруживается ни в одном турецком диалекте и ни в одном турецком письменном памятнике [32]. П. М. Мелиоранский высказал предположение о том, что «временной основой прошедшего категорического является некое отглагольное имя *-ды/-ты*, тем более такие имена не особенно редки и теперь. Например в османском диалекте آقینتی — течение, سزنتی — выпот, просачивание, میرلتی — ропот, шум и др. От такого отглагольного имени вполне могло бы образоваться прошедшее время посредством присоединения притяжательных местоименных аффиксов»[33].

Академик Радлов допускал возможность возникновения аффиксов прошедшего категорического времени *-дім*, *-дің*, *-ді* из абстрагировавшихся и аффиксировавшихся форм служебно-вспомогательного глагола *тур-*: из *-дірім*, *-дірің*, *-дір* [34].

Н. К. Дмитриев считал, что в основе этой формы лежит архаичное отглагольное существительное на $\frac{\text{-ыт}}{\text{-ит}}$, $\frac{\text{-ут}}{\text{-үт}}$ *-т* (после гласных) и что эти имена, принимая аффиксы принадлежности, выбрасывали узкий гласный (*ы*, *и*, *у*, *ү*) и заменяли *т* звонким *д*. Таким образом, получилось: *барытым* > *бар-дым*; *келит-иң* > *келдиң*. В синтаксическом плане эти формы реализовались при помощи имен наличия и отрицания *бар* и *юк*, т. е. получилось *бардым бар*, *келдиң юк*. В дальнейшем, очевидно, *бар* и *юк* были отброшены, вследствие чего первое слово, сохранив за собой грамматическое значение всего словосочетания, приобрело собственно глагольное значение: *бардым* — я пошел, *килдең* — ты пришел [35].

[32] П. М. Мелиоранский. Указ. соч., стр. XX.
[33] Там же, стр. XXI.
[34] Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W. Radloff. Neue Folge. St.-Pt., 1897, стр. 92.
[35] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 141.

Наконец, в последнее время со специальными работами по этому вопросу выступили А. Н. Кононов [36], Н. А. Баскаков [37] и П. И. Кузнецов [38]. А. Н. Кононов аффикс *-ды* считает формообразующим элементом прошедшего категорического времени и рассматривает его как древнюю форму аффикса принадлежности 3-го лица (современное *-сы*). Притом аффикс *-ды/-сы* он возводит к указательному местоимению *ити* 'вот этот, тот, там (недалеко), вот' в якутском языке. В подтверждение своей гипотезы А. Н. Кононов указывает: 1) соответствие якутских *т/д* тюркским *ш/с*; 2) идентичность формообразующего аффикса прошедшего категорического времени в 3-м лице ед. ч. с аффиксом принадлежности. Форма 3-го лица ед. ч. *быс-та* 'он резал' состоит из основы глагола *быс* 'резать' и аффикса *-та*; который совершенно очевидно идентичен с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. ч. *аба — та* 'отец — его' [39]; 3) материалы аналогичного построения формы в других языках (например, в алеутском).

О соответствии якутских *т/д* тюркским *ш/с* мы уже говорили выше. Это явление действительно общеизвестное, но утверждать без приведения других доказательств, что аффикс *-ды* представляет древнюю форму аффикса принадлежности и восходит к современному якутскому указательному местоимению *ити*, малоубедительно.

Нет полной идентичности аффикса *-та* в парадигме спряжения якутского глагола с аффиксом принадлежности. Аффикс принадлежности в якутском языке в 3-м лице единственного числа имеет форму *-та* только в основах, оканчивающихся на гласные звуки (см. вышеприведенный А. Н. Кононовым пример: *аба-та*). В основах же, оканчивающихся на согласные звуки, он имеет форму *-а* (*ат-а*). В последнем случае идентичность аффиксов нарушается.

С другой стороны, нет полной ясности в том, что личными окончаниями прошедшего категорического времени в якутском языке служат аффиксы принадлежности. Во всяком случае 3-е лицо множественного числа имеет

[36] А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 112—119.
[37] Н. А. Баскаков. Указ. соч.
[38] П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 40—71.
[39] А. Н. Кононов. Указ. соч., стр. 116.

оформление *-лар* (с фонетическими вариантами), а не *-лара*, т. е. здесь мы явно имеем дело не с аффиксом принадлежности, а с аффиксом сказуемости. Между прочим, в свое время академик Бетлингк, исходя из заданной им схемы, ошибочно показывал окончание 3-го лица множественного числа прошедшего категорического времени в якутском языке в виде *-лара* а не *-лар* (*быстылара* вм. *быстылар*) [40].

Н. А. Баскаковым высказана точка зрения, по которой прошедшее категорическое время в тюркских языках оформляется не посессивными аффиксами, а редуцированными, сокращенными аффиксами лица [41].

Что касается приведенного А. Н. Кононовым аналогичного материала из других языков, в частности, алеутского, то он в силу небольшого количества примеров также не имеет, как нам кажется, достаточной убедительности и доказательности.

Н. А. Баскаков аффикс *-ды* считает причастной формой, которая в современном языке, утратив склонение, сохранила лишь спряжение и выступает в предложении только в функции сказуемого. Далее, Н. А. Баскаков считает, что эта причастная форма (на *-ды*/*-ты*) является не первообразной причастной формой, а представляет собой результат фонетического развития причастной формы на *-дык*/*-тык*. Промежуточной между ними формой он считает форму на *-ыт*/ *-ит*. Таким образом, Н. А. Баскаков примирил, свел к одному общему знаменателю две казавшиеся до сих пор совершенно различными гипотезы (Бетлингка, Дени, Поцелуевского, с одной стороны, и Мелиоранского, Дмитриева — с другой) о происхождении формы прошедшего категорического времени.

Очень заманчивая своей стройностью, хорошо аргументированная фактическим материалом ряда тюркских языков гипотеза Н. А. Баскакова о происхождении прошедшего категорического времени, однако, кажется трудно приложимой к материалу современного якутского языка. Если в других тюркских языках причастие на *-дык*/*-тык* является архаичной, отмирающей формой, то для якутского языка это причастие по сей день является весь-

[40] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 305.
[41] Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. III. Фонетика и морфология, ч. I. М., 1959, стр. 443.

ма употребительной формой. Так, оно частично сохранило свою склоняемость. (В частности, изменяется в дательном, исходном, винительном падежах, а также встречается с пережиточно-сохраняющимся аффиксом родительного падежа.)

При помощи причастия на *-тах* образуются : 1) предположительное наклонение глагола (*бардаба* 'он, вероятно, ушел', *кэллэбин* 'ты, значит, пришел'), 2) вторая форма условного наклонения глагола (*бардахпына* 'если (когда) я пойду', *кэллэххинэ* 'если (когда) ты придешь').

Также достаточно широки в якутском языке синтаксические функции этого причастия. Оно выступает в предложении и в качестве главных его членов (подлежащее, сказуемое), и в качестве второстепенных (дополнение, обстоятельство, реже и как определение).

При наличии такой продолжающейся по сей день широкой употребительности, т. е. живых формах причастия на *-тах*, в частности, в якутском языке, нам кажется, трудно говорить о стяжении ее в краткую форму на *-та/-да*.

К тому же, нам кажется, не случайно до сих пор не обнаружено ни в одном из тюркских языков никаких следов этого фонетического стяжения. Уже в памятниках древнетюркской письменности форма на *-ды* употребляется как устоявшаяся самостоятельная форма наряду с причастием на *-дук*.

Принципиально эту же гипотезу отстаивает П. И. Кузнецов в своей работе «Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках», с той только разницей, что форму на *-дык* он рассматривает не как глагольно-именную, а как первоначально-глагольную — временную, которая служила для образования прошедшего времени. В этой части работа П. И. Кузнецова не может не импонировать нам, поскольку якутский язык представляет некоторый материал в пользу его тезиса.

Е. И. Убрятова в своей неопубликованной работе «Причастные формы в якутском языке» разделяет гипотезу Н. К. Дмитриева и считает, что в основе этой временной формы лежит древнее причастие на *-ыт/-т*. В подтверждение ее она приводит тот же порядок личного оформления этой формы, какой свойствен другим причастным формам, и указывает на наличие в современном якутском языке значительной группы отглагольных имен существительных и прилагательных на *-т*.

Таким образом, тюркология на сегодня не имеет единого общепринятого мнения по данному вопросу. Однако нельзя не отметить того, что все предположения о происхождении формы прошедшего категорического времени в тюркских языках, как это видно из вышеизложенного, носят весьма общий, гипотетический характер и не всегда достаточно обоснованы конкретными языковыми фактами.

Значение недавнопрошедшего (определенного, категорического) времени в якутском языке

§ 5. Исследователи якутского языка и авторы практических грамматик по-разному трактовали значение данной формы прошедшего времени. Это прежде всего выразилось в различном наименовании ими этой формы. Так, Бетлингк и Пекарский называли ее перфектом [42], Радлов — то имперфектом [43], то перфектом [44], Ястремский [45] и Хитров [46] — прошедшим совершенным временем, Ойунский[47] — только что оконченным временем, Убрятова [48] — прошедшим несовершенным, Григорьев [49] и Харитонов [50] — недавнопрошедшим временем.

Кстати, надо сказать, что единой терминологии в наименовании этой формы прошедшего времени нет и у специалистов по другим тюркским языкам. Так, А. М. Ка-

[42] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 518; Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка.

[43] Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W. Radloff. Neu Folge, 1897, § 518.

[44] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff, 1908, стр. 45.

[45] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 127.

[46] Д. И. Хитров. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858, стр. 58.

[47] П. А. Ойунский. Законы изменения якутского языка и наши задачи. «Сборник трудов Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР», вып. I. Якутск, 1937, стр. 19.

[48] Е. И. Убрятова. Язык норильских долган (тезисы диссертации). Р/Ф ЯФ СО АН СССР.

[49] M. I. Kirgielejep. Saqa tьlьn kьramaatьkata. M., 1938, стр. 107.

[50] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката. Якутскай, 1954, стр. 193.

зембек и авторы «Грамматики алтайского языка» называют эту форму прошедшим повествовательным временем, Н. Ф. Катанов — формой прошедшего времени совершенного вида, Н. П. Мелиоранский — то первым прошедшим временем, то прошедшим категорическим, Н. П. Дыренкова — прошедшим временем первым, достоверным, объективным, недавнопрошедшим, настояще-прошедшим, В. М. Насилов — прошедшим достоверным (объективным), К. Убайдуллаев — прошедшим определенным (категорическим) временем.

Называя эту форму времени perfectom, академик Бетлингк писал: «Перфект обозначает действие, законченное незадолго до момента речи» [51].

Ястремский и Хитров, называя его совершенным прошедшим временем, подчеркивали, что оно выражает совершившееся действие и, наоборот, Е. И. Убрятова, называя его прошедшим несовершенным, доказывала, что оно передает только что совершившееся действие, которое не совсем еще закончилось к моменту речи.

Н. Н. Поппе определяет значение этой формы следующим образом: «Изъявительная форма прошедшего времени выражает действие, совершенное в прошедшем времени задолго до момента, когда об этом идет речь» [52].

Г. У. Эргис, Н. С. Григорьев и Л. Н. Харитонов называют эту форму недавнопрошедшим временем, сопоставляя ее временное значение с временным значением других форм прошедшего времени.

Следует сказать, что несмотря на некоторое внешнее различие между собой, все эти описания правильно дают основные оттенки значения, выражаемые недавнопрошедшим, категорическим временем в якутском языке.

§ 6. Основное значение разбираемой формы прошедшего времени состоит в выражении определенного, совершенного незадолго до момента речи, действия-состояния, очевидцем которого является само говорящее лицо или в выражении действия-состояния, известного из таких источников, объективность которых для говорящего лица не подлежит сомнению. Исходя из этого, мы присоединяемся к исследователям родственных тюркских языков, назвав-

[51] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 715.
[52] Н. Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, стр. 99.

шим это время недавнопрошедшим, а также определенным или категорическим временем. Көрүҥ эрэ, лааппыттан бу мин ырбаахы таҥаһа *атыыластым* 'Глядите-ка, в магазине (букв.: в лавке) я вот мануфактуры на платье *купила*'; Оскуолабыттан субу эрэ *кэллим* 'Я только что *пришел* из (моей) школы'; Эбээ, биһиги *этиспэтибит*, *охсуспатыбыт*, тугу да *алдьаппатыбыт* — үчүгэйдик *олордубут* 'Бабуся, мы *не поссорились*, *не подрались*, ничего *не разбили*—хорошо *просидели*'; Хайа, Миитэрэй, эһиги *кэллигит дуу*? — *Кэллибит* ээ, Маайыас... *Кэллибит дии*... (АА СК 14) 'Как, Дмитрий, вы *приехали*? — Да, *приехали*, Майыс.... Ведь приехали...'

В этих примерах повествуется от имени первых лиц о действиях, совершенных незадолго до момента речи ими самими, т. е. здесь участником, исполнителем действия является само говорящее лицо. Маша, эн бу тылы сыыһа *суруйдуҥ* — көннөр 'Маша, ты это слово неправильно *написала* — исправь'; Нохоо, аҕаҥ өлбүт сураҕын истибиккэр бачча *үөрдүҥ* дуо? (АА СК 8) 'Дурень («парень»), ты так сильно *обрадовался* известию о смерти своего отца?' Ынах кэлин атаҕын өрө үөһэ *тамык гыннарда* (АА СК 216) 'Корова только *дернула* кверху согнутую заднюю ногу'; Дьоммут аһаан *бүттүлэр* — иһиппитин хомуйуох 'Наши *кончили* кушать — уберем посуду (нашу)'; Оҕо *утуйда* — аргыый буолуҥ 'Ребенок *уснул* — будьте потише'.

В данных примерах сообщается о недавнопрошедших действиях-состояниях от имени присутствовавшего при этом лица (свидетеля действия).

Аҕа дойду Улуу сэриитин кэнниттэн Саха республикатыгар геологическай көрдүүр үлэ киэҥник *тэнийэн барда*. Саха кыраайын сиртэн хостонор баһаам баайын көрдөөһүҥҥэ 15 тыһыынчаҕа тиийэр ахсааннаах инженердэр, техниктэр, рабочайдар уонна сулууспалаахтар *кытыннылар*. Итини таһынан элбэх колхозтаахтар *үлэлээтилэр* (Кыым 1/V 1957) 'После Великой Отечественной войны в Якутской республике в широком масштабе *проведены* геолого-разведочные работы. В разведке богатейших полезных ископаемых якутского края *приняло участие* до 15 тысяч инженеров, техников, рабочих и служащих. Сверх того *проработало* много колхозников'; ССКП КК олунньутааҕы пленумун промышленность уонна тутуу салалталарын тэриийиини салгыы тупсарар туһунан уурааҕа биһиги

республикабыт үлэһиттэригэр киэӈ биһирэбили *ылла* (ЛС, 1957, 3, 3) 'Постановление февральского Пленума ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством получило среди трудящихся нашей республики широкое одобрение'.

В этих примерах прошедшие действия хотя и не совершены непосредственно говорящим лицом или в присутствии свидетеля, но об их совершенности утверждается вполне определенно и категорически.

§ 7. Тот же характер объективности, достоверности как для говорящего, так и для слушающих (читающих) лиц имеют различные исторические события прошлого, которые также передаются формой недавнопрошедшего, определенного (категорического) времени.

Биһиги дойдубут үлэлээн иитиллээччилэрэ ленинизм знамятынан, коммунистическай партия салалтатынан история бу кылгас кэмин иһигэр охсуһуу уонна кыайыы албан ааттаах суолун *аастылар* (ЛС, 1957, 3, 31) 'Трудящиеся нашей страны под знаменем ленинизма, под руководством Коммунистической партии за этот короткий исторический срок *прошли* славный путь борьбы и побед'. Аан дойду иккис сэриитигэр Советскай Союз историческай кыайыытын түмүгэр биир ньыгыл социалистическай система *үөскээтэ* (ЛС, 1957, 4, 2) 'В результате исторических побед Советского Союза во второй мировой войне *возникла* монолитная социалистическая система'.

§ 8. Данная форма времени может употребляться и для передачи достоверных событий-состояний, совершенных в весьма отдаленном от момента речи времени. Такое употребление формы в якутском языке практикуется достаточно широко, поэтому, видимо, некоторые авторы считали, что она служит для передачи только давнопрошедших событий. Но согласиться с ними, однако, трудно. Такое употребление формы представляет собой только особый стилистический прием, применяемый с целью более яркого и доходчивого преподнесения событий давнего прошлого слушателям (читателям) настоящего момента. 1917 сыл кулун тутар 2 күнүгэр сарсыарда үлэбэр баран иһэн, Ем. Ярославскайга (Миней Израилевич Губельманнга таарыйан ааспытым. Клавдия Ивановна Кирсанова уонна Ем. Ярославскай мигин үөрэ-көтө *туһуйдулар*, кууһа-кууһа *уураатылар*. Кинилэр револю-

ция сағаламмыт, Николай II ыраахтааҕы бөрөстүөлүттэн аккаастаммыт. Бириэмэннэй правительство уонна рабочайдар депутаттарын Совета тэриллибэттэр диэн миэхэ *кэпсээтилэр* (ЛС, 1957, 3, 43) ʻУтром 2 марта 1917 года, идя на работу, я зашел к Ем. Ярославскому (Минею Израилевичу Губельману). Меня восторженно *встретили* Клавдия Ивановна Кирсанова и Ем. Ярославский, *обняли*, *расцеловали*. Они *сообщили* мне, что началась революция, что царь Николай II отрекся от престола, что образованы Временное правительство и Совет рабочих депутатовʼ; Биирдэ Микиитэ эһэтэ дьиэ таһыттан *сүүрэн киирдэ*, кулун бэргэһэтин, таба саҕынньаҕын хастыы тардыталаан оронго *элиталээтэ* уонна таһырдьа төттөрү *ыстанан табыста* (АА СК 7) ʻОднажды дед Никиты *вбежал* со двора, быстро скинув с себя жеребячью шапку, оленью доху, *побросал* их на нары, и тут же обратно *выбежал* во дворʼ; Олорор балаҕаммыт оһохтоох уота, ити кэпсээн кырдьык диэххэ айылаах, санаарҕаабыт курдук, күлүмнүү-күлүмнүү боруоран *умуллан барда*, санаам хайдах эрэ *мунчаарда*, хараҥаны *абааһы көрдүм*, туран үөттирэҕи ыламмын уоту *көннөрдүм* уонна кэлэн киһим аттыгар *олордум* (Ч. 1926, 1, 18) ʻОгонь камелька юрты, в которой мы сидели, словно подтверждая верность этого рассказа и как бы запечалившись, *стал потухать*, мне как-то *стало не по себе*, *не взлюбилась* эта темнота, и я, взяв кочергу, *поправил* огонь в камельке и *подсел* к собеседникуʼ.

В приведенных примерах повествуется о давно совершившихся событиях. Употребляя данную форму прошедшего времени, рассказчик или писатель как бы мысленно переносится в описываемое давнопрошедшее время, заново переживает события далекого прошлого, воссоздает их в своей памяти как только что происшедшие. Тем самым он добивается более доходчивого преподнесения этих давнопрошедших событий слушателю или читателю, достигает более яркого, колоритного восприятия их последними.

§ 9. Форма недавнопрошедшего (категорического) времени может употребляться в языке также в значении будущего времени, относясь к действию, предстоящему в близком или отдаленном будущем, но в скором совершении которого говорящее лицо вполне уверено и почти мыслит его как уже совершившееся. — Охоноос, ырыата таһаар! —

Бардым, бардым... Чэ, тогуруччү турунан иһиҥ! (АА СК 410) ‘— Афанас, запевай песню! — *Пошел, пошел* (в значении ‘иду, иду’). Ну, становитесь кругом!’

Мама, мин борохуоттары *көрө бардым*, сөп дуо? (НЯ Та 231) ‘Мама, я *пошла* (иду) пароходы смотреть ладно?’ Мин «Дулҕалаахпын» ылабын. Бөтүрүөп күн хотуурбун *сүктүм* да *бардым* (АА СК 303) ‘Я беру свой «Дулҕалаах». В Петров день *взял* косу и *пошел* (возьму косу и пойду)’.

§ 10. Форма 2-го лица единственного и множественного числа этого времени может выступать в значении предостережения от возможного, внезапно наступающего будущего действия, как это имеет место и в других тюркских языках. Тохтоо! Киһини *өлөрдүҥ*! (АА СК 374) ‘Остановись! Человека *убьешь*!’ Аргыый *хаһыытаа*, оҕону *соһуттуҥ*! (АА СК 241) ‘Тише кричи, ребенка *напугаешь*!’ Дьону *уһугуннардыгыт*, бэдиктэр! (АА СК 80) ‘Людей *разбудите*, сорванцы!’

2. Преждепрошедшее повествовательное время

Причастие на *-быт* + аффиксы принадлежности

§ 11. Это — вторая из наиболее употребительных в современном языке форм прошедшего времени. Она также причастного происхождения. Образуется присоединением к основе глагола аффикса причастия на *-быт/ -пыт/-мыт*, к которому прибавляются аффиксы принадлежности.

Якутское причастие на *-быт/-пыт/ -мыт* соответствует тюркскому причастию на *-мыш*, встречающемуся в древнетюркском языке и языках огузской группы. Данная форма времени, насколько нам известно, отсутствует в других тюркских языках и является специфичной для одного якутского языка.

Спряжение преждепрошедшего повествовательного времени

Положительная форма

	Ед. число		Мн. число
1 л.	*мин бар-быт-ым*	‘я ушел’	*биһиги бар-бып-пыт* ‘мы ушли’
2 л.	*эн бар-быт-ыҥ*	‘ты ушел’	*эһиги бар-бык-кыт* ‘вы ушли’

3 л.	*кини бар-быт-а*	'он ушел'	*кинилэр бар-быт-тара* 'они ушли'.
1 л.	*мин сап-пыт-ым*	'я закрыл'	*биһиги сап-пып-пыт* 'мы закрыли'
2 л.	*эн сап-пыт-ыҥ*	'ты закрыл'	*эһиги сап-пык-кыт* 'вы закрыли'
3 л.	*кини сап-пыт-а*	'он закрыл'	*кинилэр сап-пыт-тара* 'они закрыли'
1 л.	*мин тыым-мыт-ым*	'я дышал'	*биһиги тыым-мып-пыт* 'мы дышали'
2 л.	*эн тыым-мыт-ыҥ*	'ты дышал'	*эһиги тыым-мык-кыт* 'вы дышали'
3 л.	*кини тыым-мыт-а*	'он дышал'	*кинилэр тыым-мыт-тара* 'они дышали'.

В языке наблюдается использование положительной формы этого времени в сокращенном (стяженном) варианте. Особенно это характерно для глагольных основ, оканчивающихся на сонорные *р* и *л*.

Инньэ гынан дьиэтигэр киирэн баахыла *оҥорон баарта* (*=барбыта*). Омуһаҕыттан үрүмэ *таһаарта* (*=таһаарбыта*); Бу икки ардыгар эрэ Наһаар *киирэн кээлтэ* (*=кэлбитэ*) (СО К 47) 'Таким образом, зайдя в дом, она *стала готовить* вафли, из подполья *достала* молочной пенки. В это время с улицы *зашел* ее муж Назар'; Варвар-фашиһы *сиҥнээрпит* (*=сиҥнэрбиппит*), торҕон дьоппуону *түҥнээрпит* (*=түҥнэрбиппит*); 'Варвара-фашиста *низвергли*, хищного японца *опрокинули*!'

В некоторых говорах современного якутского языка имеет место замена долгого гласного стяженного варианта данной временной формы кратким гласным. Мин ол күн киэһэ баҕайы дьиэбэр *кэлтим* 'Я в тот день домой *прибыл* очень поздно'; Бүөтүр бултуу *барта* 'Петр *ушел* охотиться'.

Отрицательная форма этого времени образуется с помощью аффиксов *-батах*, *-патах*, *-матах*, к которым прибавляются аффиксы принадлежности. Аффиксы *-батах*, *-патах*, *-матах* в свою очередь состоят из двух частей: *-ба*, *-ма* (аффиксы отрицания) и *-тах* (аффикс причастия на *-тах*).

Спряжение в отрицательной форме:

Ед. число

1 л. *мин бар-батаҕ-ым* ‘я не пошел’
2 л. *эн бар-батаҕ-ың* ‘ты не пошел’
3 л. *кини бар-батаҕ-а* ‘он не пошел’
1 л. *мин сап-патаҕ-ым* ‘я не закрывал’
2 л. *эн сап-патаҕ-ың* ‘ты не закрывал’
3 л. *кини сап-патаҕ-а* ‘он не закрывал’
1 л. *мин тыым-матаҕ-ым* ‘я не дышал’
2 л. *эн тыым-матаҕ-ың* ‘ты не дышал’
3 л. *кини тыым-матаҕ-а* ‘он не дышал’

Мн. число

1 л. *биһиги бар-батах-пыт* ‘мы не пошли’
2 л. *эһиги бар-батах-хыт* ‘вы не пошли’
3 л. *кинилэр бар-батах-тара* ‘они не пошли’
1 л. *биһиги сап-патах-пыт* ‘мы не закрывали’
2 л. *эһиги сап-патах-хыт* ‘вы не закрывали’
3 л. *кинилэр сап-патах-тара* ‘они не закрывали’
1 л. *биһиги тыым-матах-пыт* ‘мы не дышали’
2 л. *эһиги тыым-матах-хыт* ‘вы не дышали’
3 л. *кинилэр тыым-матах-тара* ‘они не дышали’

Значение преждепрошедшего повествовательного времени в якутском языке

§ 12. Исследователи якутского языка по-разному называли данную форму времени: О. Н. Бетлингк — повествовательным (erzählende Tempus), С. В. Ястремский, Г. У. Эргис и Моруо — давнопрошедшим, Д. Хитров — прошедшим неопределенным, Н. Н. Павлов — прошедшим временем (*ааспыт кэм*), Н. С. Григорьев и Л. Н. Харитонов — преждепрошедшим временем, Е. И. Убрятова — прошедшим совершенным, П. А. Ойунский — прошедшим совершившимся.

В этом, как мы сказали выше, нашел свое отражение различный подход авторов к анализу формы и значения данного времени. Одни главным считали, что это время выражает сравнительно давно прошедшее до момента речи действие или состояние, и поэтому называли его то преждепрошедшим, то давнопрошедшим временем. Другие обращали внимание на внутренний характер совершенного действия и поэтому называли это время то прошедшим со-

вершенным, то прошедшим неопределенным. Третьи делали упор на общий логический характер выраженных этой формой значений и называли ее прошедшим повествовательным

§ 13. Форма данного времени передает, как и прошедшее определенное (категорическое) время, определенное, реально уже совершившееся к моменту речи действие, участником, свидетелем которого было говорящее лицо, и в объективности которого последнее совершенно уверено. Но в отличие от прошедшего определенного (категорического) времени эта форма времени обычно служит для обозначения таких прошлых действий, которые отдалены от момента речи относительно более длительным отрезком времени.

Как форма, относящаяся к более отдаленному моменту прошлого, она преимущественно употребляется в повествовательной речи для рассказа о событиях сравнительно большей давности, почему мы к введенному в школьную грамматику термину — названию этого времени «преждепрошедшее» — склонны прибавить еще «повествовательное», впервые употребленное акад. Бетлингком, т. е. назвать эту форму времени преждепрошедшим повествовательным временем. Мин Москваҕа 1939 сыллаахха *сылдьыбытым* 'Я в Москве *был* в 1939 году'; Мин Клавдия Ивановнаҕа таһаҕас *тутуспутум* (АА СК 282) 'Я *помог* Клавдии Ивановне вещи *донести*'; Кинилэри кытта, туох да наадата суох эрээри, бэйэтэ этэринэн, «дьону-сэргэни көрө» Хомуоһап Сүөдэр эмиэ *барсыбыта* (АА СК 155) 'Вместе с ними, хотя и без всякой надобности, по его собственному выражению, «посмотреть людей — народ», *поехал* и Федор Хомосов'. Настя Аргунская уон түөрт сааһын туолуутугар ийэлээх аҕата *өлбүттэрэ*. Кини онтон ыла айаҕын иһин үлэ көрдүү *барбыта*. Сор суоллаах кыыһы Ананий аҕабыт ойоҕо ньээнкэнэн *ылбыта*. Онтон ыла аҕабыт уолаттара аатын-суолун *алдьаппыттара* (ЭЭ ТА 159) 'К исполнению четырнадцати лет у Насти Аргунской *умерли* ее мать с отцом. С тех пор *пошла* на поиски работы для пропитания. Несчастную девушку *взяла* в няньки жена попа Анания... С тех пор поповские сыновья *опозорили* ее доброе имя'. Кэнники сир солоон, бурдук үүннэрэн уонна төрүүр кэлэн, арай дьону ордук санатар сэниэ ыал *буолан баартара* (ЭЭ ТА 493) 'После, в результате расчистки земли, выращивания хлеба и

приплода (прибавления) скота, они *становились* зажиточными людьми, заставляющими завидовать людей'.

Во всех этих примерах данная временная форма употребляется для повествования о реально совершенных в прошлом действиях, которые происходили сравнительно давно (соотносительно с прошедшим определенным).

§ 14. Широко употребительна эта форма времени в языке сказок. Оҕонньордоох эмээхсин *олорбуттара эбитэ үһү*. 'Говорят, *жили-были* старик со старухой'; Былыр тоҕус быраат Чорбойдор *олорбуттара үһү*, тохсуон эр бэттэрэ дьон (АА СК 25) 'В старину *жили*, говорят, девять братьев Чорбой, все девять — добрые молодцы'; Онтон ыла сайын *кылгаабыта үһү* (АА СК 21) 'С тех пор, говорят, лето стало короче'.

§ 15. В предыдущем разделе мы указывали, что прошедшее определенное время в стилистических целях употребляется для передачи событий, не только недавнопрошедших, но и давнопрошедших. При изложении давнопрошедших фактов недавнопрошедшее, определенное время может употребляться наравне и вперемешку с преждепрошедшим повествовательным временем. Мин санныбар кыра туурка саалаах, тугу да аны умнан баран, тыа суолун устун муннум анныгар кинигэйэн *ыллыы испитим* (прош. пов.). Тыаны туораан иһэн, тыа саҕатынааҕы өтөх томторугар, бурдук сиригэр, мин ыалым Арамааскы, уолун Уйбаанчыгы оҕус сиэттэрэн сир хорута сылдьарын көрөммүн, онно *бардым* (прош. опр.) Кэлэммин дорооболоһон баран билиҥҥи бурдук үлэтин туһунан, кинини батыһа хааман, *сэһэргэһэ истим* (прош. опр.) (АА СК 32). 'Я с маленьким тульским ружьем за плечами, позабыв обо всем, *шел* по лесной тропинке, тихо напевая себе под нос. При выходе из леса, увидев на пригорке у опушки леса, на пашне своего соседа Ромашку, пахавшего землю при поводырстве своего сына Иванчика,— *подошел* к нему. Подойдя, поздоровавшись, *я заговорил* с ним, идя вслед за ним, о текущей посевной работе'; Кылгас кэмҥэ ол курдук дьоллонон, барыны умнан *олорбута* (прош. пов.). Онтон Кириилэп куораттыыр сураҕын истээт, оҕонньор *уларыйа түстэ* (прош. опр.). Түбүк бөҕөҕө түһэн туран, *куораттаан хаалла* (прош. опр.) (АА СК 624) 'Короткое время он таким образом *пожил* счастливо, позабыв все. Затем, услышав весть о поездке Кириллова в город, старик сразу *преобразился*. Собравшись с большими хлопотами, он *выехал* в город'.

§ 16. В якутском языке глагол в данной форме времени одновременно с временным значением нередко выражает условие для обнаружения других действий, других фактов как прошлого, так и настоящего. Микиитэ эргиллэ *түспүтэ*,— ампаар үрдүгэр Бааса турар эбит (АА СК 360) '*Когда* Никита быстро *обернулся*, оказалось, что на крыше амбара стоит Вася'; Кинини ыраахтааҕы көскө *ыыппыта*,— кэлэн, Саха сиригэр үс сыл олорбута (АА СК 111) '*Когда* царь *отправил* его в ссылку, он, прибыв, в Якутию, прожил три года'; Маайыһы онноо5ор, Лукаҕа хамначчыт гына таарыйа, оскуолаҕа *биэрбиттэрэ*, уон биир сааһыгар оскуолатын бэрт кэбирэхтик бүтэрэн кэбиспит (АА СК 92) '*Когда* Майю *отдали* даже в школу, чтобы она одновременно прислуживала Луке, она к 11 годам очень легко окончила школу'; Кини иккис рота позициятыгар *тиийэн кэлбитэ*, быһыы-майгы күчүмэҕэй буолбут этэ (ЭЭ ТА 135) '*Когда* он *подошел* к позиции второй роты, там положение оказалось тяжелым'.

Мы видим, что при таком употреблении временное значение формы значительно ослабевает, однако сохраняется. Причем прошедшее действие в данном случае выдвигается в качестве условия, с помощью которого устанавливаются другие действия (прошлого или настоящего). Здесь мы имеем, как кажется, особый тип якутского сложносочиненного предложения.

§ 17. Форма преждепрошедшего повествовательного времени в сочетании с глаголом *буол-* (в форме любого времени) служит для выражения недействительных, притворных действий или действий, сознательно принижаемых, умаляемых говорящим лицом, преподносимых как маловажные, неполноценные (*күлбүтэ буолар, аахпыта буолла*).

§ 18. Нельзя смешивать прошедшее повествовательное время с субстантированной формой причастия на *-быт*, присоединившего к себе аффикс принадлежности.

Причастие на *-быт*, принявшее аффикс принадлежности, так же, как и любая причастная форма, может субстантивироваться, обозначая при этом объект действия, результат действия и само действие, мыслимое отвлеченно.

В синтаксическом отношении в этих случаях оно выполняет, как правило, роль подлежащего и дополнения. Дьонноро бараллары кытта *сылайбыттара*, *утуйбатахтара*, доҕотторун иччитэх арыыга *хааллларбыттара*, иккиэйэхтэрэ эмискэ биллэ түстэ (АА КСХ 313) 'Как

только ушли друзья, сразу обнаружилась их *усталость*, *то, что* они *не спали, что оставили* друзей на пустынном острове и что их было только двое'. Ыал хамначчыта кӱтӱөттээх диэн дьон кӱлӱүтэ буолуом кэриэтэ *өлбүтүм* ордук (НЯ Т 209) 'Мне лучше умереть (букв., *смерть моя* лучше), чем стать посмешищем для людей, имея зятем чужого батрака'.

3. Прошедшее результативное время первое

Причастие на *-быт* + аффиксы сказуемости

§ 19. Это — третья из основных форм прошедшего времени в якутском языке. Она отмечалась не всеми предшествующими авторами. Ее не учитывали в своих грамматиках Хитров, Иванов-Кюндэ, Эргис, Павлов, Григорьев.

Прошедшее результативное время первое также имеет причастное происхождение. Образуется, как и предыдущая временная форма, при помощи причастия на *-быт*, *-пыт*, *-мыт*, к которому присоединяются аффиксы сказуемости. Соответствует форме прошедшего времени на *-ган* и на *-мыш* в других тюркских языках, которая у Насилова называется прошедшим совершенным определенным [53], у Дыренковой — прошедшим временем вторым, давнопрошедшим [54], у Дмитриева — прошедшим-настоящим, перфектом [55], у Орузбаевой [56] и Карпова [57] — прошедшим неопределенным, у Кононова [58] и Убайдуллаева [59] — прошедшим результативным.

Спряжение прошедшего результативного времени первого

Положительная форма

Ед. число

1 л.	*мин бар-быт-пын*	'я, оказывается, ушел'
2 л.	*эн бар-быт-кын*	'ты » ушел'
3 л.	*кини бар-быт*	'он, оказывается, ушел'

[53] В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
[54] Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.— Л., 1941.
[55] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948.
[56] Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке (рук. канд. дисс.).
[57] В. Г. Карпов. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
[58] А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. 1941.
[59] К. А. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

1 л. *мин сап-пып-пын* 'я, оказывается, закрыл'
2 л. *эн сап-пык-кын* 'ты » »'
3 л. *кини сап-пыт* 'он » »'
1 л. *мин мум-муп-пун* 'я, оказывается, заблудился'
2 л. *эн мум-мук-кун* 'ты » »'
3 л. *кини мум-мут* 'он » »'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-бып-пыт* 'мы, оказывается, ушли'
2. л. *эһиги бар-бык-кыт* 'вы » »'
3 л. *кинилэр бар-быт-тар* 'они » »'
1 л. *биһиги сап-пып-пыт* 'мы, оказывается, закрыли'
2 л. *эһиги сап-пык-кыт* 'вы » »'
3 л. *кинилэр сап-пыт-тар* 'они » »'
1 л. *биһиги мум-муп-пут* 'мы, оказывается, заблудились'
2 л. *эһиги мум-мук-кут* 'вы » »'
3 л. *кинилэр мум-мут-тар* 'они » »'

§ 20. Если сравнить парадигму спряжения прошедшего результативного времени первого с таковой же преждепрошедшего повествовательного времени, то можно обнаружить, что 1-е и 2-е лицо множественного числа этих времен, образуемые различными путями (1-е при помощи аффикса *-быт* + аффиксы сказуемости, 2-е — при помощи аффикса *-быт* + аффикс принадлежности), совпадают между собой. Поэтому, например, *барбыппыт* может означать: 'мы тогда уже ушли' и 'мы, оказывается, ушли'. Различить эти формы в таких случаях приходится только по смыслу контекста. Происходит же это потому, видимо, что аффиксы сказуемости в глаголах возникли исторически из аффиксов принадлежности [60].

§ 21. В языке, особенно разговорном, данная форма времени нередко употребляется в стяженном виде: Ээ, сүгэм куһаҕан буолан, онтон санаам түһэн сыппытым да, *утуйан хаалпын дии* (СО ТА I 19) 'Э, расстроившись из-за плохого топора, я лег и тут же *заснул, оказывается*'; Ийэ дойдугар биир суол өнөнү *оҥоорнун* (СО ТА I 385) '*Оказывается*, ты своей родине *сослужил* одну хорошую лужбу'. Сүрэхпэр дьулууру *киллэркин*, сүһүөхпэр

[60] Е. И. Убрятова. Причастные формы и их роль в якутском языке (рукопись); Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. М., 1956, стр. 168.

эрчими биэрбиккин (РБ М 7) 'Ты *внес* в мое сердце стремление, ты дал моим суставам силу'; Дьоммут суохтар: үлэҕэ *бартар* (*баартар*) 'Наших нет: *ушли*, оказывается, на работу'; Итинтэн ыла уолларын пионерын чааһынан *мөхпөт буолтар* (АА КК 33) 'С тех пор они *не стали ругать* своего сына за его пионерство (букв.: в части того, что он пионер)'.

Как видно из примеров, стяжению подвергаются те же глагольные основы, которые оканчиваются на сонанты *-р* и- *л*.

Парадигма спряжения в отрицательной форме:

Ед. число

1 л. *мин бар-батах-пын*	'я, оказывается, не ушел'
2 л. *эн бар-батах-хын*	'ты » »'
3 л. *кини бар-батах*	'он » »'
1 л. *мин сап-патах-пын*	'я, оказывается, не закрыл'
2 л. *эн сап-патах-хын*	'ты » »'
3 л. *кини сап-патах*	'он » »'
1 л. *мин мум-матах-пын*	'я, оказывается, не заблудился'
2 л. *эн мум-матах-хын*	'ты » »'
3 л. *кини мум-матах*	'он » »'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-батах-пыт*	'мы, оказывается, не ушли'
2 л. *эһиги бар-батах-хыт*	'вы, » »'
3 л. *кинилэр бар-батах-тар*	'они » »'
1 л. *биһиги сап-патах-пыт*	'мы, оказывается, не закрыли'
2 л. *эһиги сап-патах-хыт*	'вы, » »'
3 л. *кинилэр сап-патах-тар*	'они » »'
1 л. *биһиги мум-матах-пыт*	'мы, оказывается, не заблудились'
2 л. *эһиги мум-матах-хыт*	'вы » »'
3 л. *кинилэр мум-матах-тар*	'они » »'

Следовательно, отрицательная форма этого прошедшего времени образуется при помощи аффикса *-батах*, к которому прибавляются аффиксы сказуемости. Оформление отрицательной формы прошедшего времени на *-мыш/-быт* с помощью аффикса *-батах*(*-мадук*) началось, видимо, с очень давних пор. По крайней мере, это мы видим уже в памятниках древнетюркской письменности.

Uluɣ äb örtänmiš, qatuŋa tägi *qalmaduq*, böküŋä tägi *qodm(ad)uq*,— tir, anča biliglär: jablaq ol (СЕМ, ПДП, 81) 'Большой дом, говорят, сгорел. Не осталось даже основания. Не осталось даже забора (крыши?). Так знайте: это дурно!'... Oɣlyn kišisin *utuzmaduq* jana toquzon boš qoñ utmyš (СЕМ, ПДП, 82) 'Своего сына и жену его он не проиграл, даже выиграл еще свободных (?) девяносто баранов'.

Значение прошедшего результативного времени первого

§ 22. Данная форма прошедшего времени выражает, в отличие от других форм прошедшего времени в якутском языке, такое прошлое действие, результат которого ощущается в виде следствия в настоящем, т. е. в момент речи, и на этом результате действия сосредоточивается главное внимание говорящего лица. По данному своему основному значению это время полностью совпадает с формой на *-ган* и на *-мыш* в других тюркских языках.

Например, А. Н. Кононов дает такое определение значения адэкватной турецкой формы на *-мыш*: «Значение формы на *-мыш* лежит на грани двух временных плоскостей — прошедшего и настоящего времени: эта форма передает действие, которое имело место в прошлом (был говорящий свидетелем его или не был — безразлично), но которое не осталось целиком в прошлом, как это имеет место при прошедшем категорическом, а ощущается в настоящем времени, но уже не как само действие, а как результат его, т. е эта форма выражает прошедшее перфективное действие» [61].

Данное определение основного значения этой временной формы полностью применимо и к якутской форме прошедшего результативного времени первого. Она выражает именно такое действие, которое будучи совершенным в прошлом, обнаруживается по своему результату в настоящий момент. Почему мы склонны присоединиться к тем авторам, которые называют данную форму прошедшего времени прошедшим результативным или перфектом. См. примеры: Абааһыта суох *иирбиппин*, арыгыта суох *итирбиппин* (ВНВ ОНЛЯ 12) '*Оказывается*, я без беса

[61] А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма «мыш». «Уч. зап. ЛГУ», № 20, вып. 1, сер. фил. наук, 1939, стр. 48.

сошел с ума, без водки *стал пьяным*'; Мин, быһыыта, Сөдүөккэ сыыһа эргэ *тахсыбыппын* (БДь МС 39) 'Я, *кажется*, зря *вышла замуж* за Федота'; Сагаатар, хаһан төннөрбүн *эппэтэхпин* (АА КСХ 313) 'К довершению всего я, *оказывается*, *не сказал* даже, когда вернусь'; Хайа, тииҥҥин түөскэ *ыппыккын дуу*?.. Хаарыан тириини *буортулаабыккын* (ЛП ХК 87) 'Как, белку ты, *оказывается*, *стрелял* в грудь? *Испортил* хорошую шкурку'; Бөлүүн уу *кэлбит*. Талба ортото *томтойбут*. 'Сегодня ночью *прибыла* вода. Середина Талбы *вспухла*'; Уҥуор халлааҥҥа харбыаласпыт тиксиһэ хайалар күлүктэрэ уута *охсуллубуттар* (АА СК 11) 'В воде *отражены* тени устремленных к небу гор с того берега'; *Алҕаһаабатах эбиттэр* (АА СК 509) '*Оказывается*, они *не ошиблись*'.

Такую семантику данной временной формы в тюркских языках группа тюркологов, как нам кажется, достаточно убедительно объясняет тем, что она первоначально в языках возникла как видовая форма, затем прошла длительный и сложный путь переосмысления во временную. «Значение перфекта, несомненно было первоначальным значением этой временной формы»,— пишет Б. А. Серебренников [62]. «Форма азербайджанского перфекта, выражая временные отношения, одновременно более устойчиво сохранила в себе древние видовые значения старого перфекта»,— пишет С. А. Пепинова [63].

Таким образом, данная форма прошедшего времени изъявительного наклонения, как и в других тюркских языках, несет в себе дополнительный видовой оттенок (оттенок результативности действия).

§ 23. Среди тюркологов нет единого мнения в понимании характера действий, передаваемых данной формой времени (особенно в случаях, когда речь идет от имени 1-го лица). Одни считают, что прошедшее перфективное время выражает заочное действие, происходившее без участия говорящего лица, о котором оно осведомлено из вторых источников.

Другие считают невозможным, чтобы говорящее (первое) лицо было осведомлено о совершенных им действиях

[62] Б. А. Серебренников. Система времен татарского глагола. Казань, 1963, стр. 28.

[63] С. А. Пепинова. Структурно-семантические (видо-временные) особенности форм прошедшего времени в немецком и азербайджанском языках. Баку, 1966, стр. 44.

из косвенных источников и что перфект передает действия, совершаемые действующим лицом непосредственно и очно.

Однако для якутского перфекта очный или заочный характер действия является не основным, а второстепенным его признаком. Основным признаком для него остается обозначение действия, совершенного в прошлом, но не осознанного в момент его совершения и обнаруживаемого лишь в настоящее время по своим наличным результатам. Мин бүгүн мииммин олус *туућаан кэбиспиппин*. 'Я сегодня суп *пересолила, оказывается*'.

В данном примере говорящее лицо в момент совершения действия не сознавало, не отдавало себе отчета в том, что оно пересаливает суп. Это обнаружилось лишь после (при снятии пробы или приеме пищи).

То же самое с примером: Суумкаллаах харчыбын дьиэбэр *хаалларбыппын*. 'Сумку с деньгами, я *оказывается, оставила* дома'. Лицо в момент совершения действия не сознавало, что сумку оставляет дома, это обнаружилось опять-таки после, в момент, когда сумка почему-то понадобилась.

Как форма, употребляющаяся для обозначения действий, не осознанных в момент их совершения, данное время, поставленное в 1-м лице обоих чисел, применяется в якутском языке и для выражения действий, совершенных действующим лицом в бессознательном состоянии (при потере сознания, обмороке, опьянении и пр.).

§ 24. Прошедшее результативное время первое может выражать и обычное действие, совершенное задолго до момента речи и употребляться в повествовательной речи как преждепрошедшее повествовательное время. Особенно часто это наблюдается в форме 3-го лица обоих чисел данного времени.

Былыыр-былыр, сылгы, ынах кыыл сылдьар кэмнэригэр, оҕус уонна атыыр *мөккүспүттэр*... Мөккүһэн баран *охсуспуттар*. Оҕус атыыр үөһүн тоҕу *сиэлийэн кэбиспит*. Атыыр, түҥнэри холоруктуу түһээт, оҕуһу үөһээ тиистэрин *көтүрү тэппит*. Түөрт атахтаах бииһин ууһа муньустан дьүүл *аспыттар*. Оҕус мөссүөнүн алдьаппытын иһин, атыыры ордук буруйдааҕынан *аахпыттар*. Онон, оҕус баҕата туолан, сайын кылгыырыгар *эппиттэр* (АА СК 21). 'В далекую-предалекую старину, во времена дикого состояния лошадей и коров, *заспорили* однажды бык с жеребцом. Поссорившись, *подрались*.

Бык своими рогами *выбил* жеребцу желчный пузырь. Тот, полетев вверх тормашками, *вышиб* ногами быку верхние зубы. Род четвероногих, собравшись, *открыл* суд. За порчу физиономии быка главным виновником *признали* жеребца. Итак, исполняя желание быка, *высказались* за укорочение лета'.

Этот отрывок взят из сказки. С этим же значением прошедшее результативное первое (в 3-м лице) употребляется и в литературном языке при связном повествовании о последовательно происходивших в прошлом друг за другом реальных действиях.

Кинилэр, тас халҕаны хатаан бараннар, саалаҕа киирэн *кэпсэппиттэр*. Аҕабыт итэр аатынан хамначчыт оҥостубут кыыһа Даша, миэхэ биэрбит тылын быһыытынан *иһиллиирги соруммут*. Кини, куукунаттан остолобуойга киирэр халҕан аһаҕас хаалбытынан туһанан, саала айаҕар тиийэн *иһиллээбит*. Аҕабыт дьүлэй буолан, кэпсэтии төһө да кистэлэҥин иннигэр, улаханнык *саҥарсыбыттар*. Онон ааҥҥа турар кыыс барытын сыһа *истибит* (ЭЭ ТА 99) 'Они, заперев наружную дверь и зайдя в залу, *стали беседовать*. Девушка Даша, которую поп под видом воспитания превратил в хамначитку, согласно данному мне слову *решилась подслушать*. Она, воспользовавшись тем, что дверь, ведущая из кухни в столовую, осталась открытой, подойдя к двери залы, *подслушала*. Из-за глухоты попа, при всей секретности переговоров, *переговаривались* громко. Поэтому стоящая у двери девушка *подслушала* почти все'.

§ 25. При повествовании о давнопрошедших событиях в якутском языке могут быть использованы все три описанные выше формы прошедшего времени (недавнопрошедшего, преждепрошедшего повествовательного и прошедшего результативного) наравне и вперемежку, т. е. при использовании для выражения одного общего временного значения нередко их различия между собой как бы стираются. Баһылайдаах Киргиэлэй биирдэрэ ыга кыыһыран, биирдэрэ олус соһуйан, утарыта көрсөн *турбахтаабыттара* (прош. повеств.). Манна баар дьон эмиэ дьиибэргээн *көрө турбуттар* (прош. результат). Онтон Киргиэлэй наһаа кэлэйбит-сиргэммит киһи быһыытынан түҥнэри эргийэн, атын сиэппитинэн оҕуруот айаҕын диэки баран иһэн: — сордоох оҕолор... Эйигиттэн итинтэн ордук тахсыа дуо! — *диэбитэ* (прош. повест.)

(АА КК 127) 'Василий с Григорием, один, сильно разозлившись, другой, очень удивленный, *постояли*, смотря друг на друга. Все присутствующие здесь люди тоже *глядели* с удивлением. Затем Григорий, отвернувшись с видом человека, сильно возмущенного и чувствующего отвращение, ведя лошадь в направлении к воротам, *воскликнул*: Эх, ты, несчастный... Разве ты способен на лучшее?'

Уу үмүрүс гынаат өрө *ыһыллыбыта*, төгүрүк ниллэр улам *кэҥээн испиттэрэ* (прош. пов.). Киһим *көстүбэтэ*. Балачча *буолла*. Киһи *биллибэтэ*. Киэҥ төгүрүктэр *суттулэр*. Мин улам *куттанан бардым* (прош. опр.) (АА КСХ 193) 'Вода, моментально схлынув в одно место, *брызнула* вверх. Водяные круги все более *расширялись*. Человек мой *не показывался*. *Прошло* порядочное время. Человек *не показался*. Широкие круги *исчезли*. Мне все более *становилось страшно*'.

§ 26. Прошедшее результативное первое в якутском языке, как и другие временные формы, сочетается со многими модальными и служебными частицами и словами, несколько осложняющими оттенки его значений. Основными из них являются усилительные частицы: *ээ*, *эбээ*, *эбээт* 'ведь', *эрэ* 'лишь', *даҕаны* 'как', *дии* 'ведь'; модальные слова: *үһү* 'говорят', *быһыыта*, *быһыылаах*, *бадаҕа* 'кажется', *буолуохтаах* 'должно быть', 'вероятно'.

Кроме этих модальных слов, довольно употребительно модальное слово *эбит* — исторически форма результативного первого времени от недостаточного глагола *э-*, которая в современном языке несет функцию модального слова со значением 'оказывается'.

Б. О. Оруэбаева в своей работе «Формы прошедшего времени в киргизском языке» аналогичное сочетание прошедшего результативного времени на *-ган* с адекватной якутскому *эбит* формой *экен* считает формой неопределенного давнопрошедшего времени. Материал якутского языка заставляет нас рассматривать сочетание любого глагола в форме прошедшего результативного времени со словом *эбит* не как самостоятельную форму прошедшего времени, а как средство усиления модального оттенка прошедшего результативного первого (оттенок обнаружения в настоящем). Киргиэлэй Дьөгүөрэп, Мэхээлэ Дьөгүөрэби кытта туохтан эрэ кыыһырсан, *сылдьыспат буолбуттар*

эбит (АА СК 234) 'Григорий Егоров и Михаил Егоров, из-за чего-то поссорившись, *оказывается*, *перестали* ходить друг к другу'; Маны эһиги *оҥорбуккут эбит дуу?* 'Это, *оказывается*, *сделали* вы?' Чахчылаах алдьархай диэн бу *тиийэн кэлбит эбит* (АА СК 220) 'Истинная беда вот когда, *оказывается*, *прикатила*'.

В этих примерах спрягаемой частью сочетания является основной времяобразующий глагол. Но якутский язык столь же одинаково допускает и вторую возможность спряжения этого сочетания, когда спрягается форма *эбит*, а основной глагол остается без изменения. Эһиги *кэлбит эбиккит дуу?* (АА СК 366) 'Вы, *оказывается*, *пришли?*' Дьэ онон мин күндү сыаналаах хара саһылы *өлөрбүт эбиппин* (АА СК 94) 'Таким образом, я *убил*, *оказывается*, дорогостоящую черную лису'.

Говорить о преимущественном употреблении одной из этих форм спряжения в языке трудно, обе употребительны в равной степени. Спецификой употребления прошедшего результативного времени первого является и то, что оно чаще, чем другие формы времени, употребляется в сочетании с различными эмоционально-усилительными словами и частицами: *бабайы*, *барахсан*, *бэйэ* + аффикс принадлежности, *эрэйдээх*, *эриэхсит* и другими служебными словами. Ханна *баран хаалбыт бабайылара́й* (К О 25) 'Куда они подевались (шут их возьми)'; Айыы туолан, бары *иирэн барбыт бэйэккэбит ини* (СО Д 7) 'Видимо, потому мы (бедные) все с ума посходили, что полную чашу нагрешили'; Уйбааскы санаатаҕын аайы кинини кырбаан *тобуойдаабыт барахсан* (АА КК 69) 'Ивашка каждый раз, когда ему вздумается, поколачивал его за милу душу'; Миитэрэй сааһын тухары *сымыйалаабатах эрэйдээх* 'Дмитрий никогда не врал (бедняжка)'; Ии үөдэн, соруоха тупсаҕайдаах буолан *сарылаабыт буола-буола* (ПО ДьТ 16) 'Фу, чертова сорока, еще закричала, как добрая'; Борис бачча сааһыгар дылы кэргэн тэринэр туһунан *кыһаллыбатах бэйэтэ* (АС ДьХ 66) 'Борис до такого (своего) возраста и не подумывал о заведении семьи'; Уйбаан *куттамыт аххан* (*абай*) 'Иван напуган изрядно'; Ону билэн баран *бэккиһээбиппин эриэхсит* 'Каково же было мое удивление, когда я узнал это'.

§ 27. Очень часто результативный характер прошлого действия, выражаемого посредством данной временной

формы, еще больше подчеркивается, акцентируется сочетанием ее с видовой формой *буолан хаал-*. Аҕыйах хонугунан истибиттэрэ, Колчак офицердара, корнет Коробейников баһылыктанан, куораттан Ньылхаҥҥа *күрээн ааспыт буолан хааланнар* (АА СК 450) 'Когда услышали через несколько дней, *оказалось*, что колчаковские офицеры во главе с корнетом Коробейниковым *удрали* из города в Нелькан'; Ким да тэрийбитэ, ким да ыҥырбыта биллибэккэ, бар дьон ааллаһан-ааллаһан эмиэ «Кымнаайы» алааска *мунньустубут буолан хааллылар* 'Неизвестно по чьей организации, по чьему зову вдруг *оказалось*, что весь народ, толпясь, уже *собрался* опять в аласе «Кымнайы»'.

А в некоторых контекстах сочетание *буолан хаал-*, нам кажется, может выражать значение прошедшего результативного времени первого и при сочетании с причастной формой на *-ар*. Хайыһан көрдөхпүнэ, киһим хайыы үйэҕэ *охто сытар буолан хаалар* 'Когда я оглядываюсь назад, то *оказывается*, что мой человек уже *упал*'; Дьиэбэр кэллэхпинэ кэргэним суох, оҕом *уһукта сытар буолан хаалар* 'Когда я прихожу домой, то *оказывается*, что жены нет, ребенок *лежит* уже проснувшийся'.

§ 28. Действия, обозначаемые этой формой времени, по своим обнаруживаемым в момент речи результатам в некоторых случаях могут восприниматься говорящим лицом с сожалением и досадой или, наоборот, с удовлетворением и восхищением в различной степени. Обычно это имеет место в ярко выраженной эмоциональной речи. В таких случаях на письме узкий гласный аффикса сказуемости, присоединяемого к причастию на *-быт* в 1-м и 2-м лице единственного числа преобразуется в соответствующий дифтонг, 3-е же лицо обоих чисел, а также 1-е и 2-е лицо множественного числа дополнительно присоединяют аффикс *-ыан* (*-иэн*, *-уон*, *-үөн*).

Алдьаммытын билэ-билэ, бу сааҕа харчыбын *биэрбиппиэн*! (МК СТК 132) 'И *как же это я зря растратил деньги*, заранее зная, что это ружье неисправное'; Хаарыан быһаҕы ити киһиэхэ *алдьаттарбыккыан*! (МК СТК 132) '*Ну и дал же ты испортить* этому человеку такой хороший нож!' Бачча дойдуга халтай *хаампыппытыан*! (МК СТК 132) '*Как жаль, что* такое далекое расстояние мы *прошагали* зря!'

4. Прошедшее результативное время второе

Деепричастие на -*ан* + форма настояще-будущего времени глагола *тур*-

§ 29. Эта форма прошедшего времени образуется сочетанием деепричастной формы на *-ан* от любого самостоятельного глагола и глагола *тур-* в форме настояще-будущего времени.

Спряжение прошедшего результативного времени второго

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин* + дееприч. на *-ан* от основного глагола + *турабын*
2 л. *эн* + » + *турабын*
3 л. *кини* + » + *турар*

Мн. число

1 л. *биһиги* + дееприч. на *-ан* от основного глагола + *турабыт*
2 л. *эһиги* + » » + *турабыт*
3 л. *кинилэр* + » » + *тураллар*

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин* + дееприч. на *-ан* в отриц. форме от осн. глагола *турабын*
2 л. *эн* + » + *турабын*
3 л. *кини* + » » + *турар*

Мн. число

1 л. *биһиги* + дееприч. на *-ан* в отриц. форме от осн. глагола + *турабыт*
2 л. *эһиги* + » » + *турабыт*
3 л. *кинилэр* + » » + *тураллар*

Здесь видно, что при спряжении в отрицательной форме отрицание принимает основной глагол в деепричастной форме (имеется две формы отрицания: на *-бакка* и на *-ымына*), а служебный глагол *тур*-так и остается в форме настояще-будущего времени. Параллель данной формы времени встречается в других тюркских языках. Это «прошедшее сложное второе», по Дыренковой [64] (*ойнап-тыр-бым-*

[64] Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.— Л., 1941, стр. 200.

бын) я играл (оказывается)), «прошедшее совершенное с наличным результатом» по Насилову [65] (*qilip-dur-mən* — я сделал уже и результат сделанного налицо), «форма настоящего времени с наличным результатом», или «прошедшее в настоящем» по Баскакову [66] (*бар-ып-пан* — я, оказывается, ушел — в каракалпакском языке), «давнопрошедшее субъективное время», по Убайдуллаеву [67] (*кой-ып-пан* — я, оказывается, положил). Но, как видно из приведенных примеров, в тюркских языках в данном случае глагол *тур-* выступает как более грамматикализованный компонент формы (в том числе и как аффикс). В якутском же языке он выступает более самостоятельно, с полным сохранением всех форм спряжения функционально-служебного глагола.

Значение прошедшего результативного времени второго

§ 30. Н. П. Дыренкова таким образом определяет значение параллельной шорской формы: «действие, совершенное в прошлом, очевидцем которого, как правило, говорящий не был» [68]. То же самое говорит и К. Убайдуллаев. В. М. Насилов называет это время в уйгурском языке «прошедшим совершенным с наличным результатом» [69], т. е. подчеркивает, что это время выражает совершенное в прошлом действие, результат которого имеется налицо. Н. А. Баскаков устанавливает общность значения этой формы для большинства тюркских языков — констатацию совершившегося действия [70].

У исследователей якутского языка эта временная форма вовсе не фигурирует, поэтому никак и не характеризуется. Мы назвали это время прошедшим результативным вторым, стараясь прежде всего подчеркнуть результативный характер выражаемых им прошлых действий.

[65] В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 95.
[66] Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Морфология. М., 1956, стр. 287.
[67] К. Убайдуллаев. Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955, стр. 15.
[68] Н. П. Дыренкова. Указ. соч., стр. 201.
[69] В. М. Насилов. Указ. соч., стр. 95.
[70] Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 228.

Со стороны структурной это время представляет сочетание деепричастия на *-ан* от любого самостоятельного глагола со спрягаемой формой служебного глагола *тур-*. Для большинства тюркских языков глагол *тур-* содержит в себе три различных понятия: 1) стоять; 2) встать, подниматься; 3) жить, существовать, пребывать.

Так, например, в татарском языке: Өстәлдә самовар *тора* 'На столе *стоит* самовар'. Син урыныннан *тор* 'Ты *встань* с места'; Мин Казан шәһәрендә *торам* 'Я *живу* в городе Казани'.

Два первых значения глагола *тур-* в равной мере присущи и якутскому языку. В третьем значении (жить, существовать, пребывать) он в якутском языке употребляется намного реже. Так, можно сказать: Сүөһү-ас хайдах *турарый?* 'В каком состоянии *пребывает* скот (каково современное состояние скота)'. В разбираемом временном сочетании глагол *тур-*, выступая в функционально-служебной роли, сохраняет значение, приближающееся к последнему значению, а именно: 'иметься, быть в наличии, быть в состоянии'. Мин *ааҕан турабын* 'Я *читал* (в прошлом), по существу, означает: я, прочитавши, нахожусь, я есть тот, который имеется, который пребывает сейчас, в настоящее время в качестве прочитавшего в прошлом'. Здесь глагол *тур-*, выступающий в служебном значении, сочетаясь с деепричастной формой на *-ан*, и создает форму прошедшего результативного времени второго в якутском языке.

Теперь несколько слов о деепричастной форме на *-ан*. В современной тюркологической литературе принято считать, что деепричастия не содержат в себе временного значения. Мы не собираемся опровергать это общепринятое положение и солидаризируемся с ним для современного этапа изученности тюркских языков. Однако не исключена, видимо, возможность того, что деепричастные формы в тюркских языках некогда могли содержать идею времени. Прямые следы этого мы обнаруживаем в ряде языков. Например, в некоторых тюркских языках некоторые деепричастные формы (в киргизском, узбекском, казахском языках на *-ып* и на *-а(й)*, в якутском на *-ан* и *-аар*) могут непосредственно принимать личные аффиксы. При этом, по показанию Б. О. Орузбаевой [71], в первых при-

[71] Б. О. Орузбаева. Формы прошедшего времени в киргизском языке (рукопись канд. дисс.).

веденных трех языках эти деепричастные формы носят и значение времени (*оку-п-мун* — оказывается, я прочитал, *бар-а-мын* — я пойду).

В современном якутском языке деепричастия, принимающие личные аффиксы, в определенных контекстах, нам кажется, также могут содержать значение времени. Это имеет место в тех сложных предложениях, где деепричастие на *-ан* выступает в качестве самостоятельного сказуемого со своим самостоятельным подлежащим. Мин үөрэхпин *бүтэрэммин*, дьонум олохторо тубуста 'Я *закончил* учебу, и (в результате этого) улучшилась жизнь моих родителей'; Эн *кэлэҥҥин*, мунньахпыт буолла 'Ты *пришел*, и (благодаря этому) собрание наше состоялось'; Колхоз электростанция *тутан*, быйыл биһиги абыранныбыт 'Колхоз *выстроил* электростанцию, поэтому мы нынче блаженствуем'.

Однако там, где деепричастия на *-ан* и *-аары* выступают в качестве однородных сказуемых или обстоятельств, т. е. без своего самостоятельного подлежащего, они сами по себе не выражают значения времени. Последнее выражается личной формой глагола, к которой они примыкают. Дьиэбэр *кэлэммин*, сылабаар туруорабын '*Придя* домой, я ставлю самовар (настоящее время)'; Мин дьиэбэр *бараарыбын* хомуннум 'Я собрался, *чтобы идти* домой (прошедшее время)'.

Никто еще специально не исследовал деепричастные формы в якутском языке, но имеется интересное предположение академика Бетлингка о том, что подобное явление (т. е. употребление деепричастных форм с личными аффиксами) объясняется, возможно, тем, что деепричастия в прошлом представляли собой причастную форму [72], а последняя является основным носителем категории времени. Поэтому, хотя значение прошедшего времени создается всем разбираемым аналитическим сочетанием в целом, все же мы склонны предполагать, что основным носителем идеи прошедшего времени здесь выступает деепричастная форма на *-ан*. Форма же глагола *тур-*, спрягаемая в аспекте настояще-будущего времени, служит для связывания совершенного в прошлом действия с настоящим моментом. Совершенное в неопределенном прошлом действие выявляется в момент речи. Но это выявле-

[72] O. Böhtlingk. Указ. соч., стр. 290, § 761.

ние в отличие от прошедшего результативного первого происходит не по наличествующим в момент речи результативным признакам, а по утверждению, констатации говорящего в момент речи факта совершенности действия в прошлом, т. е. в семантику данной временной формы дополнительно наслаивается результативное видовое значение. Надо, видимо, полагать, что данная временная форма возникла на базе переосмысления былой видовой формы со значением законченности действия к моменту речи, почему и ощущается сегодня ее большая близость к значению вида. Мин эмиэ кинини биирдэ билиэн *ылан турабын* (ААСК 519) 'Однажды я его тоже *забирал* в плен (я тот, который однажды в прошлом тоже забрал его в плен)'; Эн биһигини тулаайах буолан, эрэйи көрө сырыттахпытына, улаханнык *абыраан тураҕын* (ЭЭ ТА 473) 'Ты нас сильно *выручил* (сейчас пребываешь в качестве спасшего нас в прошлом), когда мы, будучи сиротами, сильно бедствовали'; Коммунизм туругуруутун кэлин тиһэҕэр тииййэн үлэ таһаарыытын үрдүүрэ быһаарар диэн Ленин *ыйан турар* (СО ДьЭИ 34) 'Ленин *указывал*, что победу коммунизма в конечном счете решает подъем производительности труда'; Додор уола аҕата кистээбит баайын көрдүү сатаан баран *булбакка* (*булумуна*) *турар* 'Сын Додора из сил выбился в поисках упрятанного отцом богатства, но так и *не нашел*'; Мас хайытар эрбии араамытын *сакаастаһан тураллар* (СО ДьЭИ 78) 'Они уже *заказали* пилораму'; Ол түүн ытаары кирдиэхтэтэн бараннар, киһи эрэ буоллаллар *ыппакка* (*ытымына*) *тураллар* 'В ту ночь, угрожая немедленным расстрелом, ведь все-таки *не расстреляли*'.

§ 31. В отличие от соответствующей формы в других тюркских языках, которая употребляется для выражения только заочных действий, при совершении которых говорящее лицо не присутствовало, прошедшее результативное второе в якутском языке безразлично к оттенку очевидности и заочности. Оно выражает преимущественно очные действия, совершенные самим говорящим лицом или другими лицами в их присутствии. Одновременно оно может обозначать и заочные действия, достоверность которых для говорящего не подлежит сомнению.

§ 32. С данной формой прошедшего времени совпадает форма настоящего времени, образуемая аналогичным образом: сочетанием деепричастия на *-ан* от основного гла-

гола и глагола *тур-* в форме настояще-будущего времени, но выступающего в данном случае уже в своем лексическом значении 'стоять' и 'становиться'. Миитэрэй киһини үтүктүбүтэ табыллан, үөрэн-көтөн, атаҕар иилистибит уолу адаҕа курдук соһо тарпытынан, уот иннигэр *кэлэн турар* (АА СК 33) 'Дмитрий, радостно возбужденный от своей удачи в подражании людям, волоча, как путы, зацепившегося за ногу мальчика, подходит и *становится* перед камельком'; Тульчинскай саҥата суох, сымыһаҕын ытыран баран, *истэн турар* (НЯ Та 94) 'Тульчинский, прикусив губу, стоит молча и *слушает*'; Сир-дойду *силигилээн турар* (АА СК 629) 'Вся окружающая природа *стоит* в полном цвету'; Улуу куорат *чуҥнаан, чуумпуран турар* (АА С 6) 'Великий город *стоит* настороженный, затихший'; Ыал дьиэтин таһыгар хас-да ыҥыыр аттар *баайыллан тураллар* (ЭЭ ТА 169) 'Во дворе на привязи *стоят* несколько оседланных лошадей'; Ити уол өсөһөн бэргэһэтин *кэппэккэ турар* 'Этот мальчик заупрямившись, *стоит*, не надевая свою шапку'. В подобных случаях деепричастие на *-ан* не является времяобразующим компонентом сочетания, как это имело место выше, а выражает всего только побочное действие, совпадающее по времени с основным действием (а оно происходит сейчас — оформлено настоящим временем от глагола *тур-*). В синтаксическом плане оно в данном случае выполняет чаще всего обстоятельственную функцию.

§ 33. Нельзя смешивать с данной формой прошедшего времени и омонимичную с ней описательную форму начинательного вида глагола (в этом случае глагол *тур-* употребляется в значении 'встать', 'подниматься'). Кыыһым мин бараары гынарбын биллэр эрэ, *сайыһан, айдааран турар* 'Дочь моя, как только узнает, что я собираюсь уходить, тут же *поднимает* шум, просясь идти вместе'; Киһибит «Чаҕыл» диэн тылы истиэ эрэ кэрэх, — сонно тута *кыыһыран, кыынньан турар* 'Нашему собеседнику стоит только услышать слово «Чагыл» — он тут же *начинает сердиться, кипятиться*'; Эһигини кытта оонньуур көдьүүһэ суох: кыаттараары гыннаргыт эрэ *албыйсан турабыт* 'С вами бесполезно играть: как только намечается ваш проигрыш, вы тут же *начинаете путать* (обманывать)'; Уопсайынан мөлтөһүөр доруобуйалаах: сотору-сотору *ыалдьан турар* 'У него вообще слабоватое здоровье: то и дело *начинает болеть*'.

Внешнее совпадение форм во всех этих случаях полное, отличать их друг от друга помогает только контекст, общий смысл предложения. Форма прошедшего результативного времени второго в якутском языке является одной из широко употребительных форм прошедшего времени. Притом более употребительна она в положительной форме спряжения, нежели в отрицательной.

§ 34. В некоторых случаях сочетание *тур-* с деепричастием на *-ан* утрачивает свое глагольное значение и может выступать в роли определения и дополнения предложения. Бөтүрүөп—колхоһу улаханнык *куорбаллаан турар* киһи 'Петров — человек, в прошлом сильно *разоривший* колхоз (определение)'; Бары иэдээним Ааныстыын *иссэн турарбыттан* таҕыста 'Вся моя беда получилась из-за моей *ссоры* (в прошлом) с Аннушкой (дополнение)'.

Это объясняется способностью причастной формы на *-ар* (компонента данного сочетания) субстантивироваться и склоняться подобно любой другой причастной форме.

5. Прошедшее эпизодическое время

Причастие на *-быт* + аффикс *-лаах* + аффикс сказуемости; причастие на *-быт* + аффикс принадлежности + имя *баар*; деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени от глагола *тур-*

§ 35. Это — также достаточно употребительная в языке форма прошедшего времени изъявительного наклонения. Она образуется тремя способами: 1) при помощи причастия на *-быт*, к которому присоединяются аффиксы имени обладания на *-лаах*, затем сказуемости; 2) описательным путем — сочетанием деепричастия на *-ан* от основного глагола с причастием на *-быт*, принявшего аффикс принадлежности и имени наличия *баар*; 3) сочетанием деепричастия на *-ан* от основного глагола и формой настояще-будущего времени от функционально-вспомогательного глагола *тур-*.

Эту форму прошедшего времени отмечали П. А. Ойунский [73], Н. С. Григорьев [74] и Л. Н. Харитонов [75]. При

[73] П. А. Ойунский. Законы изменения языка и наши задачи. «Сборник трудов Научно-исследовательского ин-та языка и культуры при СНК ЯАССР», вып. 1. Якутск, 1937.
[74] M. I. Kirgielejep. Saga tылn kьramaatьkata. M., 1938.
[75] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947.

этом Н. С. Григорьев привел стяженную со связкой *этэ*, т. е. с формой прошедшего определенного времени от недостаточного глагола *э-*, форму этого времени (*барбыттаабa, кэлбиттээбэ*), назвав ее давнопрошедшим временем. П. А. Ойунский и Л. Н. Харитонов взяли первый вариант этого времени, т. е. образуемый от основы причастия на *-быт* + аффикс обладания на *-лаах* + аффикс сказуемости (*барбыттаах, кэлбиттээх*), первый назвал это время прошедшим временем, второй — прошедшим эпизодическим временем.

Спряжение прошедшего эпизодического времени

Первый вариант

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбыт-таах-пын*	'мне пришлось однажды (там) побывать, я имел в прошлом случай побывать (там)'
2 л. *эн сылдьыбыт-таах-хын*	'тебе...; ты...'
3 л. *кини сылдьыбыт-таах*	'ему...; он...'

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбыт-таах-пыт*	'нам...; мы имели...'
2 л. *эһиги сылдьыбыт-таах-хыт*	'вам...; вы'
3 л. *кинилэр сылдьыбыт-таах-тар*	'им...; они'

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбатах-таах-пын*	'мне пришлось однажды (там) не побывать; я имел в прошлом случай не побывать (там)'
2 л. *эн сылдьыбатах-таах-хын*	'тебе...; ты...'
3 л. *кини сылдьыбатах-таах*	'ему...; он...'

Мин ол мунньахха тыл *эппиттээхпин* 'На том собрании *я имел возможность (случай) выступить*'; Кырдьык, мин ыҥырыллан баран, ыалдьан *барбатахтаахпын*. 'Действительно, будучи зван, я по болезни *имел случай не пойти* (туда)'.

Второй вариант

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбы-ым баар* 'я был (ходил) как-то раз'
2 л. *эн сылдьыбыт-ыҥ баар* 'ты...'
3 л. *кини сылдьыбыт-а баар* 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбып-пыт баар* 'мы были (ходили) как-то раз'
2 л. *эһиги сылдьыбык-кыт баар* 'вы...'
3 л. *кинилэр сылдьыбыт-тара баар* 'они ...'

При спряжении в отрицательной форме вместо имени наличия *баар* выступает имя отрицания *суох*.

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбыт-ым суох* 'я ни разу не был (не ходил)'
2 л. *эн сылдьыбыт-ыҥ суох* 'ты...'
3 л. *кини сылдьыбыт-а суох* 'он...'

Мин ыҺыахха онно эрэ *сылдьыбытым баар* уонна хаҺан даҕаны сылдьыбатаҕым 'Я на ысыахе только тогда и *был*, больше никогда не ходил'; Таҥара баарын-суоҕун ким даҕаны көрөн *кэлбитэ суох* (НЯ Та 31) 'Еще *не было случая, чтобы* кто-нибудь *сходил* и *увидел* наличие или отсутствие бога'.

Подобные образования в якутском языке сравнительно редки. Они обычны в родственных тюркских языках: в татарском языке *күргэнем бар* 'я видел, увидел', *күргэнем юк* 'я не видел, не увидел', *булганым бар* 'я был, бывал', *булганым юк* 'я не был, не бывал', в узбекском языке — *килгэнем юк* 'нет моего прихода, я не приходил', в уйгурском языке — *килҕаним бар* 'я сделал, делал', *килҕаним юк* 'я не сделал, не делал'.

Одни тюркологи усматривают в этих конструкциях форму прошедшего времени изъявительного наклонения [76], тогда как другие склонны отрицать это [77].

[76] А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 153—155.
[77] Б. А. Серебренников. Система времен татарского глагола. Казань, 1963, стр. 31.

Довольно значительная употребительность в современном языке, хотя и уступающая первому варианту, полная спрягаемость в обоих аспектах спряжения, адекватность выражаемых значений заставляют нас рассматривать данную конструкцию в якутском языке в качестве второго варианта прошедшего эпизодического времени. Притом нам кажется, что именно эта конструкция легла в основу первого — основного варианта прошедшего эпизодического времени, т. е. последний мог возникнуть в результате ее смыслового и грамматического переоформления, ее «синтетизации», в результате замены имени *баар* аффиксом обладания *-лаах* и аффикса принадлежности аффиксом сказуемости, т. е. аналитическая конструкция типа *сылдьыбытым баар* могла преобразоваться и дать синтетическую форму *сылдьыбыттаахпын*.

Третий вариант

Положительная форма

Ед. число

1 л.	*мин сылдьан турар-даах-пын*	'мне пришлось однажды побывать; я имел в прошлом случай посетить'
2 л.	*эн сылдьан турар-даах-хын*	'тебе...; ты...'
3 л.	*кини сылдьан-турар-даах*	'ему...; он...'

Мн. число

1 л.	*биһиги сылдьан турар-даах-пыт*	'нам...; мы имели...'
2 л.	*эһиги сылдьан турар-даах хыт*	'вам...; вы...'
3 л.	*кинилэр сылдьан турар-даах-тар*	'им...; они...'

При спряжении же в отрицательной форме третьего варианта этого времени отрицание принимает основной глагол в деепричастной форме.

Ед. число

1 л.	*мин* + деепричастие на *-ан* в отр. форме	+ *турардаахпын*
2 л.	*эн* + » »	+ *турардааххын*
3 л.	*кини* + » »	+ *турардаах*

Мн. число

1 л. *биһиги* + деепричастие на - *ан* в отр. форме
+ *турардаахпыт*
2 л. *эһиги* + » » + *турардааххыт*
3 л. *кинилэр* + » » + *турардаахтар*

Однако отрицательная форма приведенного варианта этого времени в современном якутском языке ввиду своей громоздкости употребляется сравнительно редко, ее заменяют другими оборотами.

Как видно из приведенного спряжения, формообразующим элементом этого варианта прошедшего эпизодического времени является сочетание деепричастия на *-ан* и причастия на *-ар* от глагола *тур-*. Аффикс же обладания *-лаах* придает времени оттенок эпизодического характера совершенного в прошлом действия.

Значение прошедшего эпизодического времени

§ 36. Л. Н. Харитонов в своей книге «Современный якутский язык» назвал это время прошедшим эпизодическим временем, видимо, желая подчеркнуть, что оно передает прошлые действия случайного, эпизодического характера. Нельзя не согласиться с таким названием и характеристикой разбираемой формы прошедшего времени в якутском языке. Посредством ее обозначаются случайные, носящие эпизодический, а во многих случаях не только эпизодический, нерегулярный, но и однократный характер, прошлые действия. Поэтому это время носит еще и видовое значение, т. е. оно одновременно выражает значение и однократного вида глагола. Уонча сыллааҕыта эмиэ биир дуолан айдаан *буолбуттаах* (АА КСХ 241) 'Лет десять тому назад тоже *имел место* один грандиозный скандал'; Күһүн балтараа мөһөөгү ыламмын хаарты *оонньообутум баар* (К К 20) 'Осенью взял полтораста рублей и *проиграл* в карты (был такой случай)'; Өлөр дууһалаахпын диэн биирдэ эмэ *өйдүөн көөртүн баар* дуо? (АС О 11) '*Подумал* ли *хоть раз* о том, что ты смертен?' Айыыны абааһы *бастаабыта суох* (ИАХ ОНЛЯ 66) '*Не бывало того, чтобы* черт *первенствовал* над человеком'; Урут ууга түһэр киһи биирдэ да итигирдик *хаһыытаабыта суох* (ХС, 1944, I, 53) 'Раньше тонущий в воде человек *никогда* так *не кричал*'; Мин биирдэ эмиэ оннукка түбэһэн,

тутуһан, айдаарсан турардаахпын (НЯ Та 6) 'Однажды я тоже, попав в такой переплет, *имел случай придраться* и *пошуметь*'; Онон Иҥнэри Дьарааһын бэйэтин ойоҕун дэлби кырбаабытын иһин икки сылга хаайыыга эмиэ *олорон турардаах* (ДТ ТА 60) 'Поэтому Хромой Герасим за сильное избиение своей жены тоже *однажды* (один раз) *просидел* в заключении два года'.

§ 37. При известных синтаксических и смысловых условиях контекста второй вариант прошедшего эпизодического времени может приобретать дополнительный модальный оттенок удивления, возмущения, досады говорящего лица совершенным или несовершенным в прошлом кем-то действием. Маайа барахсан, Даайыһы көрсүөм этэ диэн, бачча дойдуга ат аттананан *кэлэн испитэ баар* (АС ОДь 73) 'И подумать только, бедная Мая из-за одного желания повидаться с Даей *приехала же* (букв.: *стала же приезжать*) в такую даль!' Биһиги да ити дьүһүннээҕи *билбэтэхпит баар* '*И* мы *ведь* (оказались такими, что) *не узнали* такой пустяк'; Оттон бэйэҥ да ити үлүгэр кыраттан *иссэ, кыыһырса турбутуҥ баар* '*И надо же было тебе затевать* ссору-распрю из-за такого пустяка'.

§ 38. В иных контекстах этот вариант прошедшего эпизодического времени утрачивает непосредственное значение формы прошедшего времени, а выражает скорее видовой оттенок быстрого совершения действия или наступления явления. Хотун Харытыана от мунньааччы, бурдук быһааччы бастыга, тиэрэ дайбаан мэтэһийэ сылдьан, *бүтэрбитэ-оһорбута баар* (АА СК 232) 'Хозяйка Харитина, первая из сеносборщиц и жниц, широко размахивая руками, *делает* все *быстро* (глядишь — все уже сделала)'; Көрүөҥ бэтэрээ өттүгэр Арыпыана *кыыһырбыта баар* 'Не успеешь оглянуться, как Агриппина *уже рассердилась* (сердится мгновенно, быстро)'.

Аһатыынньыгынан алыс, бэринньэгинэн бэрт, хонуһомсоҕунан олус баҕадьыга *барбыта баар*, уруурга *ойбута баар*, ыалга *ыстаммыта баар* (ӨӨ ЫХ 45) 'Угощать любит очень, дарить любит отменно, к гостеприимству склонна весьма; на неводьбу *уж убежала*; на свадьбу *уже ускакала*; в гости уже *выпрыгнула*'.

Очень часто в таких сочетаниях оттенок постоянства (обычности) быстрого совершения действий усиливается введением модально-вводного слова *буолар* 'бывает'. **Кини...** бииргэм солото суох затырар, бииргэм онно

тиийбитэ, манна *кэлбитэ баар буолар* (ХС, 1943, 2, 5) 'Он всегда слывет занятым, всегда *оказывается уже ушел* туда, *уже пришел* сюда'.

6. Прошедшее незаконченное время (имперфект)

Причастие на *-ар + этэ*; причастие на *-ар + а*

§ 39. Поскольку данная форма прошедшего времени так же, как и некоторые другие, образуется с участием вспомогательного глагола *э-*, мы считаем необходимым перед непосредственным описанием формы несколько остановиться на этом глаголе.

В современной тюркологической литературе имеется общепринятое мнение, что этот глагол в одних древних тюркских языках звучал *эр-*, в других *ир-* и что в *э-* он видоизменился с течением времени в силу определенных фонетических изменений (в частности, редукции и выпадения звука *р* в закрытом слоге) и что он, одновременно утратив многие из правильных форм своего спряжения, превратился в недостаточный глагол (verbum defectivum). Таким образом, глаголы *эр-/ир-* и *э-* рассматриваются в тюркологии как один и тот же глагол.

По материалам же якутского языка эти формы не являются одним глаголом. И *э-* и *эр-* в современном языке являются разными вспомогательными глаголами, выполняющими в основном служебные функции.

Глагол *эр-*

§ 40. Глагол *эр-* подобно ряду видообразующих функционально-служебных глаголов употребляется, как правило, с деепричастием на *-ан*, с которым образует сложную основу глагола, могущую принимать все формы изменения. Последней обозначается:

1) видовое значение начала действия. Оҕо *ытаан эрэр* 'Ребенок *начинает плакать*'; Кинигэ *а а эрэбин* '*Я начинаю читать* книгу';

2) видовое значение протяженности глагольного действия от его начала до определенного предела, совершаемость действия в ограниченных, обычно коротких от его начала, отрезках времени. Миигин *күүтэн эрээр* '*Подожди* меня *некоторое время*'; Киһигин *күүтэн эриэн*

дуу? '*Подождешь* что ли *еще немного времени* своего человека?' Дьонун *күүтэн эриэхтээх* 'Он своих *должен подождать некоторое время*'.

Как отдельный самостоятельный глагол он не встречается. Только в некоторых редких оборотах он и его производные могут выступать как самостоятельные глагольные формы со значением 'быть': Надежда Алексеевна дьиэтигэр *эрдэбинэ* утуйар кэмин тоҕо эрэ уталыта сатыырга дылыта (ХС, 1966, 3, 45) 'Когда Надежда Алексеевна *была* дома, она, казалось, почему-то старалась оттягивать свое время начала сна'; Киһи оҕо *эрдэбиттэн* ыарыһах 'Он с самого *детства* (с *того* еще *времени*, *когда был маленький*) болен'; Ыалдьан көрөн ыалдьары *билбэт эрэрим* — ыалдьар бөҕө ыксары буолар эбит; өлөн көрөн өлөрү *билбэт эрэрим* — өлөр бөҕө күчүмэҕэй буолсу (ВНВ ОНЛЯ 76) 'Не испытав болезни в прошлом, я *не ведал*, что такое болезнь, а болеть, оказывается, — тяжкая вещь, не испытав смерти в прошлом, я *не видел* что такое смерть, а умирать, видимо, весьма тяжко'; Мин иннибинэ киһи хотон билиэҕэ *диэбэт эрэрим* (ВНВ КК 149) 'Я *не предполагал*, что до меня кто-нибудь сможет узнать'.

Сравните переоформление приведенных примеров с помощью глагола *э-*: ыалдьан көрөн ыалдьары *билбэт этим* — ыалдьар бөҕө ыксары буолар эбит; Мин иннибинэ киһи хотон билиэ *диэбэт этим*.

Правда, форма на *-бат эрэрим* по сравнению с формой на *-бат этим* несет какую-то еле уловимую дополнительную эмоциональную окраску эпической торжественности.

Описанное употребление глагола *эр-*, возможно, объясняется его диалектальным переосмыслением, а возможно, исконным обладанием им указанного оттенка значения, утраченным позднее.

По своим формально-морфологическим признакам глагол *эр-* является более полным, в сочетании с деепричастием на *-ан* сохраняющим все формы спряжения, имеющим все наклонения и времена. Приведем для подтверждения сказанного ряд примеров: Мин дьоммор сурук *суруйан эрэбин* 'Я *начинаю писать* письмо своим родителям'; Биһигини *күүтэн эрбэккин* дуо? 'Ты *не подождешь немного* нас?' (настояще-будущее время изъявительного наклонения). Бу эмиэ хайалара эрэ *улуйан эрдэ?* (К О 10) 'Кто же это опять *стал выть?*' Хайалара эрэ

хаһыытаан эрдэ буолла... (НТ АТ 72) '*Кто же* это, интересно узнать, *так кричит*...' Уйбаан дьонун тоҕо *күүтэн эрбэтэ*? 'Почему Иван *не стал* своих *дожидаться?*' (недавнопрошедшее категорическое время изъявительного наклонения); Больницаҕа илдьиэхтэригэр диэри кини дьиэтигэр *сытан эрбитэ* 'До увоза в больницу он (некоторое время) *полежал* (дома)'; Биһиги онуоха-маныаха диэри *тулуһан эрбиппит* 'Мы до поры до времени *держались*' (преждепрошедшее повествовательное время изъявительного наклонения); Күн киэһэ буолан, от-мас *күлүгүрэн эрэрэ* 'Вечерело, от деревьев *начинали ложиться* тени'; Дьиэлээхтэр биир көрүүлэригэр киирэн уҥа ороҥҥо *олорон эрэр этилэр* (СО К 25) 'В какой-то миг хозяевам показалось, что они, зайдя, *усаживались* на нары справа' (прошедшее незаконченное время изъявительного наклонения); Оччоҕо арай миигиттэн *ылан эриэҥ дуу?* (ДТ ТА 131) 'Тогда *пока* ты у меня *возьмешь*, что ли?' Төннүөхпэр диэри дьонум бэйэлэрэ *олорон эриэхтэрэ* 'До моего возвращения мои сами *пока* одни *поживут*' (будущее время изъявительного наклонения); Чэ-чэ! — татаар табааҕа да суох *сылдьан эрдин* (Ч, 1927, 3—6, 28) 'Ну-ну! Татарин *пусть* и без табака *походит*'. Чэ, эһиги *баран эриҥ*, мин оҕонньорго сээкэйи баллыгыраһа, аралдьыта түһүөм (НЗ Д 71) 'Ну, вы *идите пока*, я со стариком немного поболтаю, поразвею его (хандру)'; Онон Сеня, мин партията суох бассабыык *буолан эримиим* (НГ Т 39) 'Итак, Сеня, пусть пока я *не побуду* беспартийным большевиком' (близкое будущее время повелительного наклонения); *Тохтоон эрээр*, — мин кэлиэм '*Подождешь немного* — я приду'; Мин эппиппин *толорбокко эрээр* эрэ 'Только *попробуй не выполнить* сказанное мной' (отдаленное будущее время повелительного наклонения).

Примечание. В современном якутском языке довольно часто употребительно фразеологическое сочетание в составе причастия на *-бат* и формы *эрээр—диэбэт эрээр* 'и не говори', 'даже не говори', 'в самом деле'.— Эһээ, үчүгэй да дьиэлээхкин дии.
— *Диэбэт эрээр*! Колхоз иллэрээ сыл тутан биэрбитэ (АА ПУо 199).
'— Дедушка, какой же у тебя хороший дом.— И не говори! Колхоз в позапрошлом году выстроил'.— Чэ барыах, былыр син сарымтахтаһар буолуллара дии.— *Диэбэт эрээр*! (АА ПУо 200). ' — Ну пойдем! В старину, бывало, приходилось плестись как-нибудь. — *И не говори*!'

Не подлежит сомнению, что данная конструкция представляет собой застывшую форму сочетания отдаленного будущего времени повелительного наклонения от глагола *эр-* с отрицательной формой причастия на *-ар*. И оно так же, как и сочетание типа *-бат эрэрим* (*диэбэт эрэрим*), может быть рассмотрено как показатель особого употребления этого глагола в отдельных говорах якутского языка или былого его самостоятельного употребления, утраченного в последующем развитии языка.

Сюда же, видимо, можно отнести примеры употребления глагола *эр-* в значении 'быть' в других сочетаниях: Мин сөбүлэммэппин *диэтим эрэр?* Көннөрү оҕом эрэ туһунан ыйыппытым буолбаат? (РК С 44). 'Разве я *сказал*, что не согласен? Разве я не спросил просто о своем только ребенке?' Хайа эмээхсиэн, соруйан *тохтута баара эрэ*, итигирдик алдьархайга түспүт муҥнааҕы ити курдук санарыа да суох эбиккин (К ТА 105) 'Ну, что ты, мамаша (букв: старуха), *разве* она нарочно *пролила*? Бедняжку, попавшую в такую беду, тебе не следовало бы так ругать'.

Онуоха-маныаха диэри *тулуһан эрээйэбин* доҕоттоор?' 'А, *пожалуй, продержусь* я до поры, до времени, друзья! (возможное наклонение); Дьонум этэҥҥэ *олорон эрдэллэр* үчүгэй буолуо этэ 'Было бы хорошо, если бы родители мои *пожили* благополучно'; Биһиги күн *киирэн эрдэбинэ* дьиэбитигэр кэллибит 'Мы прибыли домой, *когда* солнце *закатывалось* (первая и вторая формы условного наклонения); Аҕам оҕонньор билигин даҕаны олороохтоон эрииһи 'Старик — мой отец, *видимо*, и сейчас еще поживет некоторое время' (утвердительное наклонение); Кини лаппа үтүөрүөр диэри дьиэтигэр *сытан эриэхтээх* 'Она пока не выздоровеет как следует *должна полежать* дома'. Кини мигини *күүтэн эриэхтээх этэ* (*эриэхтээбэ*) 'Он *должен был* немного *подождать* меня' (долженствовательное наклонение); Ынах атыыласталлар, *олорон эриэхтэр этэ*; (*олорон эриэхтэрэ этэ, олорон эриэх этилэр* 'Если бы корову купили, *пожили бы* еще'; Ынах атыыласпыт буоллар, мин кэлиэхпэр диэри *олорон эрэр* этэ 'Если бы купила корову, до моего приезда *продержалась бы*' (сослагательное наклонение).

§ 41. От сочетания глагола *эр-* с деепричастием на *-ан* образуются сложные причастные формы, которые, кроме образования вышеприведенных временных форм, могут обозначать имя деятеля, признак предмета и употребляться в качестве подлежащих, определений в предложении или, склоняясь, выпонять обстоятельственные и дополнительные функции. Таковы: 1) причастные сочетания на *-ар*:... аан аҺылыннаҕына, халлаан саҥардыы суҺуктуйа

сырдаан эрэрэ көстөрө (ДТ ТА 191) '... при открывании двери (букв.: когда открывалась дверь) виднелось, как небо чуть-чуть начинало светлеть (букв.: виднелось *начальное светление* неба — подлежащее); *байан эрэр* киһи '*начинающий богатеть* человек;' (определение); Ол эрээри мин *өлөн эрэрбиттэн* үөрүмэҥ (ИГ ТС 117) 'Однако вы не радуйтесь *тому, что я начинаю умирать*' (дополнение); Өстүөкүлэ тыаһа *кыыгынаан эрэрин* истээт, Суоппуйа ыстанан турда (ДТ ТА 80) 'Как только услышала *звон* бьющихся стекол, София тут же соскочила с места' (прямое дополнение); 2) причастные сочетания на *-ыах*: Уйбаан, *олорон эриэх* киһи, сыыстаран өллө 'Иван — человек, *еще могущий (должный) пожить*, умер из-за случайного осложнения болезни' (определение); *Уләләэн эриэх* киһини мээнэ уураттылар 'Зря освободили человека, *могущего поработать*' (определение); 3) сложные сочетания на *-ааччы*: *өлөн эрээччи өлөнтөн* тутуһар '*Утопающий* хватается за соломинку' (подлежащее); Бу оҕонньор бэйэтин, ойуур иһинээҕи кыракый балаҕаныгар... *өлөн эрээччини* сүгэн аҕалбыта (ДТ ТА 190) 'Этот старик *умирающего* принес на себе в свою маленькую лесную избушку' (прямое дополнение).

§ 42. От глагола *эр*-существуют следующие деепричастные формы: 1) слитная (*эрэ*); 2) соединительная (*эрэн*); 3) цели (*эрээри*). Их употребление в современном якутском языке довольно разнообразно. С одной стороны, они сохраняют свое прямое деепричастное значение: Киһи ситэ *тиийбэккэ эрэ*, аара суолга өлүөҕэ (КЫ, 1934, 5—6, 43) 'Он, *не доезжая* до конца, умрет в дороге'; Маайыс диэн дьүөгэ кыыһыныын күнүскү ыам кэнниттэн иккиэ кэлэннэр ити көстөр чаран хоонньугар *олорон эрэн* иистэнэр, хомус тардар буолаллара (КЫ, 1930, 3, 30) 'Вдвоем с девушкой — подружкой по имени Майыс, придя после дневного удоя и *усевшись* чуть в сторонке виднеющегося березняка, бывало, они шили, играли в хомус'; Ээ, оттон ону баҕас Баһылай *олорбохтоон эрээри* гынар ини 'А, да это Василий, видимо, делает с *целью прожить еще сколько-нибудь*'. При этом формы на- *а/-ыы* и *-аары* показывают свою способность принимать личные аффиксы, первая в более ограниченных размерах, а вторая — в более широких.

Так, по нашим материалам деепричастие на *-а* от глагола *эр*- принимает личные аффиксы, вступая в со-

четание с отрицательной формой деепричастия на *-ан* от другого глагола. Үс сылы мэлдьи тугу да *илбакка эрэбин*, хара кэлэҺүммүн тохпутум (ПО А Ш 201) 'Я трудился (букв.: проливал свой черный пот) целых три года, ничего *не получая*'; Кинээскин *киртиппэккэ эрэбин*, ити курдук киҺилии кэпсэтиэн этэ буоллаҕа дии (ПО А Ш 201) 'Ты должен был бы так, по-человечески, говорить, *не черня* своего князя'.

Деепричастие же на *-аары* от глагола *эр-* принимает личные окончания в случаях:

1) когда оно вступает в сочетание с существительными, прилагательными и именами обладания на *-лаах*. *Обо эрээригин* олустуур эбиккин '*Будучи* ребенком, ты, оказывается, переходишь границы возможного'; *Кыра эрээрилэр* өйдөөх баҕайылар '*Будучи* маленькими (*хотя* и маленькие), они очень умные'; Бачча *соболоох эрээригин*, мэлдьэҕэ олороҕун (ХС, 1965, 4, 132) '*Имея* столько карасей (букв.: *будучи имеющим* столько карасей), ты отпираешься';

2) когда оно вступает в сочетание с положительной и отрицательной формами причастия на *-ар*: *билэр эрээригин*, ыйыталаҺаҕын '*Зная* сам, расспрашиваешь'; *Билбэт эрээригин* мөккүҺэҕин 'Сам не знаешь, а споришь (букв.: сам *не зная* споришь)';

3) когда оно вступает в сочетание с положительной и отрицательной формами причастия на *-ыах*: *барыах эрээригин*, киҺини эрэйдиигин '*Будучи способным ехать*, человека мучаешь'; *Барымыах эрээригин*, киҺини тардаҕын '*Сам не едешь*, а человека задерживаешь';

4) когда оно вступает в сочетание с положительной и отрицательной формами причастия на *-быт*: *Истибит эрээригин* эппэтэххин 'Ты сам *слышал*, а не сказал'; Ааньа *истибэтэх эрээригин*, *айдаарбыккын* '*Ты* путем *не расслышал*, а нашумел'.

§ 43. С другой стороны, деепричастные формы от глагола *эр-*, утратив свое прямое значение, выполняют различные служебные функции в языке:

1) Ону киҺи *эрэ* барыта билэр 'Это знает каждый человек'. В данном случае *эрэ* выступает в функции послеложной частицы, соответствующей русскому «каждый», «всякий».

2) Кини хаҺан *эрэ*, эмиэ *эн* курдук, эдэр этэ 'Он когда-*то*, тоже как ты, был молод'. В данном случае *эрэ*

употреблена в функции формообразующей частицы, соответствующей русской частице «то».

3) Кини хомолтотуттан ытаабатаҕа *эрэ* 'Он от обиды *чуть* не заплакал'. В данном случае *эрэ* соответствует русским «лишь», «чуть», «только».

4) Кэл *эрэ* бэттэх, — кэпсэтиэх 'Подойди-*ка* сюда, поговорим с тобой'. Здесь *эрэ* соответствует усилительной глагольной частице в русском языке «ка».

5) Ити кинээс да тойон батаран олордор *эрэ*, суох *эрэ* (АИС M 37) 'И этот князь-тойон даст *ли* путем жить или нет'. Здесь *эрэ* соответствует русской частице сомнения «ли».

То же самое мы видим в отношении деепричастной формы *эрээри*:

1) Ол *эрээри* дьыала сатамматах '*Тем не менее* (*однако*) дело не удалось'. Здесь *эрээри*, совершенно отрешившись от прямого значения, выполняет роль главного компонента вводного уступительного словосочетания, которое можно на русский язык передать словом «однако». Такое его использование в современном языке очень широко.

2) Төрөппүт дьон *эрээри* аҺымматахтара тугун баҕас сүрэй (ХС, 1947, 3-4, 76) ' Как ужасна их безжалостность, *несмотря* на то, что они родители'. Здесь *эрээри* употреблена в функции уступительной частицы.

3) Кини колхозка үлэлээбэт *эрээри*, үлэлиибин диир 'Он, *хотя* не работает в колхозе, говорит, что работает'. В этом случае *эрээри* соответствует уступительному союзу в русском языке «хотя», «вопреки», «несмотря».

Примечания. 1) В некоторых говорах якутского языка особенно в Вилюйской группе районов, сочетание *ол эрээри* часто заменяется сочетанием *ол эрэн*. *Ол эрэн*, кимиэхэ нааданый бу сытар тус бэйэм эрэйим (ДВ ИД 78) 'Однако кому какое дело до моих личных страданий?'

2) Модально-вводное сочетание *ол эрээри* нередко принимает дополнительное окончание -*тин*, т. е. оформляется в виде *ол эрээритин*. *Ол эрээритин* Оччугуй оросҡуоттаах, Кыра кыайтарыылаах, Буоллар буолан иһтэ... (АС ТА II 379) 'Тем не менее, стало постепенно выясняться, что он несет небольшие расходы, незначительные поражения'. Но какой-либо семантической разницы между сочетаниями *ол эрээри* и *ол эрээритин* мы не ощущаем.

§ 44. Встречаются формы наречного типа, образованные от этой же сложной глагольной основы. Кыча... Уйбаанчык саас сааҺынан, хааҺахтан *хостоон эрэрдии*,

кэпсиирин истэн олоорто (КЫ, 1930, 1, 30) 'Кыча сидела, слушала рассказ Иванчика, который рассказывал складно, *словно* по порядку *вынимая* из мешка'; Атыыр үөрэ сүүрэн *тигинэтэн эрэрини* күүстээхтик этиҥ эппитэ '*Подобно* шуму мчащегося табуна лошадей с силой прогремел гром'.

В языке употребительны формы инфинитивного значения от глагола *эр-* в сочетании с деепричастием на *-ан*: Айдааран-айдааран, Мирон оҕонньорго быыгабар биэрэн баран, колхозка *хааллараи эрэргэ* ... уурдулар (ХС, 1964, 6, 63) 'После долгих шумных споров старика Мирона решили, объявив ему выговор, *до поры до времени оставить* в колхозе'. «*Тулуйан эриэххэ!*» — дэстилэр '«*Потерпеть* (*еще*) *немного*», — заговорили все'.

Таким образом, глагол *эр-* в якутском языке является служебным глаголом, употребляющимся обычно с деепричастной формой на *-ан* от другого глагола и сохранившим при этом все формы спряжения по наклонениям и временам. В образовании сложных (составных) форм прошедшего времени глагол *эр-* никакого участия не принимает.

Глагол *э-*

§ 45. Иную картину представляет глагол *э-*. Он формально более недостаточен, чем глагол *эр-*, не имеет полного спряжения, изменяется только по некоторым временам и наклонениям. Он изменяется в положительной форме недавнопрошедшего категорического времени изъявительного наклонения, которая может выполнять функцию самостоятельного сказуемого в предложении. Инники разведка, ойоҕос разведка, дозор бары бэйэлэрин миэстэлэригэр *этилэр* (ЭЭ ТА 291) 'Передняя разведка, боковая разведка, дозор — все *были* на своих местах'; Сокуон хоччоххойо, ыйаах кытаанаҕа манна *этэ* (НЯ Та 156) 'Суровость закона, жестокость указа *были* здесь'; Микиитэ Лэглээрин уонна Баһылай Кэдэкин Буров взводугар *этилэр* (ААСК 516) 'Никита Ляглярин и Василий Кэдэкин *были* во взводе Бурова'; Туох барыта дьолу-соргуну күүппүт кэмнэрэ *этэ* (ЭЭ ТА 377) '*Была* пора, когда все ждало счастья-добра'; Куйаас баҕайы күн *этэ* (СО ОС 7) '*Был* очень жаркий день'; Эн ол күн оройуоҥҥа, сессияҕа *этиҥ* 'Ты в тот день *был* в районном центре (букв.: в районе), на сессии'.

Но большей частью в этой временной форме глагол *э-* служит компонентом составного именного сказуемого. Мин да *булчут этим* (АА СК 473) 'И я *был охотником*'; Чэй *бэлэм этэ* (АА СК 353) 'Чай *был готов*'; Көр, ол *манньык этэ* (АА СК 21) 'Смотри, это *было так*'; Кини Кэтириис диэн соҕотох *кыыстаах этэ* (АА СК 347) 'У него *была* единственная *дочь* по имени Кэтириис'.

§ 46. В якутском языке сохранились «остатки» отрицательной формы недавнопрошедшего, определенного времени от глагола *э-*, чего, кажется, не наблюдается в других тюркских языках. Правда, они в современном языке употребляются редко и то больше представителями старшего поколения. Но следы ее былого существования очевидны, они зарегистрированы в литературных произведениях. Приведем несколько примеров: Айыы дьөһүөл аймахтарын аһынар санаалаах *эбэтигиэт*?! (ГВ ХК СНА 166) '*Не были ли* вы жалеющими род добрых (светлых) людей?!'

Здесь *эбэтигиэт* (дифтонг *иэ* в последнем слоге появился вместо *и* как показатель вопросительного усиления звука) — отрицательная форма от *этигит*, т. е. 2-го лица множественного числа глагола *э-*. Ее можно заменить описательной формой отрицания, которая образуется при помощи глагола *буол-* и преимущественно употребительна в современном языке, т. е. вместо *эбэтигиэт* можно сказать *буолбатах этигиэт*. Тогда это предложение будет выглядеть следующим образом:

Айыы дьөһүөл аймахтарын Аһынар санаалаах *буолбатах этигиэт*?!

или:

Айыы дьөһүөл аймахтарын Аһынар санаалаах *буолбатах этигит дуо*?!

То же самое в предложениях:

Күн айыы улуустарын Көмүскүүр мөккүөрдээх *эбэтигиэт*?! (ГВ ХК СНА 166)

или:

Көмүскүүр мөккүөрдээх *буолбатах этигиэт*?! Көмүскүүр мөккүөрдээх *буолбатах этигит дуо*?! '*Не были ли* вы защищающие, Добромыслящие Улусы солнечных людей?!'

или:

Саллайар саас тухары Саргылаах санааланаммын, Үллэр үйэ тухары Үтүө үгэлэнэммин, Алгыыр алгыһым

сабаҕалаах, Туойар соругум соргулаах *буолар эбэтэ* (АС БК 4). Туойар соругум соргулаах буолар *буолбатах этэ* (*=этэ дуо*)? 'На всем своем веку, благодаря удачливому голосу на протяжении всего века, благодаря добрым иносказаниям *не бывало ли* благотворным заклинаемое мною благословение, действительной воспеваемая мною удача?

Уоттаах харахтаах утары көрбөт татаар тыллаах таба эппэт *эбэтэ*! (АС РФ оп 8/3 дело № 25, 11) (таба эппэт *буолбатах этэ*! таба эппэт *буолбатах этэ дуо*!) 'Разве *не было* так, что огненноглазый не поднимал глаз, злоязычный не поражал словом!'

Нам кажется, что в междометном восклицании радости, удовлетворения *һаай* (*саай*) *эбэтэ* застыла эта же отрицательная форма от недавнопрошедшего времени глагола *э-*. *Һаай да эбэтэ* доҕоор, ама кинитин иһин Боруппуокай кыайаа ини (СДь СС 24) '*Ай да*, вот радость-то какая, друг! (букв.: *не так ли было*, друг!) Будь хоть и он, а Прокопий уж одолеет его'.

§ 47. Формально сохранилась в языке форма прошедшего результативного времени первого от глагола *э-*: *эбиппин*, *эбиккин*, *эбит*, *эбиппит*, *эбиккит*, *эбиттэр*. Но она в современном языке не выполняет функции прошедшего результативного времени, а служит для выражения наличия факта действия, предмета в настоящем или чаще всего в качестве лексикализовавшегося модального слова со значением 'оказывается'.

§ 48. Реже встречается и форма преждепрошедшего повествовательного времени: *эбитим*, *эбитиҥ*, *эбитэ*, *эбиппит*, *эбиккит*, *эбиттэрэ*.

Она может употребляться в качестве самостоятельного сказуемого в предложении. Учууталга тиийбитим, кини кылааһыгар *эбитэ* 'Когда я пришел к учителю, он *был* в своем классе'.

Ол хайалара *эбитэй*? 'Кто же это *был*?' Однако чаще всего эта форма служит связкой и входит в состав сложного именного сказуемого. Былыр Бэһиэлэйэптэр сүүнэ халыҥ *дьон эбиттэрэ үһү* (АА СК 87) 'Говорят, в старину Веселовы *были* очень многолюдным *родом*'; Кини сүр *баай эбитэ үһү* 'Говорят, он *был* очень *богат*'. Кроме того, форма *эбитэ* в сочетании с причастными формами на *-ар*, *-ыах* и *-быт*, принявшими аффиксы принадлежности, образует форму условного предположения, допущения.

Били чуоҕур кур оҕуспун *көрөрүҥ эбитэ буолуо*, ол тириитинэн бэртээхэй диэн хааһах оҥостубуттары бары-тын ылбыта (СО ОС 21) 'Ты, *наверное*, *видывал* моего пестрого быка, из его шкуры была сшита прекрасная сума, так он и ее забрал'; Биһиги эмиэ кини курдук өлүөхпүт буоллаҕа диэн *куттаммыттара эбитэ* дуу, сөччөҕө ону хайалара да араараи билбэтэҕэ (Ч. 1926, 1, 14) '*Были* ли они *напуганы* мыслями, что им должно, как и ему, умереть, или так они сильно жалели лежащего покойника, тогда никто из них не разобрался в том'; Итиччэ кыра балаҕаҥҥа хайаан үс-түөрт дьукаах батан *олорбуппут эбитэ* буолла? (ХС, 1946, 1—2, 15) 'И как это в такой маленькой юрте, *жили*, умещаясь, мы—три-четыре семьи?' Баҕар биирдэ эмэ аҕабыт да *ахтыллыа эбитэ буолуо* (СО Д 185) '*Может*, когда-нибудь и поп *мог быть* упомянут'.

§ 49. Еще реже употребительна форма давнопрошедшего времени от глагола *э-*: *этим этэ*, *этиҥ этэ*, *этибит этэ*, *этигит этэ*, *этилэр этэ*. Ол чахчы эһиги *этигит этэ* 'То действительно были вы'; Уот сиэбит бааһын эһэ сыатынан эмтиир *этилэрэ* (*этилэр этэ*) (СД МЭК 85) 'Рану от ожога *лечили*, *бывало*, медвежьим салом'.

То же самое второй вариант этого времени: мин *эбитим этэ*, *эбитиҥ этэ*, *кини эбитэ этэ*, *биһиги эбиппит этэ*, *эһиги эбиккит этэ*, *кинилэр эбиттэрэ этэ*. Эн бэйэҥ бэйэҕинэн *эбитиҥ этэ* '*Ты был* сам собой'.

§ 50. Сохранилась также отрицательная форма 3-го лица единственного числа глагола *э-* в условном наклонении (*эбэтэр*), которая, полностью утратив свое прямое значение, в современном языке употребляется в качестве разделительного союза «или». *Эбэтэр* Уйбаан барыа, *эбэтэр* ким да барыа суоҕа '*Или* Иван поедет, *или* никто не поедет'. Других образований от глагола *э-* в якутском языке мы не обнаружили.

Вышеизложенное не позволяет считать глаголы *э-* и *эр-* в якутском языке как один и тот же глагол или как ступени развития — изменения одного и того же глагола. Их следует рассматривать как два разных глагола. В образовании составных форм прошедшего времени участвует только один из них — глагол *э-*.

§ 51. Теперь мы переходим к непосредственному описанию формы прошедшего незаконченного времени в якутском языке.

Форма прошедшего незаконченного времени отмечалась не всеми исследователями языка. Отмечавшие же ее О. Н. Бетлингк, Л. Н. Харитонов и Д. И. Хитров останавливались на одном из ее вариантов, а именно на синтетическом варианте, образуемом от основы причастия на *-ар*, к которой присоединяются аффиксы принадлежности.

Спряжение прошедшего незаконченного времени

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*мин барар-ым* 'я уходил'	*биһиги барар-быт* 'мы уходили'
2 л.	*эн барар-ың* 'ты » '	*эһиги барар-гыт* 'вы » '
3 л.	*кини барар-а* 'он » '	*кинилэр барал-лара* 'они » '
1 л.	*мин кэлэр-им* 'я приходил'	*биһиги кэлэр-бит* 'мы приходили'
2 л.	*эн кэлэр-иң* 'ты » '	*эһиги кэлэр-гит* 'вы » '
3 л.	*кини кэлэр-э* 'он » '	*кинилэр кэлэл-лэрэ* 'они » '
1 л.	*мин оңорор-ум* 'я делывал'	*биһиги оңорор-бут* 'мы делывали'
2 л.	*эн оңорор-уң* 'ты » '	*эһиги оңорор-гут* 'вы » '
3 л.	*кини оңорор-о* 'он » '	*кинилэр оңорол-лоро* 'они » '
1 л.	*мин көрөр-үм* 'я видывал'	*биһиги көрөр-бүт* 'мы видывали'
2 л.	*эн көрөр-үң* 'ты » '	*эһиги көрөр-гүт* 'вы » '
3 л.	*кини көрөр-ө* 'он » '	*кинилэр көрөл-лөрө* 'они» '

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*мин барбат-ым* 'я не уходил'	*биһиги барбап-пыт* 'мы не уходили'
2 л.	*эн барбат-ың* 'ты » » '	*эһиги барбак-кыт* 'вы » » '
3 л.	*кини барбат-а* 'он » » '	*кинилэр барбат-тара* 'они » » '
1 л.	*мин кэлбэт-им* 'я не приходил'	*биһиги кэлбэп-пит* 'мы не приходили'
2 л.	*эн кэлбэт-иң* 'ты » » '	*эһиги кэлбэк-кит* 'вы » » '
3 л.	*кини кэлбэт-э* 'он » » '	*кинилэр кэлбэт-тэрэ* 'они » » '
1. л.	*мин оңорбот-ум* 'я не делывал'	*биһиги оңорбоп-пут* 'мы не делывали'
2 л.	*эн оңорбот-уң* 'ты » » '	*эһиги оңорбок-кут* 'вы » » '
3 л.	*кини оңорбот-о* 'он » » '	*кинилэр оңорбот-торо* 'они» » '

1 л. *мин көрбөт-үм* 'я не видывал' *биһиги көрбөп-пүт* 'мы не видывали'
2 л. *эн көрбөт-үҥ* 'ты » »' *эһиги көрбөк-күт* 'вы » »'
3 л. *кини көрбөт-ө* 'он » »' *кинилэр көрбөт-төрө* 'они » »'

Миэхэ биэс миинэр табаны биэрэн *көрдүүллэрэ*, мин уон да иһин *биэрбэтим* (У А 31) 'Мне за нее давали пять ездовых оленей, а я за девять *не давал*'; Бу дьолугар олорон кини киһи эрэйин биир да харчыга *уурбата* (УА 24) 'Живя в таком счастье, он ни во что *не ценил* труд человека'.

Кинилэр оччугуйдарыттан улаатыхтарыгар диэри этиһии диэни *билбэттэрэ* (ДьА НьуоЛ 6) 'Они с самого детства до зрелого возраста *не знали*, что такое ссора'; Бу культура тыла санскрит этэ, ону норуот маассата *билбэтэ* (ЕАК ОҮИ 86) 'Языком этой культуры был санскрит, его народные массы *не знали*'.

Эта отрицательная форма в современном языке употребляется сравнительно мало.

§ 52. Прошедшее незаконченное время в якутском языке имеет второй, и мы бы сказали, основной, в современном языке более употребительный аналитический вариант, который образуется от основы причастия на *-ар* + спрягаемая форма *этим*.

Приводим таблицу спряжения его в положительной форме:

Ед. число

1 л. *мин барар этим* 'я уходил, хаживал'
2 л. *эн барар этиҥ* 'ты » '
3 л. *кини барар этэ* 'он » '

Мн. число

1 л. *биһиги барар этибит* 'мы уходили, хаживали'
2 л. *эһиги барар этигит* 'вы » '
3 л. *кинилэр барар этилэр*, *бараллар этэ* 'они »'

Схема спряжения в отрицательной форме:

Ед. число

1 л. *мин барбат этим* 'я не уходил, не хаживал'
2 л. *эн барбат этиҥ* 'ты » »'
3 л. *кини барбат этэ* 'он » »',

Мн. число

1 л. *биһиги барбат этибит* ‘мы не уходили, не хаживали’
2 л. *эһиги барбат этигит* ‘вы » »’
3 л. *кинилэр барбат этилэр*, ‘они » »’
барбаттар этэ

Таким образом, при спряжении в отрицательной форме отрицание принимает причастная форма на - *ар*.

Судя по тому, что 3-е лицо множественного числа сохранило вариант спряжения, при котором изменяется причастная форма, а не форма прошедшего определенного времени от глагола *э-*, это время, как и некоторые другие в якутском и родственных тюркских языках, некогда имело, видимо, два варианта спряжения, из которых один выпал из употребления за исключением указанного 3-го лица множественного числа. См. примеры: Революция уонна гражданскай сэрии геройунан үксүгэр... коммунистар уонна комсомолецтар *буолаллар этэ* (ГВ НК ГЭ ССЛИО 32) ‘Героями революции и гражданской войны в большинстве случаев... *бывали* коммунисты и комсомольцы’; ... Биитэр көннөрү агитациялыыр, ыҥырар, эбэтэр кыайыылары эридьиэстиир очеркалыы былааннаан *суруллаллар этэ* (ГВ НК ГЭ ССЛИО 138) ‘Либо *писались* в плане очерков, просто агитирующих, призывающих или регистрирующих достижения’; Биллэн турар, поэт оччотооҕу хоһооннoро уус-уран мастерство өттүнэн олус *чорбойботтор этэ* (ГВ НК ГЭ ССЛИО 49) ‘Известное дело, тогдашние стихотворения поэта особо *не выделялись* по своему художественному мастерству’.

К вопросу о происхождении формы прошедшего незаконченного времени

§ 53. Мы склонны предполагать, что приведенные варианты прошедшего незаконченного времени в якутском языке по происхождению не являются двумя самостоятельными, отличными друг от друга формами, а являются полным и стяженным вариантами одной и той же грамматической формы. Допускаем, что описанный выше первый вариант этого времени (в нашем примере: *барарым*, *кэлэрим*, *оҥорорум*, *көрөрүм*) возник в результате фонетического стяжения его полного варианта (в нашем примере: *барар этим*, *барар этиҥ*, *барар этэ*).

Личные окончания формы *этим*, присоединяясь к первому компоненту сочетания (к причастию на *-ар*), образуют одну слитную основу, которая внешне выглядит как причастие на *-ар* + аффикс принадлежности. При слиянии элемент *эт* выпадает, а гласный переднего ряда *и* в силу действия гармонии гласных преобразуется в гласный заднего ряда *ы*, т. е. из *барар* (*эт*) *им* получается *барарым*, *барар* (*эт*)*иҥ* ~ *барарыҥ*, *барар* (*эт*)*э* ~ *барара*, *барар* (*эти*) *бит*~ *барарбыт*, *барар* (*эти*) *гит*~ *бараргыт*, *баралл-ар* (*эт*)*э* ~ *бараллара*.

3-е лицо множественного числа стяженного варианта прошедшего незаконченного времени образовалось с отклонением от общей схемы — из второго варианта спряжения формы, при котором изменяется не форма *этэ*, а причастная форма на *-ар* (т. е. из сочетания *бараллар этэ*, а не из сочетания *барар этилэр*).

Подобное фонетическое слияние формы *этим* с причастиями и именами — явление достаточно известное, оно наблюдается и в других тюркских языках (османском — *doctordum* — *я был* доктором, кумыкском — *барадым* вместо *бара эдим* — *я ходил* и др.).

О возможности выпадения звука *т* из формы косвенно свидетельствует наличие усеченного варианта этой глагольной формы в некоторых тюркских языках (например, в казахском языке форма *эдим* встречается одновременно и в сокращенном варианте *ем*) [78].

В якутском языке форма *этим* подвергается стяжению и в ряде других сочетаний: 1) с именами прилагательными, 2) с именами обладания на *-лаах*, 3) с местоимениями, 4) с числительными, 5) с именами наличия и отрицания (*баар* и *суох*), 6) с послелогами и 7) с наречиями. При этом данная форма и здесь сохраняет свое значение прошедшего времени. Возьмем несколько примеров:

Оо, кэбис, ийэм эрэйдээх сүрэҕэ ырааһа *бэрдэ* (> *бэрт этэ*; СО Д 219) 'О, нет, чистота сердца моей бедной матери *была* исключительна (прекрасна)'.

В данном примере времяобразующим словом внешне кажется прилагательное *бэрт* 'хороший, лучший, прекрасный', принявшее аффикс принадлежности. На самом деле, это — прилагательное, фонетически слившееся с

[78] Е. И. Маманов. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949, стр. 10—11.

формой прошедшего категорического времени от глагола э-(*этэ*), которая и является оформителем прошедшего времени. В первоначальном полном своем виде данная форма выглядела следующим образом: Оо, кэбис, ийэм эрэйдээх сүрэҕэ ыраанһа *бэрт этэ.*

В современном языке обе эти формы (стяженная и полная) употребляются на равных правах. Кустар кэрэлэрэ, үчүгэйдэрэ *бэрт этэ* (ДТ ТА 32) 'Красота, великолепие уток *были* изумительны'.

То же самое: Субу аҕай хоруммут сирэйэ *ып-ыраанһа, чэбдигэ* (>ыраас этэ, чэбдик этэ; ХС, 1955, 1, 115) 'Только что побритое его лицо *было* очень чисто, свежо'; Оччотооҕу айан олус *эрэйдээбэ* (>*эрэйдээх этэ*; ХС, 1954, 3, 51) 'Тогда путь *бывал* очень тяжел'; Кулачиковтар алта оҕолоох этилэр. Онон олохторо *ыарахана* (>*ыарахан этэ*; СД НГ ТЛ 112) 'У Кулачиковых было шестеро детей. Поэтому их жизнь *была* тяжела'.

То же самое наблюдается в именах обладания на-*лаах*. Кини Кэтириис диэн бэрт үчүгэй *кыыстааба* (>*кыыстаах этэ*) 'У него *была* очень хорошая дочь по имени Кэтириис'; Кини... кинигэтэ ураты улахан *суолталааба* (>*суолталаах этэ*) 'Его... книги *имели* исключительно большое значение'.

В местоимениях: Марьяс Искандеров ааспыт суола *итинникгэ* (>*итинник этэ*) 'Пройденный путь Марьяса Искандерова *был* таков'.

В именах числительных: Уйбааннаах оҕолоро *үһүөлэрэ* (>*үһүөлэр этэ*), оттон Баһылайдаах гиэннэрэ — *алтыалара* (>*алтыалар этэ*) 'У Ивановских *было трое* детей, а у Васильевских — *шестеро*'.

В именах наличия и отрицания: *баар* и *суох* ...Мингиннээҕэр эрэ намыһах кыыс оҕо уонна икки эмдэй-сэмдэй уолаттар *бааллара* (>*бааллар этэ*; ЭЭ ТА 95) '*Были* чуть пониже меня только девочка и два почти одинакового роста мальчика'; Аҕам бэйэтэ өлөөрү сылдьар этэ, онон кинини кытта охсуһар кыаҕа *суоба* (>*суох этэ*; ЭЭ ТА 94) 'Сам отец *ходил* при смерти, поэтому возможности бороться с ним *не имел*'.

В послелогах: Оҕонньор кини тыынарын *иһиллиир курдуга* (>*курдук этэ*; ДТ ТА 126) 'Старик словно *прислушивался* к его дыханию'; Он гынан баран, саата эмиэ *бэркэ дылыта* (>*дылы этэ*; НЯ Та 51) 'Опять-таки и ружье его *казалось отличным*'.

В некоторых наречиях: Варвара эмээхсин Меланиялыын саастарын тухары истиҥ *дьүөгэлиилэрэ* (>*дьүөгэлиилэр этэ*; АС Х 27) 'Старуха Варвара с Меланией всю жизнь *были* искренними приятельницами'.

На основании всего изложенного можно говорить о заметной тенденции превращения формы *этэ* в аффикс.

§ 54. Непосредственное присоединение именами аффиксов принадлежности отличается от описанных случаев стяжения тем, что они в этом случае, выступая в роли разных членов предложения, не выражают значения прошедшего времени. Уйбаан — киһи *бэрдэ* 'Иван — *лучший* из людей'; Анараа дьонтон биир саамай *көрүҥнээхтэрэ* Сүөдэргэ супту хааман кэлэн баран, илиитин ууммута (НЯ Та 131) 'Один, самый *представительный* на вид из тех людей, твердыми шагами подошел к Федору и протянул руку'; 'Абаҕа оскуолатыгар Ленин аатынан эдэр пионер тэрилтэтэ *баара* үчүгэйдик биллэрэ (НЯ ХТ 53) 'Хорошо было известно *существование* в Абагинской школе пионерской организации имени Ленина'. Кинилэр улахан *дьүөгэлиилэрэ* үлэҕэ туһалаах эрэ этэ 'Их большая *дружба* только помогала работе' и т. д.

Установить, когда и в какой роли выступают имена в таких случаях, помогает только контекст.

Вообще это явление отмечал еще и академик Бетлингк. «Аффиксированные притяжательные, присоединяясь к сказуемому, относят действие в прошедшее время». Далее: «Мне здесь не совсем ясно, как аффиксированное притяжательное выразило прошедшее время», — писал он [79], не соглашаясь с теми учеными, которые объясняли это явление с помощью глагола *э-*.

Е. И. Убрятова в своей работе «Исследования по синтаксису якутского языка» об этом мимоходом высказалась следующим образом: «Такие имена, как *баар*, «наличный, наличие» и *суох* «отсутствующий», имена на *-лаах* со значением «имеющий это», обладают свойством выражать временные значения, правда, очень ограниченные. Эти имена выражают настоящее время с аффиксом сказуемости и прошедшее время с аффиксом принадлежности. Ср., например: Мин *баарбын* 'я есть' (досл.: 'я наличествующий'), Мин *баарым* 'я был' (досл.: 'я был наличест-

[79] O. Böhtlingk. Указ. соч., стр. 354, § 658.

вующим'), Мин *суохпун* 'я отсутствующий, меня нет', Мин *суобум* 'я был отсутствующ(им), меня не было', Мин *аБалаахпын* 'я имею отца', Мин *аБалаабым* 'я имел отца'.

Таким образом, личные показатели сказуемого, аффиксы сказуемости и аффиксы принадлежности, кроме своего основного значения, выражают число, а иногда и временные оттенки»[80].

Однако, как выше мы постарались показать, временные оттенки здесь несут не сами по себе аффиксы принадлежности, а стяженная форма прошедшего категорического времени от глагола *э-*, вступившая в сочетание с именами.

§ 55. Из всех частей речи, выступающих в сочетании с формой *этэ* в качестве составного сказуемого, только имя существительное не может образовать вместе с нею одну стяженную основу. Можно сказать: Мин кыыЬым *учуутал этэ* 'Моя дочь была учительница (ей)'. Но нельзя сказать, сохраняя значение прошедшего времени: Мин кыыЬым *учуутала* или: Мин да *булчут этим* (АА СК 473) 'И я был охотник(ом)'. Нельзя сказать, сохраняя значение прошедшего времени: Мин да *булчутум*.

Это явление в одной из своих работ отметил Н. С. Григорьев. «Прилагательное — предикат может не иметь вспомогательного глагола, обозначая прошедшее время, тогда как существительное — предикат не может не иметь вспомогательного глагола, обозначающего прошедшее время. Например, вместо — *оччоБо мин үстээх этим* — тогда я трехлетним был, можно сказать — *оччоБо мин үстээБим* — тогда я был трехлетним. Ср. *оччоБо мин эдэр киЬи этим*. Тогда я молодым человеком был, дословно: «Тогда я молодой человек был»[81].

§ 56. Аналогичным же образом стягиваются и другие составные (образуемые с помощью глагола *э-*) формы прошедшего времени в параллельную простую форму, что мы показываем ниже в соответствующих разделах.

Вообще надо сказать, что фонетическое упрощение и

[80] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 104.

[81] Н. С. Григорьев. Синтаксические функции прилагательных в якутском языке. «Доклады на второй научной сессии Якутского филиала АН СССР». Якутск, 1951, стр. 131.

редукция в спрягаемых формах глагола, когда целые элементы слова выпадают или даже превращаются в аффиксы, явление нередкое во всех тюркских языках (например, *турур* > *тур*/ *дур* > *ды* > *д*).

Значение прошедшего незаконченного времени

§ 57. Акад. Бетлингк считал, что имперфект употребляется тогда, когда действие часто повторяется или продолжается беспрерывно [82].

Э. К. Пекарский писал, что это время «выражает, что состояние или действие прежде бывало (случалось), но потом прекратилось» [83]. Л. Н. Харитонов назвал это время прошедшим незаконченным и нашел, что «в форме этого времени глаголы выражают действие, процессы и состояние, продолжавшиеся в течение известного периода или момента прошедшего времени» [84]. В этих характеристиках правильно схвачены основные оттенки значений, обозначаемые разбираемой формой времени.

Данная форма прошедшего времени выражает такое совершившееся в прошлом действие, которое имело длительный характер, т. е. длилось довольно продолжительное время в прошлом. «Кымнаайы» оскуолатын төрдүс кылааһыгар субу «Баахтыырабынан» *үөрэнэр этилэр* (АА СК 274) 'В четвертом классе Кымнайской школы *учились* вот по этому Бахтерову' Бу иһин дэриэбинэ баайдара Сеняны *абааһы көрөллөрө* (ЭЭ ТА 46) 'За это деревенские богачи Сеню *ненавидели*'; Сеня дэриэбинэ иһиттэн соҕотох Коля Манасовы эрэ *таптыыра* (ЭЭ ТА 47) 'Сеня во всей деревне *любил* только одного Колю Манасова'; Сергей Петров киэһэ аайы Микиитэни *үөрэтэр этэ* (АА СК 284) 'Сергей Петров каждый вечер *учил* Никиту'.

Данной временной формой одновременно выражается и видовое значение длительности, ибо длительность, незавершенность действия в прошлом не могут не быть включены в характеристику глагольного действия с точки зрения его объективного протекания.

[82] O. Böhtlingk. Указ. соч., стр. 280, § 730.
[83] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, ст. 213.
[84] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 199.

§ 58. Глаголы в форме имперфекта могут выражать также повторявшиеся, совершавшиеся регулярно или многократно прошедшие действия. Экзамен күннэригэр кини манна *сыгынньахтанар этэ* (АА СК 646) 'В дни экзаменов он *раздевался* здесь' (т. е. он раздевался регулярно, всегда, обычно, когда шли экзамены); Кини Вячканы кытары Щербань хохол уҺанар дьиэтигэр бииргэ *оонньууллара*, кирпиччэ сарайын таҺынааҕы элгээҥҥэ бииргэ *сөтүөлүүллэрэ* уонна иккиэн биир куомунунан Ачаев атыыҺыт уолаттарын кытта *охсуҺаллара* (ЭЭ ТА 39) 'Они вместе с Вячкой *играли* в кузнице хохла Щербаня, *купались* в озерке за кирпичным сараем и *дрались* заодно (в одной компании) с сыновьями купца Ачаева'. В приведенных примерах имеется в виду, что совместная игра, купание и драка ребят имели регулярный, повторяющийся характер в определенном (достаточно продолжительном) отрезке прошлого. Ол гынан баран кини түргэнник *кыыҺырара* уонна түргэнник *үөрэрэ* (ЭЭ ТА 62) 'Однако он *сердился* быстро и *радовался* быстро'. Здесь указывается характер, который одинаково проявлялся каждый раз при аналогичной ситуации.

То же самое мы имеем и в нижеследующем примере: Бэйи, буруйгун мунньан-мунньан баран биирдэ муунталаҺарбыт буолуо диэн сааныҺыы буола-буола утары *умнуллан иҺэр этэ* (АА СК 12) 'Возникавшие временами угрозы: «Погоди уж, вот накопим все твои провинности и рассчитаемся за них однажды (когда-нибудь)», — каждый раз тут же *забывались*'.

Из приведенного мы видим, что рассматриваемая форма прошедшего времени также может одновременно выражать и видовое значение многократности действия.

§ 59. Если во всех приведенных выше примерах время совершения действия никакими рамками не ограничено, если действие продолжалось вообще когда-то, в неопределенном прошлом, то в других широких контекстах с четко-очерченными временными рамками имперфект может выражать действие, совершенное в конкретный отрезок прошедшего времени.

В родственных тюркских языках для выражения такого прошлого действия различают определенный имперфект. В якутском языке разбираемая форма одна выполняет функции как неопределенного, так и функции определенного имперфекта. Үлэбиттэн төннөн иҺэн Ылдьаа-

лаахха киирэн тахсыбытым. Дьиэлээх тойон суоҕа, хотун лэппиэскэ *оҥоро турара* 'Возвращаясь с работы, я заходил к Ильинским. Хозяина не было, хозяйка *готовила* лепешки'. Здесь говорится не о том, что хозяйка вообще, в неопределенном прошлом, пекла лепешки, а именно в тот момент, когда говорящее лицо заходило к ним. Ол көрдүү сылдьан көрбүтэ, ынаҕа алаас ортотугар киирэн *мэччийэ сылдьара* 'Когда, продолжая свои поиски, он взглянул, корова его забрела на середину аласа, и *паслась* там'. Здесь корова паслась не вообще в прошлом, а именно в тот момент, когда ищущий увидел ее.

§ 60. Полная форма прошедшего незаконченного времени в составе условного периода может употребляться в значении сослагательного наклонения, т. е. выражать действие, которое может осуществиться при наличии определенных условий. В данном случае эта форма переводится на русский язык частицей «бы». «Аны саас төттөрү тиэйэн аҕалыам, эрэнэн ыллым» диэбитэ буоллар кини, арааһа, эйэнэн *төннөр этэ* (АА СК 405) 'Если бы он сказал: «следующей весной обратно привезу, надеясь (на тебя) взял» он, вероятно, *вернулся бы* с миром'.

Оо, Сэдьүк ону билэрэ буоллар, Уйбаанчаны төһө эрэ *мөҕөр этэ*? (НЯ КҮ 8) 'О, если бы это узнал Седюк, как бы он наругал Иванчу?' Ыыталлара буоллар, төһө эрэ *үөрэнэр этим*! 'Если бы отпустили, как *бы я учился*!'

Такое употребление данной конструкции вместо обычно употребляемой в подобных случаях конструкции на *-ыах этэ* (т. е. по приведенным примерам вместо «*төннөр этэ*» более часто говорят «*төннүөх этэ*», то же самое вместо «*мөҕөр этэ*» — «*мөҕүөх этэ*», вместо «*үөрэнэр этим*» — «*үөрэниэх этим*») объясняется тем, что причастие на *-ар* в современном якутском языке, как уже указывалось выше, в определенной степени сохранило свою семантику будущности действия, ибо в родственных тюркских языках, в которых причастие на *-ар* создает одну из разновидностей будущего времени, мы видим совершенно аналогичное же употребление данной конструкции (напр., в башкирском, татарском, кумыкском, каракалпакском и др. языках).

7. Давнопрошедшее (предпрошедшее) время

Причастие на -*быт* + *этэ*

§ 61. Эта форма прошедшего времени образуется сочетанием причастия на -*быт* и формы прошедшего категорического времени от глагола *э*-. Из исследователей якутского языка отмечена Л. Н. Харитоновым и Е. И. Убрятовой. Является одной из употребительных форм.

Параллелью ее в других тюркских языках является форма давнопрошедшего времени на -*мыш*/-*ган* + *еди*, *ине*, *эди*, *иде* (тур. *yazmişidim*, кумык.— *баргъан эдим*, башк. — *алған инем*, каракалп. *жазган едим*, тат. — *язган идем* и т. д.).

Спряжение давнопрошедшего (предпрошедшего) времени

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-быт этим*	'я уже ушел тогда (был ушедшим)'
2 л. *эн бар-быт этиҥ*	'ты...'
3 л. *кини бар-быт этэ*	'он...'
1 л. *мин сап-пыт этим*	'я уже закрыл тогда (был закрывшим)'
2 л. *эн сап-пыт этиҥ*	'ты ...'
3 л. *кини сап-пыт этэ*	'он ...'
1 л. *мин мум-мут этим*	'я уже заблудился тогда (был заблудившимся)'
2 л. *эн мум-мут этиҥ*	'ты...'
3 л. *кини мум-мут этэ*	'он...'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-быт этибит*	'мы уже ушли тогда (были ушедшими)'
2 л. *эһиги бар-быт этигит*	'вы ...'
3 л. *кинилэр бар-быт этилэр*	'они ...'
1 л. *биһиги сап-пыт этибит*	'мы уже закрыли тогда (были закрывшими)'
2 л. *эһиги сап-пыт этигит*	'вы ...'
3 л. *кинилэр сап-пыт этилэр*	'они ...'
1 л. *биһиги мум-мут этибит*	'мы уже заблудились тогда (были заблудившимися)'

2 л. *эһиги мум-мут этигит* ‘вы …’
3 л. *кинилэр мум-мут этилэр* ‘они …’

Из парадигмы спряжения и примеров видно, что спрягаемой частью сочетания является вспомогательный глагол *э-*, основа причастия остается без изменения. Однако, 3-е лицо множественного числа допускает и обратный порядок спряжения, т. е. когда изменяется причастие и неизменным остается вспомогательный глагол. Холобур, «Кооперация туһунан» диэн ыстатыйа сағаланыытыгар үһүс, төрдүс, бэһис этиилэр урут бу курдук диэн *тылбаастаммыттар этэ* (Кыым 6/I 1957) ‘К примеру, в начале статьи «О кооперации» третье, четвертое и пятое предложения прежде *были переведены* следующим образом’; Бүгүҥҥү баалга ас таһааччы дьахталларга туспа хос *бэлэмнээбиттэр этэ* (НЯ Та 153) ‘Женщинам — подавальщицам кушаний на сегодняшний бал *была приготовлена* отдельная комната’.

Можно предполагать, что это явление свидетельствует о том, что данная временная форма в языке прежде спрягалась двояким образом и что один из видов спряжения постепенно выходит из употребления.

§ 62. Спряжение в отрицательной форме происходит таким же образом: основной глагол принимает отрицательный аффикс *-батах* (*ба* + *тах*), вспомогательный остается без изменения.

Схема спряжения в отрицательной форме

Ед. число

1 л. *мин бар-батах этим* ‘я тогда еще не уходил’
2 л. *эн бар-батах этиҥ* ‘ты …’
3 л. *кини бар-батах этэ* ‘он …’
1 л. *мин сап-патах этим* ‘я тогда еще не закрыл’
2 л. *эн сап-патах этиҥ* ‘ты …’
3 л. *кини сап-патах этэ* ‘он …’
1 л. *мин мум-матах этим* ‘я тогда еще не заблудился’
2 л. *эн мум-матах этиҥ* ‘ты …’
3 л. *кини мум-матах этэ* ‘он …’

1 л. *биһиги бар-батах этибит* 'мы тогда еще не уходили'
2 л. *эһиги бар-батах этигит* 'вы ... '
3 л. *кинилэр бар-батах этилэр* 'они ... '
1 л. *биһиги сап-патах этибит* 'мы тогда еще не закрыли'
2 л. *эһиги сап-патах этигит* 'вы ...'
3 л. *кинилэр сап-патах этилэр* 'они ... '
1 л. *биһиги мүм-матах этибит* 'мы тогда еще не заблудились'
2 л. *эһиги мум-матах этигит* 'вы тогда еще не заблудились'
3 л. *кинилэр мум-матах этилэр* 'они ... '

Значение давнопрошедшего (предпрошедшего) времени

§ 63. Данная форма прошедшего времени в якутском языке служит для обозначения такого прошедшего действия, которое предшествует другим прошедшим действиям, совершенным относительно близко к моменту речи, т. е. и по структурному составу и по выражаемому значению она может быть соотнесена с формой плюсквамперфекта в индоевропейских языках. Мин түннүгүнэн тиийэн көрбүтүм саалаах дьон дьиэни тула *турбут этилэр* 'Когда я посмотрел, подойдя к окну, оказалось, что вооруженные люди *окружили* дом'.

Это сложносочиненное предложение состоит из двух предложений. Первое из них сообщает о прошедшем действии, совершенном самим говорящим лицом (оно выражено формой прошедшего повествовательного времени: *мин түннүгүнэн тиийэн көрбүтүм*), второе сообщает о действии, совершенном другими лицами и раньше (до первого действия: *саалаах дьон дьиэни тула турбут этилэр*). Предшествовавшее действие как раз и выражено формой давнопрошедшего или предпрошедшего времени.

Тот же порядок следования действий мы видим в нижеприводимых предложениях: Киэһэ, кинилэр кэнсэлээрийэҕэ кэлэллэригер, дьон хайы үйэҕэ *мустубут этилэр* (ХС, 1948, 6, 33) 'Вечером, к их приходу в канцелярию, люди *были* уже *в сборе* (*были собравшимися*)'; Тэлгэһэҕэ хара элэмэс ат көлүллэн турара. Кини тэлиэгэтигэр уонча куул бурдук томточчу *тиэллибит этэ* (ХС, 1951, 1, 18) 'Во дворе стояла запряженная черно-пегая лошадь. На ее телегу доверха *было погружено* около десятка меш-

ков зерна'; Кырдьык, биир табалаах киһи суола сылдьыбыт. Бу суолу батыспыттара. Киһилэрин суола, хайа хааҕынан эргийэ баран, киһилэр дьиэлэрин адьас чугаһынан *ааспыт быһыылааҕа* (=*быһыылаах этэ*). Биир сиргэ кэлэн уһуннук *олорбут, тохтообут этэ* (НЯ КҮ 36, 37) 'Действительно, прошел след одного человека на оленин. Они пошли по этому следу. След же человека, пройдя по бровке горы, *по-видимому, прошел* совсем поблизости от их жилья. В одном месте, видно *было*, долго *сидел, останавливался*'.

Данная форма прошедшего времени является формой не с абсолютным временным, а с относительным временным значением предшествования в прошедшем.

§ 64. Но не всегда предшествующее действие, выступающее в форме предпрошедшего (давнопрошедшего) времени, занимает последнее место в ряду других действий в предложении. Бывает и наоборот: сначала дается предпрошедшее действие, выраженное формой давнопрошедшего времени, затем идут последующие действия, оформленные другими формами прошедшего времени. Кыһын своднай этэрээт Маарыкчаантан тахсан баран истэҕинэ Аар өрүс бэтэрээ өттүгэр «Бэстээх» ыалыгар икки өлбүт киһи сыарҕаҕа тиэйиллэн иһэллэрин *көрбүт этилэр*. Огтон Татьяна эмээхсиҥҥэ ити икки киһиттэн биирдэстэрэ Сеня үһү диэн кэпсээбиттэрэ. Онон эмээхсин ытыырыттан өйө-санаата көппүтэ (ЭЭ ТА 220) 'Зимой, когда сводный отряд шел, вышедший из Марыкчана, на этом берегу реки Ар у жителей «Бестяха» *видели* двух мертвецов, везомых на санях. А старухе Татьяне рассказали, что один из них был Сеня. Поэтому от плача-горя старуха совсем потеряла ум-разум'; Дэриэбинэ ыаллара *утуйбуттар этэ*. Аҕабыт кэргэттэрэ хос аайы тарҕаһан утуйдулар. Кини эстэрээппэ кыыһа Еля эмиэ бэйэтин хоһугар киирдэ (ИН С 75) 'Жители деревни *уже спали* (к тому времени). Домочадцы попа разошлись по комнатам и заснули. Его кухарка девушка Еля тоже зашла в свою комнату'.

В этих отрывках сначала повествуется о первых по времени совершения действиях, которые и оформлены давнопрошедшим временем. Затем уже повествуется о последовавших за ним других прошедших действиях (они в первом случае оформлены прошедшим повествовательным временем, во втором случае — прошедшим категорическим временем).

Как видно из примеров, и при таком порядке употребления глаголов предшествующее значение формы давнопрошедшего времени остается в силе.

Таким образом, как правильно отметил в свое время Н. К. Дмитриев, «давнопрошедшее время... является как бы декорацией, на фоне которой происходит другое действие» [85].

Другие случаи образования и употребления давнопрошедшего (предпрошедшего) времени

§ 65. В якутском языке, можно сказать, почти каждая форма прошедшего времени может сочетаться с формой прошедшего категорического времени от глагола *э-* (*этэ*), относя тем самым действие в плоскость давнопрошедшего времени (плюсквамперфекта).

Однако эти сочетания в современном якутском языке (за исключением только что описанного сочетания — причастия на *-быт* с *этэ*) не могут быть рассматриваемы в качестве самостоятельных форм прошедшего времени: они на сегодня не носят строгого парадигматического характера, их употребление обычно только в модально-вопросительном и восклицательном предложениях, а в повествовательной речи ограничено рамками определенных оборотов речи. Но поскольку они все же представляют собою бытующие в живом языке формы, мы хотим их зарегистрировать как особые случаи образования и употребления давнопрошедшего (предпрошедшего) времени. Сюда относятся:

1. Сочетание с формой *этэ* формы недавнопрошедшего категорического времени от любого самостоятельного глагола. Бэйи, маҥнайгы кэпсээммин ханна *тиэртим этэ?* (АА КК 65) 'Погоди, первый свой рассказ я докуда, *было, довел?*' Оо, Сыҕаайап оҕонньору *дьулатта да этэ* (АА СК 524) 'Ну и напугал же он тогда старика Сыгаева'; Биирдии киһи сүүрбэлии таараны атаҕар *кээмэйдээтэ быһыылаах этэ* (АА СК 659) 'Каждый человек, кажется, по двадцать пар *перемерил было* на своих ногах'; Киһим мигин *өйдөөтө быһыылааҕа* (=*быһыылаах этэ*), ол эрээри тугу да саҥарбатаҕа, көхсүн эрэ этиппитэ (ХС, 1944, 1, 54) 'Собеседник мой меня, *кажется, понял было*, однако ничего не сказал, крякнул только'; Сүбэҕитин, эйэҕитин

[85] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 161.

кытаатыҥ диэн этэ да *сатаатым этэ* (СО ТА 477) 'Сколько я вам *говорил*, что надо жить в мире и дружбе'.

'... Айыы тойон аҕабыт... үөнү-көйүүрү көтөрү-сүүрэри тыынар тыыннаҕы биистэрин элбэҕи да *тэрийдэ этэ* үгүһү да *үөскэттэ этэ*, алыһы да *айда этэ* (ӨӨ ЫХ 112) '... Всевышний ваш отец-создатель различнейшие виды насекомых-блошек, птиц-животных — всякой живности, как много *было организовал, создал, сотворил*'.

Значение прошедшего времени в этих примерах передается дважды: в первый раз формой недавнопрошедшего, определенного времени от основного глагола, во второй раз — формой недавнопрошедшего, определенного времени от вспомогательного глагола *э-*, т. е. здесь мы имеем прошедшее определенное время в квадрате, которое на одну временную дистанцию более удалено от момента речи, чем простое определенное время, т. е. перенесено в плоскость предпрошедшего времени.

Аналогичное временное сочетание мы обнаруживаем и в других тюркских языках. Так, еще в Codex comanicus встречается *boldum edi* 'я был', узбекском, уйгурском *язды иде* 'он написал', в турецком *yaptımdı* 'я уже сдалал', в киргизском *бардым эле* или *барды элэм* 'я было пришел'.

В последних двух исследователями данная форма рассматривается как самостоятельная форма прошедшего времени, она в них носит, видимо, иной — более универсальный характер употребления, чем в якутском языке.

В якутском языке, как видно из приведенных примеров, прошедшее категорическое время в квадрате употребляется довольно ограниченно—в предложениях, когда необходимо бывает выразить вопрос в плане модального сомнения в совершенности или несовершенности действия в прошлом (подчас, как видно из приведенных примеров, анализируемое сочетание осложняется введением в него отдельных модальных слов или частиц) или когда необходимо бывает акцентировать внимание собеседника на факте совершенности (несовершенности) действия в прошлом с модальным оттенком одобрения (неодобрения) его или досады, радости, похвальбы по поводу совершения этого прошлого действия.

При таком употреблении, наряду с выражением значения прошедшего времени, форма *этэ* показывает тенденцию к превращению в разряд модальных форм.

2. Сочетание с формой *этэ* формы преждепрошедшего повествовательного времени от основного глагола. Оо, оттон *көрдөспутум, ааттаспытым да этэ*: бүгүн барыма диэн. 'О, как я *тогда просил, уговаривал*: не ходи сегодня'; Ол эрээри кини оччоҕо даҕаны иһигэр ити ыйытыы сөптөөҕүн сэрэйэ санныыр эрээри, дьиҥэ, ордук дириҥ, хоруйу кыайан биэриэ суох буолан, бэйэтиттэн *кыйахаммыта быһыылаах этэ* (АА СК 688) 'Однако он и тогда, хотя про себя чувствовал, что этот вопрос задан правильно, на деле, *кажется, был зол* на себя из-за того, что сам не способен был дать достаточно глубокий ответ'; Мантыбар ытык суккулдьуорун төрдүгэр сордоох өлүү сутурук саҕа буола сомоҕолоһо *улааппыта этэ* (ИАХ ОНЛЯ 95) 'А у него (букв.: у моего такового) на конце глотки *наросла*, утолщаясь в *то время*, проклятая опухоль величиной с кулак'; Мунньаҕа да суох *олорбуппут этэ* (АС ДьХ 163) 'И без собраний *жили* мы (*раньше*)'; Киһибит букатын үларыйбатах, бэйэтэ бэйэтинэн *эбитэ этэ* 'Он (наш человек) *к тому времени* совсем не изменился, *остался* самим собой'. Эн эмиэ Бүлүүттэн *кэлбитиҥ этэ* буолбат дуо? 'Ты ведь тоже *тогда* из Вилюя *приехал*, не так ли?' Эн буолбакка, ким кэлиэх буолан баран *кэлбэтэбэ*, үлэлиэх буолан баран *үлэлээбэтэбэ этэ*? 'Кто же, как не ты, обещав прийти в *то время, не пришел*, обещав поработать, *не поработал*?' И здесь мы обнаруживаем двойное выражение значения прошедшего времени: 1) при помощи формы преждепрошедшего повествовательного времени от основного глагола и 2) при помощи формы недавнопрошедшего, категорического времени от вспомогательного глагола *э-*, т. е. имеем как бы предпрошедшее повествовательное время, иначе говоря, прошедшее повествовательное время, отнесенное в плоскость предпрошедшего времени.

В модально-семантическом отношении это сочетание носит тот же характер употребления, что и предыдущее.

3. Сочетание формы прошедшего результативного времени второго с формой *этэ*. Кини миэхэ сүүрбэ биэс солкуобайы иэс *биэрэн турар этэ* — ону төннөрүөх баар 'Он мне *одолжил было*, двадцать пять рублей,— надо бы их вернуть'; Ол кэмнэргэ Уйбаан тойонун кытта эмиэ биирдэ улаханнык *иирсэн турара* (=*турар этэ*) 'В те времена Иван с хозяином тоже *однажды* крепко *поругался было*'; Субу кэмҥэ командирым, доҕотторум өлбүт аһыыларыгар

бук баттатан турар этим (АА СК 540) 'В то самое время я *был подавлен* скорбью о смерти своего командира, своих друзей'; Ленин бу улэлэриттэн сорохторо урут өрдөөҕүтэ *тылбаастанан тураллар этэ* (Кыым, 6/V 1957) 'Некоторые из этих работ Ленина уже давно до того *были переведены*'.

Сочетание формы *этэ* с формой прошедшего результативного времени второго имеет более широкое употребление, чем первые два рассмотренных выше сочетания. Оно не носит того ограниченно-модального значения, свойственного предыдущим формам, а употребительно в предложениях всех типов со значением прошедшего действия с предшествующим значением.

Возможно, приведенные сочетания когда-то в языке представляли самостоятельные временные формы, которые со временем и постепенно утратили универсальность своего употребления. Скажем, в сознании говорящего не стало важным разграничивать давнопрошедшее категорическое от давнопрошедшего повествовательного, давнопрошедшее повествовательное от давнопрошедшего результативного, важно стало подчеркнуть значение предпрошедшего действия вообще, какая функция и перешла к одной грамматикализовавшейся форме на *-быт* + *этэ*.

8. Давнопрошедшее эпизодическое время

Причастие на *-быт* + *таах* + *этэ*; причастие на *-бытым* + *баар* (*ҕсох*) + *этэ*; деепричастие на *-ан турар-даах* + *этэ*

§ 66. Эту форму давнопрошедшего времени мы выделяем в качестве самостоятельной формы прошедшего времени ввиду универсального характера ее спрягаемости и употребления в языке.

Образуется она сочетанием прошедшего эпизодического времени с формой прошедшего определенного времени от глагола *э-*(*этэ*). Поскольку само прошедшее эпизодическое время образуется тремя способами, то и давнопрошедшее эпизодическое время образуется теми же тремя способами.

Спряжение давнопрошедшего эпизодического времени

§ 67. Первый и третий варианты давнопрошедшего эпизодического времени спрягаются двояким способом: в первом случае спрягается вспомогательный глагол *э-* и

неизменным остается основной, во втором случае спрягается основной глагол и неизменным остается вспомогательный. Приводим парадигму спряжения.

Первый способ

Схема спряжения в положительной форме:

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбыттаах этим, сылдьан турардаах этим* 'я было однажды сходил'

2 л. *эн сылдьыбыттаах этиҥ, сылдьан турардаах этиҥ* 'ты...'

3 л. *кини сылдьыбыттаах этэ, сылдьан турардаах этэ* 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбыттаах этибит, сылдьан турардаах этибит* 'мы, было, однажды сходили'

2 л. *эһиги сылдьыбыттаах этигит, сылдьан турардаах этигит*, 'вы... '

3 л. *кинилэр сылдьыбыттаах этилэр, сылдьан турардаах этилэр* 'они... '

Схема спряжения в отрицательной форме:

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбатахтаах этим, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этим* 'я было однажды не сходил'

2 л. *эн сылдьыбатахтаах этиҥ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этиҥ* 'ты... '

3 л. *кини сылдьыбатахтаах этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этэ* 'он... '

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбатахтаах этибит, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этибит* 'мы однажды не сходили'

2 л. *эһиги сылдьыбатахтаах этигит, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этигит* 'вы...'

3 л. *кинилэр сылдьыбатахтаах этилэр, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этилэр* 'они...'

Второй способ

Схема спряжения в положительной форме:

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбыттаахпын этэ, сылдьан турардаахпын этэ* 'я было однажды сходил'

2 л. *эн сылдьыбыттааххын этэ, сылдьан турардааххын этэ* 'ты ... '

3 л. *кини сылдьыбыттаах этэ, сылдьан турардаах этэ* 'он ... '

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбыттаахпыт этэ, сылдьан турардаахпыт этэ* 'мы было, однажды сходили'

2 л. *эһиги сылдьыбыттааххыт этэ, сылдьан турардааххыт этэ* 'вы... '

3 л. *кинилэр сылдьыбыттаахтар этэ, сылдьан турардаахтар этэ* 'они... '

Бэйэ эрэ, олус киэбиримэ: эн дағаны Дьиикимдэ ыһыаҕар улахан Ньукулайга *кыаттарбыттааххын этэ* буолбат дуо? 'Подожди-ка, слишком не хвались: ведь и *ты имел случай быть побежденным* Большим Николаем на Джикимдинском ысыахе'; Үдүк-бадык өйдүүбүн: кинилэр оччоҕо биһиэхэ кырдьык *сылдьан турардаахтар быһыылаах этэ* 'Весьма смутно помню: они, *кажется*, тогда действительно у нас *бывали однажды*'.

Схема спряжения в отрицательной форме

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбатахтаахпын этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаахпын этэ* 'я однажды не сходил было'

2 л. *эн сылдьыбатахтааххын этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардааххын этэ* 'ты...'

3 л. *кини сылдьыбатахтаах, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаах этэ* 'он... '

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбатахтаахпыт этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаахпыт этэ* 'мы однажды не сходили было'

2 л. *эһиги сылдьыбатахтааххыт этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардааххыт этэ* 'вы... '
3 л. *кинилэр сылдьыбатахтаахтар этэ, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаахтар этэ* 'они... '

Кроме того, все три лица единственного числа и третье лицо множественного числа первого и третьего вариантов давнопрошедшего эпизодического времени имеют стяженный вариант, который употребляется в языке наравне с его полной формой. Его в своей грамматике отмечал Н. С. Григорьев под названием давнопрошедшего времени (*быдан ааспыт кэм*). Ниже приведен этот стяженный вариант формы.

В положительной форме спряжения

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбыттааҕым, сылдьан турардааҕым*
2 л. *эн сылдьыбыттааҕың, сылдьан турардааҕың*
3 л. *кини сылдьыбыттааҕа, сылдьан турардааҕа*

Мн. число

3 л. *кинилэр сылдьыбыттаахтара, сылдьан турардаахтара*

Бэрт аҕыйах сыл ойох ылан *олорбуттааҕым* (ДТ ТА 143) 'Совсем немного лет, я, *было, жил* женатый';

Мин эмиэ, диэҕим, турук тааскар үөскүн өҥөйөн *турбуттааҕым* күөгэйэр күммэр, сүүрбэлээх сааспар көбүөхтүүр баалгын *туойбуттааҕым* (ИГ ЫУо 43) 'Я тоже, скажу, *стоял раз* на твоей скале, озирая некогда твою стремнину, в лучшее свое время, в 20 лет, *воспел* твои вздымающиеся волны';

Уйбааннаах кэллэхтэрэ буолуо. Оҕо таҥыннарыах *буолбуттаахтара* (НН ТА 52) 'Ивановские, наверное, пришли. Они *когда-то обещали* ребенка одеть'.

В отрицательной форме спряжения

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбатахтааҕым, сылдьыбакка (сылдьымына) турардааҕым*

2 л. *эн сылдьыбатахтааҕың, сылдьыбакка (сылдьымына) турардааҕың*
3 л. *кини сылдьыбатахтааҕа, сылдьыбакка (сылдьымына) турардааҕа*

Мн. число

3 л. *кинилэр сылдьыбатахтаахтара, сылдьыбакка (сылдьымына) турардаахтара*

Ити дьыалаҕа мин букатын да *кыттыбатахтааҕым*, ону баара киһини таах соһоллор ‘В этом деле я никогда и ни разу *не имел случая участвовать*, а вот они зря человека таскают’; Кини эдэригэр биирдэ *сытаан оболоммокко (оболонумуна) турардааҕа*, онтон сыыстаран билигин ыарыһах буолбут ‘Она в молодости *как-то раз не смогла разродиться*: получив осложнение после этого, теперь стала больной’.

Схема спряжения второго варианта давнопрошедшего эпизодического времени в положительной форме

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбытым баар этэ* ‘я давно как-то раз (был такой случай) бывал’
2 л. *эн сылдьыбытың баар этэ* ‘ты ...’
3 л. *кини сылдьыбыта баар этэ* ‘*он...*’

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбыппыт баар этэ* ‘мы давно как-то раз (был такой случай) были, бывали’
2 л. *эһиги сылдьыбыккыт баар этэ* ‘*вы...*’
3 л. *кинилэр сылдьыбыттара баар этэ* ‘*они...*’

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин сылдьыбытым суох этэ* ‘я не имел случая быть хоть раз’
2 л. *эн сылдьыбытың суох этэ* ‘ты ...’
3 л. *кини сылдьыбыта суох этэ* ‘он ...’

Мн. число

1 л. *биһиги сылдьыбыппыт суох этэ* ‘мы...’
2 л. *эһиги сылдьыбыккыт суох этэ* ‘вы...’
3 л. *кинилэр сылдьыбыттара суох этэ* ‘*они...*’

Мин куоракка маҥнай киирэн баран радио саҥарбытыттан соһуйан *охто сыспытым баар этэ* (АА КСХ 393) 'Был такой случай, что, приехав в город первый раз, я *чуть было не упал* со страху, когда заговорило радио'; Күтүр өстөөх, доҕорбун эрэнимиэбин кырдьык биирдэ күнүүлүү санаан көтүрү *сытыйбытым баар этэ* (АА КК 57) 'Дурень такой, не доверив подруге, правда, я *как-то раз пристал* к ней с ревностью';

Эһэҕит Ильич: — нитэр суөһүгүтүн имэрийэр буолуҥ! —диэн эппитин туһунан Иэйэхсит хотунуҥ *эҕэрдэлээбитэ баар этэ* (СВ Б 18) 'То, что сказал ваш дедушка Ильич: — Будьте ласковы с содержимым скотом! — матушка Иэйэхсит [86], *когда-то приветствовала*'; Мин билэрбинэн, Бүөтүр уол биирдэ эмэтэ ийэтин тылын көнөтүк *истибитэ суох этэ* 'Как я знаю, *не было случая, чтобы* парень Петр хоть раз хорошо *отнесся* к слову матери'.

Этот вариант давнопрошедшего эпизодического времени также употребляется в стяженной форме, при этом стягиваются *баар этэ* в *баара*, *суох этэ* в *суоба*.

... Бадайкин... Иҥнэри Дьарааһыны түргэн сырыылаах наарыһынай оҥорон *атаарбыта баара* (ДТ ТА 138) 'Бадайкин... *снарядил было* Хромого Герасима быстроходным нарочным'; Кыталык кыыл былыр *кэпсээбитэ баара* (ДГ БМБ 253) 'Стерх-птица в старину *рассказала было* '; Дьиҥигэр, ону ким да *көрбутэ суоба* (НЯ Т 39) 'На самом деле, никто тогда *не видел* этого'; Уоруйах *уорбутум*, ампаар *алдьаппытым суоба* дии (АИС ДьДь) 'Ведь *не было случая, чтобы я украл*, амбары *взломал*'; Мин бу киэһэттэн ордук *сылайбытым суоһа* (АС Дьх 218) '*Не было случая, чтобы я устал* больше, чем в этот вечер'.

Значение давнопрошедшего эпизодического времени

§ 68. По значению это то же прошедшее эпизодическое время, только относительно более отдаленное от момента речи, отнесенное в плоскость давнопрошедшего времени и, как правило, предшествующее другим прошедшим действиям. Ол ыал ампаардарын муннугар хотуур ытаһата буолуох киил маһы *кыбыппыттаах этим*. Сурэҕэлдьин-

[86] Иэйэхсит — в якутской мифологии название доброй богини— покровительницы людей, лошадей и рогатого скота.

сүрэҕэлдьии онтукабар бардым (АА КК 237) 'В угол (щелку) амбара тех людей я *когда-то засунул* кусок креневого дерева, который можно было использовать для заклинения литовки (косы). Мне было лень, и я с неохотой пошел за ним'; Мин биэс кылаас үөрэхтээх, уон сэттэлээх уол, биир кыһын учуутал *буолбуттаах этим*. «Ыйаахтаах оскуолаттан» тэйиччи быыкаайык эргэ дьиэни биэрдилэр, иккис кылааһы анаатылар. Туспа буруо таһааран, ыал буоллум (АА КК 159) 'Я, 17-летний парень с пятиклассным образованием, *как-то* одну зиму *работал* учителем. Выделили маленькую избушку, стоящую поодаль от «настоящей школы», дали второй класс. Стал я самостоятельным хозяином (букв.: отдельно выпустив дым, стал жителем)'; Былыр биирдэ Сүөдэр кэргэнэ Маайалыын, оҕото Сэмэнчиктиин бу суолунан эмиэ суос-сатыы *киирэн турардаах этилэр*. Оччоҕо кини көхсүн суорҕаннаах тэллэҕэ, таас дьаакыр курдук, дьөлө баттыыра (НЯ Та 267) 'Много времени тому назад Федору с женой Маей, сыном Семенчиком *пришлось раз пройти* по этой же дороге совсем пешими. Тогда его спину, как каменный якорь, продавливала его постель'; Муодарҕаатым эбээт, тойонуом. Хаһан мин итинниги *истибитим баарай* (НН ТА 95) 'Удивился ведь я, мой господин. Когда я раньше *мог иметь случай слышать* подобное'.

Во всех этих примерах форма давнопрошедшего эпизодического времени употреблена для выражения прошедших действий, совершенных когда-то давно, случайно и до других прошедших действий.

§ 69. В ряде случаев данная форма может употребляться для обозначения просто давнопрошедших действий, без особого подчеркивания предшествования их другим прошлым действиям.

Ол сыыйан иһэммин, ыалы көрөммүн, тохтообутум — илэ дьүһүммутүнэн көрсүбүппут, ибил-дьибил иссибиппит. Ол иссии иһигэр иҥнэһинним диэҥгин, эрэйгин *эппиттээбиҥ*, алдьанным диэҥгин, алдьархайгын *ахтыбыттаабыҥ* (ДГ БМК 245) 'Во время того пути, увидев жильцов, я остановился — встретились воочию с тобой, и поссорились. Во время ссоры той ты, жалуясь, *было, высказал* свои страдания, плача, *было, вспомнил* свою беду'; Эдэр саастыттан Унньуула киниэс хамначчытынан сылдьыбытым. Бэрт аҕыйах сыл ойох ылан *олорбуттаабым* (ДТ ТА 143) 'С молодых лет пошел в батраки к кня-

эю Унньуле. Совсем немного лет *пожил* женатым'; Дьэ буоллаҕа. Абааһы да ханна барыай. Куһаҕан тыын киһини булара бэрт дөбөҥ. Оҕо эрдэхпинэ мин биирдэ эмиэ бэрт улаханнык *куттаммыттаах этим* (НН ТА 141) 'Ну, что же. И черту куда деваться. Злой дух весьма быстро находит человека. В детстве я как-то раз тоже сильно напугался';... Мүлдьүруйбэт Мүлдьу-бөҕө диэн бухатыыр *олорбута баара үһү* (ЭКП ОНЛЯ IV 311) '*Жил-был, говорят*, неспотыкающийся богатырь Мюлджю-Могучий'.

Первый и третий варианты давнопрошедшего эпизодического времени не имеют параллелей в других тюркских языках, являются специфически-якутскими формами, тогда как второй вариант характерен для ряда других тюркских языков (татарского, узбекского, уйгурского и др.).

§ 70. Резюмируя вышеизложенное о временах изъявительного наклонения, можно отметить следующее:

1. В основе форм времени лежат те или иные причастные формы. Этот факт служит неоспоримым подтверждением сделанного впервые профессором Е. И. Убрятовой вывода о том, что в парадигме спряжения глагола современного языка причастия являются не отглагольной, а самой глагольной формой, т. е. формой существования самого глагола. Глагол и время — понятия неразрывные, нет времени без глагольного действия, точно так же, как немыслимо глагольное действие без временного протяжения. Именно в силу своей глагольной природы причастия в якутском языке приняли на себя функцию выражения временных значений.

2. По своему составу временные формы изъявительного наклонения в якутском языке могут быть простыми (синтетическими) и сложными (аналитическими).

3. В образовании времен изъявительного наклонения и их значениях якутский язык наряду с общими и сходными с родственными тюркскими языками чертами показывает ряд специфичных, присущих только ему, особенностей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«КОСВЕННЫЕ» НАКЛОНЕНИЯ

ГЛАВА I

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Формы повелительного наклонения глагола якутского языка, в отличие от форм других наклонений, восходят не к причастиям и не к другим функциональным формам глагола, а к его основе непосредственно. Повелительное наклонение глагола выражает различные оттенки изъявления воли говорящего лица к совершению действия: приказ-повеление, призыв, просьбу, пожелание, совет, разрешение, предупреждение и др. Неотъемлемым признаком этого наклонения, служащим, наряду с грамматической формой, средством его выражения, является интонация, которая может варьировать от самого грозного приказа до самой кроткой просьбы-мольбы.

1. Из истории вопроса

§ 2. Повелительные формы глагола нашли отражение в работах всех исследователей якутского языка, начиная с акад. Бетлингка и кончая всеми авторами школьных грамматик. Бетлингк внутри повелительного наклонения отметил наличие двух временных форм: настоящего и будущего времени.

Спряжение настоящего времени повелительного наклонения он представил в следующем виде:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	—	—
2 л.	*быс*	*быһыҥ*
3 л.	*быстын*	*быстыннар*

Отрицательная форма

1 л.	—	—
2 л.	*быһыма*	*быһымаҥ*
3 л.	*быспатын*	*быспатыннар* [1]

Относительно аффикса *-ҥ*, *-ыҥ* (*-иҥ*, *-уҥ*, *-үҥ*) 2-го лица множественного числа Бетлингк высказал предположение, что он, видимо, представляет собой искаженную форму аффикса *-ҥыт* (тюркское نكز), который и сейчас прослеживается в форме, усиленной аффиксом *-ый* (ср. *быҥыт-ый*, ~ *быс-ыҥ*)[2].

Спряжение же глаголов в будущем времени повелительного наклонения Бетлингк дал так:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһыым*	—
2 л.	*быһаар*	*быһаарыҥ*
3 л.	*быһыахтын*	*быһыахтыннар*

Отрицательная форма

1. л.	*баһымыым*	—
2. л.	*быһымаар*	*быһымаарыҥ*
3. л.	*быһымыахтын*	*быһымыахтыннар* [3]

Относительно форм будущего времени повелительного наклонения Бетлингк также оставил следующие свои предположения. Он допускал, что форма 2-го лица на *-аар* первоначально могла представлять глагольное имя, винительный падеж которого (*быһаары*) сегодня выполняет роль супина, или она могла по аналогии с другими тюркскими языками, в частности, с татарским, произойти от слияния деепричастия основного глагола на *-аҥ* и вспомогательного глагола *көр* (*быһа-көр* > *быһаҕар* > *быһаар*) [4].

Форму первого лица он выводил из причастия на *-ыах*. «Так как 3-е лицо определенно образовано от имени бу-

[1] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten, § 515.
[2] Там же, § 421.
[3] Там же, § 516.
[4] Там же.

дущего времени, я не колеблюсь и первое лицо произвести от того же имени», — писал он [5].

С. В. Ястремский спряжение форм настоящего времени повелительного наклонения представил следующим образом:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. —	*быһыах*
2 л. *быс*	*быһыҥ*
3 л. *быстын*	*быстыннар*

Отрицательная форма

1 л. —	—
2 л. *быһыма*	*быһымаҥ*
3 л. *быспатын*	*быспатыннар* [6]

В отличие от Бетлингка С. В. Ястремский в парадигму настоящего времени повелительного наклонения ввел форму 1-го лица множественного числа в положительном спряжении, однако в отрицательном спряжении он ее в обоих изданиях своей «Грамматики» почему-то не показал.

Парадигму же будущего времени повелительного наклонения С. В. Ястремский представил:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *быһыым*	—
2 л. *быһаар*	*быһаарыҥ*

Отрицательная форма

1 л. *быһымыым*	—
2 л. *быһымаар*	*быһымаарыҥ* [7]

Здесь в отличие от Бетлингка он из схемы будущего времени выключил 3-е лицо обоих чисел.

[5] Там же.
[6] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, § 156.
[7] Там же, § 157.

§ 3. Акад. Радлов дал свою парадигму и толкование времен повелительного наклонения якутского глагола. Настоящее время повелительного наклонения у него представлено всеми тремя лицами обоих чисел.

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *быс-ы̄м*	*быс-ыах*
2 л. *быс*	*быс-ыҥ*
3 л. *быс-тын*	*быс-тынар*

Отрицательная форма

1 л. *быс-ым-ы̄м*	*быс-ымыах*
2 л. *быс-ыма*	*быс-ымаҥ*
3 л. *быс-патын*	*быс-патынар* [8]

«Я причисленные Бетлингком к первым лицам будущего времени повелительного наклонения *быһыым* и *быһыах* рассматриваю как настоящее время повелительного наклонения, ибо в них совершенно нет значения будущего времени», — писал он [9].

Радлов одновременно высказал предположение о возможности происхождения форм *быһыым и быһыах* из деепричастия на *-а* путем присоединения к нему аффиксов принадлежности (сравните тюркские *быча + jым* и *быча + jык*). Форму *бычын* же (якутское *быһыҥ*) он предположительно выводил из *быча + ҥ* [10].

Парадигму будущего времени повелительного наклонения он представил так:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *быс-ыахтыбын*	*быс-ыахтыбыт*
2 л. *быс-а̄р*	*быс-а̄рын*
3 л. *быс-ыахтын*	*быс-ыахтынар*

[8] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff. St.-Pg., 1908, стр. 43.

[9] Там же.

[10] O. Böhtlingk. Указ. соч., стр. 43.

Отрицательная форма

1 л.	*быс-ымыахтыбын*	*быс-ымыахтыбыт*
2 л.	*быс-ымāр*	*быс-ымāрың*
3 л.	*быс-ымыахтын*	*быс-ымыахтынар* [11]

Формы будущего времени повелительного наклонения в якутском языке Радлов считал новообразованиями, возникшими на собственно якутской почве, ибо их параллели в других тюркских языках он не обнаруживал.

§ 4. По-своему интерпретировал формы повелительного наклонения в якутском языке Д. И. Хитров. Так, он настоящее время этого наклонения представлял в двух лицах обоих чисел.

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
2 л.	*суруй*	*суруйуң*
3 л.	*суруйдун*	*суруйдуннар*

Отрицательная форма

2 л.	*суруйума*	*суруйумаң*
3 л.	*суруйбатын*	*суруйбатыннар* [12]

Будущее время повелительного наклонения он преподал в следующем виде:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*суруйуум*	*суруйуоҕуң*
2 л.	*суруйаар*	*суруйаарың*
3. л.	*суруйуохтун*	*суруйуохтуннар*

Отрицательная форма

1 л.	*суруйумуум*	*суруйумуоҕуң*
2 л.	*суруйумаар*	*суруйумаарың*
3 л.	*суруйумуохтун*	*суруйумуохтуннар* [13]

Н. Н. Поппе повелительные формы допускал для 2-го и 3-го лица единственного и для 1, 2, 3-го лица множест-

[11] Там же, стр. 44.
[12] Д. И. Хитров. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858, стр. 56.
[13] Там же.

венного числа (*быс, быстын, быһыах, быһыҥ, быстыннар*). Формы будущего же времени повелительного наклонения он выделил в самостоятельное наклонение под названием желательного. «Форма желательная» выражает желание, чтобы что-нибудь было сделано, решимость сделать что-нибудь, согласие, чтобы что-нибудь было сделано. Прежде (у Ястремского и Бетлингка) эта форма называлась повелительной будущего времени (*быһымым, быһаар, быһыахтын, быһаарыҥ, быһыахтыннар*) [14].

§ 5. Среди шести наклонений якутского глагола, отмеченных А. А. Ивановым-Кюндэ, на первом месте стоит повелительное.

Глаголы повелительного наклонения он изменяет в настоящем и будущем времени.

Настоящее время

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. —	*барыах*
2 л. *бар*	*барыҥ*
3 л. *бардын*	*бардыннар*

Отрицательная форма

1 л. —	*барымыах*
2 л. *барыма*	*барымаҥ*
3 л. *барбатын*	*барбатыннар* [15]

Будущее время

Положительная форма

1 л. *барыым*	*барыах*
2 л. *бараар*	*бараарыҥ*
3 л. *барыахтын*	*барыахтыннар*

Отрицательная форма

1 л. *барымыым*	*барымыах*
2 л. *барымаар*	*барымаарыҥ*
3 л. *барымыахтын*	*барымыахтыннар* [16]

[14] Н. Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, § 73.

[15] Kynde (Ujbanьap Θ. Θ.). Saqa tьla. Kьramaatьka uonna bьraap-sajlьk surujuu, Çokuuskaj, 1934, стр. 58.

[16] Там же, стр. 59.

§ 6. Авторы «Самоучителя якутского языка» Г. У. Гермогенов и И. Д. Моруо перенесли в свое пособие поппевское толкование форм повелительного наклонения якутского глагола.

§ 7. Н. С. Григорьев в своем учебнике показал формы повелительного наклонения несколько противоречиво. В текстуальной части описания он пишет, что глаголы повелительного наклонения изменяются в настоящем (сурукта *суруй*) и будущем временах (сурукта *суруйаар*) и показывает их спряжение.

Настоящее время	Будущее время
1 л. *булуум*	—
2 л. *бул*	*булаар*
3 л. —	*буллун*

Кроме того, в настоящем времени он допускает совместное число как «1-е и 2-е лица» — *булуох* [17].

Но в сводной таблице, составленной им по наклонениям глагола и приложенной к учебнику, он за повелительным наклонением устанавливает одно будущее время, которое разбивает на два подвида: близко-наступающее будущее (*сотору кэлэр кэм*) и погодя наступающее будущее (*өтөр кэлэр кэм*). Притом совместное лицо он связывает с близко наступающим временем.

Сотору кэлэр — близко-наступающее будущее

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһыым*	*быһыаҕыҥ*
2 л.	*быс*	*быһыҥ*
3 л.	—	—
1 л. 2 л.	*быһыах*	

Отрицательная форма

1 л.	*быһымыым*	*быһымыаҕыҥ*
2 л.	*быһыма*	*быһымаҥ*
3 л.	—	—
1 л. 2 л.	*быһымыах*]	

[17] M. I. Kirgielejep. Saqa tьlьn kьramaatькata. M., 1938, стр. 119, 120.

Өтөр кэлэр кэм — погодя наступающее будущее

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*быһыахтыым*	*быһыахтыбыт*
2 л.	*быһаар*	*быһаарыҥ*
3 л.	*быстын, быһыахтын*	*быстыннар, быһыахтыннар*

Отрицательная форма

1 л.	*быһымыахтым*	*быһымыахтыбыт*
2 л.	*быһымаар*	*быһымаарыҥ*
3 л.	*быспатын, быһымыахтын*	*быспатыннар, быһымыахтыннар* [18]

§ 8. Л. Н. Харитонов находит, что глаголы повелительного наклонения в настоящем времени имеют формы трех лиц в обоих числах, в будущем же времени — лишь формы 2-го лица обоих чисел.

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*көрүүм*	*көрүөбүҥ*
2 л.	*көр*	*көрүҥ*
3 л.	*көрдүн*	*көрдүннэр*

Отрицательная форма

1 л.	*көрүмүүм*	*көрүмүөбүҥ*
2 л.	*көрүмэ*	*көрүмэҥ*
3 л.	*көрбөтүн*	*көрбөтүннэр*

Спряжение глаголов в будущем времени Л. Н. Харитонов показывает так:

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
2 л.	*көрөөр*	*көрөөрүҥ*

Отрицательная форма

2 л.	*көрүмээр*	*көрүмээриҥ* [19]

[18] M. I. Kirgielejer. Указ. соч., стр. 135, 136.

[19] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката; Морфология, VI кылааска үөрэнэр кинигэ. Якутскай, 1951, стр. 16—17; Он же. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 186—188.

§ 9. Е. И. Убрятова в якутском языке различает повелительное наклонение категорическое и повелительное наклонение будущего времени. Спряжение первого она дает следующим образом (в положительной форме).

Ед. число	Мн. число
1 л. —	*барыах*, *барыаҕы*
2 л. *бар*	*барыҥ*
3 л. *бардын*	*бардыннар* [20]

Спряжение второго она представляет следующим образом (в положительной форме).

Ед. число	Мн. число
1 л. *барыым*	—
2 л. *бараар*	*бараарыҥ* [21]

Таким образом, повелительное наклонение глаголов якутского языка получило освещение у всех исследователей языка. Однако, как видно из вышеприведенного описания, каждый исследователь дал свою парадигму спряжения этого наклонения и свое толкование ее формам.

Нам кажется, что применительно к повелительному наклонению трудно говорить о настоящем времени. Осуществление действий в повелительном наклонении возможно мыслить только после речи, ибо особенность побудительной модальности такова, что она предполагает свою реализацию только в будущем. Поэтому за глаголами повелительного наклонения можно признать одно будущее время, которое в отношении возможности совершаемости действия к моменту речи можно разграничить на близкое будущее и отдаленное будущее.

2. Близкое будущее время повелительного наклонения

Спряжение и происхождение формы

§ 10. Мы находим, что близкое будущее время повелительного наклонения в якутском языке имеет все 3 лица единственного и множественного числа. Притом первое

[20] Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке. Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, стр. 121.
[21] Там же, стр. 123.

лицо имеет три числа: единственное, двойственное и множественное. 2-е лицо множественного числа имеет два способа выражения.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-ыы-м* 'давай, я пойду, пусть я пойду; пойду-ка я'
2 л. *эн бар* 'ты иди; иди-ка ты'
3 л. *кини бар-дын* 'пусть он идет (пойдет)'

Дв. число

1,2 л. —*бар-ыах* 'давай пойдем с тобой, давай пойдем мы с тобой, пойдем-ка с тобой'

Мн. число

1. *биһиги барыаҕ-ың* *бар-ыах-айың* 'давайте мы пойдем, пусть мы пойдем, пойдемте-ка'
2 л. *эһиги бар-ың* 'идите (пойдите) вы, идите-ка (пойдите-ка) вы'
3 л. *кинилэр бар-дын-нар* 'пусть они идут (пойдут)'

Первый вариант множественного числа (*барыаҕың*) является широко распространенной общеякутской формой, достаточно употребителен в языке и второй вариант (*барыахайың*). Обобщение собранных Институтом ЯЛИ ЯФ СО АН СССР диалектологических материалов позволит, видимо, со временем четко разграничить районы их распространения и употребления. Пока по общим первичным наблюдениям нам кажется, что второй вариант особенно любим и употребляется среди населения Усть-Алданского, Намского, Мегино-Кангаласского районов ЯАССР.

Отрицательная форма

Ед. число

1. л. *мин барымыым* 'давай не пойду я; пусть не пойду я; не пойду-ка я'
2 л. *эн барыма* 'не ходи, не иди'
3 л. *кини барбатын* 'пусть он не идет (не пойдет)'

Дв. число

1,2 *л. барымыах*	'давай не пойдем с тобой, давай не пойдем мы с тобой'

Мн. число

1 л. *биһиги барымыаҕың, барымыахайың*	'давайте мы не пойдем, пусть мы не пойдем'
2 л. *эһиги барымаҥ*	'не ходите, не идите'
3 л. *кинилэр барбатыннар*	'пусть они не идут, пусть они не ходят'

§ 11. Как известно, ряд тюркологов отрицает форму 1-го лица повелительного наклонения в тюркских языках (особенно единственного числа) на основании ее алогичности применительно к данному наклонению (П. М. Мелиоранский [22], Н. К. Дмитриев [23], А. Н. Кононов [24], А. А. Юлдашев [25] и др.), в то время как другие признают ее наличие (В. А. Богородицкий [26], А. Боровков [27], Н. П. Дыренкова [28], Н. Т. Сауранбаев [29] и др.).

Сторонники сужения ее значения до одного лишь повеления и приказа, направленного в адрес стороннего лица, не признают за ним первое лицо. И наоборот, те из тюркологов, которые воспринимают значение повелительного наклонения в более широком плане, т. е. в плане побуждения к действию, направленного на все лица, в том числе и на самого говорящего, признают за ним наличие, наряду с другими, и первого лица. В основе этих разногласий лежит не столько разное понимание значения повелительного наклонения, сколько различный материал,

[22] П. М. Мелиоранский. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология. Оренбург, 1894, стр. 52.

[23] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 165.

[24] А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, стр. 305.

[25] А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 164.

[26] В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 120.

[27] А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 152.

[28] Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, стр. 90.

[29] Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 233.

представленный по конкретным языкам, который у разных исследователей не может не интерпретироваться по-разному.

Материал якутского языка позволяет нам признавать за повелительным наклонением наличие форм 1-го лица. 1-е лицо единственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения в якутском языке воспринимается как выражение желания, согласия, решимости, самопринуждения говорящего лица совершить действие, а 1-е лицо множественного числа — обращение, призыв говорящего к собеседникам на совместное выполнение действия тут же, сразу же после момента речи.

Некоторые исследователи считают, что нельзя говорить о наличии первого лица повелительного наклонения в тюркских языках еще и потому, что аффикс *-ай/ -й* ими генетически возводится к древнетюркскому аффиксу *-кай/ /-гай*, который в свою очередь считается формантом не повелительного, а желательного наклонения. Однако этот довод нельзя считать имеющим неоспоримо вескую силу в пользу отсутствия первого лица повелительного наклонения в тюркских языках, ибо в историческом развитии родственных языков любой грамматический формант может получить любое, разнообразное направление и различное смещение значений. Для формы 1-го лица единственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения якутского языка оттенок желания не может быть признан ее главным, тем более единственным оттенком. С другой стороны, эта форма в фонетическом плане отличается от таковой же в других тюркских языках (ср. казахскую, киргизскую, туркменскую, алтайскую формы *барайык*, *көрейик* и якутскую форму *барыым*, *көрүүм*). Более близкий к якутской форме 2-го лица единственного числа вариант дают азербайджанский язык (*варым* 'пойду-ка я') и хакасский (*парим* 'пойду-ка я', *алым* 'возьму-ка я'). Это обстоятельство заставило якутоведов объяснять происхождение формы 1-го лица единственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения совсем иным образом, чем тюркологи в других языках.

Так, Бетлингк ее выводил из причастия на *-ыах* [30]. Радлов же предполагал, что она произошла из соедине-

[30] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 516.

ния деепричастия на *-а* и притяжательного аффикса [31]. Е. И. Убрятова возводит якутскую форму на *-ыы* к причастию на *-ыб* в древнетюркском языке [32]. Предположение Радлова с точки зрения сегодняшних данных нам кажется более уязвимым, ибо временные формы в якутском языке, как правило, образуются с участием причастных, а не деепричастных основ. Не обнаруживается в языке участия и формы на *-ыы* в образовании времен, какая функция характерна для причастий, она в современном языке воспринимается как чисто именная форма (имя действия).

Более справедлива, видимо, гипотеза Бетлингка. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что в основе двойственного числа и обоих вариантов первого лица множественного числа близкого будущего времени повелительного наклонения явно лежит причастие на *-ыах* (*барыах*, *барыаҕыҥ*, *барыахайыҥ*). Также в языке сохранились реликтовые и возможно первичные формы первого лица единственного и множественного числа этого времени повелительного наклонения, в основе которых бесспорно лежит причастие на *-ыах*. Мин бүгүн театрга *барыахтым дуу*! (~ барыым дуу!) 'Пойду-ка я сегодня в театр (разрешите-ка мне сегодня идти в театр)'; Чэйиҥ, *аҺыахтыбыт эрэ* (~ аҺыаҕыҥ эрэ) доҕоттоор! 'Ну-те, поедимте-ка, друзья!'

§ 12. 2-е лицо множественного числа близкого будущего времени повелительного наклонения, как и в других тюркских языках, совпадает с основой глагола (*бар-*, *кэл-*, *суруй-* и т. д.); 2-е лицо множественного числа образуется от этой основы путем присоединения к ней аффикса принадлежности [33]. 3-е лицо единственного числа представляет общетюркскую форму с известным соответствием тюркских *з/с* якутским *д/т* (ср. древнетюркские формы *барзын/барсын*, уйгурскую форму *барсун*, тувинскую, хакасскую, алтайскую формы *барзын*, туркменскую, турецкую, татарскую форму *барсун* с якутской формой *бардын*). Во множественном числе этот аффикс отягощается аффиксом множественного числа *-лар*. В основе обоих

[31] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, стр. 43.

[32] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 129.

[33] Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке. «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., 1962, стр. 122.

вариантов 1-го лица множественного числа, как мы уже сказали выше, лежит причастие на *-ыах*: в первом случае к нему присоединяется аффикс принадлежности (*барыабыҥ*), во втором — аффикс *-ай*, затем аффикс принадлежности (*барыахайыҥ*). Форма двойственного числа представляет собой причастие на *-ыах* в чистом, не отягощенном аффиксами, виде.

Таким образом, близкое будущее повелительного наклонения в отличие от других временных форм в якутском языке не имеет стройной, построенной на единой основе парадигмы спряжения, последняя сложилась из различных по происхождению элементов. Между прочим, это имеет место и в других тюркских языках.

§ 13. Близкое будущее время повелительного наклонения в якутском языке могут образовать как первичные, так и производные, а также сложные глаголы (*ыыт*, *ыыттар*, *ыытан көр*).

Значение близкого будущего времени

§ 14. О значениях, выражаемых формой близкого будущего времени повелительного наклонения, можно сказать следующее: 1-е лицо единственного числа выражает собственное решение, самопринуждение говорящего лица, а также его побуждение, согласие, просьбу и желание совершить действие (поступок) в предстоящем, близком от момента речи будущем. Мин чэйдэ *сылытыым*, чэй иһиэҥ буолаарай? (НЯ Т II 229) '*Давай-ка*, я чаю *подогрею*, может, ты чайку попьешь (желаешь чаю попить)?' Чэ оччоҕо бу омурҕаҥҥа *үлэлиим* (АФ ТА I 25) 'Ну, тогда *давай*, я *поработаю* этот (до отдыха) промежуток времени'; Сөбүлүүр буоллаххына, *сүбэлиим* (АС М 42) 'Если ты не возражаешь, *давай*, *посоветую*'. Саатар аттыгар *олоро туһуум эрэ* (УС 115) '*Дай-ка*, *я хоть посижу* около тебя'; Чэ, чэ, *мэһэйдээмиим*, *күүлэйдээмиим* (АА, ПУо 88) 'Ладно, ладно, *давай не помешаю* я (Вам), *не погуляю*'; Бэйи, *ооньоомуум эрэ* (АА СК 33) 'Постой, *давай я перестану играть*'.

В иных контекстах форма данного лица может выражать самозаклинание, т. е. зложелания и проклятия в адрес самого говорящего.

Ытык өлүү буолан ынчыктыы *сыылыым*, хотугу өлүү буолан хол-буут *арахсыым* (АК ЫХ 190) '*Пусть поползу*

я на четвереньках со стоном, пораженный великим недугом (костоедом), *пусть отгниют* мои конечности от северной болезни — проказы' или: Төрөтөр оҕо төлкөтүн *билимиим*, нэримэ дьиэни *иччилээмиим*, иитэр сүөһүнү *күрүөлээмиим* (ПО, А VI 243) '*Пусть не узнаю* я счастливую долю деторождения, *не стану хозяином* теплого дома, не построю городьбы для (своего) скота'.

§ 15. Двойственное число обозначает призыв, обращение говорящего лица к собеседнику (к одному) осуществить действие совместно с ним. Дьэ эрэ, эн биһикки киһилии *кэпсэтиэх*! (НЯ КҮ 144) 'Ну-ка, *давай поговорим* мы с тобой по-человечески'; Чэ, *барыах*... Саһар сири *булуох* (К ТА 191) 'Ну, *пойдем*... *Найдем* (*с тобой*) место, где можно спрятаться'; Ити тааска баран *олоруох* (НЯ Ку 27) 'Пойдем, *сядем* (*с тобой*) на этот вот камень'; Чэ, тыл буолбаты *тыллаһымыах*, кэпсээн буолбаты *кэпсэтимиэх* (АА СК 123) 'Ладно, *давай не будем* (*с тобой*) *говорить* о нестоящем'; Куттаммыппытын *биллэримиэх* (АА КСХ 304) '*Давай, не дадим узнать*, что мы испугались'.

В функции двойственного числа может употребляться и форма дательного падежа от причастия на *-ыах* (инфинитивная форма на *-ыах*). В таком случае обычно бывают обстоятельственные или другие служебные слова, которые показывают, что обращение адресуется именно к одному, а не к нескольким лицам. *Катя*, бэйэбит дьиэбитигэр *көһүөххэ* (Кыым 2/II 64) '*Катя*, *переедем* в свой дом'; *Маамаа*, *барыахха* (АС КБ 28) '*Мама*, *пойдем*'; *Доҕоруом*, *киириэххэ* муораҕа(Кыым 21/I—1964) '*Мой друг*, *спустимся* к морю'.

В приведенных примерах такими обстоятельственными словами обращения являются: *Катя*, *мама*, *доҕоруом*.

То, что форма на *-ыахха* употребляется в значении двойственного числа, видно и из того, что обе эти формы могут употребляться в одном предложении одновременно. *Тахсыах*, *ааны* аһан үүтээни *салгылата түһүөххэ*,— Үстүүн кэһиэҕирбит куолаһынан Тарааһы ыҥырда (ИН ИС 255) '*Выйдем-ка*, приоткроем дверь и *немного проветрим* землянку,— позвал Устин Тараса своим охрипшим голосом'.

§ 16. 1-е лицо множественного числа может выражать приказание, повеление, требование, предложение, просьбу и пожелание, но уже адресованное не к одному лицу, а ко многим лицам сразу. Оҕолоор, *ыллыабыҥ эрэ*! (АС КБ 66) 'Ребята, *давайте споем*'; Атыны *үҥкүүлүөбүҥ* (К ТА

190) '*Давайте станцуем* другое (другой танец)'; Бүгүн-сарсын бурдук үлэтин *бүтэриэбин*! (АА УПо 80) '*Давайте*, сегодня-завтра *закончим* уборку хлебов!'

Оҕолорбут өлбүттэрин кэннэ биһиги да ордон хаалан, киэҥ Маарыкчааны *түстээмиэбин*! (ЭЭ ТА 221) '*Нечего нам* оставаться после смерти наших детей и *обживать* раздольный Марыкчан'; Оҕолор, *уолумуйуобун* (АФ ТА II 371) '*Ребята, не будем паниковать* (давайте не поддаваться панике)'.

То же самое значение выражается и второй формой 1-го лица множественного числа этого времени. Ырыата *ыллыахайын*! (ДТ ТА 213) '*Давайте, споем песню!*' Оҕолор кэллилэр. *Барыахайын* (ХС, 1964, 2, 90) 'Ребята пришли. *Давайте, пойдемте*'; Чэ, *кэпсэтиэхэйин*! '*Давайте, поговорим*'; Сырдык суолунан, чэйиҥ, чиҥник *хаамсыахайын эрдээхтик*! (ХС, 1964, 5, 116) 'По светлой дороге, ну-те, твердо *зашагаем*, смело!' Кэбис, бүгүн *барымыахайын*! 'Нет, *давайте, сегодня не пойдемте*'.

Правда, этой формой, кроме общего значения по сравнению с первой формой, как нам кажется, вносится дополнительный оттенок более интенсивной призывности к совершению действия (оттенок эмоционального усиления).

§ 17. 2-е лицо единственного числа является основной исходной формой повелительного наклонения в якутском языке. Оно выражает модальность прямого повеления, приказа, требования, а иногда — совета, просьбы и пожелания говорящего лица в адрес собеседника. Эн бу түүн Амуру *туораа* (НЯ КҮ 182) 'Ты этой ночью *перейди* Амур'; *Бар, дьиэбэр табыс* (АА ПУо 79) '*Иди, выходи* домой'; Киирэн тойонгун *ыҥыран таһаар*! (НЯ КҮ 135) '*Иди, вызови* своего хозяина!' Дьонгун сибилигин *тарбат* уонна бэйэҥ бырабылыанньа муннньаҕар *кэлэ тарт* (АФ ТА I 242) 'Тотчас же *распусти* народ и сам сразу *приходи* на заседание правления'; Тоойуом, тииккэ *ытын*! (СО ТА II 197) 'Милок, *залезай* на дерево!' Мин биир көрдөһүүбүн *ылын* (АА ПУо 90) '(Пожалуйста) *прими* одну мою просьбу'; *Киэр буол*, *икки* харахпар *көстүмэ* (НЯ КҮ 14) '*Убирайся прочь*, *не показывайся* мне на глаза! 'Миитэрэй, эн ити кэпсэтиигэ *кыттыма да*! (АА СК 82) 'Дмитрий, ты *не вмешивайся*, пожалуйста, в этот разговор'.

§ 18. Форма 2-го лица единственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения в якутском языке в стилистических целях употребляется в значении

прошедшего категорического времени. Бүгүн Миша көрсө түстэ да миэхэ күүлэйдээ диэн хаайда. Мин туран *бар* (АА АН 52) 'Сегодня встретился Миша и сразу пристал ко мне с просьбой погулять у него. Я *возьми* да и *пойди*'; Мунa сылдьар оҕобун диэн мин кинилэргэ *кэпсээн биэр* (НН ТА 57) 'Я им и *расскажи*, что я заблудившийся ребенок'.

Такое использование 2-го лица единственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения преследует цель большей изобразительности и живости в повествовании о прошедших событиях и одновременно вносит видовой оттенок решительности, внезапности, с которой совершаются действия.

§ 19. Формой 2-го лица множественного числа близкого будущего времени повелительного наклонения приказание, повеление, предложение, совет, призыв, просьба, пожелание адресуются одновременно нескольким, многим лицам. Чэйиҥ, *тахсыҥ*! (АА ПУо 79) 'Ну-те, *выйдите*!' Бу маһы *быраҕыҥ*! (АА СК 276) '*Бросьте* эту палку!' Хата чэйгитин *иһиҥ*! (АА СК 72) 'Лучше *пейте* свой чай!' *Мөккүһүҥ*, саха бырааттар! *Мөккүһүҥ*, табаарыстар! (АА СК 322) '*Боритесь*, якутские братья! *Боритесь*, товарищи!' Бэйи эрэ, эһиги бу киһини *кырбаамаҥ*! (АА СК 64) 'Погодите-ка, вы этого человека *не бейте*!'

§ 20. Форма 3-го лица единственного и множественного числа выражает все вышеприведенные оттенки в адрес 3-го или третьих лиц, которые передаются или через собеседника (-ков), или без него (них). Уйбааҥҥа эт, туутун соботуттан миэхэ *ыыттын* 'Скажи Ивану, *пусть пришлет* мне карасей из своей корчаги'; Урут ынаҕы ыырга сыһыаннаах эбит, онон бэйэтинэн холобур *көрдөрдүн* (АФ ТА I 249) 'Она, оказывается, прежде была знакома с дойкой коров, так *пусть покажет* личный пример'; Чэ аҕаа, *кэллиннэр эрэ* (АА ПУо 250) 'Ну, ладно, отец, *пусть они придут*'.

Из контекста этих примеров ясно, что повеление-пожелание говорящего лица передается 3-му лицу с помощью (через) посредника. Однако в других контекстах эти оттенки в равной степени могут передаваться непосредственно, без обращения к посреднику. Кырдьык *туругурдун*! (ПО А II 11) '*Да здравствует* правда!' Англичаннар Ирантан *киэр буоллуннар*! (АФ ТА I 94) '*Пусть* англичане *уберутся* вон из Ирана!' Сэрии *буолбатын*! (АФ ТА I 94) '*Пусть не будет* войны!' Кини курдук модун санаалаах

төрөөбөтүн! (ПО А II 85) '*Пусть не родится* такой вольнодумец, как он!'

§ 21. Как сказано уже выше, большая роль в приобретении формами повелительного наклонения разных оттенков принадлежит различным модуляциям интонации и контексту. Наряду с интонацией для выражения того или иного оттенка говорящий в процессе устной речи может прибегать также к помощи мимики, телодвижений и т. п. Вспомогательным средством, вносящим дополнительные (прежде всего усилительные) оттенки в значение повелительного наклонения, можно считать также употребление различных частиц (*эрэ*, *да*, *дуу* и др.). *Барыаҕыҥ эрэ*! '*А ну-ка пойдемте*'; *Ытыҥ даа*! '*Умоляю вас, отпустите меня*'.

Усилительный оттенок вносится и повторением повелительных форм. При повторении повелительной формы (в любом лице) повеление принимает совершенно категорический характер. «*Тахсыҥ*, *тахсыҥ*!» — диибин дии! '«*Выйдите*, *выйдите*!» — говорю я'.

§ 22. Формой близкого будущего времени повелительного наклонения в некоторых контекстах может создаваться условная конструкция, служащая для выражения условия для совершения вторых действий. Арай дойдубун *көрдүүм*, бу уораҕайбыттан үүрүллэбин дии? (МД ТА 38) '*А если запрошу* свой участок, то из этого своего логовища буду изгнан?' Мин аҕам ити хара санаалаах баайга ымсыыран мигин *атыылааҕатаҕа буоллун*, оччоҕо Александр... (МД ТА 73) '*Не продай бы* меня отец, соблазнившись, этому чернодумному богачу, тогда бы Александр...' Арай биһиэхэ «Киэлимэ» күөлүн оннун бүтүннүү *туран биэрдиннэр*, — Буойун дьонун эргиччи көрдө. Дьэ охсон сайгылдьытыахпыт этэ! (АА СК 161) 'А *если* вдруг нам *уступят* место, освободившееся из-под озера Келиме,— воин оглядел всех своих — Вот бы мы раскосились наславу!' *Таһыйдын эрэ*! Хараҕын уһулу дайбаан биэриэм (АА СК 56) '*Пусть только побьет*! Глаза ему вышибу'.

Усилительно-просительный вариант близкого будущего времени

§ 23. Близкое будущее время повелительного наклонения в якутском языке имеет второй — усилительно-просительный вариант. Он в 1-м лице единственного числа об-

разуется путем присоединения к основе первого варианта аффиксов *-ый/ -ыый* и *-ыный/-ыныый* (с фонетическими вариантами), во 2-м лице — аффиксов *-ый/-ыый* (с фонетическими вариантами), *-ыҥый/-ыҥыый* (если основа оканчивается на согласные звуки) и *-рый/-рыый/-рыҥыый* с фонетическими вариантами (если основа оканчивается на гласные звуки); в 3-м лице единственного числа присоединяется аффикс *-ый/- ыый* (с фонетическими вариантами). При этом глухие согласные *к, х, п* при аффиксации обычно переходят в соответствующие им звонкие *г, ҕ, б* (*ык — ыгыый — ыгыыҥыый, аах — ааҕыый, ааҕыыҥыый, сап — сабыый — сабыыҥыый*).

Двойственное число и 3-е лицо множественного числа усилительно-просительной формы также оформляются при помощи аффикса *-ый/-ыый* с его фонетическими вариантами; 1-е и 2-е лицо множественного числа — при помощи аффиксов *-ытый/- ытыый* и *-ытыный/-ытынныый* (включая их фонетические варианты). По действующей ныне орфографии якутского языка для письменного обозначения приняты варианты аффиксов с долгим гласным. Поэтому мы впредь будем пользоваться последними.

Даем схему спряжения усилительно-просительного варианта близкого будущего времени повелительного наклонения.

Положительная форма

(если основа глагола оканчивается на согласные звуки)

1. л. *мин барыым-ыый, барыым-ыныый* 'давайте, пожалуйста, я пойду; разрешите, пожалуйста, мне идти'
2 л. *эн бар-ыый, бар-ыыҥыый*, 'иди ты, пожалуйста; иди же ты'
3 л. *кини бардын-ыый* 'пусть, пожалуйста, он идет; пусть же он идет'

(если основа глагола оканчивается на гласные звуки и дифтонги)

1 л. *мин аһыым-ыый, аһыым-ыҥыый* 'дайте, пожалуйста, я поем; разрешите, пожалуйста, мне поесть'
2 л. *эн аһаа-рыый, аһаа-рыҥыый* 'ешь же ты, пожалуйста'
3 л. *кини аһаатын-ыый* 'пусть, пожалуйста, он поест'

Дв. число

1, 2 л. *барыаҕ-ыый, аһыаҕ-ыый* 'давай, пожалуйста, пойдем, поедим (мы с тобой)'

Мн. число

1 л. *биhиги барыаҕыҥ-ытыый, барыаҕыҥ-ытыныый, аhыаҕыҥ-ытыый, аhыаҕыҥ-ытыныый* 'пойдем, поедим, пожалуйста, мы'
2 л. *эhиги барыҥ-ытыый, барыҥ-ытыныый, аhааҥ-ытыый, аhааҥы-тыныый* 'идите, ешьте, пожалуйста, вы'
3 л. *кинилэр бардыннар-ыый, аhатыннар-ыый* 'пусть, пожалуйста, они идут, они поедят'.

Отрицательная форма

Ед. число

1. л. *мин барымыым-ыый, барымыым-ыныый* 'пусть, пожалуйста, не пойду я'
2 л. *эн барыма-рыый, барыма-рыҥыый* 'ты, пожалуйста, не ходи-ка'
3 л. *кини барбатын-ыый* 'пусть, пожалуйста, он не идет, не ходит'

Дв. число

1 л. *барымыаҕ-ыый, барымыаҕ-ыныый, аhаамыаҕ-ыый, аhаамыаҕыныый* 'не пойдем, не поедем пожалуй, мы с тобой'

Мн. число

1. л. *биhиги барымыаҕ-ытыый, барымыаҕ-ытыныый* 'пожалуйста, не пойдем мы'
2 л. *эhиги барымаҥ-ытыый, барымаҥ-ытыныый* 'не ходите, пожалуйста, вы'
3 л. *кинилэр барбатыннар-ыый* 'пусть, пожалуйста, они не идут'

Усилительно-просительная форма отсутствует во всех тюркских языках. Бетлингк и Поппе рассматривают ее как форму, заимствованную якутским языком из монгольского языка [34]. Усилительно-просительный вариант близкого будущего повелительного наклонения особенно любим и употребителен среди населения Вилюйской группы районов (Сунтарского, Нюрбинского — ныне Ленинского, — Верхне-Вилюйского и Вилюйского районов), притом наиболее активно употребительны формы 2-го и 3-го лица положительной формы спряжения.

[34] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 516; Н. Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, § 72.

§ 24. Дополнительный оттенок, вносимый усилительно-просительной формой близкого будущего времени повелительного наклонения в якутском языке, состоит в выражении усиленной просьбы говорящего лица об осуществлении или воздержании от осуществления того или иного действия в сравнительно-близком будущем. Притом эта усилительно-просительная модальность одновременно и эмоциональна, т. е. здесь мы наблюдаем теснейшую связь и взаимодействие модальной и эмоциональной семантики. Поэтому перевод данной формы на русский язык мы считаем возможным с помощью вводных слов: *пожалуйста*, *будь добр*, *ради бога*, *умоляю*. Тойонуом, дьэ иннье *гыныый* (К ТА 199) 'Господин мой, *сделай*, *пожалуйста*, *так*'; Маамам оҕотоо, *ытаамарыый*!.. *Кэбиһиий*... *Уоскуйуул*... (ХС, 1963, 2, 62) 'Мамочка родная, *не плачь*, *пожалуйста*. *Не надо же*... *Успокойся*, *ради бога*...' *Кэлиҥитиий*! — диэн Маайа ыҥыртаабыта (НЯ Т 11) '*Идите-же*, — пригласила их Майя'; *Уоскуйуҥутуул*, доҕоттор! (АФ ТА I 85) '*Успокойтесь*, *пожалуйста*, друзья!' Кумааҕыбар *суруйумаҥытыныый* (К БС 25) '*Не пишите же* на моей бумаге!' *Тахсыабыый күөх* тыаҕа күүлэйдии (ЭК 12/IV 64) '*Выйдем*, *пожалуйста*, гулять в зеленый лес'.

§ 25. Данная форма употребляется также для выражения модального оттенка усиления предложения, приказания, пожелания, идущего от говорящего лица, а также для выражения видового оттенка ускорения процесса совершения действия. Перевод формы на русский язык в таких случаях можно производить с помощью усилительных частиц *же*, *-ка* или наречий '*быстрее*, *скорей*'. Ыйытабын дии, *саҥарыый* (АФ ТА I 58) 'Спрашиваю ведь я, *говори же*'; Тэрийиэх буолбуккун тэрийэ *охсуй эрэ* (ПО А III 151) '*Организуй-ка побыстрее*, что обещал организовать'; Кэҕиэннээх эрдэхпинэ *киэр буола тардыый*! (КУ ТДьБ 73) 'Пока в силе я, *убирайся-ка быстрее*'; *Этий эрэ*, партия, эн туоҕу көрдүөтүҥ? (ПО А II 37) '*Скажи-ка*, партия, что ты начала искать?' Киприйээн Саабыс, үлэлиэҥ буоллар, сүгүн *үлэлээриий* бу... (ДТ ТА 162) 'Куприян Саввич, если собираешься работать, так *работай же* как следует'.

§ 26. В иных предложениях, оформляемых при помощи вспомогательного глагола *буол-*, последний может опускаться и тогда усилительный аффикс *-ыый* переходит на примыкающее к нему слово, если оно даже неглагольно-

го происхождения. Тоойуом, *оргуйуй* (ДьА ТА 93) 'Деточка моя, *будь же*, *пожалуйста*, *тише*'. Полный вид этого предложения должен бы выглядеть так: тоойуом, *оргууй буолууй*.

3. Отдаленное будущее повелительного наклонения

Спряжение и происхождение

§ 27. В отличие от близкого будущего времени отдаленное будущее время повелительного наклонения имеет всего одно — 2-е лицо единственного и множественного числа. Также имеет два варианта (основной и усилительно-просительный). Спряжение их выглядит следующим образом.

Положительная форма

	Ед. число	Мн. число
	1-й вариант	
1 л.	—	—
2 л.	*эн бараар*, *аабаар*	*эһиги бараарыҥ*, *аабаарыҥ*
3 л.	—	—
	2-й вариант	
1 л.	—	—
2 л.	*эн бараарыый*, *аабаарыый*	*эһиги бараарыҥытыый бараарыҥытыныый*; *аабаарыҥытыый*, *аабаарыҥытыныый*

Отрицательная форма

	Ед. число	Мн. число
	1-й вариант	
1 л.	—	—
2 л.	*эн барымаар*, *аабымаар*	*эһиги барымаарыҥ*, *аабымаарыҥ*
3 л.	—	—
	2-й вариант	
1 л.	—	—
2 л.	*эн барымаарыый*, *аабымаарыый*	*эһиги барымаарыҥытыый*, *барымаарыҥытыныый*, *аабымаарыҥытыый*, *аабымаарыҥытыныый*
3 л.	—	

§ 28. О происхождении первого варианта этой формы Бетлингк, как мы уже выше указывали, допускал два предположения: 1) форма первоначально представляла собой глагольное имя, винительный падеж которого сегодня обозначает supinum (*быһаар — быһаары* — чтобы резать); 2) форма произошла из сочетания деепричастия основного глагола на *-а/-ыы* и основы служебного глагола *көр* с последующим слиянием их в одно слово по закону гармонии гласных и дальнейшим стяжением (*быһа көр*> *быһабар*> *быһаар*); в подтверждение этой гипотезы он приводил татарскую форму повелительного наклонения (например, بولا كور) [35].

Акад. Радлов разделял последнее предположение акад. Бетлингка с тем уточнением, что он допускал не один вспомогательный глагол *кӧр*, а три глагола, оканчивающиеся на *р* (*ӓр*, *бӓр*, *кӧр*) [36]. Е. И. Убрятова выводит ее из древней формы повелительного наклонения на *-был*, употребляемой в языке орхонских надписей [37]. М. Ш. Рагимов, проведший сравнительный анализ данных азербайджанского, турецкого, туркменского, татарского, узбекского языков, находит, что форма *-а көр*, *-э көр*, так же как и другие формы повелительного наклонения во 2-м лице единственного числа, в историческом прошлом выражала почти все оттенки этого наклонения. Далее он находит, что эта форма, претерпев некоторое функционально-семантическое и фонетическое изменение, сохранилась сегодня в ряде современных тюркских языков для выражения одного лишь из конкретных оттенков повелительного наклонения (в туркменском языке для выражения оттенка просьбы, в татарском — для приказания действия, осуществление которого крайне важно, в узбекском — для выражения повеления с оттенком зла или благожелания) [38]. Эти наблюдения М. Ш. Рагимова, нам кажется, определенным образом говорят в пользу вышеуказанной гипотезы Бетлингка.

[35] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 516.

[36] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, стр. 44.

[37] Е. И. Убрятова. Указ. соч., стр. 124.

[38] М. Ш. Рагимов. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Баку, 1966, стр. 48.

Значение отдаленного будущего времени

§ 29. Отдаленное будущее время повелительного наклонения передает те же модальные оттенки, что и близкое будущее, т. е. приказание, повеление, призыв, обращение, предложение, совет, пожелание, просьбу, адресованные 2-му лицу, но только предстоящие для совершения в отличие от близкого будущего в сравнительно-отдаленном от момента речи времени. Дьонгун *абалаар* (АФ ТА I 242) '*Приведи* (*потом, после*) своих родных'; Сарсын киэһэ *кэлээр* (ПО А II 19) '*Приходи* завтра вечером';

Толору *дьоллоноор*... Баараҕай *баайданаар* (ПО А IV 229) '*Будь* полностью *счастливым*, *будь* несметно *богатым* (*в будущем*)'; Хабырыыстаах Микиитэ, эдэр дьон, ойбону тэһэн, сүөһүлэргитин *уулатаарыҥ*! (АА СК 384) 'Гавриил с Никитой, молодые люди, прорубите прорубь и *напоите потом* скот! (когда наступит время для этого)'; Кимиэхэ да *этимээр*! (ДТ ТА 181) 'Только *потом* никому *не говори*!' Ээ, доҕоор, эн дьүөгэлэргэр... *кэпсээмээр эрэ* (СТ ХДь 76) 'Ээ, подружка, ты *потом не рассказывай* об этом своим приятельницам'; Кэһиигитин *ыытаарыҥытый*, сөп дуо оҕолоор?! '*Пошлите* (*потом*) гостинцев, ладно, ребята?!'

§ 30. Как и близкое будущее, отдаленное будущее время повелительного наклонения способно присоединять к себе некоторые частицы—модальные индикаторы (*эрэ*, *дуу даа*, *дабаны* и др.), которые придают ему усиление того или иного оттенка. ... Туох эмэ үчүгэй табаар кэллэҕинэ *уураар эрэ* (ДТ ТА 74) 'Если прибудет какой-либо хороший товар,— *отложи-ка*'; Ийэм көрдөөтөҕүнэ *көмөлөһөөр дуу* 'Если моя мать попросит о помощи, *помоги ей*, ладно'; Сурукта *суруйаар даа* '*Пожалуйста, умоляю тебя, напиши* потом мне письмо!'

О некоторых других способах выражения повеления

§ 31. Видимо, следует признать, что в якутском языке по своей речевой функции к формам повелительного наклонения приближается особая вопросительно-увещевательная форма, которая выражает значение побуждения и во временном плане более близко стоит к близкому будущему времени повелительного наклонения.

Эта форма вполне выражает указанное значение во 2-м лице единственного и множественного числа и менее четко в 1-м и 3-м.

Ед. число

1 л. *мин* + прич. на *-ыах* + *пын*
2 л. *эн* + прич. на *-ыах* + *хын*
3 л. *кини* + прич. на *-ыах* + *ын*

Мн. число

1 л. *биһиги* + прич. на *-ыах* + *пытын*
2 л. *эһиги* + прич. на *-ыах* + *хытын*
3 л. *кинилэр* + прич. на *-ыах* + *тарын*

Спряжение возможно и в отрицательной форме — от отрицательной формы причастия на *-ыах* (т. е. *-ымыах*) с помощью указанных выше личных аффиксов.

§ 32. Данная форма в зависимости от контекста может содержать все те же оттенки, какие выражают формы повелительного наклонения: повеление, приказ, призыв, просьбу, пожелание и т. п. Однако обязательным дополнительным оттенком, выражаемым ею, является модально-эмоциональный оттенок увещевания, настойчивого совета с некоторой дозой выговора, укора. Оттон ону эн көннөрү суох *диэххин*, тугун үтүктүүтэй... (СО ТА I 37) 'А *почему тебе не сказать* просто «нет», к чему передразнивания...' Эн чуолкай соҕустук *эппиэттээн иһиэххин*? (АА ПУо 295) '*Почему тебе не отвечать* яснее?' Тугу эмэ *үлэлээн көрүөххүн*, доҕор? (АФ ТА I 402) '*Чего тебе не взяться* за какую-нибудь работу, друг?' *Кэпсэтиэххин*, сыччыай, Микиитэ (АА СК 85) '*Говори*, милый Никита (*нельзя не поговорить, надо* (*следует*) *тебе поговорить*, Никита)'; Оһоххутун үчүгэйдик *оттон биэриэххитин* (СО ТА II 149) 'А *чего бы вам не растопить* свою печь хорошенько'; Хайа тоҕо саҥата суох бардыгыт? Кэпсэтэ-кэпсэтэ *олоруоххутун* (СО ТА I 368) 'Ну, что это вы замолчали? *Сидели бы* да и разговаривали себе (*Почему бы вам не сидеть* да и разговаривать)'; Дьоҥҥо биллэр, дьон-сэргэ санаатын түмэр барагыраамабыт диэн суох, биһиги барагыраама *оҥоруохпутун*, доҕоор! (К ТА 294) 'У нас нет известной людям, привлекающей к себе умы людей программы. *А чего нам не составить* программу, друг?' Мин маны

бэйэм соҕотоҕун *чаалкайан көрүөхпүн* (АА СК 159) '*А не попробовать ли мне* самому одному как-нибудь скосить этот участок'; Бүгүҥҥү киинэҕэ эһиги *барымыаххытын* '*Не лучше ли вам не ходить* сегодня в кино'; Оттон Сүөкүлэ кыыһын дьонугар *хааллараан барыабын*. '*Почему* Фекле *не оставить* дочку у своих'.

Разбираемая форма также может дополнительно принимать усилительно-просительный аффикс *-ый*: Оттон эн *утуйуоххунуй* '*Чего же ты не спишь?* (*Тебе лучше* (*следует*) *заснуть*)'; Оттон эһиги *туруоххутунуй* '*Вставайте же* (*Чего же вы не встаете — вам необходимо встать*)'.

Генетически она представляет собою форму винительного падежа причастия на *-ыах* в притяжательном склонении и является усеченным вариантом вопросительного предложения, приобретшим функцию фразеологической единицы. Полная модель конструкций такого рода обычно предполагает наличие в них какого-либо вопросительного слова (*хайдаБый*, *хайдах буолуой*, *хайдах буолуо этэй*, *тоБо сатамматаый* и др.). Так, вышеприведенные примеры можно оформить следующим образом: Оттон ону эн көннөрү суох *диэххин хайдаБый*, тугун үтүктүүтэй или эн чуолкай соҕустук *эппиэттээн иһиэххин хайдаБый* (*тоБо сатамматый*).

Но в современном литературном языке мы наблюдаем очевидную тенденцию к опущению вопросительного элемента в конструкциях разбираемого типа, и такое их употребление все более становится нормативным, принимает парадигматический характер. На основании этого мы склонны говорить о происходящем на глазах процессе сложения нового варианта повелительного наклонения с дополнительным увещевательным оттенком.

§ 33. К повелительному наклонению в якутском языке примыкают формы инфинитивного значения, представляющие собою в морфологическом плане дательный падеж от причастий на *-ыах* и на *-ар*. Основное значение этих форм в контексте можно квалифицировать как призыв, адресованный к обобщенному лицу или безличному субъекту. Особенно часто эти формы встречаются в периодической печати, в заголовках газетных статей. Ыһыыны тургэнник *бутэриэххэ*! '*Закончить* сев быстро!' Лениннии пропагандалыырга *үөрэниэххэ*! '*Учиться* пропагандировать поленински'; Модун техниканы биир колхозка *хаайымыаххa*! '*Не замораживать* мощную технику в одном колхозе!'

В некоторых говорах, особенно северных, предпочтительно употребительна форма инфинитива, образованная от причастия на *-ар* (форма дательного падежа от него); Оскуолаҕа *барарга*! '*Идти* в школу!' Чэй *иһэргэ*! 'Пить чай (необходимо чай пить)'.

Однако в более широких контекстах то грамматическое лицо, к которому адресуется призыв, повеление, передаваемое данной формой, может и угадываться. Саамай сөпкө таайдын. Дьэ билигин ханан барбытын *билиэххэ* уонна уйатыгар диэри *сонордуоххa* (ВП К 26) 'Ты смекнул очень правильно. Вот теперь тебе *надо узнать*, каким путем она (белка) ушла, и *выследить* ее до самой норы'; Баҕар чугастыы биһиги республикабыт киинин — Дьокуускайы да *ылыахха* (Кыым 1/Х 1966 3) '*Возьмем* поблизости хоть столицу нашей республики — Якутск'.

Из контекста ясно, что в первом из приведенных примеров обращение адресовано ко 2-му лицу — собеседнику, а во втором примере — к 1-му лицу во множественном числе.

То же самое мы видим и в тех случаях, когда форма на *-ыахха* употребляется в функции двойственного числа близкого будущего времени повелительного наклонения.

Примечание. Неправомерно было бы утверждать, что формы на *-ыахха* и *-арга* в якутском языке во всех случаях несут в себе модальную семантику повелительности и выступают в сказуемостной функции только в чистом виде.

Есть много случаев такого их употребления, которые ждут своего специального изучения и могут быть интерпретированы совсем по-иному. Отметим некоторые из них:

1) в сочетании с предикативными наречиями состояния они могут выступать в качестве компонента сложного сказуемого в односоставном безличном предложении: Көрүөххэ кэрэ 'Приятно (красиво) смотреть'. Биһиги советскай обществобытыгар олоруоххаүлэлиэххэ, үүнүөххэ, сайдыахха олус үчүгэй (Кыым 27/VII 66) 'В нашем советском обществе очень хорошо жить-работать, расти, развиваться'; Иннилэригэр туох-туох күүтэрэ буолуой? Астара баранан быстаран... Саныахха ыарык (ВП К 57) 'Что же их ожидает впереди? Конец запасам продуктов и голодовка... Подумать страшно!'; Сэриигэ байыаннай киһи көмүс күөлэскүлээх сылдьара көрүөххэ сүөргү, устан кэбис, — диэтим (ИН ИС 15) 'Дико выглядит, как на войне военный человек носит золотое кольцо; сними, — сказал я'.

Такое употребление разбираемой формы в современном якутском языке достаточно активно.

2) Нам кажется, что формы на -ыахха и -арга в сочетании с именем прилагательным могут выступать в качестве сложного определения в односоставных назывных предложениях. Көрүөххэ кэрэ хартыына!

(НЯ ТМУ 106) 'Приятная на вид картина!' Или это же предложение, не меняя его значение и синтаксическую сущность, можно перефразировать следующим образом: көрөргө кэрэ хартыына 'приятная на вид картина'; Хайыһардыахха үчүгэй күн 'Хороший для катания на лыжах день'.

3) Формы на -ыхха и -арга выступают и в качестве сказуемого придаточного предложения цели в составе сложноподчиненного предложения. Ильяҕа сирдээн тимириэххэ — сир кытаанах, халлааннаан көтүөххэ — халлаан ыраах (ХС, 1966, 5, 47) 'Илье, чтобы провалиться в землю,— земля тверда, чтобы улететь на небо,— небо далеко!'

§ 34. Наконец, к формам повелительного наклонения мы причисляем нижеприводимые спрягающиеся формы с повелительно-желательной семантикой.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барыах-тыбын*	'пусть пойду я (да случится так, чтобы я пошел)'
2 л. *эн барыах-тыгын*	'пусть пойдешь ты (да случится так, чтобы ты пошел)'
3 л. *кини барыах-тын*	'пусть пойдет он (да случится так, чтобы он пошел)'

Мн. число

1 л. *биһиги барыах тыбытын*	'пусть пойдем мы (да случится так, чтобы мы пошли)'
2 л. *эһиги барыах-тыгытын*	'пусть пойдете вы (да случится так, чтобы вы пошли)'
3 л. *кинилэр барыах тыннар*	'пусть пойдут они (да случится так, чтобы они пошли)'

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин барымыах-тыбын*	'пусть не пойду я (да случится так, чтобы я не пошел)'
2 л. *эн барымыах-тыгын*	'пусть не пойдешь ты (да случится так, чтобы ты не пошел)'
3. л. *кини барымыах-тын*	'пусть не пойдет он (да случится так, чтобы он не пошел)'

Мн. число

1 л. *биһиги барымыахтыбытын*	'пусть не пойдем мы (да случится так, чтобы мы не пошли)'
2 л. *эһиги барымыах-тыгытын*	'пусть не пойдете вы (да случится так, чтобы вы не пошли)'
3 л. *кинилэр барымыахтыннар*	'пусть они не пойдут (да случится так, чтобы они не пошли)'

Е. И. Убрятова в долганском диалекте якутского языка (в языке норильских долган) зафиксировала парадигму данной формы в следующем виде:

Ед. число

1 л. *барыахтыбын*	'да пойду-ка я (согласно уговору)'
2 л. *барыахтыгын*	'пойди-ка ты (согласно уговору)'
3 л. *барыахтын*	'пусть он пойдет (согласно уговору)'

Мн. число

1 л. *барыахтыбыт*	'да пойдем-ка мы (согласно уговору)'
2 л. *барыахтыгыт*	'пойдите-ка вы (согласно уговору)'
3 л. *барыахтыннар*	'пусть они пойдут (согласно уговору)' [39]

Как видно из таблицы, данное спряжение не совпадает со спряжением, получающимся по нашим материалам. Отличие состоит в том, что оно в 1-м и 2-м лице множественного числа имеет окончания *-ыахтыбыт* и *-ыахтыгыт*, тогда как наше в этих лицах имеет окончания *-ыахтыбытын* и *-ыахтыгытын*. Окончание 1-го лица множественного числа данной формы в виде *-ыахтыбыт* показывал в свое время и акад. Радлов [40]. Этот весьма интересный факт объясняется, видимо, диалектными различиями в языке. Радлов считал, что в основе данной формы повелительного наклонения лежит причастие на *-ыах*, в основу же ее спряжения, он находил, легла форма 3-го лица единственного числа, которая образовалась присоединением к причастию на *-ыах* аффикса *-тын* (*барыах-тын*). Все остальные лица обра-

[39] Е. И. Убрятова. Указ. соч., стр. 125.
[40] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, стр. 44.

зовались от 3-го лица путем прибавления к нему соответствующих аффиксов сказуемости, при этом произошло выпадение конечного *н* аффикса *-тын*. Если вышесказанное приемлемо, то остается объяснить появление окончания *-ын* в 1-м и 2-м лице множественного числа варианта спряжения данной формы (см. *барыахтыбытын* и *барыахтыгытын* вместо радловского и убрятовской *барыахтыбыт* и *барыахтыгыт*). Его можно объяснить возможным вторичным наращением к форме аффикса *-тын* при одновременном выпадении из него *н*. 3-е же лицо множественного числа дополнительно принимает аффикс множественности (*барыах-тын-нар*). Можно допустить другое объяснение. Формы *барыахтыбын*, *барыахтыгын*, *барыахтын* (ед. ч.), *барыахтыбытын*, *барыахтыгытын* (мн. ч.) представляют исторически винительный падеж причастной формы *барыахтым*, *барыахтын*, *барыахта*, *барыахтыбыт*, *барыахтыгыт*, ныне сохранившейся в виде редкоупотребительного реликта в литературном языке (Мин *барыахтым эрэ* 'А ну пойду-ка я'. Биһиги *барыахтыбыт дуу* 'Пойдемте-ка мы') или употребительной в некоторых диалектах (например, по материалам Е. И. Убрятовой, в языке долган,— см. выше).

3-е лицо множественного числа при таком предположении представляет исключение, т. е. оно образовалось от формы 2-го лица единственного числа путем присоединения аффикса множественности.

§ 35. Не все лица формы на *-ыахтын* одинаково употребительны в современном якутском языке. Ее в целом следует рассматривать или как форму, не получившую в языке широкого употребления, или как форму отмирающую, исчезающую из языка. Особенно это касается 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа. Однако 3-е лицо единственного и множественного числа достаточно активно употребительно в современном языке. Модальное значение данной формы — повелительно-желательное, однако в отличие от основной формы повелительного наклонения с более ярко выраженным с точки зрения говорящего лица оттенком желательности действия.

Уоран-талаан өлөрдөхпүнэ күөрт ыт курдук күлүүгэ *сылдьыахтыбын*, эриэн ыт курдук элэккэ *киириэхтибин* (ПО А V 155) 'Если убью-разграблю я, пусть подобно серой собаке *стану я* посмешищем, подобно пестрой собаке *попаду* в насмехание'; Этэҥҥэ сылдьан, эргийэн киир-

эн үөрэ-көтө *көрсүөхтүбүтүн*... (ПО А II 116) 'Проездив и возвратившись с пути благополучно, с радостью и весельем да *встретимся мы* (пусть случится так, чтобы мы с радостью и весельем встретились)'; Аны даҕаны биһиги, табах тарда-тарда, саҥаттан саҥа олоҥхолору саҕалыыр *дьон буолуохтубутун* (ВМ 80—81) 'Пусть и впредь мы *будем людьми* (да будем и впредь мы людьми), создающими, попыхивая трубкой, все новые и новые олонхо'; Айыы хаан аймахтара аһына *олоруохтуннар*, күн Дьөһөгөй улуустара көмүскүү *сылдьыахтыннар* (ПО А IV 14) '*Да сжалится* (над нами) белого творца род, *да защитят* нас родичи солнечного Джесегея'; Ийэ куппун иэйэхсит айыы *илдьимиэхтин*! (АК ЫХ 191) '*Пусть не унесет* мою мать-душу высокая создательница! ' Ийэ дойдубут барҕара *сайдыахтын!* (ХС, 1960, 1, 16) '*Да расцветет* наша Родина! (пусть же расцветает наша Родина!)'; Эһиэхэ Саха сирэ бэйэҕит төрөөбүт буоргут курдук күндү *буолуохтун*! (НЯ С 23) 'Пусть для вас Якутия *станет* такой же дорогой, как ваша родная земля'.

§ 36. Формы на *-ыахтын* могут присоединять к себе некоторые модально-усилительные частицы, еще более оттеняющие в них значение пожеланий.

Киһи кэмэ суох генийэ... үргэл сулуһу үрүт өттүнэн үүннэр *үүнэ туруохтун ньии*, араҥас сулуһу аһара түһэн, аастар *ааһа туруохтун ньии!* (ПК 18) 'Безграничный гений человека... *Пусть* же все *возрастает* выше звезды-плеяды, превзойдя звезду-медведицу, *да не знает* границ он!'

Даайыс соммун *ытыахтын даа*! '*Пусть, пожалуйста, пошлет-ка* мою шубу Дайыс'.

§ 37. Формы на *-ыахтын*, по нашим наблюдениям, отсутствуют в других тюркских языках и являются атрибутом одного якутского языка.

ГЛАВА II

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Условное наклонение глагола в якутском языке выражается двумя различными формами, одна из которых является общетюркской, другая — формой, возникшей на собственно якутской почве и характерной для одного якутского языка.

1. Первая форма условного наклонения

§ 2. Эта форма условного наклонения отмечена всеми исследователями якутского языка. Она образуется при помощи аффикса *-тар* с его фонетическими вариантами, присоединяемого к основе глагола, и аффиксов сказуемости.

Бетлингк и Радлов со всеми имеющимися на то основаниями возводили аффикс *-тар* к древнетюркскому аффиксу условности, встречающемуся в орхоно-енисейских памятниках в форме *-сар/сәр*, т. е. считали его одной из древних грамматических форм, сохранившихся в якутском языке.

Во всех других тюркских языках условный аффикс нынче выступает в виде *-са/-за*.

Спряжение формы

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-дар-бын*	'если бы я пошел',
2 л. *эн бар-дар-гын*	'если бы ты » '
3 л. *кини бар-дар*	'если бы он » '

Мн. число

1 л. *биһиги бар-дар-быт*	'если бы мы » '
2 л. *эһиги бар-дар-гыт*	'если бы вы » '
3 л. *кинилэр бар-дал-лар*	'если бы они » '

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин барба-тар-бын*	'если бы я не пошел'
2 л. *эн барба-тар-гын*	'если бы ты » » '
3 л. *кини барба-тар*	'если бы он » » '

Мн. число

1 л. *биһиги барба-тар-быт*	'если бы мы не пошли'
2 л. *эһиги барба-тар-гыт*	'если бы вы » » '
3 л. *кинилэр барба-тал-лар*	'если бы они » » '

Как видно из таблицы спряжения, в качестве личных аффиксов первой формы условного наклонения в якутском языке выступают аффиксы сказуемости в отличие от

всех других тюркских языков, в которых выступают аффиксы принадлежности (ср. тув. *алзымза*, *алзынза*, *алза* 'если я (ты, он) возьму (возьмешь, возьмет)', узб. *ёзсам*, *ёзсанг*, *ёзса*, тур. *yazsam*, *yazsan*, *yazsa* 'если я (ты, он) напишу (напишешь, напишет)'.

Значение первой формы условного наклонения

§ 3. По своей модальной семантике форма условного наклонения на *-тар* в якутском языке довольно разнообразна. Особенностью ее употребления в языке является то, что она, как правило, не употребляется в отдельно взятом, изолированном виде, а предполагает наличие в предложении второго действия, выраженного вторым глаголом и оформленного другим наклонением (сослагательным, повелительным, изъявительным, долженствовательным, обычным, утвердительным, возможным). Таким образом, эта форма чаще всего выступает в качестве компонента различных структурных образований, выполняя при этом различные смысловые функции.

Основной из этих смысловых функций, на основе чего мы склонны в этой форме видеть особое условное наклонение глагола, несмотря на многообразие ее семантики, является выражение модального значения условности действия в составе условного периода. В этом случае сказуемым придаточного предложения, оформленным аффиксом *-тар*, выражается, с точки зрения говорящего лица, условие, предпосылка для совершения второго действия, выраженного сказуемым главного предложения, которое представляет собой следствие, вывод, заключение из этого условия. Первое предшествует и обусловливает совершение второго действия, второе вызывается и является естественным следствием первого.

Следуя классической грамматической традиции, языковеды, в том числе тюркологи, различают обычно три типа условно-следственной связи: 1) реальный — когда условие, заключенное в придаточном предложении, мыслится как вполне возможное, реальное (уже осуществленное в прошлом или осуществимое в будущем); 2) ирреальный — когда условие, заключенное в придаточном предложении, мыслится как невозможное для реального осуществления (которое не было или не могло быть выполнено); 3) предположительный (возможный) — когда выстав-

ленное условие, осуществление которого является теоретически возможным, осложнено дополнительными модально-субъективными оттенками предположительности, возможности, невозможности, желательности, нежелательности и др. осуществления действия.

В соответствии с этой смысловой дифференциацией отдельных типов условного периода устанавливают определенную закономерность, своеобразную функциональную зависимость в употреблении временных форм в придаточном и главном предложениях.

В принципе не отрицая оправданности деления в тюркских языках условно-следственной связи по смыслу контекста на приведенные три типа, мы на материале якутского языка все же не смогли установить наличия столь строго-определенной функциональной зависимости и соотносительности употребления временных форм в зависимости от того или иного типа связи.

Трудно утверждать, что реальностью или ирреальностью связи определяется употребление одной и исключается употребление другой временной формы в той или иной части условного периода.

Реальность или ирреальность действий определяется исключительно условиями контекста и семантикой самих глаголов: в якутском языке одно и то же соответствие времен в условном периоде может выражать как реальный, возможный, так и ирреальный типы связи.

§ 4. Мнения тюркологов о временных значениях условного наклонения не совпадают. Одни из них находят, что это наклонение имеет все три времени. Так, например, авторы «Сравнительной грамматики русского и азербайджанского языков» в азербайджанском языке устанавливают настоящее, прошедшее и будущее времена условного наклонения [41]. Н. К. Дмитриев в башкирском языке устанавливает «два основных времени (настоящее и прошедшее) и целый ряд производных» [42]. А. Н. Кононов за этим наклонением в турецком языке признает два времени: настояще-будущее и прошедшее [43]. В уйгурском же язы-

[41] Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков. Баку, 1954, стр. 202—203.

[42] Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 167—168.

[43] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. М.— Л., 1956, стр. 243—244.

ке находят будущее и прошедшее время этого наклонения [44].

У. Б. Алиев в условном наклонении карачаево-балкарского языка устанавливает двенадцать форм времени, четыре из которых употребляется для выражения настоящего времени, пять — для выражения будущего времени и три — для выражения прошедшего времени [45].

А. А. Юлдашев признает за условным наклонением выражение одного будущего времени. Он пишет: «Для условного наклонения характерным является отнесенность обоих действий в план будущего. Это и понятно. Подобно тому, как всякое будущее представляется более или менее условным, всякое условное потенциально мыслится обычно в будущем» [46].

Нам кажется, что в якутском языке само по себе условное наклонение, обычно не употребляющееся самостоятельно, не имеет определенного грамматического времени, свойственного глаголам изъявительного наклонения. В составе условного периода глаголы условного наклонения, в зависимости от того, с каким наклонением они вступают в сочетание, могут выражать довольно широкий круг значений и условно мыслиться в аспекте времен этих же наклонений.

§ 5. Для якутского языка характерно наиболее частое сочетание условного глагола на *-тар* в составе условного периода с сослагательным наклонением. Первая часть периода представляет собой придаточное условное, сказуемое которого оформляется с помощью глагола на *-тар*, а по своей семантике оно выражает условие; вторую часть периода составляет главное предложение, сказуемое которого оформляется сослагательной конструкцией, по семантике оно представляет следствие, вытекающее из заданного условия.

Действия, выраженные обоими глаголами, в этом случае могут мыслиться как реально возможные в плане буду-

[44] Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961, стр. 313.

[45] У. Б. Алиев. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. «Совещание по вопросам категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1961, стр. 44—45.

[46] А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 176.

щего времени, так и носящие ирреальный, несбыточный характер. Такая обусловленность, как мы уже выше подчеркнули, больше вызывается не столько самой формой на *-тар*, сколько контекстными условиями. Оннук көҥүл *кэллэр*, биһиги *иэстэһэн көрүө этибит* (МД ТА 82) '*Если бы наступила* такая свобода, *мы бы спросили* (взыскали) с них'; Биһиги үрэхпитигэр кыра буор быһыты да *оҥордор*, бука *алдьатыа суох этэ* (МДАЛ 55) '*Если бы* на нашей речке *установить* хоть маленькую земляную плотину, и ее, пожалуй, *не прорвало бы*'; Хотонун иһигэр хоп курдук үйэтин *аһардар*, ол да *сөп этэ* (АФ ТА I 145) '*Если бы* она сносно *провела* свой век в (своем) хотоне, и того *было б достаточно*'; Оҕонньор кинини одуулаһан *олороро эбитэ буоллар*, кини чахчы таһырдьа *ыстанар этэ* (АА КСХ 325) '*Если бы* старик *сидел* и *наблюдал* за ним, он, безусловно, *выбежал бы* на улицу'.

§ 6. Глаголы условного наклонения в предложении могут сочетаться и с глаголами повелительного наклонения. В таких случаях следствие, выраженное сказуемым главного предложения, как правило, приобретает характер повеления, побуждения к действию, но в некоторых контекстах оно может принимать оттенок и пожелания, благо- и зложелания (клятвы и проклятия).

Оба действия при этом типе сочетаний в зависимости от контекста также могут мыслиться как реально-возможные в плане будущего времени. Одновременно обусловливающий фактор и следствие могут восприниматься как носящие ирреальный характер. Арҕаа *барар буолларгын, аргыстаһыах* (ПК 10) '*Если едешь* на запад (в западную сторону), *поедем вместе*'; Өлөргүн *кэрэйдэргин* биһигини кытта саата тутан *барыс* (АФ ТА I 227) 'Если тебе неохота умирать, возьми ружье и иди с нами'; Эргийэн *көрдөрбүн* — иэрчэҕим *эмтэрийдин*!!! хайыһан *көрдөрбүн* — хаалдьыгым *хайыннын!!!* (ПО А IV 302) 'Если обернусь я назад, пусть мой бедерный сустав отщепится (отломится); если я оглянусь назад, пусть расколется мой шейный позвонок!'

§ 7. В якутском языке в составе условного периода сказуемое главного предложения может оформляться глаголами изъявительного наклонения, выступающими в формах различных времен. Так, сказуемое главного предложения может выражаться: 1) формой настояще-будущего времени изъявительного наклонения. В этом случае

и условие, и следствие приобретают характер определенной взаимосвязи, действующей постоянно, обычно.

Былыт-былыт, бэрт *буолларгын*, тоҕо тыал-тыал эйигин *үүрэр*? (СО 81) 'Облако-облако, если ты всесильно, почему ветер-ветер тебя гонит?' (сказка).

2) Формой будущего определенного времени, осложненной усилительной частицей *да*. В этом случае сказуемым главного предложения выражается категорическая решимость грамматического субъекта совершить действие в будущем или твердая уверенность в неизбежности совершения последнего.

Кэллэргин да абалыам, кэлбэтэргин да абалыам (ПО А III 52) '*Хочешь* или *не хочешь*, все равно *приведу* тебя'.

Биэрдэргит да ылыаҕым, биэрбэтэргит да ылыаҕым (По А IV 85) '*Возьму, хоть дадите, хоть не дадите*'.

§ 8. Глаголы условного наклонения на *-тар* в составе условного периода способны сочетаться также с глаголами и других наклонений якутского языка.

1) С глаголами возможного наклонения. В данном случае сказуемым главного предложения могут выражаться все оттенки, свойственные глаголам этого наклонения (надежда, опасение, предостережение, неуверенность и т. д.); действие мыслится в плане возможного будущего времени; Харчы *манньалаатарбын бараарай*? '*Если вознагражу* деньгами, *авось, он пойдет*? '

2) С глаголами долженствовательного наклонения. В данном случае сказуемое главного предложения выражает возможную необходимость, обязательность будущего действия. Ол гынан баран, көмүс эрэ *көһүннэр*, ити оросқуот хас-эмэ төгүлүнэн аһары *анньыллыахтаах* (НЯ КҮ 50) 'Тем не менее *если* только *найдется* золото, эти расходы *окупятся* с лихвой (с превышением)'.

3) С глаголами утвердительного наклонения. С последними, правда, не совсем свободно — обычно, если они сопровождаются какими-либо модальными словами. В данном случае следствие, выраженное сказуемым главного предложения, подчеркивает возможность совершения действия в будущем. Харчы *манньалаатарбын*, киһим *барыһы быһыылаах* '*Если мне вознаградить* деньгами, *он, кажется, готов пойти*'.

§ 9. Якутский язык, как и другие тюркские языки, допускает образование конструкции в составе: причастная форма (любая) + условная форма на *-тар* от глагола

буол-, принявшая личные аффиксы. Такие образования некоторыми тюркологами называются условной модальностью и рассматриваются за пределами условного наклонения [47]. К числу таких образований в якутском языке относятся сочетания форм прошедшего результативного первого, прошедшего повествовательного и прошедшего эпизодического времен изъявительного наклонения с условной формой от глагола *буол-*, которые не могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных форм прошедшего времени условного наклонения.

Приведем несколько примеров.

1) На сочетание с формой прошедшего результативного времени первого: Бу ас *оргуйбут буоллар*, таһаар эрэ (СО ТА II 31) '*Если* эта еда *сварилась*, сними с очага'; Мөнө *кэлбэтэх буолларгын*, кэпсээниҥ *баппатар*, бэйэҥ кэпсээ (СО ТА I 89) '*Если ты пришел не браниться* и *если* так *много* у тебя новостей, рассказывай сам'.

2) На сочетание с формой прошедшего повествовательного времени: Мин биир мүнүүтэни *хойутаабытым буоллар*, эн билигин өлбүт киһи буолуоҥ этэ (ЭЭ ТА 35) '*Если бы я опоздал* на одну минуту, ты бы сейчас уже был мертв'.

3) На сочетание с формой прошедшего эпизодического времени: Урукку өттүгэр *оруһуйбуттаах да эбит буолларгыт* уҕарытан туранҥыт олук-өһүн дьонугар... олордон ытыҥ (ГВ ХКСНА 172) '*Если* в прошлом *имели* когда *обиду* какую, умерив гнев свой, к чужим — дальним людям... усадив, пошлите'.

В якутском языке широко употребительны также формы условной модальности настояще-будущего и будущего времени изъявительного наклонения. Мин күүһүм *кыайара буоллар*, тугу да кэрэйиэм суоҕа этэ (АА ПУо 27) '*Если бы* у меня *хватало сил*, я бы ничего не пожалел'; Этэҥҥэ сылдьан, кини оҕолоох-уруулаах дьахтар *буолара буоллар*, биһиги ийэ ууһа быстыа суоҕа этибит (СО ТА I 60) '*Если б она*, живя благополучно, *стала* плодовитой женщиной, то наш род не вымер бы'; *Барыахтара буоллар*,— бара таттыннар! (ПО А VI 251) '*Если они собираются идти* — пусть идут побыстрее'; Сибиккэҕэ сирэйгиттэн *сытытыам суоба буоллар*, уолаттаргын баар

[47] А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.— Л., 1960, стр. 34; Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 39—40.

тын! (МД ТА 67) *'Если ты не хочешь, чтобы* я тебя вконец *сгноил* в сибирке (тюрьме), сейчас же приведи своих сыновей'.

Из приведенных примеров напрашивается вывод: глаголы условного наклонения на *-тар* сами по себе не выражают определенных грамматических времен, но принимают на себя временное значение тех наклонений, с формами которых они вступают в сочетания.

§ 10. Как уже сказано выше, кроме основного значения, создающего условное наклонение в языке, форма на *-тар* выполняет целый ряд других значений. Так, она, если сопровождается частицами *да*, *дабаны* и *төһө да*, *төһө дабаны*, теряет семантику условности и приобретает значение уступительного оборота или придаточного уступительного. *Билбэтэрбин да*, этэр буоллаҕым эбээт (НЯ КҮ 106) *'Хоть и не знаю*, а вот говорю ведь'; *Сымыйалаабатарбын дабаны*, сымыйаччык эбит диэхтэрэ (ПО А II 156) *'Хоть и не совру*, а скажут, что я, оказывается, лжец'; Биһиги төһө да *кырыйдарбыт*, үлэтэ суох табыллыбат дьоммут (АФ ТА I 264) *'Мы, как бы ни состарились*, обойтись без работы не можем'; Оҕолор төһө даҕаны *сылайдаллар*, өргө диэри ыллыыллар, үнкүүлүүллэр (АФ ТА I 307) 'Ребята, *как бы они ни устали*, поют и танцуют допоздна'; Биһиги ынах да *төрөөбөтөр*, кыһаммаппыт (АФ ТА I 373). *'Хотя* корова и *не отелилась*, мы не огорчаемся'.

§ 11. В других случаях форма на *-тар* как в положительном, так и в отрицательном аспекте, также утратив семантику условности, выступает как компонент лексикализованных словосочетаний, выражающий постепенное усиление — нарастание действия. Е. И. Убрятова находит, что при таком употреблении синтаксические функции формы на *-тар* неощутимы, а сама конструкция представляет некое застывшее образование [48]. 'Делегаттар *киирдэр* киирэн истилэр (АА ПУо 341) 'Делегаты все продолжали входить друг за другом'; Ыта *биллибэтэр* биллибэтэ, кэлбэтэ (СО ТА II 135) 'А собака его так и не показывалась, так и не вернулась'.

Однако когда такой оборот осложняется каким-либо дополнительным уточняющим словом, он в синтаксиче-

[48] Е. И. Убрятова. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке. «Тюркологические исследования». М.— Л., 1963, стр. 83.

ском плане может восприниматься как обстоятельство образа действия. Табаарыс председатель киһи *иһиттэр* истэн олоруох курдук этэр (АФ ТА II 274) 'Товарищ председатель говорит так, что заслушаешься (все слушал бы, да сидел)'.

Другой разновидностью такого застывшего образования является сочетание формы на *-тар* с отрицательной формой причастия на *-ар*, которое выполняет в предложении синтаксическую функцию определения. *Хаһыта-атар* хамнаабат хараҥа бараан түүҥҥэ (По А I 163) 'В *не дрогнущую* от крика, темную непроглядную ночь'. *Үктээтэр өбүллүбэт баттаатар* маталдьыйбат орто туруу бараан дойду (СВ ҮеХ 3) 'Не гнущийся под ногами, не прогибающийся под нажимом, непоколебимо стойкий серединный мир'.

Форма на *-тар* выполняет функцию определения в застывших сочетаниях и с именами. *Ийэлээтэр* ийэни билбэтэх, *аҕалаатар* аҕаны көрбөтөх (КУ ТДьБ 247) 'Не знал родимой матери, не видел родимого отца'.

Первоначальная смысловая структура этих сочетаний могла быть близкой к следующему: что касается матери—матери не знал, говорить об отце — отца не знал. Или: поискать мать — матери не знал, поискать отца — отца не знал.

Но из нижеприводимых примеров видно, что форма на *-тар* в подобных конструкциях проявляет тенденцию к замещению функции прилагательного, а в синтаксическом плане — определения. Соответственно этому мы и оформили свой перевод остальных примеров. Оҕом сыһа, *күннээтэр* күнүм, *ыйдаатар* ыйым... (СО ТА II 34) 'Дитятко мое родное, мое солнышко, мой ясный месяц'; *Бэйэлээтэр* бэйэм ойоҕум (ПО А IV 281) 'Собственная моя жена'. Хайа баҕарар бухгалтерия *төрүттээтэр* төрдүнэн аан бастааҥҥы учуот буолар (Кыым 23/VII 66) 'Самым первым зачатком всякой бухгалтерии является первичный учет'.

В якутском языке форма на *-тар* функцию определения выполняет и в случае ее выступления с удвоением глагольной основы.

Түргэн поезд түннүктэрин көрдөххө: *бараннар* барааммат киэҥ хонуу куйаар сыыйылла сытар (АФ ТА I 7) 'Если взглянуть в окно скорого поезда, простирается бесконечная широкая степь'; Ити устатыгар *мөлтөөтөр* мөлтөөн иһэр уот сырдыга дьиэ эркиниттэн, сыҥаһаттан, остуол атаҕыттан хастанан оһох диэки сыҕаллан иһэр (АА СК

23) ‘На протяжении всего этого времени свет от все более слабеющего огня постепенно отступает и передвигается от стены юрты, от обочин нар, от ножек стола в сторону камелька’.

§ 12. Форма на *-тар*, если она сопровождается частицей *эрэ* в постпозиции или препозиции, создает придаточное обстоятельство времени. Кэтириис эмээхсин *саҥардар эрэ*, Микиитэ сүрэҕэ бобута туппахтыыр, куйахата күүрбэхтиир (АА СК 418) ‘Как только заговорит старуха Катриш, у Никиты сжимается сердце, по коже пробегают мурашки’; Хас сайын аайы чыыстайга эвенкилэр *мунньуһунналлар эрэ*, Уйбаанчыкуруутун дьонун кытта баар буолара (НЯ КҮ 5) ‘Каждое лето, как только эвенки соберутся на ярмарку, Иванча всегда бывал со своими’; Ира эрэ *кэллэр*, тула барыта эгдэс гынан сэргэхсийэр, *үөрэр-көтөр* (АФ ТА I 86) ‘*Как только приходит* Ира, все оживает и радуется вокруг’.

Однако в некоторых контекстах аналогичные построения могут сохранять и значение условия к совершению другого действия.

Куоттар эрэ, хотуой, кулан алдьархай буолуоҕа (ПО А II 56) ‘*Если только сбежит* девка, великая стрясется беда’.

Икки-ус таммаҕы *ибиирдэргит* эрэ илэ бэйэбинэн тура охсуоҕум (ПО А III 64) ‘*Если только брызнете* две-три капли, тут же поднимусь сам собой (в своем собственном виде)’.

§ 13. Условная форма на *-тар* в якутском языке (и в положительном, и в отрицательном аспекте) может употребляться самостоятельно, т. е. в качестве сказуемого независимого предложения. В этом случае она выражает сильное желание или сильную просьбу говорящего лица. В речи сопровождается соответствующей интонацией и усилением гласного долготой или дифтонгом. Эн ыар батталгын уолаттаргыттан *иэстээтэрбиин*! (СО 48) ‘*Взыскать бы мне* с твоих сыновей за твой тяжкий гнет!’ Отон уутунан соппут курдук уурбут-туппут уоһун оҕотун *уураатарбыан*! (ПО А II 18) ‘*Поцеловать бы мне* в ее аккуратные губки, словно помазанные ягодным соком!’ Тахсыахпар эрэ диэри *харбаабатар*! (НЗ ҮС 59) ‘Лишь бы *он не схватил* меня до моего выхода!’ Хайдах эмэ гынан, бэһис камера дьонун манна көһөрөн *аҕалларгыт*! (АА ПУо 272) ‘*Переселили бы вы* как-нибудь жильцов пятой камеры сюда!’

Желательная семантика формы на *-тар* в таких случаях еще более оттеняется введением в предложение некоторых модально-усилительных частиц и слов (*даа*, *нии*, *ньии*, *курдук*, *ханнык*, *бабас*, *дуу* и др.). Эәх, балары биһиги Якутскайбытыгар *тиэртэрбин ньии*! (ВМ 128) 'Эх, *привезти бы мне* эти вещи в наш Якутск!' Ыа, хаатты *кэллэр курдук*! (К ТА 118) 'Эх, *кабы пришла карта*! ' Саҥа ырбаахыны *биэрдэллэр бабас дуу*... (К ТА 203) 'О, *хоть бы дали* новое платье... ', Оо, бу *дьылабыт табылыннар ханнык* (ВП БКП 56) 'О, *хоть бы удалось* это наше дело!'

Желательный оттенок условной формы на *-тар*, подмеченный некоторыми исследователями якутского языка, позволил им, в частности А. А. Иванову-Кюндэ, вслед за ним Н. С. Григорьеву, как сказано выше, рассматривать форму на *-тар* не в качестве условного, а в качестве желательного наклонения (*бабарар киэп*).

§ 14. Форма условного наклонения на *-тар* в 3-м лице единственного числа от некоторой группы глаголов в современном якутском литературном языке, утратив условное значение, употребляется в числе различных служебных частей речи: частиц, союзов, вводных слов. Их следует рассматривать как застывшие и изолированные формы условного наклонения на *-тар*. Укажем некоторые из подобных случаев:

1. Условная форма от глагола *сатаа* 'не состояться, нещадно утруждать себя чем, не достигать цели чем'; невы-, недо- [49] — *сатаатар*. Она употребляется в функции уступительной частицы со значением 'хоть, хотя бы, по крайней мере; в довершение ко всему, к тому же, как назло, только, однако ж, даже'.

Эн тугу да кыайбаккын, сатаабаккын. *Сатаатар* астаа ээ (АФ ТА I 302) 'Ты ничего не можешь, не умеешь. *Хоть* постряпай'; *Сатаатар* биир эмэ киһи кэлбэт ээ! (АА СК 329) '*Хоть бы* один человек (хоть бы кто-нибудь) пришел!' *Сатаатар* эн итэҕэйбэккин дуу? (АА ПУо 26) '*Даже* и ты не веришь?'

В языке в том же значении одновременно употребляется стяженный вариант этой формы (*саатар*). Оччоҕо сонуок хорутуутугар *саатар* биир кыра тракторда көҥүллээ (АФ ТА I 400) 'Тогда для распашки разреши

[49] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, ст. 2123.

хотя бы один маленький трактор'; *Саатар* улахан гараж-таах буолбаттар (АФ ТА I 414) '*Хоть бы* имели большой гараж'.

Довольно часты случаи, когда форма *сатаатар* (*саатар*) может употребляться в сочетании с именем муҥ — «предел граница, крайняя степень, мера»[50] в виде неделимых фразеологических единиц с модальным значением: *муҥ сатаатар* или *муҥ саатар* 'по крайней мере', 'в крайнем случае,' 'хоть бы', выполняющих в предложении роль сочетания вводных слов. *Муҥ сатаатар*, көстөр дьүһүнүн көрөн хаалыам этэ (ПО А II 131) '*По крайней мере*', хоть посмотрела бы его внешний облик'; Көр онно, баайдартан, *муҥ саатар*, биир үчүгэй тылы истибэтэҕим (АС КБ 17) 'Ведь тогда от баев я не слышал *хотя бы* одно хорошее слово'.

Форма *сатаатар* (*саатар*) с частицей *эрэ* (исторически деепричастием на *-а* от глагола *эр-*) создает другое словосочетание с модальным значением согласия, одобрения говорящего лица по поводу высказываемой мысли, которое можно перевести на русский язык сочетанием 'ради бога', 'пусть', 'пожалуйста'. *Саатар эрэ*, турдун! (К ТА 192) 'Пусть встанет, *пожалуйста*!' Оҕолор мустан, *саатар эрэ* оонньоотуннар ээ! 'Пусть дети собираются и играют, *пожалуйста*! '

2. Условная форма от глагола *баҕар* 'желать, хотеть'— *баҕардар* (полный), *баҕар* (стяженный вариант). Употребляется в роли модально-вводного слова со значением согласия, допущения, предложения, уступки со стороны говорящего лица по поводу совершаемых действий, которые можно передать на русский язык посредством слов: 'пусть', 'пожалуй', 'может', 'может быть'. Ити эмээхсин, *баҕардар*, чэй өрөн аһаппатын даҕаны (СО 50) *Пусть* эта старуха не вскипятит чаю и не угостит нас'; *Баҕардар* сылайыым, онноооҕор улахан баар... (АФ ТА I 383) '*Пусть* я устану, есть поважнее этого...' Хата Уйбаанчыак, баран манан аппытын көрдүөх эрэ: хайа, *баҕар*, куоракка барыахпыт (ПО А II 183) 'Лучше, Иванчик, пойдем-ка, поищем нашу белую лошадь, а ведь, *возможно*, мы с тобой в город поедем '.

3. Условная форма от глагола *хайаа* 'делать, совершать, поступать' — *хайаатар*. Вместе с постпозитивно к

[50] Э. К. Пекарский. Указ. соч., ст. 1626.

ней присоединяющейся частицей *да* или *дабаны* употребляется в функции вводного словосочетания. Выражает модальное значение категорической желательности или неизбежности, обязательности предстоящего действия, а также столь же категорического утверждения той или иной мысли с точки зрения говорящего лица, На русский язык эту форму можно перевести с помощью наречий: ʻнесомненно, бесспорноʼ, ʻнепременноʼ, ʻобязательноʼ, ʻво что бы то ни сталоʼ. Председатель *хайаатар* да ыар киһи быһыылаах (ВП К 198) ʻПредседатель выглядит человеком *несомненно* тяжелымʼ. *Хайаатар да* Бодойбоҕо киирэн, ас-таҥас булан таҕыстахтарына табыллар (НЯ Т ХС 407) ʻНеобходимо, чтобы они *во что бы то ни стало* съездили в Бодайбо за продуктами и товарамиʼ; Бу *хайаатар дабаны* Соломон Муударай дьиибэтэ-баабата буолуо (ПО А II 25) ʻЭто *непременно* проказы Соломона Мудрогоʼ.

4. Условная форма глагола *э-* (ʻбытьʼ) в отрицательном спряжении—*эбэтэр* или его фонетический вариант *бэтэр*, а в некоторых говорах — *биитэр*, употребляется в современном языке в роли противительного союза ʻилиʼ, ʻили жеʼ. Түүлээхпитин төннөрүҥ, *эбэтэр* атыытын аҕалыҥ (АФ ТА I 178) ʻВерните нашу пушнину *или* отдайте ее стоимостьʼ; *Бэтэр* эн ыл, *бэтэр* мин ылыым ʻ*Или* бери ты, *или* давай, возьму яʼ; Дьэ итилэртэн атын, чугас ыал да, *биитэр* эргэ өтөх да суохтара (ДТ ТА 203) ʻКроме них, поблизости не было *ни* жилья, *ни* даже старой заброшенной юртыʼ.

5. Условная форма от глагола *гын-* ʻделать, причинять, производить, действовать, заниматься чем, поступать, подвизаться, творитьʼ [51] — *гыннар*, обычно в сочетании с некоторыми словами, занимающими место перед ней (*бэркэ гыннар*, *наай гыннар*). Употребляется в значении модально-вводных сочетаний слов, служащих для оценки предельных возможностей производителя действия, мыслимого обычно в будущем. На русский язык эти сочетания мы склонны переводить посредством словосочетаний ʻсамое большее, в крайнем случаеʼ. *Бэркэ гыннар*, өлөрөн кэбиһээ иннилэр (АА СК 930) ʻ*Самое большее*, они смогут убитьʼ; Сиртэн, *наай гыннар*, усаайба аҥарын ылыахтара (ПО А II 179) ʻИз земли, *самое большее*, они возьмут половину усадьбыʼ.

[51] Э. К. Пекарский. Указ. соч., ст. 652.

Наай гыннар, өлөрүөхтэрэ (СО ТА I 217) '*Самое большее*, они убьют'.

Сочетания *бу да гыннар, ол да гыннар, ити да гыннар*, включающие в себя указательные местоимения *бу, ол, ити*, частицу *да* и условную форму *гыннар*, служат для обозначения уступительных с точки зрения говорящего отношений: 'тем не менее, между тем, однако ж, впрочем, несмотря на это'. *Ол да гыннар*, оҕоҕун хара албынынан, түөкүнүнэн мүччү харбата сысыыһы (СО ТА I 72) '*Тем не менее* он черным своим обманом, хитростью еле не заставит потерять твоего ребенка'; *Ити да гыннар* дьонугар көмөлөһөр. '*Несмотря на это*, он все же помогает своим'; *Бу да гыннар* балайда тулуста '*Несмотря на это*, он продержался порядочное время'.

6. Условная форма глагола *буол* 'быть, бывать, стать, становиться, сделаться, происходить, случиться' — *буоллар* в современном языке употребляется в значении противительного союза 'а'. Аҕабыт *буоллар* улахан кутурҕаҥҥа ылларбыттыы, саҥарбат, бэрт кыраҕа да хадьардаһан барар идэлэннэ (АС ДьХ 184) '*А* отец наш молчит, словно охваченный большим горем, стал вступать в пререкания даже из-за самых пустяков'; Биһиги хотуммут *буоллар* билбэккэ олорбут (ХС, 1965, I 904) '*А* наша хозяйка, оказывается, жила не зная (в неведении)'; Эн ыыппыт үс ыйытыыгын мин таайбытым. Ону *буоллар*, ыраахтааҕы минигин түрмэҕэ хаайа сытыаран, барытын мин уолум таайда диэн суруйан испитэ (СО 78) 'Присланные тобой три вопроса я отгадал. *А* об этом царь, засадив меня в тюрьму, все писал, что отгадал его сын'.

Форма *буоллар* в сочетании с словами *наай, бэркэ*, а также указательными местоимениями *ол да, бу да, ити да* образует модально-вводные сочетания слов с тем же самым значением, что и описанные выше. Хойут да буолтун иһин саха хантан кыанан туспа өрөспүүбүлүкэ буола сылдьыай? *Наай буоллар* Сибиирскэй бэдэрээссийэҕэ аптаныамынай уобалаһынан ааттаныахтара буолуохтара, дуомугар (К ТА 295) 'И в будущем якуты откуда смогут создать свою автономную республику. *Самое большее*, будут называться автономной областью в составе Сибирской федерации, для проформы'; *Бэркэ буоллар*, бастаан мөҕүөхтэрэ (МД ТА 19) '*Самое большее*, сначала поругают'; *Ол да буоллар*, Шура курутуйа санаата (АФ ТА I 16) '*Тем не менее* Шура опечалилась (расстроилась)';

Бу да буоллар, үөрэҕэр үчүгэй (ВМ 86) '*Тем не менее* в учебе он хорош'. *Ити да буоллар*, бэртээхэй үлэһит '*Несмотря на это*, он прекрасный работник'.

Условная форма на *-тар* от глагола *буол-* способна вступать в сочетания и с другими словами, например, с именем *киһи*, выражая те же уступительно-модальные отношения: Киһи эрэ *буоллар* дьулайбыт (ПО А III 26) '*Все же* и он сробел'; Улуу Кудаҥса... киһи эрэ *буоллар* киэҥ көхсө кыараабыт, модун санаата мөлтөөбүт (ПО А II 58) 'Великий Куданса... *даже* он (вопреки всем ожиданиям) пал духом (букв.: стеснилась его широкая спина, помутнел его великий разум)'.

7. Условная форма от глагола *диэ* 'сказать, говорить, молвить' — *диэтэр* выступает в сочетании со служебными словами *бэл* (т. е. *бэл диэтэр* и *өссө, дөксө, өссө/дөксө диэтэр*). Первое сочетание имеет значение, приближающееся к значению усилительной частицы в русском языке 'даже', второе — значение вводного сочетания слов со значением 'ведь еще', 'к тому же'. *Бэл диэтэр*, сыттыын атын (СО ТА I 106) '*Даже* запах совсем другой'; Кэлин, кэргэннэнэн баран, төрүт тугу да көмөлөспөт, *бэл диэтэр*, сурук да ыыппат (АФ ТА I 353) 'После, женившись, совсем перестал помогать, *даже* письма не пришлет'; *Дөксө диэтэр*, Микииһи хомпуустаабыттар үһү (Т К 31) 'Говорят, *даже* Никиша пристыдили (ввели в конфуз)'; *Дөксө диэтэр*, эр батыһыннарыылаах (Т К 93) '*К тому же* еще мужа привела за собой'.

2. Вторая форма условного наклонения

Происхождение и спряжение второй формы условного наклонения в якутском языке

§ 15. Вторая форма условного наклонения — чисто якутская форма, не имеющая параллелей в других тюркских языках. Ее первым из исследователей якутского языка зафиксировал Н. С. Григорьев [52], затем более подробно она была рассмотрена Л. Н. Харитоновым [53].

[52] M. I. Kirgielejep. Saqa tьlьn kьramaatьkata. M., 1938, стр. 130.

[53] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката, стр. 18; он же. Современный якутский язык, стр. 206—210.

Происхождение ее точно не установлено. Возможно, в ее основе лежит исторически падежная форма причастия на *-тах*. Л. Н. Харитонов считает, что «условно-притяжательная форма по происхождению представляет собою форму местного падежа притяжательного склонения глагольного имени с аффиксом *-тах*; *бытах*, *бардах*, *ыллах* и т. д.[54]

Но по современной системе склонения якутского языка мы здесь имеем частный, а не местный падеж притяжательного склонения причастия на *-тах* (см.: основной падеж *быстаҕым*; частный падеж *быстахпына*; винительный падеж *быстахпын*; дательный падеж *быстахпар* и т. д.), который, возможно, возник в якутском языке, как полагают некоторые якутоведы, под влиянием эвенкийского языка на базе более позднего переосмысления тюркского местного падежа[55].

Возможно, что вторая форма условного наклонения в якутском языке произошла из стяжения в одно слово сочетания, состоявшего из причастия на *-тах*, принявшего аффикс принадлежности и послелога *кэннэ*, которое спорадически встречается и поныне в некоторых северных говорах. Так, например, нами во время сбора диалектологических материалов в Момском и Булунском районах ЯАССР было зафиксировано употребление некоторыми носителями говоров этих районов широкораспространенной якутской загадки «*Турдахпына* халлааҥҥа тиийиэм этэ» (Если бы встал, достал бы до неба) в оформлении «*Турдаҕым кэннэ* халлааҥҥа тиийиэм этэ»[56]. Такую же фиксацию этой загадки мы обнаруживаем в «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова.

С другой стороны, в том же Момском районе нами было встречено стяженное употребление сочетания этого типа. Так, например, вышеприведенную загадку «*Турдаҕым кэннэ* халлааҥҥа тиийиэм этэ» носители говора оформляли: «*Турдаабына* халлааҥҥа тиийиэм этэ».

Ознакомление с данным явлением навело нас на мысль о возможности стяжения этого сочетания и в другом фо-

[54] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 207.
[55] Е. И. Убрятова. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1956, № 9, стр. 91.
[56] Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961, стр. 32.

нетическом варианте, т. е. о возможности возникновения второй формы условного наклонения в якутском языке из стяжения сочетания причастия на *-тах* в притяжательной форме и послелога *кэннэ*. Тем более, что такое стяжение фонетически вполне объяснимо, и якутский язык дает бесспорные факты аналогичных стяжений (см. например, происхождение союзов *уонна* из стяжения сочетания *ол кэннэ* и *итиэннэ* из стяжения сочетания слов *ити кэннэ*). См. спряжение второй формы условного наклонения от глагола *бар-*.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-дах-пына*	ʻесли (когда) я пойдуʼ
2 л. *эн бар-дах-хына*	ʻесли (когда) ты пойдешьʼ
3 л. *кини бар-даҕ-ына*	ʻесли (когда) он пойдетʼ

Мн. число

1 л. *биһиги бар-дах-пытына*	ʻесли (когда) мы пойдем
2 л. *эһиги бар-дах-хытына*	ʻесли (когда) вы пойдете
3 л. *кинилэр бар-дах-тарына*	ʻесли (когда) они пойдут

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-ба-тах-пына*	ʻесли (когда) я не пойдуʼ
2 л. *эн бар-ба-тах-хына*	ʻесли (когда) ты не пойдешьʼ
3 л. *кини бар-ба таҕ-ына*	ʻесли (когда) он не пойдет

Мн. число

1 л. *биһиги бар-ба-тах-пытына*	ʻесли (когда) мы не пойдемʼ
2 л. *эһиги бар-ба-тах-хытына*	ʻесли (когда) вы не пойдетеʼ
3 л. *кинилэр бар-ба-тах-тарына*	ʻесли (когда) они не пойдутʼ

Значение второй формы условного наклонения

§ 16. По своей семантике вторая форма условного наклонения во многом совпадает с первой. Так, она в составе условного периода может:

1. Вступать в сочетание с глаголами сослагательного наклонения. Сказуемое придаточного условного, оформленное в данном случае с помощью причастия на *-тах*, выражает то же самое значение, что и сказуемое, образованное с помощью условной формы на *-тар*, т. е. выражает условие для совершения второго действия, выраженного глаголом — сказуемым главного предложения. Сотору *үтү өрдөххинэ*, үчүгэй буолуо этэ '*Если* скоро *поправишься*, было бы хорошо'; Ынахпыт *төрөөтөбүнэ*, арыы сиэх этибит '*Если б отелилась* наша корова, мы бы поели масла'.

Временное значение формы в этом случае мыслится в плане потенциального будущего.

2. Вступать в сочетание с глаголами повелительного наклонения, поставленными в форме как близкого будущего, так и отдаленного будущего времени этого наклонения, образуя при этом условный оборот и условное придаточное. Следствие, выраженное сказуемым главного предложения в данном случае, так же как и в первом (т. е. при форме на *-тар*), представляет побуждение к совершению другого действия или пожелания (в том числе зло- и благопожелание). *Сатаатаххытына*, оҕуруот да аһын үүнэриҥ (АФ ТА II 228) '*Если сумеете*, хоть и овощи выращивайте'; *Тардыалаатахпына*, төттөрү тардан таһаарааарыҥ (СО 41) '*Если я стану подергивать*, вытяните (меня) обратно'; Көмүстээх үрүйэтин *сүргэйэн бардахтарына*, миэхэ кэмсиммэтиннэр, бэйэлэригэр кэмсинниннэр (НЯ КҮ 56) '*Если начнут рыться* в золотоносной пади, пусть не обижаются на меня, а пеняют на себя'.

Сказуемое главного предложения может быть выражено повелительным глаголом и в безличной форме. Иккиһин *кэллэҕинэ* — ыппакка (АА ПУо 71) '*Если подойдет* во второй раз — не стрелять'.

3. Вступать в сочетание с глаголами изъявительного наклонения:

а) В форме настояще-будущего времени. Мин тугу эппиппин барытын *толоруох буоллаххына*... дууһабын биэрэрбин кэрэйбэппин (ПО А II 22) '*Если ты согласен выполнить* все мною сказанное, то... я готов отдать свою душу'; Өскөтө большевиктар *кыайдахтарына*, биһиэхэ эмиэ куттал үөскүүр (НЯ КҮ 86) '*Если*, паче чаяния, *победят* большевики, для нас тоже возникает опасность';... Хайдах *гыннахпына* уолбутун тиниэрэрбит, буруйтан-сэмэт-

тэн куотабыт (СО 45) '*Что нам делать*, чтобы парня нашего воскресить, избежать вины-порицания'.

Как видно из приведенных примеров, в таких случаях оба действия предложения, в зависимости от контекста, семантически могут восприниматься как в плане потенциального будущего времени, так и вневременно.

б) В форме будущего времени. Притом в составе условного периода эта форма условного наклонения, в отличие от первой, вступает в сочетание с формой будущего времени изъявительного наклонения свободно, без всяких ограничений. Этот тип сочетания один из основных и наиболее характерных для якутского языка. Условие и следствие в этом случае выражаются в наиболее ярком, можно сказать, классическом виде: «если будет то-то, то будет то-то». Оба действия мыслятся в плане возможного будущего времени. Бу сир баайын дьон туһатыгар *таһаардахтарына*, манна заводтар, фабрикалар үөскүөхтэрэ (АФ ТА I 23) '*Если* эти недровые богатства *поставят* на службу людям, то тут появятся заводы, фабрики', *Ааһа бардаххына*, хоргутуом, хомойуом (А ПО II 116) '*Если проедешь* мимо, обижусь, огорчусь'; Сыһыынан *бардахпына*, сылгыһыттар көрүөхтэрэ (ПО А II 104) '*Если пойду* по лугу, то меня заметят коневоды'.

При таком типе сочетаний сказуемое главного предложения может быть выражено и вопросительной формой будущего времени. Оттон мин *олордохпуна*, туох диэҥий? (НЯ КҮ 13) 'А что ты скажешь, *если я сяду*?' Аньыыбын-харабын *эппэтэхпинэ*, ханнык сирэйбинэн айбыт аҕа таҥарам сирэйин көрүөмүй? (ПО А II 19) '*Если не выскажу* свои грехи-провинности, то с каким лицом взгляну в лицо создавшего меня господа бога?'

4. Условная форма на *-тах* от глагола *буол-*, сочетаясь с формами прошедшего результативного, прошедшего повествовательного и прошедшего эпизодического времени изъявительного наклонения, так же как и первая условная форма, в рамках этого наклонения создает конструкцию условной модальности. Маайа, ыал хамначчытын оччо *таптаабыт буоллаххына*, — хааллаҕыҥ (НЯ Т 175) 'Майя, *если* ты так сильно *полюбила* чужого батрака,— что ж, оставайся' (прошедшее результативное первое); Көмүһүөм, дьон *киирбит буоллахтарына*, биһиги да ханна барыахпытый, киириэхпит буоллаҕа дии (СО Д 9) 'Золотко мое, *если* люди *вступили*, и мы куда денемся, всту-

ним, конечно' (прошедшее результативное первое); Маайа үөрүнэн *мэлэрийбитэ буоллахпына*, ким даҕаны кыыһырбыппыттан ытаабыппын билиэ суоҕа (НЯ Т 45) '*Если я сделаю вид, что кликушествую* призраком Маи, то никто не узнает, что я заплакала от собственной злости' (прошедшее повествовательное); *Атаҕастаппыттаах, баттаппыттаах буоллаххына*, кулуба тойонңор үңүс ээ (НЯ Т 89) '*Если ты подвергался обидам, оскорблениям*, так жалуйся господину-голове' (прошедшее эпизодическое).

5. Вторая условная форма в якутском языке, как и первая, в рамках условного периода вступает в сочетание с глаголами возможного, утвердительного и долженствовательного наклонений. Биһиги сити курдук олус буруйа суох дьоннору *өлөртөөн истэхпитинэ*, биһигиттэн дьонсэргэ тиэрэ *хайыһаарай?* (К ТА 311) '*Если мы* подряд *станем убивать* не столь виновных людей, *как бы* от нас народ *не отвернулся*'; Олус наһаа *хойутаатаххытына*, дьоңңут *мөңөөйөллөр* '*Если вы* слишком *запоздаете*, *как бы ваши не стали ругаться*' (примеры на сочетание с возможным наклонением); Уолбут ынаҕын *биэрдэҕинэ*, оҕолор үрүңэ суох *хаалыыһылар* (АФ ТА I 378) '*Если он отдаст* переставшую доиться корову, то ребятам *придется остаться* без молока'; Иккиэн *сиэтэхпитинэ*, ким да *тотуо суох* (ПО А П 31) '*Если* оба *поедим*, то ни один из нас *не наестся* досыта' (примеры на утвердительное наклонение); Эр киһи дьахтар *тоттоҕуна аһыахтаах* (АФ ТА I 82) 'Мужчина *должен кушать*, после того *как* женщина *наестся*'; Ити кэмңэ туора киһи хоно *сытар буоллаҕына*, *киллэриэ суохтаахтар* (МД ТА 103) '*Если* в это время *ночует* посторонний человек, *они обязаны не впускать* его' (примеры на сочетание с глаголами долженствовательного наклонения).

§ 17. Однако сравнение употребления обеих форм условного наклонения в якутском языке с указанными наклонениями показывает отсутствие полной адекватности между ними в сочетаниях разбираемого типа.

Если первую условную форму на *-тар* без всякого нарушения значений можно заменить условной формой на *-тах* + аффиксы принадлежности, то, наоборот, вторую условную форму без нарушения значения и самой конструкции сочетания нельзя заменить первой условной формой.

В дополнение к сказанному следует отметить другие отличительные моменты второй формы условного наклонения по сравнению с первой.

1. Она может в составе условного периода и условного оборота сочетаться с глаголами обычного наклонения. Ханнык-эмэ барыс баар *буоллаҕына*, улаханнык *үөрээччилэр* (АФ ТА I 373) '*Если бывает* хоть какой-нибудь барышок, *они всегда бывают* очень *рады*'; Биһиги туппут киһибитин *мөккүспэт буоллаҕына кырбааччыбыт суох* (ДО К 103) 'Мы задержанного человека *не бьем, обычно если он не сопротивляется*'; Аччыгый быраатыҥ аччык *олордоҕуна*, ас күөмэйгэ *бараааччыта суох* (ХС, 1961, 4, 117) '*Если* (*когда*) твой младший брат *сидит* голодный, *обычно* и пища в рот *не идет*'; Ити кини тугу эмэ кытта *охсустаҕына* итинник *ардырҕааччы* (ЛП ЫТ 12) 'Это он так *обычно рычит, когда вступает* с кем-либо в драку'.

2. Она может сочетаться с глагольными формами на *-ар* и *-аа* + модальное слово *ини*. *Кыһаннахпына эн саҕа таҥнаа инибин* (АФ ТА I 413) '*Если захочу, авось*, не хуже тебя *оденусь*'; Колхозка сир *биэрэр эбит буоллахтарына* биһиги да колхозпутугар *биэрэллэр ини* (К ТА 383) '*Если* колхозам *выделяют* землю, то, *наверное, выделят* и нашему колхозу'; Сарсыарда мантан *бардахпына*, хайа күн ортото *тиийэ инибин* (ПО А III 155) '*Если* завтра *выеду* отсюда, авось, к полудню доеду (до места назначения)'.

3. Она может сочетаться с глаголами предположительного наклонения. Оттон *мыынар буоллаххына*, бэйэҥ сыанаҕын *эттэҕиҥ* дии, төһө дигин? (НЯ КҮ 43) '*Если* тебе *кажется мало, скажи* свою цену: сколько?'

4. В составе условного периода она может вступать и в такие сочетания, в которых в качестве сказуемого главного предложения выступают различные части речи. Например:

а) деепричастие на *-ан* в отрицательной форме. Эн эрэ *сөбүлүүр буоллаххына*, барымына (ДО К 95) '*Если* только *ты согласен*, почему не пойти мне'; Бэйэ бэйэлэрин *сирсибэт буоллахтарына*, син буолумуна (К ТА 361) '*Если* они *не питают неприязни* друг к другу, *почему нельзя*';

б) модально-служебное слово *сөп*. Кырдьык оччону *биэрэр буоллаҕына*, сөп дии (НЯ КҮ 43) '*Если* на самом деле *дает* столько, *ведь достаточно*';

в) другие именные формы и сочетания. Ол кэппэрэтиип табаарын *котохтохторунэ*, улахан алдьархайы оҥорор дьон (К ТА 278) '*Если* они *захватят* товары того кооператива, то *могут наделать* большую беду (букв.: станут людьми, творящими большую беду)'.

5. Она может выступать в роли обстоятельства времени или придаточного времени. Кинини кытта мин аан маҥнай институтка *үөрэнэ сырыттахпына* билсибитим (АФ ТА I 152) 'С ней я впервые познакомился, *когда учился* в институте'; *Ыйытаары сырыттахпына* эргэ тахсыбыккыттан билиҥҥэ дылы хомойо санныбын (ПО А II 191) 'Из-за того, что ты вышла замуж в то время, *когда я собирался* тебе сделать предложение, огорчаюсь до сих пор'; Эргиллэн *көрдөбүнэ*, солуурчаҕа умайан күүдэпчилэнэ хаалбыт (АФ ТА I 21) '*Когда он обернулся* назад, котелок его остался гореть ярким пламенем'.

6. Нередко вторая условная форма в современном якутском языке употребляется самостоятельно, выполняя в предложении роль сказуемого. Как правило, это имеет место в предложениях, имеющих вопросительную форму. В этом случае, в зависимости от контекста, она приобретает довольно различные модальные оттенки: вопроса, просьбы, испрошения согласия, разрешения или, наоборот, призыва-предложения совершить то или иное действие, а иногда прямого побуждения к действию. Оттон мин аҕаҕын кытта *кэпсэттэхпинэ*? (НЯ КҮ 13) '*А что если мне поговорить* с твоим отцом? Нохоо, дьиэлээх тойонуҥ эппитин кэннэ тоҕо өрөлөһө тураҕын — *табысмаххына* (НН ТА 117) 'Парень, почему ты прекословишь своему хозяину, когда он уже сказал,— *выйди*';

— Маайа, эт ээ, эт! — *Эттэххинэ*, Маайа! (ХС, 1967, 2, 33) 'Майя, говори же, говори! — *Чего не говоришь* (говори), Майя!'

Дьөгүөрдээн, маарыан эн миигин ыҥырбытыҥ дии... Мин кырлык, манна *кэллэхпинэ*? (АА СК 74) 'Егордан, ты ведь давеча меня приглашал... *А что, если мне* действительно сюда *прийти*?' Профессор, эн толкуйдаан-толкуйдаан баран, ити туһунан халыҥ баҕайы кинигэни суруйан *таһаардаххына*? (АА Пуо 128) 'Профессор, *что если ты*, хорошенько продумав, *напишешь* об этом очень толстую книгу (*хорошо бы, если бы написал* толстую книгу)'.

Более полный вид предложений этого типа оформляется обычно с помощью вопросительных слов или частиц.

Бэйэҕит кыайар чэпчэки үлэҕитин *үлэлээтэххитинэ хайдабый?* (АА КСХ 111) ‘*А что, если вам работать* на легкой посильной работе?’ Оттон эн биһиги ол үрүйэ аттыгар сурт туһэрэн, *олохсуйдахпытына хайдах буолуой* (НЯ КҮ 54) ‘*А что, если нам*, поставив чум, *обосноваться* на том ручье’.

Но опущение в этих предложениях вопросительных слов и частиц стало вполне обычным и нормативным явлением в современном языке.

7. Условная форма на *-тах* + аффиксы принадлежности может также являться компонентом словосочетания, служащего для выражения модального значения необходимости действия, которая, с точки зрения говорящего, может быть вольной или невольной. Вторым компонентом этого сочетания обычно выступает какой-либо модальный глагол, чаще всего в форме настояще-будущего и будущего времени изъявительного наклонения или в форме утвердительного наклонения. *Бара обустахпытына сатаныыһы* (ДьА ТА 90) ‘*Придется нам уйти поскорее*’; Сотору врач эрэ *кэллэбинэ табыллыыһы* (АФ ТА I 26) ‘*Необходимо, чтобы поскорее пришел* врач’ (букв.: будет хорошо, если только врач придет побыстрее); *Бардахпытына сатанар* (НЯ С 21) ‘*Нам необходимо уйти*’; Арай, мин кинилэри кытта *уруулаcтахпына сөп буолсу* (ПО А II 59) ‘Итак, видно, уж *мне придется* с ними породниться’.

8. Притяжательно-условная форма на *-тах* от некоторых глаголов, утратив значение условности, в современном языке выполняет роль союзов, частиц, модально-вводных слов.

а) Условно-притяжательная форма от глагола *буол-* во все трех лицах единственного и множественного числа выступает в качестве противительного союза ‘а’, иногда с дополнительным оттенком усилительной частицы ‘ж’. Дьукааҕыам, мин эйиэхэ аһым үчүгэйин талан биэрэрим. Эн *буоллаххына* миэхэ аһың куһаҕанын талан биэрэҕин (СО 8) ‘Сожитель мой, я давал тебе из своей еды самое отборное. *А* ты мне отбираешь наихудшие куски’; Кини *буоллабына* итини барытын билбэт этэ (АФ ТА I 102) ‘*А* он не знал всего этого (что касается его, то он не знал всего этого)’; Тигээйилэр *буоллахтарына* кинини куһаҕан гына оҥорор диллэр (АА ПУо 20) ‘*А* Осы (прозвище) говорят, что он плохо делает’.

б) Условно-притяжательная форма от глагола *баҕар-* в форме 3-го лица единственного числа употребляется как модально-вводное слово со значением 'может', 'может быть' (ср. аналогичное употребление этого глагола в условной форме на *-тар* — *баҕардар, баҕар*). Аара, *баҕардаҕына*, булт түбэһиэ (НЗ ЛХ 54) '*Может быть*, по пути какая (нибудь) дичь встретится'; Эн төһө да үтүөнү баҕаартын иннигэр, *баҕардаҕына*, таба көппөтүҥ буолуо (ИАХ ОНЛЯ 4) 'Как бы ты ни желал добра, *может*, ты не сумеешь набрести (букв.: налететь) на нужное место'; *Баҕардаҕына*, араас дьиибэ санаалаах дьон сылдьаллара буолуо, ону-маны оҥороору (НН ТА 176) '*Может случиться*, что ходят люди с разными пакостными мыслями, думают что-нибудь натворить'.

в) Сочетание деепричастной формы на *-ан* от глагола *сатаа-* и условно-притяжательной формы от глагола *бар-* в 3-м лице единственного числа (*сатаан бардаҕына*). В современном языке употребляется как модально-вводное словосочетание со значением 'к тому же, вдобавок к тому, как на зло', а также может выражать чувство досады, недовольства, сожаления говорящего лица по поводу сложившегося стечения обстоятельств. *Сатаан бардаҕына*, куорат таһыгар олоробун ээ (АФ ТА I 135) 'Как *назло*, я живу за городом'; *Сатаан бардаҕына*, биир алта уонун туолбут түөһэйбит аҕалаах этим (АА КСХ 113) '*Вдобавок к тому* у меня был отец, которому перевалило за шестьдесят и слаб стал умом'; *Сатаан бардаҕына*, хардарыта өйдөспөппүт (АА ПУо 73) '*К тому же* мы взаимно не понимаем друг друга'.

г) Исторически бывшая форма дательного падежа простого склонения причастия на *-тах* от вышеуказанного глагола *сатаа-сатаатахха* и его стяженный, редуцированный вариант (*сатахха*) употребляется в роли вводного слова с аналогичным предыдущему случаю, модальным значением: *Сатаатахха*, хараҥата да бэрт (СО ТА I 40) '*Вдобавок к тому*, еще очень темно'; *Сатахха*, үс хонуктааҕыта кэннибиттэн ситэн кэлэҥҥин, улаханнык соһутан ааспытыҥ (ДО К 30) '*К тому же* еще три дня тому назад ты, догнав сзади, сильно напугал меня'.

д) Сочетание деепричастной формы на *-ан* от глагола *сатаа-* и формы дательного падежа простого склонения глагола *бар-*, т. е. *сатаан бардахха*, функционирующее в том же самом значении: *Сатаан бардахха*, Чокуурантар

хас да сыл устатыгар бэрт эйэлээхтик олорбуттар (ДТ ТА 174) '*К тому же еще* Чекуровы несколько лет прожили весьма дружно'; *Сатаан бардахха*, көмөлөһөөччү уолум байыаннайга көрдөрө диэн, оройуонңа хаалан хаалбыта (ХС, 1963, 4, 39) '*Вдобавок к тому* помогающий мне паренек остался в районном центре, якобы для явки по военному делу'.

Безличная форма условного наклонения в якутском языке

§ 18. Кроме описанных выше двух форм, в якутском языке имеется еще безличная форма условного наклонения, которая образуется:

1. Формой дательного падежа простого склонения причастия на *-тах* или условного инфинитива. *Үөрэннэххэ* киһи тугу барытын сатыыр (АА ПУо 124) '*Если научиться*, человек все умеет'; *Аа̄ан таһаардахха* икки сүүсчэ үлэ күнэ кураанахха хаалла (АФ ТА I 241) '*Если подсчитать* — около двухсот трудодней у него пропало попусту'; Бу киһибит тас көрүнүттэн *быһа холоотоххо*, биэс уончатыгар чугаһаабыт быһыылааҕа (НЯ С 4) 'Этому человеку, *если прикинуть* по внешности, было около 50-ти лет'.

2. Конструкцией, образуемой сочетанием причастий на *-ар*, *-быт* и имени *киһи* (человек). *Ойууннаппыт киһи*, ордук буолуо этэ (НЯ КҮ 39) '*Если б пригласить шамана*, было б лучше' или то же самое: *Ойууннатар киһи* ордук буолуо этэ '*Если б пригласить шамана*, было б лучше'; *Сынньана түспүт киһи*, арыычча сэргэхсийиэ эбит (К ТА 231) '*Чуточку бы отдохнуть*, можно было б немного освежиться'; Бу сири *сынньаппыт киһи*, ордук үүнүүлээх буолуо этэ (НЯ с 33) '*Если б дать* этой земле *отдохнуть*, она давала бы лучшие урожаи'.

3. Конструкцией, образуемой сочетанием имени обладания на *-лаах* и имени *киһи*: Борокуот буксуур тимирин курдук, тимир *ханааттаах киһи*, быстыа суох этэ (НЯ КҮ 178) '*Если б иметь* стальной *канат* вроде пароходного буксира, то он не оборвался бы'; Боччумнаах, туох эмэ тустаах *үлэлээх киһи* абыраныах этэ (ХС, 1964, 4, 7) '*Если бы иметь* солидную подходящую *работу*, вот было б хорошо'.

ГЛАВА III
УТВЕРДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Утвердительное наклонение впервые было описано акад. Бетлингком под названием perfectiv -*а* [57], затем оно нашло то или иное отражение в работах, особенно в грамматиках, всех последующих исследователей якутского языка.

§ 2. Утвердительное наклонение в якутском языке встречается в двух фонетических вариантах. Первый из них, принятый за литературную норму, образуется присоединением к основе глагола аффиксов -*ыһы* и сказуемости, второй — присоединением к основе глагола аффиксов -*ыһык* и сказуемости.

1. Спряжение утвердительного наклонения

Положительная форма

Ед. число

1. л. *мин бар-ыһы-бын, бар-ыһык-пын*	'я, очевидно, пойду'
2. л. *эн бар-ыһы-гын, бар-ыһык-кын*	'ты » пойдешь'
3. л. *кини бар-ыһы, бар-ыһык*	'он » пойдет'

Мн. число

1. л. *биһиги бар-ыһы-быт, бар-ыһык-пыт*	'мы, очевидно, пойдем'
2. л. *эһиги бар-ыһы-гыт, бар-ыһык-кыт*	'вы » пойдете'
3. л. *кинилэр бар-ыһы-лар, бар-ыһык-тар*	'они » пойдут'

Отрицательное спряжение утвердительного наклонения производится синтетическим и аналитическим способами. В первом случае между основой глагола и формообразующими аффиксами -*ыһы* и -*ыһык* вставляется аффикс -*м* (после гласных) или -*ым* (после согласных).

[57] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten, § 521.

Ед. число

1 л. *мин бар-ым-ыыһы-бын, бар-ым-ыыһык-пын*	'я, очевидно, не пойду'
2 л. *эн бар-ым-ыыһы-гын, бар-ым-ыыһык-кын*	'ты » не пойдешь'
3 л. *кини бар-ым-ыыһы, бар-ым-ыыһык*	'он » не пойдет'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-ым-ыыһы-быт, бар-ым-ыыһык-пыт*	'мы, очевидно, не пойдем'
2 л. *эһиги бар-ым-ыыһы-гыт, бар-ым-ыыһык-кыт*	'вы » не пойдете'
3 л. *кинилэр бар-ым-ыыһы-лар, бар-ым-ыыһык-тар*	'они » не пойдут'

Олом килэччи тоҥон хаалбыт, оломунан туох да сылгыта *сылдьымыыһы* (К БС 30) 'Брод превратился в чистый лед, по нему, конечно, *не сможет пройти* никакая лошадь'; Бүгүн инчэҕэйэ бэрт буолбут, ойуурга *барымыыһыбыт* (К БС 31) 'Сегодня слишком сыро, *нам не придется пойти* в лес'; Тымныыта бэрт, дьоннор муҥхаҕа *кэлимиийһилэр* (К БС 31) 'Слишком холодно, люди, *видимо*, *не соберутся* на неводьбу'.

Во втором случае отрицательная форма утвердительного наклонения оформляется при помощи сочетания причастия на *-ыах* и имени отрицания *суох*, притом личные окончания могут принять как первое, так и второе, т. е.

Ед. число

1 л. *мин барыа суох-пун, барыам суох*	'я, очевидно, не пойду, не смогу пойти'
2 л. *эн барыа суох-хун, барыаҥ суох*	'ты ...'
3 л. *кини барыа суох*	'он...'

Мн. число

1 л. *биһиги барыа суох-пут, барыахпыт суох*	'мы ...'
2 л. *эһиги барыа суох-хут, барыаххыт суох*	'вы...'
3. л. *кинилэр барыа суох-тар, барыахтар суох, барыахтара суох*	'они...'

Примечание. Оформление 3-го лица множественного числа с помощью аффикса принадлежности (вариант типа *барыахтара суох*), нам кажется, характерно для Вилюйской группы районов.

Бу дойдуга мин сатаан *олоруо суохпун* (ДО К 54) '*Очевидно, я* здесь *не смогу жить*'; Бу уол биһиги *тапсыа суохпут*, оннун булlара оҕус! (АА СК 427) 'С этим парнишкой мы, *очевидно, не поладим*, устрой его побыстрее'; *Тугу да өйдүөххүт суох* (К ТА 386) '*Очевидно, вы* ничего *не поймете*'; Мин санаам буолан табаарыстарбыттан *арахсыам суох* (К ТА 233) '*Я* по доброй воле никак *не смогу отделиться* от своих товарищей'; Аласов бу дойдуга баарын тухары мигини *сүгүн сырытыннарыахтар суох* (ХС, 1965, 4, 42) 'Пока Аласов будет здесь, *мне, очевидно*, тут *не будет жизни*' (букв.: не дадут нормально жить); Булбатахтарына, *ньэгньийиэхтэрэ суох дуо?* (К ТА 203) 'А если не найдут, разве *не будут обыскивать*? (нет таких признаков, что будут обыскивать?)'.

Первая — синтетическая форма отрицания утвердительного наклонения в современном языке употребляется сравнительно редко, более употребительной является вторая — аналитическая форма.

По нашим наблюдениям, некоторые глаголы, оканчивающиеся на сонорные *-л* и *-р* в рамках этого наклонения, могут стягиваться в более укороченную форму, т. е. допускать выпадение первого гласного формообразующего аффикса. Таковы прежде всего глаголы *буол-* (быть, стать, становиться) и *хаал-* (отстать, оставаться), стяженная форма от которых в утвердительном наклонении употребляется в современном языке наиболее часто. Өһөс баҕайы *буолсу* (вм. буолууһу; АФ ТА I 139) 'Сильно упрямый, *видимо*, будет'; Дьэ бу этэрбэһи абырахтаатахха сөп *буолсу* (~ буолууһу; СО ТА I 132) '*Необходимо* (правильно) будет починить эти торбаза' Миэхэ көмөлөһөөччү *буолсугун* (~ буолууһугун; ВП К 123) 'Ты, *видно, станешь* моим помощником'; Папа, икки эрэ «үстээх» буолуох курдукпун. Оттон атыттара «биэс» да «түөрт» *буолсуктар* (~ буолууһуктар; ЛП ЫТ 34) 'Папа, похоже, что у меня будет только две «тройки». Остальные, *очевидно*, будут «четверки» и «пятерки»'; ... Тыл таах *хаалсы* (вм. хаалыыһы; ДО К 68) 'Слово, *видимо*, останется безрезультатно'.

Так же могут фонетически стягиваться и некоторые другие глаголы на *-л* и *-р*. Баһылай Бөтүрүөбүс, бөөлүүн эйиэхэ хоммуппар, кырдьык, сурук *биэрсигин* (вм. биэрииһигин или биэрииһиккин; АА ПУо 89) 'Василий Петрович, *тебе* в самом деле *придется дать* мне записку о том, что эту ночь я переночевал у тебя'; Инньэ гынан, куо-

ракка хойутуу *киирсигин* дии 'Выходит, что в город *ты поедешь* попозже'.

Писатель Софр. Данилов часто употребляет фонетически-стяженную форму в утвердительном наклонении глагола *кэл-*: Сиэбим иччитэ тэстибитин эппитим ыраатта ээ, ону орубунайан абырахтыыра *кэлси* дуо? (СД МЭК 178) 'Уже давно я говорю о том, что у меня продырявился карман, но разве *она*, обратив на то внимание, *починит* его мне? ' — Мин... партияҕа киирэрим сөп буолуо дуо? — уол эмискэ тэлэ биэрдэ. — Партияҕа даа?! Сөбө суоҕа *кэлси* дуо? (СД МЭК 38). — 'Мне... можно будет вступить в партию?— выпалил вдруг паренек.— В партию, говоришь?! А с чего же *это будет* нельзя?'

Можно предположить, что это интересное фонетическое явление могло начаться с глагола *буол-*, который стянулся в краткую форму благодаря чрезмерно-активному и широкому его употреблению в языке, а после него по аналогии оно стало распространяться и на некоторые другие глаголы, оканчивающиеся на *-л* и *-р*.

2. О происхождении формы утвердительного наклонения

§ 3. Акад. Бетлингк с утвердительным наклонением в якутском языке сопоставлял тюркскую форму на *-сы* и *-асы*, образующую глагольные имена будущего времени, возможности и необходимости [58]. То же делал С. В. Ястремский [59].

Акад. Радлов сравнивал аффикс -ыһы с древнетюркским аффиксом, образующим имя действия *бу* + *чы* = *бучы* (*албучы* 'тот, кто что-то берет, должен брать, может брать'), который в новых языках преобразовался в *-учы* (алучы) или *-ушу* (например, киргизский *алушу*). Притом он подчеркивал, что этот аффикс перестал иметь значение имени действия, а стал выступать как чистая глагольная форма, т. е. что он представляет собой более позднюю ступень тюркского языкового развития [60]. Радловым был зарегистрирован и второй фонетический вариант утвердительного

[58] O. Böhtlingk. Указ. соч., § 521.

[59] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, 162.

[60] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, стр. 44.

наклонения в якутском языке, который он предположительно выводил из тюркского *бычучы-окпын* [61].

Е. И. Убрятова предложила свое объяснение происхождения формы утвердительного наклонения. Она считает, что в основе данной формы лежит древнетюркское причастие на *-ыҕ* (ср. отглагольное существительное на *-ыы* в современном якутском языке, например *барыы*) + + аффикс *-чы*. Причастие на *-ыҕ/ыы*, она считает, ныне полностью вытеснено за пределы глагольной системы в разряд имен существительных [62].

Какая из приведенных выше гипотез наиболее правдоподобно освещает картину происхождения данного наклонения?

Приведенному Радловым тюркскому причастному аффиксу *-учы/-усы/-ушы* (киргизский, татарский *алучы*, башкирский *алыусы*, каракалпакский *алыушы* 'получатель, получающий') в якутском языке соответствует причастный аффикс *-ааччы*, образующий в нем другое наклонение (наклонение обычно совершаемого действия). Поэтому нам трудно согласиться с радловской гипотезой происхождения данной формы.

Трудно согласиться и с предположением Е. И. Убрятовой, ибо, как мы уже высказались выше, никаких следов проявления былых глагольных свойств формы на *-ыы* в якутском языке мы не обнаруживаем. Она не участвует ни в образовании времен, ни в образовании наклонений и в современном языке воспринимается как чисто-именная форма (точнее, как имя действия).

Нам больше импонирует предположение акад. Бетлингка об общности якутской формы утвердительного наклонения глагола с тюркской формой на *-сы/-асы*. Последняя имеет место в языках огузской группы и лишь в некоторых из языков кыпчакской группы (татарском, башкирском).

М. Ш. Рагимов обнаружил сравнительно широкое употребление аффикса *-асы/-әси* в письменных памятниках азербайджанского языка, относящихся к XIV—XV вв. Последний присоединялся к основе глагола и наращивался аффиксом сказуемости (*аласысан*, *верәсидир* и т. д.). М. Ш. Рагимов находит, что аффикс *-асы/-әси* первона-

[61] Там же, стр. 47.
[62] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.— Л., 1960, стр. 129, 130.

чально имел нерасчлененную семантику, заключавшую в себе желание, долженствование, необходимость и др. В памятниках XIV—XV вв. эта форма употреблялась для сообщения о действии, осуществление которого в будущем не подлежало сомнению, т. е. она соответствовала форме современного будущего времени на *-ачаг/-əчəг*. В памятниках XVI—XVIII вв. она в этой функции уже перестала употребляться, будучи полностью замененной и вытесненной формой на *-ачак/-əчəк* [63].

Одновременно, по наблюдениям М. Ш. Рагимова, форма на *-асы/-əси* в сочетаниях с глаголом *кəл-* употреблялась и для выражения желания. Ахар сулар кими ахасым *кəлмəз* 'Мне *не хочется* течь как текучие воды' [64] (ср. аналогичное употребление этой формы в современном татарском языке: *Язасым килə* 'Мне хочется писать'; *Ашыйсым килə* 'Я хочу есть').

М. Ш. Рагимов устанавливает, что в современном азербайджанском языке аффикс *-асы/-əси* стал формой особого наклонения со значением необходимости (*лазым формасы*), т. е. он показывает, что этот аффикс по сравнению с XIV в. претерпел существенную метаморфозу в своем модальном значении. И только в одном случае сохранил свое исторические значение: образует причастие будущего времени, которое по своему значению соответствует причастию на *-ачаг/-əчəг*. *Язылласы китаб — язылачаг китаб* 'книга, которая должна писаться'; *дэйилəси сөз — дэйилəчəк сөз* 'слово, которое надо передать, сказать' [65].

М. С. Михайлов форму на *(-у)ası* в турецком языке также считает старой, встречающейся в памятниках XIV в. Квалифицирует ее в качества грамматического синонима формы на *(-у)acak*, которая с конца XV в. вытеснена из письменного литературного языка последней (т. е. формой *(-у)acak*), но, продолжая жить в народном разговорном языке, ныне обратно пробивает путь в литературный язык [66].

[63] М. Ш. Рагимов. Формы выражения настоящего и будущего времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII вв. «Труды ин-та литературы и языка им. Низами». Баку, 1957, стр. 238.
[64] Там же, стр. 239.
[65] Там же.
[66] М. С. Михайлов. О форме на -(у)ası в турецком языке. «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958, стр. 143.

Нам кажется вполне вероятной гипотеза ак. Бетлингка о генетической общности данной формы в южнотюркских языках и якутской формы на *-ыһы*. При этом учитывается соответствие якутского широкого гласного *а* тюркскому узкому гласному ы и большое сходство якутского языка с огузскими языками по первичным причастным формам (сравните якутские причастия на *-быт*, *-тах*, *-ыах* и огузотюркские причастия на *-мыш*, *-дук* и *-асак*). Нам кажется вполне возможным допустить, что в этих языках могла быть также общая причастная форма на *-асы/-ыһы*. Она, на первых порах обладая недостаточно расчлененной семантикой, впоследствии, в ходе исторического развития каждой из них, могла получить различное значение и функции. В частности, в якутском языке за ней могла закрепиться семантика нынешнего утвердительного наклонения.

В азербайджанском языке она на определенном этапе его развития могла выполнять одну функцию (образовывать будущее категорическое время), впоследствии стала выполнять другую функцию — легла в основу наклонения необходимости.

В турецком языке она по настоящее время употребляется как причастная форма с определительной функцией и как финитная форма для выражения будущего времени.

Не исключена возможность того, что и в якутском языке она некогда могла употребляться для образования значения будущего времени, а в сочетании с глаголом *кэл-* для выражения желания. Последняя функция в связи со смещением значения формы могла после перейти к причастной форме на *-ыах*.

Некоторым косвенным доказательством нашего предположения может служить то, что в произведениях современной якутской художественной литературы мы встречаем такое употребление глаголов утвердительного наклонения в составе условного периода, когда они по значению почти полностью соответствуют форме на *-ыах*. Эн, Суөдэр Маппыайабыс, итини эмиэ толкуйдаан көрөөр эрэ, уонна *сатаныһы* буоллаҕына (ср. *сатаныах* буоллаҕына) тылгын тиэрдээр (АА ПУо 423) 'Ты, Федор Матвеевич, продумай-ка это и если это *окажется возможным* (букв.: если это, может, удастся), замолви слово'; Итн барыта *сатаныһы* буоллаҕына (~ *сатаныах* буоллаҕына) биһиги бэркэ табыллыа эбиппит (ЭЭ ТА 97) 'Если все это *окажется возможным*, нам бы здорово повезло'.

В северных говорах якутского языка и поныне встречается конструкция, служащая для выражения желания и совпадающая по своей модели с таковой же в других тюркских языках с той только разницей, что вместо аффикса *-асы* в ней выступает аффикс- *ыах*. *Утуйуобум* (*утуйуом*) кэллэ '*Мне хочется* спать, *я хочу* спать' (ср. тат. *йоклыйсым* килэ в том же значении).

В пользу такого предположения говорит и то, что вторая, аналитическая отрицательная форма глаголов в этом наклонении образуется с участием причастия на *-ыах* (см. вышеприведенные модели типа *барыа суохпун* и *барыам суох*).

Однако, с другой стороны, мы не можем не отметить замеченной нами большой семантической близости (почти что идентичности) в модальном значении между формой утвердительного наклонения в якутском языке и формой на *-тачы/-тэчи, -дачы/-дэчи*, встречающейся в памятниках древнетюркской письменности.

Значение последней, как определяет В. М. Насилов, «заключается в выражении будущего времени или настоящего потенциального, обладающего тенденцией непременного развития в будущем»[67]. Ол йиргэру барсар, түрк будун, *өlтэчисин* (БХ) 'Если пойдешь в те земли, тюркский народ, ты погибнешь (т. е. 'ты станешь таким, чтобы погибнуть' или 'ты станешь на край гибели (а потому погибнешь)'; Өтүкэн йыш олурсар, бөнгу и l тута *олуртачысын* (БХ) 'Если на Отюкенские лесистые горы поднимешься (осядешь), то ты будешь созидать вечный племенный союз, т. е. ты являешься обладателем возможности (ты потенциален) созидать вечный племенный союз'[68].

То же самое и форма утвердительного наклонения в якутском языке — она выражает тенденцию, готовность или предрасположенность к определенному действию в будущем, с точки зрения говорящего лица.

Причастие на *-тачы/-тэчи, -дачы/-дэчи* в древнетюркском языке встречается главным образом в предикативной позиции, иногда только субстантивируясь в некоторых енисейских памятниках. Форма утвердительного наклонения в якутском языке также выступает как соб-

[67] В. М. Насилов. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960, стр. 64.
[68] В. М. Насилов. Указ. соч., стр. 64.

ственно-глагольная форма, способная выполнять роль предиката в предложении. Исключение из этого правила по нашим материалам составляют единичные случаи.

1) Когда первый вариант описательной отрицательной формы утвердительного наклонения может употребляться в функции определения: Дьэ, мин кинилэргэ биһирэтиэм этэ диэн, мөлтөх буола *сатыа суох* киһибин (СО ТА I 557) 'Ну, я *не такой* человек, чтобы ради того, чтобы когда-нибудь ими быть восхваленным, представляться слабым'.

2) Когда формы винительного и дательного падежей второго варианта утвердительного наклонения (т. е. *-ыһык/-сык*) могут употребляться в функции прямого и косвенного дополнений. Ол туһата диэн урукку өттүгэр ким-да үөйбэтэх-аахайбатах суолун сахалыы ааҕарҕа-суруйарга үөрэнэр *кыайтарыһыгын*, *сатаныыһыгын* барыбытыгар биллэрдэ, көрдөрдө эбээт (СД НСБ 17) 'Польза этого состоит в том, что ведь он всем нам дал понять и показал *возможность*, *подручность* обучения читать-писать на якутском языке вещи, о которых никто до сих пор и не помышлял'; Мирон...мантан антах орону да буллаҕына сөп *буолуоһугун* өйдөөтө (ХС, 1964, 4, 44) 'Мирон... понял, *что* отныне ему можно будет идти укладываться спать'; Уйбааскыга нэһилиэк суруксута даҕаны сөп *буолсукка* холуйабын абээт (АА КСХ 64) 'Для Ивашки, я полагаю, *достаточно быть* и секретарем наслега'; Мэнээк *хаалыыһыкка* (*хаалсыкка*) холуйдум 'Я прикинул, *что пропадет зазря*'.

3) Когда формы утвердительного наклонения в сочетании с некоторыми служебными словами могут выполнять обстоятельственные функции. Правда, следует оговориться, что такое их употребление по сравнению с приведенными выше случаями носит более широкий характер. Мантан эр ылан, *бултууһукпун* дии санаан, талаҕынан оноҕостоох чаачар саа оҥостор (СО 144) 'Ободренный этим и сочтя, *что сможет поохотиться*, он делает себе из тальника лук со стрелами' (обстоятельство причины); Мин ыарҕа солооһунун от охсортон оччо ыарахана суох *буолсу* дии санаатым (МД АЛ 32) 'Я корчевку кустарника *оценил как* работу, видимо, не более тяжелую, чем косьба сена' (обстоятельство образа действия).

Описанные функции с равным успехом можно рассматривать как позже приобретенные, так и изначальные

свойства данной формы. Однако употребление сочетания типа *барыа суох* в роли определения явно объясняется тем, что оно представляет собой описательную отрицательную форму причастия на *-ыах* (ср. *барыах киhи*, *барымыах киhи*, *барыа суох киhи*), которая по этой причине способна употребляться в любой функции в предложении и которая факультативно стала употребляться (безусловно, позже) в качестве одной из отрицательных форм спряжения утвердительного наклонения.

Что касается употребления формы утвердительного наклонения в функции прямого и косвенного дополнения, то оно по причине большой ограниченности применения (в особых оборотах речи, при сочетании с небольшой группой глаголов: *холуй-*, *уур-*, *оҥор-* только от одного его варианта), на наш взгляд, также может рассматриваться как новое языковое явление, возникшее на основе каких-то аналогий, но не ставшее общим правилом в рамках всего наклонения

Формы на *-тачы/-дачы* и *-ыhы(к)* при всей близости их семантического значения и синтаксических функций, однако, далеки друг от друга в фонетическом отношении, и объяснить возможность фонетического преобразования древнего аффикса *-тачы/-дачы* в современный якутский аффикс *-ыhы(к)* нам представляется довольно затруднительным. Хотя некоторые исследователи (возможно, не без основания) склонны допустить общность происхождения данных форм [69].

3. Значение утвердительного наклонения

§ 4. Основное модальное значение глаголов данного наклонения состоит в том, что ими на основе определенных примет, признаков или оценки и обобщения конкретной ситуации говорящим лицом выражается несомненная уверенность в возможности действия, которое должно иметь место после момента речи.

Трактор икки-үс күн *эрэмиэннэнииhи* (АФ ТА I 402) 'Трактор, *очевидно*, *будет ремонтироваться* два-три

[69] А. А. Раджабов. Язык орхонно-енисейских памятников древнетюркской письменности. Морфология. В сопоставлении с азербайджанским языком. Автореф. канд. дисс. Баку, 1967.

дня' (таково его состояние). Манна тииң *тохтууһу*, бэрт аһылыктаах сир эбит (НЯ КҮ 7) 'Здесь белка *сможет остановиться*, ибо, оказывается, здесь много еды для нее'; Төбөҕө туһэрбиккин, учугэйдик *ытыыһыккын* (АС КБ 14) 'В голову попал, *очевидно, будешь* хорошо *стрелять*]'; Ээ, бу баҕайы туостан тымтай *тахсыа суох* (К ТА 372) 'Э, из этой дрянной бересты *не сделать* лукошка (таков плохой, неподходящий материал)'; ...Быһыыта, сатаан *кэпсэтиэм суох* (К ТА 112) 'Видно, *не смогу поговорить*'; Кырдьык даҕаны, олус сылайдыбыт, Амурга кыайан *тиийиэхпит суох* (НЯ КҮ 66) 'И впрямь, очень сильно устали мы, до Амура, *очевидно, не сможем дойти*'; Адьас хамсаатарбын эрэ үрдүбэр *түһүүһү* (ТС ЯС МБК 31) 'Стоит только мне чуть пошевельнуться, как он, *несомненно, накинется* на меня'.

В некоторых контекстах несомненная уверенность говорящего лица в совершении действия переходит в его прямую готовность или решимость совершить это действие (особенно в форме 1-го лица обоих чисел). Алексан сарсын кэлләҕинэ, аны утуйа сытар буолан хаалыам, кэбис *утуйууһукпун* (МД ТА 14) 'Когда завтра придет Александр, чего доброго, я еще буду спать. Нет, *давай уж* (лучше) *я* сейчас *лягу спать*'; Арай мин оҕонньорго *барыыһыкпын* (ПО А П 154) '*Уж придется мне* к старику *пойти*'; Кэбис *билләриииһикпин*. Таарыйа өйүө *көрдүүһүбун* (СО ТА П 116) 'Нет, *пожалуй, я сообщу*. Одновременно *попрошу* провизию'; Чэ делегаттарда ытың, биһиги *тупсууһубут* (АА СК 589) 'Ну, пошлите делегатов, *нам придется помириться* (с вами)'; Үрүҥнэри сатыы ситиэ суохпут, арай, ат хомуйан эрэ баран, *сэриилэһиииһикпит* (ИС ССТ 132) 'Ясно, что пешком белых *мы не сможем догнать, придется воевать* с ними, только набрав лошадей'.

В других случаях эта уверенность понимается как признание неизбежности, необходимости, а также в какой-то степени желательности предстоящего действия. При этом нередко улавливается еще оттенок наказа, совета производителю действия со стороны говорящего лица (особенно в форме 2-го лица обоих чисел). Таким образом, мы и здесь видим некоторый стык-сближение в семантике с формой на *-асы* в азербайджанском языке, легшей там в основу специального наклонения необходимости. Чэ, ол эрээри, Дьаакыап, күрүөҕүн *кытаатыыһыгын*

(СО ТА I 29) 'Ну, тем не менее, Яков, *тебе придется* крепко *позаботиться* (ты уж постарайся) об изгороди'; Оо, доҕоор, бу сааҥ куттал сэп буолбут, *ууратыыһыккын*! (АА СК 50) 'Ой, друг, ружье твое стало уже опасной вещью, *тебе следует его отставить* (ты прекрати им пользоваться)'; Бу курдук киэһэ ахсын кэлэн уу баһарга *тиийиниһиккин* (ХС, 1963, 2, 42) '*Тебе придется* вот так *приходить* каждый вечер и *носить* воду (будешь каждый вечер приходить и носить воду)'; Күбүрүнээтэр, уолгун миэхэ *атыылыыһыккын* (СО 65) 'Губернатор, *тебе придется продать* мне своего парня'.

Притом никакой разницы в семантике между обоими вариантами этого наклонения (*барыыһы/барыыһык*), точно так же, как и между полной и фонетически-стяженной формами второго варианта *буолууһу(к)/буолсу(к)*, мы не обнаруживаем. Это наглядно видно и из приведенных выше примеров.

§ 5. Форма утвердительного наклонения подчас сопровождается усилительно-модальной частицей *дии*, приобретая в таком случае не только оттенок усиления, но и вопроса, а также нежелания, несогласия или прямого отказа от совершения потенциального будущего действия. Хайа, нохуу, биһигини кытта бииргэ *үөрэнииһиккин дии*! (АА КСХ 174) 'Вот оно что парень, а ведь *ты*, оказывается, *будешь учиться* с нами вместе'; Тугу гынарбын эйигиттэн *ыйытыыһыбын дии*! (АФ ТА II 237) 'Выходит, *должна спрашивать* у тебя, что мне делать' (т. е. я не собираюсь у тебя спрашивать, что мне делать); Оччоҕо уһун түүнү быһа итигирдик *иттэ туруууһугун дии*? (НЗ С 52) 'Итак, значит, ты вот так *простоишь всю ночь* и *будешь греться*?' (т. е. нельзя, неправильно так поступать); Аны ол кини куйаарарын иһиллээн, утуйумуна *олоруууһубут дии*! (МД ТА 133) 'Выходит, *мы* еще *должны сидеть*, не засыпая, и слушать его пустые разглагольствования' (т. е. не собираемся сидеть-слушать его).

§ 6. В некоторых контекстах описательная отрицательная форма утвердительного наклонения приобретает оттенок прямого (а при сопровождении некоторых вставочных слов — совершенно категорического) отказа от совершения действий, почти совсем смыкаясь по значению с отрицательной формой настояще-будущего времени изъявительного наклонения.

Өйдөөҕумсүйүмэ, эн курдук, оҕолорбун детсадка

оболотуо суохпун (МД ТА 183) 'Не умничай, *я не собираюсь*, подобно тебе, отдавать своих детей в детсад' (т. е. не отдам). Бэйи тохтоо, хата *төлүө суохпун* (НА СҮө 65) 'Небось, подождешь, только *платить не собираюсь*'; Суох, онно эрэ мин *биэриэ суохпун*! (ВП К 195) 'Нет, уж туда-то *я не отдам*'; Дьэ хайааҥ да, мин туура *барыа суохпун* 'Делайте что угодно, *я* ни за что *не пойду*'.

§ 7. Действия утвердительного наклонения мыслимы в плане будущего времени, как могущие совершиться после момента речи. Но с помощью вспомогательного глагола *э-* (точнее формы прошедшего категорического времени от него) они могут быть также отнесены в плоскость прошедшего времени, подчас сопровождаясь при этом какими-либо модальными словами: Үчүгэйдик көрдөспүт буоллар, кини *барыһы* быһыылаах *этэ* 'Если бы попросили (тогда) его хорошенько, он, кажется, *согласился* (*смог*) *бы пойти*'.

В данном случае из тенденции к совершению действия, заложенной в семантике глагольной формы на *-ыһы*, возникает значение неосуществленности действия, сослагательности или ирреальности.

§ 8. По нашим наблюдениям утвердительное по своей модальной семантике наклонение глагола из живых тюркских языков имеется в одном только якутском языке. Аффикс *-асы* в огузской группе тюркских языков, в частности в азербайджанском языке, создает другое наклонение — наклонение необходимости.

ГЛАВА IV
ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Долженствовательное наклонение в якутском языке из исследователей якутского языка впервые зарегистрировано Л. Н. Харитоновым. Он отметил два способа образования этого наклонения (от основ причастий на *-ар* и *-ыах* с помощью аффикса *-лаах*, к которому прибавляются аффиксы сказуемости). Он привел парадигму спряжения, показал основное значение и употребление этих форм [70].

[70] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 215—218.

§ 2. Собранные нами материалы позволяют согласиться с данными наблюдениями Л. Н. Харитонова. Во временном отношении формы долженствовательного наклонения можно делить на формы настояще-будущего, будущего и прошедшего времен.

1. Настояще-будущее время долженствовательного наклонения

§ 3. Настояще-будущее время долженствовательного наклонения мы представляем в виде формы, образуемой от основы причастия на *-ар* с помощью аффиксов обладания *-лаах* и лица. Или иными словами, в основе его лежит вторичная причастная форма на *-ардаах*, присоединившая к себе аффиксы сказуемости. Спряжение настояще-будущего времени долженствовательного наклонения выглядит следующим образом (на примере глагола бар-).

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барар -даах-пын*	‘я имею, я должен (обязан) идти, пойти’
2 л. *эн барар даах-хын*	‘ты...’
3 л. *кини барар-даах*	‘он...’

Мн. число

1 л. *биһиги барар-даах-пыт*	‘мы...’
2 л. *эһиги барар-даах-хыт*	‘вы...’
3 л. *кинилэр барар-даах-тар*	‘они...’

Отрицательная форма настояще-будущего времени долженствовательного наклонения образуется от отрицательной формы причастия на *-ардаах*, присоединившего к себе аффиксы сказуемости (*барбаттаахпын*, *барбаттаахxын*, *барбаттаах* и т. д.), но она в современном языке почти неупотребительна, находит применение только в особых оборотах речи.

Эн өссө *барардаахxын-барбаттаахxын*, мин эйигин мосуораҕын көннөрүөм, хара ыты (НН ТА 171) ‘Ты еще

должен/не должен идти, я тебя собаку (букв.: черную собаку) проучу как следует'.

§ 4. Нам сдается, что вторичная причастная форма на *-ардаах* в языке возникла в результате грамматикализации сочетания причастия на *-ар*, принявшего аффиксы принадлежности, с модальным словом *баар*. Иными словами, мы допускаем, что форма типа *барардаахпын* могла возникнуть из сочетания типа *барарым баар*. На эту мысль нас наводит полная модально-семантическая идентичность этих форм. Сравните нижеприводимые примеры:

Ыксыыбын: киэһэ бааньыкка *сылдьарым*, таҥас *суунарым* баар 'Тороплюсь: вечером *должна сходить* в баню, постираться'. Кинилэр букатын иллэҥнэрэ суох, бүгүн муус *тиэйэллэрэ*, сарсын мас *кэрдэ тахсаллара баар* 'Им совсем некогда, сегодня *им нужно возить лед*, а завтра *идти рубить* дрова'.

Эти предложения можно перефразировать с полным сохранением их модальной семантики следующим образом:

Ыксыыбын: киэһэ бааньыкка *сылдьардаахпын*, таҥас *суунардаахпын*. Кинилэр букатын иллэҥнэрэ суох, бүгүн муус *тиэйэрдээхтэр*, сарсын мас кэрдэ *тахсардаахтар*.

Можно допустить, что возникшая новая синтетическая форма постепенно стала вытеснять старую аналитическую, чем и можно объяснить преимущественное ее по сравнению со второй употребление в современном языке.

§ 5. Значение настояще-будущего времени долженствовательного наклонения в зависимости от семантики глагольной основы и конкретных условий контекста можно расчленить на два основных оттенка:

1) действие, имеющее быть осуществленным к моменту речи, т. е. в настоящее время, и

2) действие, подлежащее к осуществлению после момента речи, т. е. в будущем. Аны маннык *этэрдээхпин* (ДО К 49) 'Теперь *имею сказать* следующее'; Алла, мин эйигин кытта *кэпсэтэрдээхпин* (АФ ТА I 315) 'Алла, *я имею* с тобой *поговорить*'; Мин прокомбинаттан эрбии *аҕалардаахпын* (ДТ ТА 22) '*Я должен* (*обязан*) *принести* из промкомбината пилу'; Эн бу ыйга төһө *ылардаахxыный*? (АФ ТА П 393) 'Сколько *ты должен получить* за этот месяц?'

Мин киэһэ биир сиргэ *сылдьардаахпын* (НЯ Т П 148) 'Вечером *я должен быть* в одном месте'.

§ 6. Производная причастная форма на *-ардаах*, как вообще любая причастная форма, может выполнять в предложении роль любого члена предложения:

1) Прямого дополнения: Мин эйиэхэ түөрт сыл тухары биир тылы *этэрдээхпин* эппэккэ олус эрэйи көрдүм (ДО К 9) 'Я сильно измучился из-за того, что в течение четырех лет не смог тебе сказать одно слово, *которое я должен был сказать* тебе'.

2) Косвенного дополнения: Варенька куоракка *киирэрдээҕин* туһунан хаһан даҕаны саҥарбат этэ (АФ ТА II 46) 'Варенька никогда не говорила о том, *что она должна поехать в город*'; Саҥа экономическай оройуоҥҥа баар сир баайын *кэпсиирдээҕэр* туох суоҕун ааҕар быдан судургу буолуо этэ (Кыым 8/II—63) '*Чем рассказывать* о недровых богатствах, имеющихся в новом экономическом районе, было бы гораздо проще считать то, что отсутствует (в нем)'; Табыллан бааһырбат уонна өлбөт сыалтан атахха *турардааҕар* буолуох, олорор да олус кутталлаах этэ (ИС ССТ 175, 176) 'Чтобы не быть раненым и убитым, было весьма опасно *не только стоять на ногах*, но и сидеть'.

3) Определения:

Ылардаах дьон ааһан иһиҥ! '*Получающие* люди, проходите (не задерживайтесь!)'.

4) Подлежащего: Бары барыта киниттэн тутулуктаах: *үҥсүүлээх, ыйытардаах күн аайы әссэ эбиллэн иһэр* (АС ДьХ 183) 'Буквально все зависит от него: число жалующихся, *имеющих вопросы* растет изо дня в день'.

Можно отметить случаи полной субстантивации причастия на *-ардаах* + аффикса сказуемости и выступления его в качестве имени.

Мин дьоллооххпун: мин *таптыырдаахпын* (СО ТА I 497). 'Я счастлив: *я имею любимого* (у меня есть что (кого) любить)'; Ийэ, биһиги *аһыырдаахпыт* (ЭЭ МЫ 205) 'Мама, *мы имеем что кушать* (у нас есть кушанье)'.

2. Будущее время должженствовательного наклонения

§ 7. Будущее время долженствовательного наклонения образуется от основы вторичного причастия на *-ыахтаах* (образованного в свою очередь путем присоединения к основе первичного причастия на *-ыах* аффикса обладания *-лаах*) и аффиксов сказуемости.

Спряжение его выглядит следующим образом (на примере глагола *бар-*).

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барыах-таах-пын* ‘я должен, (обязан), мне предстоит идти, пойти’
2 л. *эн барыах-таах-хын* ‘ты ...’
3 л. *кини барыах-таах* ‘он ...’

Мн. число

1 л. *биһиги барыах-таах-пыт* ‘мы должны (обязаны), нам предстоит идти, пойти’
2 л. *эһиги барыах-таах-хыт* ‘вы...’
3 л. *кинилэр барыах-таах-тар* ‘они...’

Отрицательное спряжение по схеме должно было бы производиться от отрицательной основы причастия на *-ыахтаах*, т. е. от *-ымыахтаах*, но практически в языке образуемая таким образом форма ныне неупотребительна, она изредка встречается только в особых оборотах речи.

Отрицательное спряжение будущего времени долженствовательного наклонения в современном якутском языке производится обычно аналитическим путем — сочетанием стяженной формы причастия на *-ыах* и формы долженствования от имени отрицания *суох*.

Ед. число

1 л. *мин барыа суох-таах-пын* ‘я не должен (не обязан) идти, пойти’
2 л. *эн барыа суох-таах-хын* ‘ты...’
3 л. *кини барыа суох-таах* ‘он...’

Мн. число

1 л. *биһиги барыа суох-таах-пыт* ‘мы...’
2 л. *эһиги барыа суох-таах-хыт* ‘вы...’
3 л. *кинилэр барыа суох-таах-тар* ‘они...’

Мы предполагаем, что и данная форма, подобно предыдущей, возникла в результате «синтетизации» или грам-

матического преобразования сочетания типа *-ыаҕым баар* в форму типа *-ыахтаахпын*.

Ср. примеры: Тиэтэйбин, мантан киэһэ дьэксэ от *тиэйиэҕим* (*тиэйиэм*) *баар* и Тиэтэйэбин, мантан киэһэ дьэксэ от *тиэйиэхтээхпин* 'Тороплюсь, до вечера *я* еще сена *должен привезти*'.

§ 8. Будущее время долженствовательного наклонения служит для обозначения действий, долженствующих, подлежащих быть совершенными после момента речи, т. е. в будущем.

В сознании говорящего лица необходимость этих предстоящих действий носит категорический характер: они должны быть совершены в обязательном порядке. Бу хаптаһыннартан учууталга дьааһык *оҥоруохтаахпын* (АС КБ 4) 'Из этих досок *я должен сделать* ящик для учителя'; Туох булбут түүлээххин миэхэ аҕалан *биэриэхтээххин* (К ТА 216) 'Всю добытую пушнину *ты обязан сдать* мне'. Куораппыт оборонатын өссө учугэйдик *бөбөргөтүөхтээхпит* (АС КС 11) 'Оборону города *мы обязаны* (нам необходимо, нужно, надо) еще более *укрепить*'; Алдан өруһуттэн көмүһу булбуккун кимиэхэ да *кэпсиэ суохтааххын* (НЯ КҮ 48) 'О том, что ты нашел золото на реке Алдане, *ты должен* никому *не говорить*'; Улуу революция дьылҕата быһаарыллар кэмигэр эһиги туора *туруо суохтааххыт* (АФ ТА П 176) 'Во времена, когда решается судьба великой революции, *вы не можете стоять* в стороне'.

§ 9. Будущее время долженствовательного наклонения в якутском языке имеет свои аналитические дублеты. Первый из них представляет собой сочетание причастия на *-ыах* с модальным словом *туспаах* (имя *тус* 'долг, обязанность' [71] + аффикс *-лаах*). Его спряжение выглядит следующим образом.

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *мин... -ыах тус таах-пын*	*биһиги... -ыах тус-таах-пыт*
2 л. *эн-ыах тус-таах-хын*	*эһиги...-ыах тус-таах-хыт*
3 л. *кини... -ыах тус-таах*	*кинилэр... -ыах тус-таах-тар*

[71] Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка, ст. 2854.

Отрицательное спряжение данного аналитического варианта будущего времени долженствовательного наклонения производится посредством сочетания стяженной формы причастия на *-ыах*, имени отрицания *суох* и имени *тус*, принявшим аффиксы *-лаах* и сказуемости.

	Ед. число	Мн. число
1 л.	*мин... ыа суох тустаахпын*	*биһиги... -ыа суох тустаахпыт*
2 л.	*эн... -ыа суох тустаахxын*	*эһиги... ыа суох тустаахxыт*
3 л.	*кини... -ыа суох тустаах*	*кинилэр...-ыа суох тустаахтар*

Примечания. 1) В языке встречается менее употребительная отрицательная форма данного времени, которая образуется сочетанием причастия на *-ыах* с именем *тус*, принявшим аффиксы принадлежности, и именем отрицания *суох* в неизменной форме:

	Ед. число	Мн. число
1. л.	*мин... -ыах туһум суох*	*биһиги... -ыах туспут суох*
2. л.	*эн... -ыах туһуҥ суох*	*эһиги... -ыах тускут суох*
3. л.	*кини... -ыах туһа суох*	*кинилэр...- ыах тустара суох.*

Ларион хайдах да Кэчэни илдьит *ыытыах туһа суох* (АФ ТА II 307) 'Ларион никак *не должен послать* Катю в качестве гонца'; Шура буочара буолбатах, кини эригэр *суруйтарыах туһа суох* (ДО К 55) 'Это не Шурин почерк, она *не должна заставить* мужа написать'; Ону биһиги олохтооботохпут, онон биһиги *көтүрүөх да тускут суох* (АА СК 230) 'Не мы это устанавливали, поэтому и *не мы обязаны* это отменять'.

2) Имеется еще менее употребительная в современном языке отрицательная форма этого аналитического варианта долженствовательного наклонения, которая производится сочетанием отрицательной формы причастия на *-ыах* и имени *тус* в долженствовательной форме (*-ымыах тустаахпын*, *-ымыах тустаахxын*, *-ымыах тустаах* и т. д.).

Приведенная аналитическая форма по своему модальному значению полностью совпадает с синтетической формой будущего времени долженствовательного наклонения, т. е. она служит для выражения действий, долженствующих, подлежащих быть совершенными в будущем (после момента речи). Онон мин кинилэри *эккирэтиэх тустаахпын* (НЯ КҮ 149) 'Таким образом, *я* их *должен преследовать*'; улэһит-хамначчыт былааһын улуус-улуус, нэһилиэк-нэһилиэк аайы *олохтуох тустаахпыт* (ПО А III 269) 'Рабоче-крестьянскую власть *мы обязаны установ-*

вить в каждом улусе, в каждом наслеге'; Бэйэᵹит айар дьоᵹургутун *сайыннарыах тустааххыт* (АФ ТА I 144) '*Вы должны развивать* свои творческие способности'; ...Оᵹолор улахан дьон дьыалаларыгар *булкуhуо суох тустаахтар* (АА СК 433) 'Дети *не должны вмешиваться* в дела взрослых'.

Следует отметить, что в современном якутском языке имя *тус* утратило способность самостоятельного употребления в значении 'долг, обязанность'. Так, например, нельзя сказать: *мин туhум үчүгэйдик үөрэнии* 'моя обязанность — хорошо учиться' или *эн туhуҥ — дьоҥҥун иитии* 'твой долг — воспитывать родных'.

Сочетаясь с причастием на *-ыах* и принимая форму долженствования, т. е. присоединяя к себе аффикс *-лаах* по модели основной синтетической формы будущего времени долженствовательного наклонения, оно ныне выступает как «оглаголившаяся» форма, по существу выполняющая функцию глагольного аффикса. Вот почему мы сочли возможным рассмотреть данную аналитическую форму в качестве аналитического синонима будущего времени долженствовательного наклонения.

Совершенно аналогично и по структуре и функционально описанному варианту будущего времени долженствовательного наклонения сочетание причастия на *-ыах* с модальным словом *кэриҥнээх* (имя *кэриҥ* 'долг, обязанность'[72] + аффикс обладания *-лаах*), присоединившим к себе аффиксы сказуемости.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин... -ыах кэриҥ -нээх-пин*
2 л. *эн... -ыах кэриҥ-нээх-хин*
3 л. *кини... -ыах кэриҥ-нээх*

Мн. число

1 л. *биhиги... -ыах кэриҥ-нээх-пит*
2 л. *эhиги...-ыах кэриҥ-нээх-хит*
3 л. *кинилэр... -ыах кэриҥ-нээх-тэр*

[72] Э. К. Пекарский. Указ. соч., ст. 1055.

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин... -ыа суох кэриҥ-нээх-пин*
2 л. *эн... -ыа суох кэриҥ-нээх-хин*
3 л. *кини... -ыа суох кэриҥ-нээх*

Мн. число

1 л. *биһиги... -ыа суох кэриҥ-нээх-пит*
2 л. *эһиги... -ыа суох кэриҥ-нээх-хит*
3 л. *кинилэр... -ыа суох кэриҥ-нээх-тэр*

Модальная семантика данного аналитического варианта полностью совпадает с модальным значением предыдущего варианта, что обусловлено семантической синонимичностью самих исходных форм — слов *тус* и *кэриҥ*, т. е. им передается устанавливаемый говорящим лицом долженствовательный характер предстоящих действий. Мин эппиппин *толоруох кэриҥнээххин* (МЕ ТК 13) 'Сказанное мною *ты должен выполнить*'; Аҕыйах хонук иһигэр сүөһү кыстыгын булгуччу *хааччыйыах кэриҥнээхпит* (АФ ТА 210) 'В ближайшие дни *мы* категорически *обязаны обеспечить* зимовку скота'; Эн итинник *быһыыланыа суох кэриҥнээххин* '*Ты не должен так себя вести*'.

Поэтому мы и данное сочетание считаем обоснованным рассмотреть в качестве второго аналитического синонима будущего времени долженствовательного наклонения. Именно полным совпадением значений всех описанных выше форм объясняется их смешанное (одновременное) употребление в языке. Нами ниже приводится пример из речи одного из персонажей пьесы Кюндэ «Те годы», состоящий из трех предложений, в первом из которых автор употребляет первый, во втором — второй, а в третьем — третий варианты этого времени долженствовательного наклонения. Ханна түбэһэринэн, ханан сатанарынан бассабык баранаактары *өлөртөөн-өһөттөөн иһиэхтээхпит*. Бассабыктары кытта бэйэбит соһотох хаалыахпытыгардиэри *өлөрсүөх тустаахпыт*. Бэйэбит соҕотох хаалан баран, бассабыктары кытта ытыспытынан *өлүөх кэриҥнээхпит* (К ТА 295) 'Где только можно, как только можно, мы должны убивать большевистских варнаков. Мы с большевиками *должны биться* до тех пор, пока не останемся одни. Оставаясь до одного, *мы должны погибнуть*, отстреливаясь от них'.

§ 10. Вторичная причастная форма на -ыахтаах способна изменяться по падежам и выступать в функции тех или иных членов предложения. Так, нами зарегистрированы случаи их употребления в форме основного, винительного, дательного, орудного, сравнительного падежей простого склонения, а также основного, винительного и дательного падежей притяжательного склонения и соответственно выполнение в предложении функций:

1) Определения: Маруся, эн биһикки *олоруохтаах* дьиэбит бу баар (ЭЭ МЫ 204) 'Маруся, дом, *в котором мы* с тобой должны жить, вот он'; Биһиги иннибитигэр бүгүн иккис сменаҕа *үлэлиэхтээх* бастакы бригадэ маастара Иванов олорор (Кыым 14/V 63) 'Перед нами сидит *должный* сегодня *работать* во вторую смену мастер первой бригады Иванов'.

2) Прямого дополнения: Онуоха эн тоҕо *кыыһырыахтаахтын* мин сатаан өйдөөбөтүм ээ (АА КСХ 150) 'Я что-то не понял, *почему ты должен на это сердиться*'; Онон, өрүсүһэн, *туох кистэниэхтээби* барытын кистии охсуохха наада (ЭЭ МЫ 11) 'Таким образом, надо немедля успеть спрятать *все, что нужно прятать*'.

3) Косвенного дополнения: Оттон мантан инники турар айан ыала да хойуутунан уонна өстөөхтөр тоҕуоруйбут да *буолуохтаахтарынан* ордук кутталлаах этэ (ЭЭ МЫ 161) 'Было особенно опасно из-за густоты (букв.: и густотой) жителей на начинающейся отсюда трактовой дороге и *из-за возможного скопления* (букв.: возможным скоплением) противника'; Ону электричество күүһүнэн туһанан, центробежнай насоһунан, оҕуруот сирин уунан *ыгыттыоххтаахтар*, эмиэ электромоторунан оборторон, ардах туһэрэр установканан сонуогу *сиигирдиэхтээхтэр*, көрөбүн (МД АЛ 162) 'Это я вижу *в том, что ты должен* центробежным насосом, используя силу электричества, *поливать* огородные участки, также при помощи электромотора дождевальной установкой орошать пашни'.

4) Обстоятельств: .. Баҕыыр суруксут мээлэ *олоруохтаабар* бэйэтэ дьыалаҕа сыһыаннааҕын көрдөрө таарыйа, ханнык-эрэ суругу ылан ааҕа олордо (ЭЭ МЫ 125) 'Писарь Багыр, *чтобы не сидеть* зря (букв.: вместо своего зряшнего сидения), кстати, показывая свою причастность к делу, достал и стал читать какой-то документ' (обстоятельство причины); Тускаев этэрин *тохтотуохтаабар*

өссө ордук үлүһүйэн барбыта (ЭЭ МЫ 18) 'Тускаев вместо того, *чтобы остановить* (букв.: вместо прекращения) свое выступление, распалялся еще более'.

5) Подлежащего (при присоединении аффикса принадлежности). Микиитэ хайдах *көрдөһүөхтээбэ* биллибэт (АА СК 5) 'Неизвестно, *как* Никита *должен просить*'; Кини *оҥоруохтааба*, *үлэлиэхтээбэ*, *ситэриэхтээбэ*, оо, өссө да үгүс! (СД МЭК 141). 'О, теперь много того, *что он должен делать*, *работать*, *завершить*!'

§ 11. Форма будущего времени долженствовательного наклонения на *-ыахтаах* от глагола *буол-* (т. е. *буолуохтаах*) ныне в языке употребляется в качестве модально-вводного слова со значением 'надо полагать', 'наверное', 'видимо', 'должно быть'. Кинилэргэ Адычча уола сылдьыһар *буолуохтаах* (НЯ КҮ 103) 'У них, *наверное*, бывает сын Адычи'; Толкуйдаан-дуумайдаан көрдөхпүнэ, эн иккис өлөн тиллиигин тилиннэҕин *буолуохтаах* (ПО А II 112) 'Как я понимаю, тебя, *видимо*, следует считать вторично воскресшим из мертвых'; Сайын манна оттообут *буолуохтаахтар* (НЗ УС 51) '*Надо полагать*, что летом они косили сено здесь'; Тракторист кыайан ырааппатах *буолуохтаах* (СД МЭК 72) 'Тракторист, *вероятно*, не мог далеко уйти'.

3. Прошедшее время долженствовательного наклонения

§ 12. С помощью спрягаемой формы недостаточного глагола *э-* действия долженствовательного наклонения могут переноситься в плоскость прошедшего времени.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барардаах*, *барыахтаах этим*
2 л. *эн барардаах*, *барыахтаах этиҥ*
3 л. *кини барардаах*, *барыахтаах этэ*

Мн. число

1 л. *биһиги барардаах*,	*барыахтаах*	*этибит*
2 л. *эһиги* »	»	*этигит*
3 л. *кинилэр* »	»	*этилэр*

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин барбаттаах, барымыахтаах, барыа суохтаах этим*
2 л. *эн* » » » » *этиҥ*
3 л. *кини* » » » » *этэ*

Мн. число

1 л. *биһиги барбаттаах, барымыахтаах, барыа суохтаах этибит*
2 л. *эһиги* » » » » *этигит*
3 л. *кинилэр* » » » » *этилэр*

Примечание. В некоторых говорах языка личные аффиксы принимают причастные формы, глагол же *э-* остается без изменения, иначе говоря, спряжение производится по схеме: *мин барардаахпын, барыахтаахпын этэ, эн барардаахxын, барыахтаахxын этэ* и т. д. или: *барбаттаахпын, барымыахтаахпын, барыа суохтаахпын этэ, барбаттаахxын, барымыахтаахxын, барыа суохтаахxын этэ* и т. д. Бу сырыыга мин *барбаттаах (барымыахтаах) этим*, ону баара атаҕастаан ыыттылар 'На сей раз *я не должен был идти*, а вот они несправедливо меня направили'; Эһиги *кэлбэттээх (кэлимиэхтээх) этигит*, бэйэҕит былдьаһан кэлбиккит '*Вы не должны (не обязаны) были прийти*, сами напросились прийти'.

§ 13. Прошедшее время глаголов долженствовательного наклонения, как и некоторые другие формы прошедшего времени якутского языка, образуемые при помощи вспомогательного глагола *э-*, по всем трем лицам единственного числа и 3-му лицу множественного числа имеет стяженный вариант.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барардааҕым, барыахтааҕым*	'я должен (обязан) был идти, пойти'
2 л. *эн барардааҕыҥ, барыахтааҕыҥ*	'ты...'
3 л. *кини барардааҕа, барыахтааҕа*	'он...'

Мн. число

3. л. *кинилэр барардаахтара, барыахтаахтара*	'они...'

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин барбаттааҕым, барымыахтааҕым, барыа суохтааҕым*	'я не должен (не обязан) был идти, пойти'
2 л. *эн барбаттааҕыҥ, барымыахтааҕыҥ, барыа суохтааҕыҥ*	'ты...'
3 л. *кини барбаттааҕа, барымыахтааҕа, барыа суохтааҕа*	'он...'

Аналогичным образом в прошедшее время могут быть отнесены аналитические варианты долженствовательного наклонения: *барыах тустаах* (*барыа суох тустаах*) *этим*, *барыах кэриҥнээх* (*барыа суох кэриҥнээх*) *этим* и т. д., а также: *барыах тустааҕым*, *барыа суох тустааҕым*, *барыах кэриҥнээҕим*, *барыа суох кэриҥнээҕим* и т. д.

§ 14. Прошедшее время долженствовательного наклонения в своем значении содержит синтез двух понятий: 1) необходимость, предрешенность действия (т. е. значение долженствовательного наклонения); 2) отнесенность действия к прошлому (значение прошедшего времени), т. е. оно передает действия, долженствовавшие или не долженствовавшие быть совершенными в прошлом. Татьяна Петровна, мин эһигиттэн бииргэ *көрдөһөрдөөх этим*, ону сатаан эппэтэҕим (АС ДъХ 85) 'Татьяна Петровна, *я имел* от Вас *просить* об одном деле, но не сумел это высказать'; Кини ол күн оскуолатыгар *барардааҕа*. '*Он* в тот день *должен был идти* в школу'; Кинини кытта өссө элбэҕи *кэпсэтиэхтээх этим* (ЭЭ ТА 204) 'С ним *я должен был* еще о многом *поговорить*'; Ким-эрэ итирбит буоллаҕына, кинилэр *тутуохтаахтар*, *хаайыахтаахтар*, *баайсыахтаахтар этэ* (НЯ Та 75) 'Если бы кто-нибудь оказался пьяным, *они должны были задержать*, *арестовать*, *привязаться* к нему'.

§ 15. Глаголы долженствовательного наклонения могут сочетаться с формой *эбит* — исторически формой прошедшего результативного времени от глагола *э-*. Но данное сочетание не дает особой формы прошедшего времени долженствовательного наклонения, а является модальной формой долженствования, поскольку форма *эбит*, утратив свое прямое значение, воспринимается в современном языке как модальное слово со значением 'оказывается': Иванов бүгүн ферма дояркаларыгар доклад *оҥоруохтаах* эбит

'Иванов сегодня, *оказывается*, *должен* (*обязан*) *прочитать* доклад для доярок фермы'.

В несколько ином плане стоит сочетание глаголов долженствовательного наклонения с формой *эбитэ*-формой прошедшего повествовательного времени от глагола *э*-. Здесь мы имеем дело с постепенно отмирающей, преобразующейся в форму модальности последующего обнаружения действия временной формой, которая, наряду с указанным модальным значением еще способна относить действия в плоскость прошедшего, т. е. образовывать прошедшее время. «Сардаҥа» колхоз уон тыһыынчалаах булду *бултуурдаах эбитэ*. 'Колхоз «Заря» *должен* (*обязан*) *был*, *оказывается*, добыть пушнины на десять тысяч рублей'; Сирийэн билбиппит, дьоммут ол күн куоракка *киириэхтээх эбиттэрэ* 'Когда мы разузнали поближе, *оказалось*, что они в тот же день *должны были ехать* в город'.

§ 16. В заключение следует сказать, что долженствовательное наклонение в якутском языке, хотя по значению и совпадает с долженствовательным наклонением тюркских языков, имеющих это наклонение (башкирский, турецкий и др.), но оформляется оно иным образом. Оно представляет собой форму, возникшую на собственно якутской почве, а не является единой для всех или для группы языков общетюркской формой.

ГЛАВА V

НАКЛОНЕНИЕ ОБЫЧНО СОВЕРШАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ

§ 1. В якутоведческой литературе форма на *-ааччы* до последнего времени воспринималась только как именная. Так, Бетлингк считал, что «глагольное имя на *-ааччы* является всегда только именем деятеля и употребляется как в значении прилагательного в соединении с существительным, так и в значении существительного» [73].

Д. И. Хитров считал форму на *-ааччы* отглагольным именем [74], Н. Н. Поппе — именем деятеля [75]. Л. Н. Ха-

[73] O. Bötlingk. Ueber die Sprachen der Jakuten, § 722.
[74] Д. И. Хитров. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858, стр. 121.
[75] Н. Н. Поппе. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926, стр. 67.

ритонов также интерпретирует аффикс *-аччы* только как аффикс, образующий имена существительные, обозначающие название действующего лица (*суруйааччы* — писатель, *билээччи* — знаток и т. д.)[76]. Е. И. Убрятова, на материале языка норильских долган впервые заметила, что причастием на *-аччы*, принявшим аффиксы сказуемости, передается обычно выполняемое действие, т. е. она первой обратила внимание на то, что данная форма выполняет функцию глагольного наклонения[77].

Собранный нами материал якутского языка позволяет полностью согласиться с такой точкой зрения Е. И. Убрятовой. Налицо все основания выделить форму на *-аччы* в качестве одного из наклонений глагола в якутском языке, в качестве наклонения обычно совершаемого действия в частности.

1. Спряжение формы

§ 2. Названное наклонение в якутском языке нами наблюдено в двух вариантах, образуемых присоединением к основе глагола в одном случае аффикса *-аччы*/*-ччы*, в другом случае аффикса *-ааччык*/*-ччык* с их фонетическими вариантами. Притом аффиксы *-аччы* и *-ааччык* с вариантами следуют после основ, оканчивающихся на согласные (*бар-аччы* — *бар-ааччык*, *кэл-ээччи* — *кэл-ээччик*, а аффиксы *-ччы* и *-ччык* (с их фонетическими вариантами) следуют после основ, оканчивающихся на гласные и дифтонги (*ытаа-ччы* — *ытааччык*, *эттээ-ччи* — *эттээ-ччик*, *сиэ-ччи* — *сиэ-ччик*).

Спряжение наклонения обычно совершаемого действия в якутском языке нам представляется следующим образом.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-ааччы-бын*, *бар-ааччык-пын*	‘я обычно (по обыкновению) хожу (иду)’
» » *ыллаа-ччы-бын*,	‘я ... пою’

[76] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 99.

[77] Е. И. Убрятова. Язык норильских долган (тезисы диссертации). Р/Ф ЯФ СО АН СССР, фонд. № 5, оп. № 4, ед. хр. 167, стр. 28.

ыллаа-ччык-пын	'я ... говорю'
» *диэ-ччи-бин, диэ-ччик-пин*	
2 л. *эн бар-ааччы-гын, бар-ааччык-кын*	'ты ... ходишь (идешь)'
» » *ыллаа-ччы-гын, ыллаа-ччык-кын*	'ты ... поешь'
» » *диэ-ччи-гин, диэ-ччик-кин*	'ты ... говоришь'
3 л. *кини бар-ааччы, бар-ааччык*	'он ... ходит (идет)'
» *ыллаа-ччы, ыллаа-ччык*	'он... поет'
» *диэ-ччи, диэ-ччик*	'он... говорит'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-ааччы-быт, бар-ааччык-пыт*	'мы обычно (по обыкновению) ходим идем)'.
» *ыллаа-ччы-быт, ыллаа-ччык-пыт*	'мы ... поем'
» *диэ-ччи-бит, диэ-ччик-пит*	'мы ... говорим'
2 л. *эһиги бар-ааччы-гыт, бар-ааччык-кыт*	'вы ... ходите (идете)'
» *ыллаа-ччы-гыт, ыллаа-ччык-кыт*	'вы ... поете'
» *диэ-ччи-гит, диэ-ччик-кит*	'вы ... говорите'
3 л. *кинилэр бар-ааччы-лар, бар-ааччык-тар*	'они ... ходят (идут)'
» *ыллаа-ччы-лар, ыллаа-ччык-тар*	'они ... поют'
» *диэччи-лэр, диэ-ччик-тэр*	'они ... говорят'

В отдельных говорах якутского языка долгая гласная основ глагола может заменяться дифтонгом и соответственно наклонение обычности оформляться через дифтонг (например, *кэпсиэ* вместо *кэпсээ*, отсюда *кэпсиэччи*, *мөлтүө* вместо *мөлтөө* — *мөлтүөччүбүт*).

Отрицательная форма спряжения наклонения обычно совершаемого действия образуется описательным путем — сочетанием причастия на *-ааччы/-ччы*, *-ааччык/-ччык*, принявшего аффиксы принадлежности, и имени отрицания *суох*.

Ед. число

1 л. *мин бар-ааччы-м суох, бар-ааччыг-ым суох* 'я обычно (по обыкновению) не хожу (не иду)'
» *ыллаа-ччы-м суох, ыллаа-ччыг-ым суох* 'я ... не пою'
» *диэ-ччи-м суох, диэ-ччиг-им суох* 'я ... не говорю'

2 л. *эн бар-ааччы-ҥ суох, бар-ааччыг-ыҥ суох* 'ты ... не ходишь (не идешь)'
» *ыллаа-ччы-ҥ суох, ыллаа -ччыг-ыҥ суох* 'ты ... не поешь'
» *диэ-ччи-ҥ суох, диэ-ччиг-иҥ-суох* 'ты ... не говоришь'

3 л. *кини бар-ааччы-та суох, бар-ааччыг-а суох* 'он ... не ходит (не идет)'
» *ыллаа-ччы-та суох, ыллаа-ччыг-а суох* 'он ... не поет'
» *диэ-ччи-тэ суох, диэ-ччиг-э суох* 'он не говорит'

Мн. число

1 л. *биһиги бар-ааччы-быт суох, бар-ааччык-пыт суох* 'мы обычно (по обыкновению) не ходим (не идем)'
» *ыллаа-ччы-быт суох, ыллаа-ччык-пыт суох* 'мы ... не поем'
» *диэ-ччи-бит суох, диэ-ччик-пит суох* 'мы ... не говорим'

2 л. *эһиги бар-ааччы-гыт суох, бар-ааччык-кыт суох* 'вы... не ходите (не идете)'
» *ыллаа-ччы-гыт суох, ыллаа-ччык-кыт суох* 'вы ... не поете'
» *диэ-ччи-гит суох, диэ-ччик-кит суох* 'вы ... не говорите'

3 л. *кинилэр бар-ааччы-лара суох, бар-ааччык-тара суох* 'они ... не ходят (не идут)'
» *ыллаа-ччы-лара суох, ыллаа-ччык-тара суох* 'они ... не поют'
» *диэ-ччи-лэрэ суох, диэ-ччиктэрэ суох* 'они ... не говорят'

Наряду с этим отрицательное спряжение этого наклонения может производиться от формы 3-го лица единствен-

ного числа основного глагола и имени отрицания *суох*, принявшего в данном случае аффиксы сказуемости.

Ед. число

1 л.	*мин*	*барааччыта,*	*ылааччыта,*	*диэччитэ*	*суохпун*
2 л.	*эн*	»	»	»	*суоххун*
3 л.	*кини*	»	»	»	*суох*

Мн. число

1 л.	*биһиги*	*барааччыта,*	*ылааччыта,*	*диэччитэ*	*суохпут*
2 л.	*эһиги*	»	»	»	*суоххут*
3 л.	*кинилэр*	»	»	»	*суохтар*

В современном якутском языке преимущественно употребителен и принят за литературную норму первый из приведенных нами вариантов.

2. Происхождение и значение формы

§ 3. Аффиксы *-ааччы* и *-ааччык* являются фонетическими вариантами одной и той же причастной формы, имеющей свои параллели и в некоторых других тюркских языках северо-восточной группы (ср. тувинское причастие на *-ааччы/-ааччы, -кчы/-ыкчы*[78], хакасское причастие на *-ааччы/-еечі*)[79]. Однако в этих языках данное причастие выступает только в одном фонетическом варианте без конечного *к*. Притом оно в них рассматривается как форма, утратившая глагольные признаки и полностью перешедшая в разряд имен прилагательных и существительных, обозначающих действие в качестве постоянного признака предмета, а также наименование деятеля (действующего лица); *бижээчи* (тув.) — постоянно пишущий, тот, кому свойственно писать, писать, *ажылдакчы* (тув.) — работающий, работник, *хысхыраачы* (хак.) — крикун, человек, любящий кричать, человек, который постоянно кричит.

В отличие от этих языков в якутском языке причастие на *-ааччы/-ааччык* полностью сохранило свое глагольное значение и легло в основу наклонения обычности.

[78] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 313.

[79] А. И. Инкижекова-Грекул. Причастия в хакасском языке. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 116.

Акад. Бетлингк предполагал, что причастие (по его терминологии имя деятеля) на *-ааччы*, по всей вероятности, произошло от имени действия на *-ыы* [80]. Д. И. Хитров находил, что «действующие имена образуются из настоящего деепричастия, переменяя *-н* на *-ччы/-ччи*» [81]. Акад. Радлов, наоборот, выводил эту причастную форму из деепричастия на *-а* [82]. Бетлингк заметил и вариантность аффикса *-ааччы*, т. е. употребление его в виде *-ааччык*. Считая *к* поздним наращением к нему, он допускал следующее предположение о возникновении последнего: «Имя деятеля, которое обычно кончается ни *-ā̆ччы*, *-ǟччі*, *-ōччу*, *-ȫччӱ*, имеет иногда в катехизисе еще *к* в конце, форму, которую Уваровский допускает в нескольких случаях. Я полагаю, что *к* здесь не старого происхождения, но заимствован из русского аффикса *-чик* или *-щик* (напр. *разнощик* от *разнос*, *извощик* от *извоз*, *ямщик* от *ям*). Русские в свою очередь заимствовали этот аффикс от монголов (Ц) или татар چى и присоединили к нему *к* как в слове *бирюк* от بورى потому, что в конце имени *к* не подходит по звуковой структуре языка» [83].

Вариатность аффикса *-ааччы*, в частности, его параллельную форму *-ааччык* заметил и Радлов, который находил, что ее нет ни в одном из тюркских языков и поэтому высказал мнение, что она могла возникнуть, видимо, на собственно якутской почве» [84].

Между прочим, аналогичную вариантность показывают и формы некоторых других глагольных наклонений в якутском языке. Как мы уже выше отметили, утвердительное наклонение оформляется с помощью как аффикса *-ыһы*, так и аффикса *-ыһык* с их фонетическими вариациями, возможное наклонение оформляется с помощью аффиксов *-аайа* и *-аайык* с фонетическими вариантами.

Это явление заставляет нас полагать, что в основе фонетической вариантности указанных наклонений лежит одна причина, которая нами сегодня, к сожалению, не может быть постигнута и ждет своего объяснения исследо-

[80] O. B ö h t l i n g k. Указ. соч., § 723.

[81] Д. И. Х и т р о в. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858, стр. 121.

[82] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff, 1908, стр. 50.

[83] O. B ö h t l i n g k. Указ. соч., § 224.

[84] W. R a d l o f f. Указ. соч., стр. 50.

вателями в будущем. Что же касается происхождения самой формы рассматриваемого наклонения, то мы склонны ее выводить из сочетания причастия на *-ар* и аффикса *-чы* (*барар* + *-чы* ~ *барааччы* ~ *барааччык*).

В пользу такого предположения говорит большая семантическая близость форм *-ар* и *-ааччы*. Причастие на *-ар* в якутском языке, как известно, лежит в основе настояще-будущего времени изъявительного наклонения. Но это не значит, что оно служит только для передачи действий в аспекте настоящего или будущего времени. Оно не в меньшей степени употребляется для передачи действий, происходящих вообще, всегда, постоянно. То же самое модальное значение наклонения обычности, создаваемого с помощью аффикса *-ааччы*/*-ааччык*, состоит в том, что им передаются действия, совершающиеся с точки зрения говорящего лица обычно, регулярно, более или менее постоянно в силу проявления имманентных самому субъекту свойств, постоянной способности, склонности, пристрастия к совершению действия.

Эту близость значений, создаваемых формами на *-ар* и *-ааччы*, можно увидеть на нижеприводимых примерах. Үлэни *абааһы көрөөччүбүн* (АА ПУо 123) '*Я не люблю* работу' (т. е. здесь подчеркивается прежде всего, что нежелание работать, леность являются присущими субъекту постоянными качествами); Кини ыраах уобаласка баар аймахтарытан хам-тум сурук *тутааччы* (АФ ТА I 296) '*Он* от родственников, живущих в далекой области, изредка *получает* письма' (это — обычное явление); Хаар кыһын *түһээччи* 'Снег *бывает* (*идет*) зимой' (такова его природа).

Приведенные примеры с полным успехом, т. е. с сохранением указанного оттенка значений, можно перефразировать следующим образом: үлэни *абааһы көрөбүн* '*Я не люблю* работу (работать)'; Кини ыраах уобаласка баар аймахтарыттан хам-тум сурук *тутар* '*Он* от родственников, живущих в далекой области, изредка *получает* письма'; Хаар кыһын *түһэр* 'Снег *идет* зимой'.

В приведенных примерах значение форм почти адекватное, с той разве еле уловимой разницей, что в первых случаях, т. е. при оформлении предложений аффиксом *-ааччы*, постоянный характер происходящих действий акцентируется чуть сильнее и определеннее, нежели во вторых случаях, где примеры оформлены с помощью

аффикса *-ар*. Наше предположение о возникновении формы на *-аччы* из формы на *-ар* путем присоединения к последней аффикса *-чы* не ставит, нам кажется, затруднений в допущении его возможности и с фонетической стороны.

Сказанное заставляет нас не примкнуть в этом вопросе ни к одной из вышеуказанных гипотез якутоведов о происхождении формы на *-аччы*/*-аччык*.

Ниже даем ряд примеров, извлеченных из произведений современной якутской художественной литературы на употребление глаголов наклонения обычно совершаемого действия в положительном и отрицательном аспектах спряжения. Мин... ким үлэҕэ дьоҕура суоҕун өтө *билээччибин* (АФ ТА I 261) '*Я обычно* сразу *узнаю*, кто не способен к работе'; Ийэлэр, биһиги, оҕону араастаан *иитээччибит* (МД ТА 205) '*Мы*, матери, *обычно* по-разному *воспитываем* детей'; Кини киэһэ мөссүйүҥҥэ *киирээччи* (АА СК 116) '*Он, как правило*, каждый вечер *заходит* в пансион'; Тылтан тыл төрөөн, кэпсээтэххэ *уһаан-кэҥээн бараааччык* (ХС, 1962, 3, 114) 'Слово за словом, и если разговориться, разговор *обычно затягивается*'; ...биир-икки хонукка хоргуйары *тулуйааччыкпыт* (АС ТА II 88) 'Одно- двухдневное голодание *мы обычно выдерживаем*'; Мин биирдэ көрбүппүн *умнааччым*, *алҕаһааччым суох* (ХС, 1960, 2, 78) '*Я* раз мною виденное *обычно не забываю* (в этом) *не ошибаюсь*'; Ээ, биһиги Саха театрыгар *сылдьааччыбыт суох* (ХС, 1963, 2, 47) 'Э, в Якутский театр *мы обычно не ходим*'; Кини үөрбүтэ-хомойбута, омос көрдөххө, *биллээччитэ суох* (АС КБ 30) 'Его радость или печаль, на первый взгляд, *обычно не бывает заметна*'; Коммунистар бэйэлэрин итэҕэстэрин, алҕастарын хаһан да норуоттан *кистээччилэрэ суох* (АФ ТА II 209) 'Коммунисты свои недостатки, ошибки, *как правило*, никогда *не скрывают* от народа'; Кинилэр киһи тылын *истээччиктэрэ суох* '*Они обычно не слушаются* человека'.

Приведенные примеры позволяют говорить об общем, вневременном значении глаголов наклонения обычности, т. е. об их способности выражать действия, происходящие обычно и одновременно представляющие свойство, постоянный признак (качество) грамматического лица.

Однако с помощью вспомогательного глагола *э-* действия этого наклонения могут быть отнесены в плоскость и прошедшего времени, при этом спрягаемой частью образуемой аналитической формы является глагол *э-*.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин...-ааччы/-ааччык этим*
2 л. *эн...-ааччы/-ааччык этиҥ*
3 л. *кини...-ааччы/-ааччык этэ*

Мн. число

1 л. *биһиги...-ааччы/-ааччык этибит*
2 л. *эһиги...-ааччы/-ааччык этигит*
3 л. *кинилэр...-ааччы/-ааччык этилэр*

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин...-ааччым/-ааччыгым суох этэ,-ааччыта суохпун этэ*
2 л. *эн...-ааччыҥ/-ааччыгыҥ суох этэ, -ааччыта суоххун этэ*
3 л. *кини...-ааччыта/-ааччыга суох этэ*

Мн. число

1 л. *биһиги...-ааччыбыт/-ааччыкпыт суох этэ, -ааччыта суохпут этэ*
2 л. *эһиги...-ааччыгыт/-ааччыккыт суох этэ, -ааччыта суоххут этэ*
3 л. *кинилэр... -ааччылара/-ааччыктара суох этэ, -ааччыта суохтар этэ*

Отрицательная форма спряжения данного наклонения, как и другие сложные глагольные формы, образуемые с помощью глагола *э-*, может употребляться в стяженном виде, т. е. в виде *-ааччым* (*-ааччыгым*) *суоҕа*, *-ааччыҥ* (*-ааччыгыҥ*) *суоҕа*, *-ааччыта суоҕа* и т. д. Мэлдьи даа миэхэ бэрик *биэрээччи этэ* (АС М 28) 'Мне он всегда *давал* взятки'; Ыт урдэҕинэ дьон «чэт» *диэччи этэ* (ТБ Vө II) 'Когда лаяла собака, люди *обычно говорили* «чэт» («пошла вон».)'; Кинилэр мэлдьи Хардаҥҥа *сайылааччы этилэр* 'Они всегда *проводили лето* в урочище Хардан'; Бу таба хаһан даҕаны соруура суох *айаннааччы этэ* (СД МЭК 88) 'Этот олень *всегда* (*обычно*) без понукания *ездил бывало*'; Кырдьыгын эттэххэ, биһиэхэ урут елка олох дабаны *буолааччыта суох этэ* (РБ БДь 144) 'Правду говоря, у нас раньше елки никогда *не бывало*'.

В этом случае обычно совершаемые действия воспринимаются как уже состоявшиеся или несостоявшиеся в прошлом (до момента речи).

§ 4. Наряду с глагольными функциями причастная форма на *-ааччы*/*-ааччык* в якутском языке, как и в других тюркских языках, выполняет адъективно-аттрибутивную функцию. *Сиэтээччи* уол нэһиилэ туора ойдо (ДьА ТА 77) '*Ведущий* мальчик еле успел отбежать в сторону'; Бастаан кэллэҕинэ ханнык даҕаны *дьаһайааччы* үлэҕэ талбатахтара (АС ДьХ 153) 'В первое время после приезда его не выбирали ни на какую *руководящую* работу'; Кыргыттар, билигин бүгүҥҥү бэнкеты *тэрийээччи* атыыһыт эһигини көрүтэлиэн *баҕарар* (НЯ Т П 308) 'Девушки, сейчас всех вас хочет видеть *организующий* сегодняшний банкет купец'; Биһиэхэ *үүнээччи* тмин химическай састааба үөрэтиллэ илик (АМ ССКОЭҮ 82) 'Еще не изучен химический состав *растущего* у нас тмина'.

Она также, полностью субстантивировавшись, выступает в роли имен существительных. Такое ее употребление в современном языке носит достаточно широкий характер, чем, видимо, объясняется то, что многие исследователи якутского языка рассматривали ее в качестве именной формы. *Мустарааччылар* ыҥыран хаһыытастылар. Тэйиччи *бугуллааччылар* туналыҥнаһаллар (АФ ТАІ381) '*Гребцы* (сена) перекликнулись меж собой. Поодаль белеют фигуры *копнителей*'; Мин тутуу инженерэбин, художник да, *суруйааччы* да буолбатахпын (АФ ТА I 201) 'Я инженер-строитель, а не художник и не *писатель*'; Мигин *сибиинньэ көрөөччүнэн* үлэлээ диэллэр (АФ ТА I 211) 'Мне предлагают работать *свинарем*'.

В якутском языке встречаются предложения, в которых форма на *-ааччы*/*-ааччык* одновременно выступает в двух или трех разных функциях. Илин миэстэни *былдьаһааччы*, Ити сахсырҕаны *санатааччы* (ХС, 1963, 4, 72) '*Стремящийся* на первое место *обычно напоминает* эту муху'.

В этом предложении первое слово на *-ааччы* (*былдьаһааччы*) выступает как имя существительное, оно является подлежащим предложения, второе же слово на *-ааччы* (*санатааччы*) выступает как глагол, являясь предикатом предложения.

То же самое мы видим в предложении: Мин оройуон сирин салаатын сэбиэдиссэйин *солбуйааччыбын*, иккиһинэн — мигин Николай Михайлович диэн *ааттааччылар* (НЯ С 41) 'Я *заместитель* заведующего районным земельным отделом, во-вторых, меня *зовут* Николаем Михайловичем'.

Приведем еще один пример: Тэрилтэ эргийэр киинэбин *диэччи* дэлэгэй соһус *салайааччылар* дэгнэтэн *баар буолааччылар* (ПК 16) '*Считающие* себя пупом учреждения довольно щедрые *руководители* хотя и редко, но *встречаются* (*бывают*)'.

В этом предложении слово *диэччи* имеет значение имени прилагательного и выполняет функцию определения, слово *салайааччылар* — имеет значение имени существительного и выполняет роль подлежащего предложения, а слово *буолааччылар* — глагол, составляющий с примыкающим к нему словом *баар* предикат предложения. Субстантивация формы на *-ааччы*, т. е. приобретение ею именного значения — явление, безусловно, более позднего порядка: вполне закономерно и достаточно ощутимо происшедшее переосмысление постоянного свойства грамматического лица совершать действие в обычного (постоянного) деятеля этого действия.

Все сказанное с достаточной убедительностью говорит о правомерности выделения в якутском языке самостоятельного наклонения обычно совершаемого действия, в основе которого лежит причастная форма на *-ааччы/-ааччык*.

ГЛАВА VI
ВОЗМОЖНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Возможное наклонение отмечено всеми исследователями якутского языка, начиная с акад. Бетлингка и кончая авторами практических грамматик. Название «возможное» или potentialis этого наклонения впервые в якутоведение было введено Бетлингком и вслед за ним повторено Радловым, С. В. Ястремским, Л. Н. Харитоновым. Н. Н. Поппе, Г. У. Гермогенов и И. Д. Моруо называли это наклонение формой опасения, а А. А. Иванов-Кюндэ и Н. С. Григорьев — предупредительным наклонением.

§ 2. Возможное наклонение в якутском языке встречается в двух основных фонетических вариантах: в одном случае оно образуется присоединением к основе глагола аффикса *-аайа* (*ээйэ*, *-оойо*, *өөйө*), в другом — аффикса *-аайык* (*-ээйик*, *-оойук*, *-өөйүк*).

1. Спряжение возможного наклонения

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-аайа-бын, бар-аайык-пын* ‘авось я пойду’
» *аһаа-йа-бын, аһаа-йык-пын* ‘» поем’

» *сиэ-йэ-бин, сиэ-йик-пин* ‘» съем’
2 л. *эн бар-аайа-ђын, бар-аайык-кын* ‘» ты пойдешь’
» *аһаа-йа-ђын, аһаа-йык-кын* ‘» поешь’
» *сиэ-йэ-ђин, сиэ-йик-кин* ‘» съешь’
3 л. *кини бар-аарай* ‘» он пойдет’
» *аһаа-рай* ‘» поест’
» *сиэ-рэй* ‘» съест’

Примечание. Выступление аффикса *-аайа/-аайык* в виде аффикса *-йа/ -йык* в глагольных основах, оканчивающихся на гласный или дифтонг, объясняется, видимо, слиянием (элизией) в этом случае гласных основы и аффикса.

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин бар-ым-аайа-бын, бар-ым-аайык-пын* ‘авось я не пойду’
аһаа-маа‘-йа-бын, аһаа-маа-йык-пын ‘» не поем’
сиэ -мээ -йэ -бин, сиэ -мээ -йик -пин ‘» не съем’
2 л. *эн бар -ым- аайа -ђын, бар -ым -аайык -кын* ‘» ты не пойдешь’
аһаа -маа -йа -ђын, аһаа -маа -йык -кын ‘» не поешь’
сиэ -мээ -йэ -ђин, сиэ -мээ -йик -кин ‘» не съешь’
3 л. *кини бар -ым -аарай* ‘авось он не пойдет’
аһаа -маа -рай ‘» не поест’
сиэ -мээ -рэй ‘» не съест’

Мн. число

1 л. *биһиги бар -ым -аайа, -быт, бар -ым -аайык -пыт* ‘авось мы не пойдем,
аһаа -маа -йа- быт, аһаа -маа -йык‘-пыт ‘» не поедим’
сиэ -мээ -йэ -бит, сиэ -мээ -йик -пит ‘» не съедим’
2 л. *эһиги бар -ым -аайа -ђыт, бар -ым -аайк -кыт* ‘авось вы не пойдете’
аһаа -маа -йађыт, аһаа -маа -йык -кыт ‘» не поедите’
сиэ -мээ -йэ -ђит, сиэ -мээ -йик -кит ‘» не съедите’
3 л. *кинилэр бар -ым -аайал -лар, бар -ым -аайык -тар (ай)* ‘» они не пойдут’
аһаа -маа -йал -лар, аһаа -маайык -тар (ай) ‘» не поедят’
сиэ -мээ -йэл -лэр, сиэ -мээ -йик -тэр (эй) ‘» не съедят’

§ 3. Нами зарегистрированы случаи иного фонетического оформления глаголов возможного наклонения в якутском языке, что, видимо, объясняется диалектными особенностями их употребления. Так, они могут быть образованы путем дополнительного присоединения к вышеприведенным формам аффикса *-ый* (*-ий*, *-уй*, *-үй*):

бар-аайа-бын-ый, *бар-аайык-пын-ый*,
бар-аайа-ђын-ый, *бар-аайык-кын-ый*,
бар-аайа-быт-ый, *бар-аайык-кыт-тый* и т. д.

Аффикс *-ый* (*-ий*, *-уй*, *-үй*) в свою очередь может быть рассмотрен здесь как вопросительный аффикс с ослабленным вопросительным значением или аффиксом просьбы — вежливости (ср. *бар*, *бар-ый*, *бар-ыый*).

Форма возможного наклонения в единственном числе в некоторых говорах может быть оформлена и в следующем виде:

бар-аайа-мый — *бар-ым-аайа-мый*,
бар-аайа-ҥый — *бар-ым-аайа-ҥый*

Этот вариант мы склонны рассматривать как фонетически-редуцированный, стяженный вариант от формы типа *бар-аайык-пын-ый* и т. д., ибо в якутском языке факты аналогичных фонетических стяжений наблюдаются и в других случаях. Так, например, формы типа *кэлэхпиний*, *бардаххыный* имеют подобные же параллельно с ними употребляемые стяженные варианты типа *кэлэмий*, *бардаҥый* (хаһан *кэлэмий*, эн ханна *бардаҥый*). По действующей орфографии из приведенных фонетических вариантов за литературную норму принят вариант на *аайа* + *бын* и т. д.

2. К вопросу о происхождении возможного наклонения

§ 4. Бетлингком и Ястремским было выдвинуто предположение о возможном развитии формы возможного наклонения из причастия (по их терминологии глагольного имени) на *-ар* с помощью аффиксов *-аай* и лица. При этом первый из этих аффиксов Ястремский возводил к аффиксу алтайской формы нерешительности на *-гай* [85]. Собственные

[85] O. Böhtlingk. Ueber die Sprache der Jakuten, § 519; С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 130.

следы причастия на *-ар* они обнаруживали в 3-м лице множественного числа potentialis-а (*-аай-ал-лар*). В 1-м и 2-м лице множественного числа показатель причастия выпадает так же, как и в форме настоящего времени изъявительного наклонения.

Акад. Радлов оставил совершенно отличное от предыдущего объяснение происхождения формы возможного наклонения. Он считал, что образование возможного наклонения шло, видимо, из отрицательной формы 3-го лица единственного числа, которая в свою очередь, по его мнению, произошла от соединения и слияния в одно слово отрицательной формы деепричастия на *-а*, служебного глагола *эр-* и междометия *аай* (*-ымаҕа-эр-ай—ымаарай*). От 3-го лица единственного числа путем присоединения к ней аффиксов сказуемости образовались другие лица отрицательного спряжения, а от последних затем по аналогии образовались положительные формы спряжения [86].

§ 5. Генетическое родство якутского возможного наклонения с формой желательного наклонения, имевшейся в древнетюркском (орхонские и енисейские памятники), а также существующей ныне во всех живых тюркских языках, образующейся с помощью аффиксов *-хай/-кай/-гай* (хакасский, тувинский, алтайский, шорский и др.), *-ай/-й* (башкирский, уйгурский и др.), *-йа* (турецкий, азербайджанский, гагаузский и др.), нам представляется, не вызывает сомнения. Вполне возможно, что первоначальная общетюркская желательная форма получила в различных языках разное развитие, приобретая в каждом из них свое фонетическое оформление и модальную семантику. В частности, если в других современных тюркских языках личными окончаниями данной формы служат аффиксы принадлежности, то в якутском языке эту роль выполняют аффиксы сказуемости. В якутском языке желательная семантика данной формы в значительной степени переосмыслена и приобрела другие оттенки значений.

Поэтому едва ли можно согласиться с утверждением Радлова о том, что «возможное наклонение отсутствует

[86] Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff, 1908, стр. 46.

во всех тюркских диалектах и полностью является новой формой, возникшей на якутской почве»[87].

Определенный интерес вызывает оформление 3-го лица единственного числа возможного наклонения: оно во всех вариантах оформляется одинаково (одним способом), хотя каждый вариант соответственно должен был бы иметь свое спряжение. При этом формообразующим аффиксом в данном лице выступает не аффикс *-аайа*, а аффикс *-аара* с фонетическими вариантами (см. *бар-аара-й*, *кэл-ээрэ-й*). Относительно этого лица Бетлингк предполагал, что оно, возможно, содержит аффикс *-аай* дважды. Взяв в качестве примера форму *быһаарай* («авось он порежет»), он полагал, что, видимо, первоначальное *быһаарай* стянулось в *быһаар*, затем оно вторично присоединило аффикс *-аай*, в результате получилась форма *быһаарай*[88].

Н. С. Григорьев считал, что *й* аффикса *-аайа* под влиянием конечного *й* подвергается диссимилятивному переходу в *р*, в результате чего аффикс *-аайа* преобразовывается в *-аара*[89]. Объяснение Н. С. Григорьева, нам кажется, более интересным, чем предположение Бетлингка. Правда, Н. С. Григорьев ничего не сказал в объяснение появления самого конечного *й* в этом лице. По схеме спряжения здесь должно выступать *-аайа*, а не *-аарай* (т. е. должно быть *бараайа*, а не *бараарай*). Но здесь, как мы уже отметили выше, допускаем появление аффикса или вопроса, или просьбы (см. *бараайабыный*, *бараайаҕыный*, *бараайай* > *бараарай*).

3. Значение возможного наклонения

§ 6. По выражаемому модальному значению приведенные варианты данного наклонения не показывают расхождений или отличий друг от друга. Формой возможного наклонения выражаются следующие модальные значения:

1. Значение допущения с точки зрения говорящего лица возможности совершения действия в его общем, если можно так выразиться, нейтральном смысле. Это действие по самой логике возможности предполагается быть совер-

[87] Там же, стр. 45.
[88] O. B ö h t l i n g k. Указ. соч., § 519.
[89] M. I. K i r g i e l e j e p. Saqa tыlыn kыramaatыkata. M., 1938, стр. 124.

шенным в плане будущего. Манан буоллаҕына, аны түүн биһиги мууспут *хамсаарай* (АА КСХ 396). 'Если так пойдет, похоже на то, что этой ночью (наш) лед *может тронуться*'; Баҕар, биһиги эйиэхэ тугунан эмэ *көмөлөһөөйөбутүй* (НЯ КҮ 163), '*Может*, мы чем-нибудь тебе *сможем помочь*?' Кэлин, хайа, аны баҕарбытын да иһин ылар киһи *көстүмээрэй*? (АФ ТА I 368) 'Потом *как бы не получилось так*, что при всем твоем желании *не найдется* человека, который захотел бы тебя взять'; Хайа, атын дьону туруорар дьон *баар буолаайаллар*? (ПО А III 256) 'Ну, а *может*, *есть* люди, желающие выдвинуть другие кандидатуры?'; Баҕар, атын дьон баран, эһиги булбут кылааккытын *булан ылаайаллар*? (НЯ КҮ 75) 'А, *может быть*, найденный вами клад вдруг *обнаружат* другие люди?'

2. Значение желательной возможности, т. е. такой возможности действий, которая в той или иной степени желательна говорящему лицу. Биир эмэ сыгсыыр табааҕы тардан *абыранаайабын*, биир эмэ кутуу чаайы илдьэн *иһээйэбин* (К ТА 211) '*Авось, поблаженствую*, выкурив хоть понюшку табака, *авось* достану хоть заварку чая, унесу и *выпью* его?'; Аны күһүн улахан дьон үөрэнэр сирдэригэр *үөрэнэ киирээйэбин* (К ТА 362) '*А что если мне поступить* (*поступить бы мне*) предстоящей осенью в школу ликбеза для взрослых'; Хата бараммын оройун дьөлүтэ *сынньан биэрээйэмий*? (АА КСХ 28) 'А вот пойду я, да и *всыплю* ему по темени как следует;' Быйыл айахпытыгар үс киһини *кыстатаарай* диэн көрдөһө-аатталаһа кэллим (АФ ТА II 163) '*В надежде, что* вы в этом году *пустили* к себе за пропитание нас троих, пришел я просить-умолять'.

В некоторых контекстах на желательный оттенок может наслаиваться оттенок надежды. Үс хос дыгдалдьыгас куйахпын *кэтэрдэн биэрээрэй* диэммин кэтэһэн турабын (ПО А IV 187) 'Стою я в ожидании, *надеясь*, что наденет на меня мой трехслойный пружинистый панцирь'; Эйигин да аны *киирээрэй*, алгыһын *холбоорой* диэн эрэл улахан (СО ТА I 93) 'И на тебя надежда большая, что ты *поступишь* (в колхоз), *присовокупишь* свой совет' (букв.: благожелание).

Приведенные примеры показывают, что желательный оттенок формы на *-кай/-ай/-йа*, адекватом которой является рассматриваемая якутская форма на *-аайа/-аайык* и которая во многих современных тюркских языках выступает

в качестве специального морфологического показателя желательного наклонения, частично сохранился и в якутском языке.

3. Значение отрицательной возможности, т. е. оттенок опасения или предупреждения со стороны говорящего лица по поводу нежелательности возможного действия. Оҕолоор, олус аралдьыйыман эрэ, тыыны *хамсатаайаҕыт* (АА КСХ 419) 'Ребята, не увлекайтесь-ка слишком, *как бы* лодку сильно *не раскачали* (букв.: не привели б лодку в движение)'; Аргыый буол, атаҕын *тостоорой*! (ПО А Iү 150) 'Будь потише, *как бы не сломал* ты свою ногу! (*как бы не сломалась* твоя нога!)'; Хайа, аны *куоттаран кэбиһээйиккитий* (ЭЭ МЫ 174) 'Смотрите *как бы не упустили* (*как бы не дали убежать*)'; *Тоҥорон өлөрөөйөҥүй*, эһэ тэллэхтэ, бөрө суорҕанна илдьэ бараҥҥын, суулаан аҕал (ПО А П 48) '*Как бы не заморозил* ты ее (букв.: *как бы заморозив не убил*), возьми с собой медвежью шкуру (букв.: подстилку), из волчьих шкур одеяло, заверни в них и привези'; Эн, Семен, итини кэпсээн оҥосто *сылдьар буолаайаҥҥый* (НН ТА 94)'. Ты, Семен, смотри, *не вздумай*, об этом кому-либо *рассказывать*.'

4. Значение строгого наказа, наставления, настойчивой просьбы. Бука диэн *умнаайыккын* (Кыым, 21, XI, 1963) 'Только уж, пожалуйста, *не забудь*'; Биһиги сылдьыбыппытын икки атахтаахха биллэрэр эрэ *буолаайаҕыный* (ХС, 1963, 4, 20) 'О том, что мы были (у вас), *ты уж не давай* узнать никому из двуногих'; Дьэ, бука, хайдах да гыммыттарын иһин, *этээйэҕит* (К ТА 205) 'Итак, ни в коем случае *не говорите*, как бы они с вами ни поступили'; Аня, эн көннөрү арахсабыт эрэ диэ. Онно-манна сылдьарын *сэһэргээйиккиний* (НА СҮө 170) 'Аня, ты просто говори, что мы расходимся'. Только *не вздумай заводить* разговоры о том, где он бывает'; Таһырдьа дуол *тахсаайаҕын*. Дьон сылдьан биһигини туоһулаатахтарына, букатын *этээйэҕин* (ДьА ТА 45) 'На улицу и *не вздумай выходить*. Если люди будут спрашивать о нас, ничего *не говори*'.

Как видно из приведенных примеров, большую роль для уточнения оттенков значений играют сопровождающие вставочные слова. Аналогичную роль играют и усилительные частицы *даҕаны*, *дуу* и другие. Доҕоргун булбакка эрэ, мин ааным боруогун *атыллаайаҕын даҕаны*! (СО ТА I 477) 'Не найдя своей подруги, ты *и не вздумай* перешагивать порог моей двери!' Тукаам, Харлампий, ити дьаа-

быламмыппын дьонңо *кэпсээн гынааайыккыный дуу*! (АФ ТА I 282) 'Милок, Харлампий, смотри, *не рассказывай* людям, как я тут набезобразничал'.

Как видно из всех приведенных примеров, глаголы возможного наклонения воспринимаются только в плане будущего времени, т. е. как обладающие потенциальной возможностью совершиться после момента речи.

§ 7. В якутском языке возможны сочетания форм настояще-будущего и прошедшего времен изъявительного наклонения с формой возможности от глагола *буол-* в 3-м лице единственного числа (*буолаарай*), которые следует рассматривать в качестве возможной модальности изъявительного наклонения, т. е. форм, придающих глаголам указанных времен изъявительного наклонения дополнительный модальный оттенок возможности, вероятности совершения или совершаемости действий. Форма *буолаарай* в данном случае выступает в качестве обособившегося модального слова и может быть передана на русский язык модально-вводным словом '*возможно*', '*может быть*', '*может*', '*вероятно*', '*видимо*', '*наверное*'. Хайа, эн бэйэккэлээх, тугуэмэни *билэриӊ буолаарай?* (ПО А П 25) 'Ну, уж ты-то, *поди* (*авось*), что-нибудь *знаешь?*'; Аны кѳмүс баарын билээри *сылдьара буолаарай?* (НЯ КҮ 34) '*А не ходит ли* он, чтобы выведать о наличии золота?' Хайа, чэйдээн, итии килләрэн *барыаххыт буолаарай?* (НЗ ҮС 36) 'Ну что, *может быть*, Вы *поедете*, попив чаю, погревшись'... Оттон мантан инньэ эн *илдьиэӊ буолаарай?* (ЭЭ МЫ 15) '*Может быть*, с этих пор дальше *поведешь ты*?'; Баҕар Рязановтан сурук *кэлбитэ буолаарай*... (НЯ С 135) 'Может, от Рязанова *пришло* письмо (*Не пришло ли* от Рязанова письмо?)'.

§ 8. Изолированная форма возможности 3-го лица единственного числа от некоторых глаголов употребляется в качестве наречия. Такова, например, форма возможного наклонения от глагола *түбэс* 'попасться': *түбэһээрэй* 'наугад', 'как (где) попало'. Колхозтаахтар кѳлүдүѳргэ табахтыы тахсаллар, онно кѳлүдүѳргэ *түбэһээрэй* утуйаллар (ХС, 1963, 2, 75) 'Колхозники выходят в коридор покурить, там, в коридоре, они засыпают *где попало*'; Формалист-художник итини букатын ѳйтѳн, санааттан тутулуга суох, *түбэһээрэй* сотон-биһэн оӊорор (ХС, 1963, 2, 3) 'Художник-формалист это расписывает *как попало*, совершенно независимо от сознания и рассудка'.

В приведенных примерах форма *тубэһээрэй* по значению совпадает с наречием *тубэһиэхчэ*. Такое ее употребление, возможно, возникло на диалектной основе.

ГЛАВА VII
НАКЛОНЕНИЕ НЕСОВЕРШИВШЕГОСЯ (НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО) ДЕЙСТВИЯ

§ 1. Мы считаем возможным выделить в самостоятельное наклонение конструкцию, образуемую сочетанием деепричастия на *-а*/*-ыы* (с его фонетическими вариантами) и форманта *илик*, поскольку она представляет грамматически сложившуюся единую аналитическую форму, в модально-семантическом отношении имеющую устоявшееся, присущее одной ей, значение.

1. К вопросу о выделении наклонения несовершившегося (неосуществленного) действия

§ 2. Формант *илик* и его параллели *элек*, *гелек* (*галак*, *келек*, *калак*) зарегистрированы не во всех тюркских языках, а только в ряде тюркских языков Сибири (хакасском, алтайском, шорском, чулымском, тувинском). Из несибирских тюркских языков он зарегистрирован в киргизском языке. Природа их с достаточной определенностью еще не выявлена, значение и употребление интерпретируются разными исследователями по-разному. На *илик* первым из исследователей якутского языка обратил внимание ак. Бетлингк. Отметив его способность употребляться в роли определения, сказуемого, а также изменяться в местном падеже, Бетлингк указал, что он в соединении с третьим деепричастием выражает еще не наставшее действие [90]. Вслед за ним то же самое отметил С. В. Ястремский [91]. Э. К. Пекарский *илик* пояснил как слово, выражающее «еще не наставшее действие или состояние какого-либо лица или предмета» [92]. У авторов школьных грамматик, а также в вузовском пособии «Современный

[90] O. B ö h t l i n g k. Ueber die Sprache der Jakuten, § 768.
[91] С. В. Я с т р е м с к и й. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, § 335.
[92] Э. К. П е к а р с к и й. Словарь якутского языка, ст. 923.

якутский язык» Я. Н. Харитонова форма наклонения неосуществленного действия не фиксировалась и не рассматривалась. В последнее время довольно подробный обзор синтаксических функций формы на *-а/-ыы илик* дала в своей работе по синтаксису якутского языка Е. И. Убрятова [93].

§ 3. Регистрация параллельной формы в других тюркских языках началась давно. Так, А. Кастрен, в работе по койбальскому и карагасскому диалектам, изданной в 1857 г., отметил наличие формы на *-ђалах* в указанных диалектах хакасского языка, назвав ее detectiv-ом. А. Кастрен попытался дать объяснение и происхождения данной формы: она произошла путем присоединения ко второму прошедшему времени (на *-кап*, *-gan/-kän*, *-gän*), элемента *-laк(läк)*: *parga(n) -laк* > *par-ga-laк* «еще не ушел, не ходил» [94].

Под названием «еще неосуществившегося» причастия форма на *-галак* была зафиксирована в алтайском языке авторами «Грамматики алтайского языка». В «Грамматике» писалось: «еще неосуществившееся» образуется через приставку *-галак/-гелек*: *алгалак*, *сарнагалак*, *келгелек*, *куугалак*. Оно означает, что действие еще не совершилось, но ожидается его совершение, и по значению, а отчасти даже и по форме, напоминает монгольское причастие прошедшее неоконченное с отрицанием (Гр. Бобровникова, 246, 248) [95]. К. К. Юдахин зарегистрировал в киргизском языке *elек* в качестве глагольного отрицания со значением «пока еще не». Показал, что оно употребляется только при деепричастии настоящего времени основного глагола: *kelelек* (*келе* + *elек*) «он пока еще не пришел», а также отметил его способность выполнять обстоятельственные, определительные и подлежащные функции. См. примеры: caj *iceleginde keldim* «я пришел, когда он еще не пил чаю», Lenindin çarьja qьlьna *elек* qatь «неопубликованное письмо Ленина», *kөrө elекter* «те, кто еще не видали» [96]. В качестве «формы несовершенного действия» отметила форму

[93] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, т. II. Сложное предложение (рукопись).

[94] M. Alexander. Castren's Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. St.- Pet., 1857, § 73, 74.

[95] Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 69.

[96] Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М., 1940, стр. 224.

на *-калак/-галак* в шорском языке Н. П. Дыренкова [97]. Она же соответственную форму в хакасском языке назвала «формой причастия несовершенного», которая «выражает действие, еще несовершившееся, но ожидаемое; состояние еще не наступившее, но ожидаемое — *килгелек кізі* 'еще не пришедший человек', *ӱгренгелек пала* 'еще не учащийся ребенок» [98].

То же самое повторила А. И. Инкижекова-Грекул [99]. В. Г. Карпов, специально исследовавший систему времени в хакасском языке, форму на *-ђалак* отнес к формам прошедшего времени изъявительного наклонения.

«Учитывая то, что основным в значении данного аффикса является, на наш взгляд, не то, что действие будет совершено в будущем, а то, что оно до настоящего времени в прошлом еще не совершилось, мы относим форму на *-ђалах* к формам прошедшего времени [100].

По-своему трактуют форму на *-ђалах* в тувинском языку тувиноведы. Так, А. А. Пальмбах и Ш. Ч. Сат считают ее двухаспектной формой, которая указывает на то, что действие в прошлом не совершилось, но ожидается его совершение в момент речи [101]. Д. А. Монгуш, возражая им, считает форму времени на *-ђалак* в тувинском языке не двухаспектной, а одной из форм будущего времени, которая обозначает ожидаемое действие, отсюда и называет ее будущим ожидаемым [102]. В «Грамматике тувинского языка» время, образуемое с помощью аффикса *-калак*, также преподано под названием будущего ожидаемого времени [103]. А. П.

[97] Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, § 126.

[98] Н. П. Дыренкова. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.

[99] А. И. Инкижекова-Грекул. Причастия в хакасском языке. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 115.

[100] В. Г. Карпов. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Кандидатская диссертация, 1955 год.

[101] Тувинско-русский словарь. Под ред. А. А. Пальмбах. М., 1955, стр. 692; Ш. Ч. Сат. Причастие в тувинском языке. «Уч. зап. Тувинского научно-исслед. ин-та языка ,литературы и истории», вып. III. Кызыл, 1959, стр. 79.

[102] А. О. Монгуш. О временных формах в тувинском языке. «Уч. зап. Тувинского научно-исслед. ин-та, языка, литературы, истории, выпуск VII. Кызыл, 1959, стр. 92.

[103] Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 391.

Дульзон форму на *-балах* в чулымском языке относит к формам прошедшего времени. «Прошедшее несовершенного действия образуется посредстом аффикса *-балах/-гелек* (от основ на звонкий согласный), *-калак/-келек* (от основ на глухой согласный) и *-а:лак*, *-э:лек* (от основ на гласный). *Тӧккӧлэк* 'Он *не вылил еще*', Ай *ҷыккалак* 'Луна *еще не взошла*'»[104].

Таким образом, общепринятой интерпретации разбираемой формы, ее значения в первую очередь, специалистами пока еще не достигнуто.

§ 4. Точно так же нет достаточно ясного и общепринятого мнения по вопросу об этимологии формы *илик*. Как видно из сделанного выше обзора, разбираемая форма в тех тюркских языках, в которых она встречается, выступает в двух фонетических вариантах. В якутском языке эта форма всегда выступает в виде слова-частицы, хотя не имеющего отдельного самостоятельного употребления, но обладающего постоянным, неизменным фонетическим обликом: *илик*. Вступая в сочетание с деепричастием *-а/-ыы*, это слово-частица образует составную (аналитическую) основу глагольного слова. Кини ону *ааба илик* 'Он это *еще не прочитал*'. Аналогичный вид и употребление она имеет в киргизском языке, где она также вступает в сочетание с деепричастием настоящего времени, с той только разницей по сравнению с якутским языком, что киргизский язык может допускать как раздельное, так и слитное (синтетическое) ее употребление с деепричастием: *Көрө илик* 'он еще *не видел*', *келелек* 'он *еще не пришел*'.

В других же родственных языках (хакасском, алтайском, шорском, чулымском и тувинском) она, будучи присоединяемой непосредственно к основе глагола, подвергается действию закона гармонии гласных и принимает различные фонетические варианты: *-галак/-калак*, *-гелек/-келек*. С другой стороны, в последних языках, в отличие от якутского и киргизского, эта форма в аналауте принимает вид *-г/-к*. Мен *аткалакпым* 'Я *еще не стрелял*' (шорский язык); Хүн *үнгелек* 'Солнце *еще не взошло*' (тувинский язык).

Выше мы приводили предположение А. Кастрена о том, что разбираемая форма произошла из соединения показа-

[104] А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. Уч. зап. Хакасского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории, вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 121.

теля прошедшего времени *-ган/-кан* с элементом *-лак/-лек*: *пар-га*(н) *лак* > *паргалак*, *кел-ге*(н) *-лек* > *келгелек*. Однако, что представляет собой элемент*-лак/-лек*, А. Кастрен не объяснил. Авторы «Грамматики алтайского языка» сравнивали ее с монгольским прошедшим неоконченным причастием отрицательной формы. Многие исследователи (Инкижекова-Грекул, Пальмбах, Убрятова, Сат, Монгуш) рассматривают формы *илик* (*елек* и *-гелек/-келек*, *-галак/ /-калак* как причастные. Добытый нами материал по якутскому языку позволяет согласиться с этим мнением.

За причастное происхождение форманта *илик* говорит прежде всего присущая причастным формам широта его синтаксических функций. В сочетании с деепричастием на *-а/-ыы* *илик* может употребляться в функции любого члена предложения. Так, он может употребляться в функции определения: Биэрбэппин, сааһын *ситэ илик* уолга саа туттарар сатаммат (АА ПУо 42) 'Не отдам, *несовершеннолетнему* (букв.: *не достигшему* возраста) мальчишке нельзя давать ружье'; Колхозка *киирэ илик* ыаллар: «Сыыспыппыт, ылыҥ» диэн эккирэтэр, көрдөһөр буолуохтара (АС ДьХ 207) 'Люди, *еще не вступившие* в колхоз, станут бегать следом и просить: «Ошиблись мы, примите» (нас)'; Оҕонньор хайыһарынан халыҥ хаардыын эриһэн, олохсуйан олорор сирдэриттэн тэйиччи, урут *сылдьа илик* сирдэригэр баран иһэр (ВП К 37) 'Старик, на лыжах с трудом преодолевая глубокий снег, идет поодаль от их обжитой местности в место, где они *еще не бывали* ранее'.

В функции определения могут употребляться также производные от *илик* формы. Тумат омук диэн киһи үөрэҕэ суох, *сайда илигинээҕи* омуга буолуохтаах (Арх. ЯФ СО АН СССР ИЯЛИ, ф. 5, оп. 6, ед. хр. 77, стр. 29) 'Племя туматов это, видимо, племя *тех времен*, *когда* человек еще *не* научился грамоте и *не получил развития*'.

С аффиксом принадлежности разбираемая аналитическая форма употребляется как подлежащее. Наука да *арыйа илигэ* өссө элбэх (АС ДьХ 19) 'И наукой *пока неоткрытого* еще много; Орджоникидзевскайдааҕы потребсоюз эргиэнин үлэһиттэрэ бурдугу табатык ороскуоттаһын билиҥҥи кэм булгуччулаах көрдөбулэ буоларын ситэ *өйдүү иликтэрэ* көһүннэ (Кыым, 24. XI, 63) 'Выявилось *еще неполное понимание* торговыми работниками Орджоникидзевского потребсоюза того, что правильное расходование муки — непреложное требование сегодняшнего

дня'; Ону аныаха диэри *истэ илигиҥ* дьэ сүрэ бэрт эбит (ХС, 1965, 6, 49) 'Оказывается, просто ужасна твоя *неосведомленность* об этом до сих пор (букв.: твое *неуслышание* этого до сих пор)'.

В функции подлежащего сочетание в составе деепричастия на *-а/-ыы и илик* употребляется только в определенных контекстах и в случае его субстантивации. *Коно иликтэр* көнүлэр. *Уурайа иликтэр* уурайдылар '*Еще не исправившиеся* исправились. *Еще не угомонившиеся* угомонились.'

В языке также употребительны некоторые падежные формы от *илик*, которые в сочетании с тем же деепричастием на *-а/-ыы* выполняют функции дополнения и обстоятельств.

1) Форма винительного падежа простого и притяжательного склонения, выполняющая функции прямого и косвенного дополнений. Дьон куруутун даҕаны *кэлэ илиги*, инникини билгэлии кэпсэтэр идэлээх*тэр* (ХС, 1962, 3, 35) 'Люди почти всегда имеют привычку говорить о *еще не* наступившем, предстоящем'; Ити кэнниттэн Алмазов чэйдээбэккэ киирбитин, сарсыардаттан *аһыы илигин* умнан кэбиһэҥ баран, үлэлии олордо (АА КСХ 393) 'И после этого Алмазов, позабыв, что он пришел, не попив чаю, что он с утра еще не ел, продолжал сидеть и работать'.

2) Формы дательного и исходного падежей, выполняющие обстоятельственные функции. Бэйи эрэ, *итирэ-кутура иликкэ* бии билсиэх буолбут билсиини тэрийиэххэ (ПО А II 98). 'Погоди-ка, *пока еще не опьянели*, организуем знакомство, о котором договорились (дательный падеж — обстоятельство времени); ... *Өлөрө иликкэ* Киэлимэтээҕи күрүөтүн биэриэ суох буолбут Байбал Сэмэнэп (АА СК 409) 'Павел Семенов отказался уступить, *пока его еще не убили*, свой огороженный участок в местности Келимэ (дательный падеж — обстоятельство времени); *Кэлэ илигиттэн* дьаһалымсыйар (АФ ТА II 206) 'Еще *не приехал*, а командует' (исходный падеж — обстоятельство образа действия).

§ 5. В якутском языке сочетание деепричастия на *-а/-ыы и илик* широко употребительно и в форме второго условного наклонения во всех трех лицах единственного и множественного числа, выполняющее в зависимости от контекста как обстоятельственные, так и сказуемостные функции в условном периоде. «Бар» *дии иликпинэ* барыаҥ суоҕа

(ПО А II 123) 'Ты не пойдешь, *пока я не скажу*: «иди»' (значение условия); Киһэлик соҕус, сылдьыһыы бобулла *илигинэ*, Алмазов доҕоругар...барар (НЯ Т II 145) 'К вечеру, когда хождение (по улицам) *еще не было запрещено*, Алмазов идет к своему другу (обстоятельство времени'); Кимнээхтэргитин *этэ илииккитинэ*, мин аны биир да тылы саҥарыам суоҕа (НЯ КҮ 92) '*Пока Вы не скажете*, кто вы такие, я теперь не скажу ни одного слова' (сказуемое придаточного условного предложения); Уол колхоз председателэ Үчүгэйэп кинилэр *тура иликтэринэ* кэлбититтэн улаханнык кыбыһынна (АФ ТА I 301) 'Парень сильно смутился из-за того, что председатель колхоза Ючюгяев пришел, *когда они еще не встали* с постели' (обстоятельство времени).

§ 6. При дополнительном же присоединении вспомогательного глагола *буол-*, стоящего в форме деепричастия на *-ан*, сочетание деепричастия на *-а/-ы и илик* выступает уже в качестве обстоятельства причины или сказуемого придаточного предложения в составе сложноподчиненного предложения. Ол эрээри ол ыһыахтарга, сахалыы ырыа-тойук, билиҥҥи бириэмэҕэ тэҥнээтэххэ, сочче *сайда илик буолан*, аҕыйаҕа (ПК 3) 'Однако на тех ысахах якутской песни, поскольку она по сравнению с нынешним временем *еще не получила* такого *развития*, было мало' (обстоятельство причины); Сидоров иһэрин *быраҕа илик буолан*, кэргэнэ арахсыбыт '*Так как (поскольку)* Сидоров *не бросил пить*, жена его (от него) ушла (сказуемое причинного придаточного предложения).

§ 7. Наречная форма от сочетания деепричастия на *-а/-ы и илик* служит в качестве обстоятельства образа действия. Бэйэ эрэ, доҕор, Бээй, итн хайдах-хайдах буолла? — Ордьоох Аммаҕа буолбут түбэлтэни билиҥҥэ диэри *билэ иликтии* ыйытта (ХС, 1963, 4, 19) 'Погоди-ка, друг Бэй, как это случилось? — спросил Орджох, *как будто бы* он до сих пор *еще не знает* о происшествии, случившемся в Амге'.

§ 8. Наконец, разбираемая форма, принимая личные аффиксы глагола, широко употребительна в языке в качестве сказуемого. *Мин ааҕа иликпин* 'Я (в настоящий момент) *еще не читал*'; Уйбаан *тура илик* 'Иван (в настоящий момент) *еще не встал*'.

В современном якутском языке встречаются случаи употребления формы в качестве самостоятельного сказуе-

мого в одиночном виде. Это имеет место прежде всего в тех предложениях, в которых в качестве подлежащего выступают субстантивированные причастия на *-ыах* (как в полном, так и стяженном вариантах) и на *-ар*. Биһиги дойдулуохпут *илик* или *биһиги* дойдулуурбут *илик* 'Срок нашего отъезда на родину *еще не наступил* (нам *еще рано ехать* на родину)'; Оҕолор туруохтара *илик* или оҕолор тураллара *илик* '*Еще не наступило* время подъема детей (детям *еще рано вставать*); Хаар түһүөҕэ (түһүө), түһэрэ *илик* 'Время снегопада *еще не наступило* (снегу *еще рано выпасть*); Эһиги билигин да кэргэннэниэххит *илик* или эһиги билигин даҕаны кэргэннэнэргит *илик* 'Ваше время обзаведения семьей и сейчас *еще не наступило* (вам и теперь *еще рано обзаводиться семьями*)'.

Что форма *илик* в данном случае выступает в функции сказуемого, подтверждается тем, что ее можно заменить другими словами, сказуемостное употребление которых не подлежит сомнению. Сравните примеры: Хаар түһүөҕэ (түһүө), түһэрэ *ыраах* (~илик); Хаар түһүөҕэ (түһүө), түһэрэ *быдан* (~илик); Хаар түһүөҕэ (түһүө), түһэрэ *быдан ыраах* (~илик); Хаар түһүөҕэ (түһүө), түһэрэ эрдэ (~ илик).

— *Кэргэннэнэ иликпин...*— Кэмэ *илик* дуу, сөптөөх паара көстүбэт дуу? (СД МЭК 112). '— *Я еще не обзавелся семьей.— Еще* пора *не наступила*, или нет подходящей пары?'

Сказуемостная функция за формой *илик* сохраняется и в том случае, если она вступает в сочетание с формой прошедшего категорического времени от глагола *э-*. Дьөксө эрдэ, биһиги киэһэ чэйбитин иһиэхпит *илик этэ*. 'Было рано, *было еще рано* пить вечерний чай'. Аҕабыт үлэтиттэн кэлиэҕэ (кэлиэ) *илик этэ* '(Нашему) отцу *было еще рано* возвращаться с работы'.

Сказуемостные функции формы *илик* в самостоятельном (одиночном) виде, на наш взгляд, прослеживаются в диалогической речи.

— *Аһыы иликкин дуо?* — '*Ты еще не ел?*' — *Иликпин* '*Еще нет*'; — Аҕаҥ үлэтиттэн кэллэ дуо? — *Илик*. '— Твой отец пришел с работы? — *Нет еще*'; — Манныкы бары көрбүккүт дуо? — Мин *иликпин*. '— Такое все вы видели? — Я еще нет'.

Все вышеприведенное нами, кажется, дает основание говорить о большом сходстве формы *илик* с причастными

формами и возможном ее причастном происхождении. Судя по фонетическому облику, значению и употреблению, якутская форма *илик*, киргизская форма *элек* и соответственные формы *-галак/-калак*, *-гелек/-келек* в других тюркских языках не только близки друг к другу ныне, но, вероятно, имеют общее происхождение. Правда, сейчас трудно определенно решить вопрос об этимологии формантов *илик/элек/калак*. Этот вопрос требует специального изучения.

Относительно элемента *-г/-к* в форме *-галак/-гелек*, *-калак/-келек* тувинский языковед Ш. Ч. Сат высказал предположение, что он именного происхождения. Сат считает его именным аффиксом *-г*, вступившим в сочетание со словом *элек* «рано», которое в свою очередь возникло от глагола *э -лек* + (элек) и впоследствии стянувшимся с ним в одну форму (*келиг* + *элек* — *келигелек* — *келгелек* — еще не пришел, *адыг* + *элек* — *адыгелек* — *адыгалак* — *аткалак* еще не стрелял [105].

Д. А. Монгуш, в основном солидаризуясь с Ш. Ч. Сатом, в отличие от него становление аффикса *-галак/-калак*, *-гелек/-келек* выводит от имени на *-ги*, т. е. этот процесс он представляет следующим образом: *келги* + *элек* — *келгэлек* — *келгелек* 'он еще не пришел, он вот-вот придет [106]. Недостаточность сравнительного материала и в целом изученности этого вопроса позволяет пока с равным успехом разделять как предположение о более позднем наращении элемента *г/к* к форме *элек*, так и допустить обратное предположение о возможном выпадении в якутском языке из первоначально полного варианта *-гелек/-келек* начального *г/к*, ибо утрата некоторых согласных звуков в анлаутной позиции для якутского языка не является неожиданным явлением (ср. тюркские *сен*, *су* и якутские *эн*, *уу*, эвенкийские *хуликтэ*, *хэмчурэ* и якутские *улуктэ*, *эмчиирэ*, в северных говорах якутского языка *обуой* — заимствованное из русского языка слово *сувой* и др.).

§ 9. Итак, мы аналитическую форму, представляющую сочетание деепричастия на *-а/-ыы* и служебной частицы *илик* рассматриваем в качестве формы наклонения несовершившегося действия. Эта форма в языке имеет самостоятельное и устоявшееся модальное значение — констата-

[105] Ш. Ч. Сат. Указ. соч., стр. 79.
[106] Д. А. Монгуш. Указ. соч., стр. 90.

цию говорящим лицом несовершенности действия. При этом мы воспринимаем его в одной отрицательной форме спряжения и в двух временных аспектах (настоящем и прошедшем времени).

2. Настоящее время наклонения еще не совершившегося действия

§ 10. Настоящее время наклонения еще несовершившегося действия образуется посредством сочетания деепричастия на *-а/-ыы* от основного глагола с формой *илик*, принявшей аффиксы сказуемости.

Парадигма спряжения

Ед. число

1 л. *мин* + деепр. на *-а/-ыы* + *илик-пин* 'я еще не ... л'
2 л. *эн* + » + *кин* 'ты ...'
3 л. *кини* + » + — 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги* + деепр. на *-а/-ыы* + *илик-пит* 'мы еще не ... ли'
2 л. *эһиги* + » + *кит* 'вы ...'
3 л. *кинилэр* + » + *тэр* 'они ...'

Значение настоящего времени наклонения неосуществленного действия состоит в квалификации действия как еще не совершившегося в момент речи. Притом оно не содержит обязательного оттенка ожидания совершения несовершенного действия (в каком-либо отношении к речи), как это отмечают исследователи других тюркских языков, и в которых, видимо, это имеет место. Балары эһигиттэн ураты кимиэхэ де *көрдөрө иликпин* (НЯ Т II 201) 'Вот их (по контексту, копии телеграмм.— *Е. К.*) никому, кроме вас, *я еще не показывал*'. Здесь мы имеем простую констатацию в момент речи того, что говорящее лицо никому не показывало копии посланных телеграмм и никакого намека на то, что оно собирается или обязано показывать их кому-то в будущем, нет.

То же самое в предложении: Били биһигини хааййахтарыттан ыла мин кинилэри *көрсө иликпин* (НЯ Т II 413) 'Вот с тех самых пор, как нас арестовали,

я с ними *больше не встречался*. Здесь также нет такого оттенка, что встреча с этими лицами ожидается в будущем.

То же и в других предложениях: Ол да буоллар кини бастыҥ булчут аатын кимиэхэ *да биэрэ илик* (НЯ КҮ 5) 'Тем не менее он никому *еще не уступил* звания лучшего охотника; Ол бу буолума! Эн минигин *иитэ-аһата иликкин* (АФ ТА II 315) 'Слишком не привередничай! Ты меня *еще не поил*, *не кормил*; Булчуттар оҕолоро ураһаттан ураты тугу да урут *көрө иликтэр* (НЯ КҮ 120) 'Дети охотников, кроме урасы, раньше ничего *еще не видели*;' Эриттэн биир сылаас тылы *истэ илик*, биирдэ үөрэ-көтө кэпсэппитин *билэ илик* (ПО А Ш 190) 'От мужа *еще не услышала* ни одного теплого слова, *не помнит* ни одного приятного разговора'.

Правда, может иметь место и такое употребление данной формы, когда из контекста с большей или меньшей определенностью может выясниться, что неосуществившееся до момента речи действие имеет потенцию осуществиться после него, т. е. в будущем. *Истэ иликкин* дуо? Революция буолбутун? (НЯ II Т 397) 'Ты разве *еще не слышал*? Что случилась революция?' Т. е. это такая сногсшибательная новость, что о ней то лицо, к которому обращается говорящее, обязательно услышит в будущем.

Аналогичен пример: биһигини англичаннарга атыылаабыттар... *Истэ иликкин дуо*? (НЯ Т II 60) 'Нас продали англичанам. Разве *ты еще не слышал*?' (т. е. если еще не слышал, то услышишь обязательно).

Однако такой оттенок, могущий иметь место в отдельных контекстах, не меняет основного значения настоящего времени наклонения неосуществленного действия, а именно констатации несовершенности действия в момент речи.

3. Прошедшее время наклонения несовершившегося (неосуществленного) действия

§ 11. Прошедшее время наклонения неосуществленного действия образуется сочетанием его формы настоящего времени с формой прошедшего категорического времени от глагола *э-*. Оно выступает в двух вариантах: полном и стяженном. Последний распространяется на все три лица единственного и 3-е лицо множественного числа. Приведем парадигму спряжения полного варианта:

Ед. число

1 л. *мин* + деепр. на *-а/-ыы илик этим* 'я не ...л еще в прошлом (тогда, к тому времени)'
2 л. *эн* + » + *этиҥ* 'ты ...'
3 л. *кини* + » + *этэ* 'он...'

Мн. число

1 л. *биһиги* + деепр. на *-а/-ыы илик этибит* 'мы еще не ... ли (вообще в прошлом (тогда, к тому времени)
2 л. *эһиги* + » + *этигит* + 'вы ...'
3 л. *кинилэр* + » + *этилэр* 'они ...'

Спряжение стяженного варианта

Ед. число

1 л. *мин* + деепр. на *-а/-ыы* + *илигим*
2 л. *эн* + то же + *илигиҥ*
3 л. *кини* + » + *илигэ*

Мн. число

3 л. *кинилэр* деепр. на *-а/-ыы иликтэрэ*

Прошедшее время наклонения неосуществленного действия служит для выражения несовершенности действия, имевшей место в прошлом (до момента речи). С одной стороны, эта несовершенность действия может обнаруживаться в момент совершения другого действия в прошлом. Мин кэлэрбэр эн тура *илик этиҥ* 'К моему приходу *ты тогда еще не встал*'; Оксаналаах дьиэлэригэр кэлэн кииртэрэ ийэлэрэ *утуйа илик этэ* (СО ТА II 159) 'Когда Оксана и ее подруги зашли в дом их, мать в *тот момент еще не спала*'. С другой стороны, несовершенность действия может иметь место вообще в прошлом. *Ээ* бу курдук илэ нирэр диэни *билэ илик этим* (ПО А II 122) 'Ой, такого явного сумасбродства *я еще не видел*'; Урут кини дьиэтигэр *сылдьа илигим* (ДО К 12) 'Раньше в его доме *я не бывал еще*'; Кини... төрүөҕүттэн ыла хаһан даҕаны манньык мааны таҥаһы *таҥна илигэ* (НЯ Т II 53). 'Он... сроду никогда *еще не одевал* такой нарядной одежды'; Кинилэр баччааҥҥа диэри биирдэ да «сэриилэстибит» диир курдук ытыалаһан *көрө иликтэрэ* (НЯ Т II 424) 'Они до сих пор ни разу *не перестреливались* так, чтобы можно было сказать «мы воевали».

ГЛАВА VIII
СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Сослагательное наклонение в якутском языке никем из исследователей не выделялось в виде самостоятельного наклонения и поэтому никем специально не описано. Правда, один из вариантов этого наклонения зафиксировал в своей грамматике Д. И. Хитров, признав его за будущее неопределенное время условного наклонения [107]. При анализе других грамматических форм существование желательно-сослагательного наклонения в якутском языке в плане регистрации мимоходом подчеркнула Е. И. Убрятова [108]. У остальных исследователей языка оно не находит отражения.

Мы считаем возможным говорить о сослагательном наклонении в якутском языке как самостоятельном наклонении, поскольку оно имеет свои оформившиеся грамматические показатели и поскольку последние служат для выражения определенных, закрепившихся за ними модальных значений. Этими грамматическими показателями, формирующими данное наклонение, являются аналитические конструкции в составе причастий на *-ыах*, *-ар* и глагола *э-* в форме прошедшего категорического и прошедшего результативного времени.

Основным модальным же значением, обозначаемым ими, является субъективное допущение говорящим лицом возможности или невозможности действия, мыслимого обычно в возможном прошлом или возможном будущем

1. Сослагательная форма на *-ыах/-ыа этэ*

§ 2. Первая — основная форма сослагательного наклонения образуется аналитической формой, состоящей из сочетания причастия на *-ыах* и формы прошедшего категорического времени от недостаточного глагола *э-*. Притом в одном случае спрягаемой частью сочетания является форма глагола *э-*, в другом — основной глагол. В свою очередь в первом случае при положительном спряжении

[107] Д. Хитров. Краткая грамматика якутского языка, М., 1858.

[108] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 283.

основной глагол выступает в двух подвидах: полном и усеченном (*-ыах* и *-ыа*). Приводим парадигмы спряжения на примерах от основы *бар-*.

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барыах этим*, *барыа этим*, *барыам эта* 'я пошел бы'
2 л. *эн барыах этиҥ*, *барыа этиҥ*, *барыаҥ этэ* 'ты ...'
3 л. *кини барыах этэ*, *барыа этэ*, *барыа этэ* 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги барыах этибит*, *барыа этибит*, *барыахпыт этэ* 'мы пошли бы'
2 л. *эһиги барыах этигит*, *барыа этигит*, *барыаххыт этэ* 'вы ...'
3 л. *кинилэр барыах этилэр*, *барыа этилэр*, *барыахтара этэ* 'они...'

Примечание. А. Я. Уваровский в своих «Воспоминаниях» при спряжении с изменением вспомогательного глагола *э-* в единственном числе допускал употребление основного глагола в полном виде ... Саха үөрэнэн дьикти сөҕүүлээх сэптэри *оҥоруоҕа этэ* (У А 52) 'Якут, научившись, *смог бы делать* изумительные вещи'; Бу маны барытын биирдии суруйдахха хас да халыҥ кинигэ сурук *тахсыаҕа этэ* (У А 14) 'Если бы все это описать подробно, *получилось бы* несколько толстых книг'; ... өйүөбүт да, күүспүт да *тиийиэҕэ суоҕа этэ* (У А 37) 'Ни нашей провизии, ни наших сил *не хватило бы*'.

Трудно сказать, фиксировал ли Уваровский в данном случае употребительную в его время форму или априорно выводил (образовывал) ее от самой основы причастия. Однако он не менее часто употреблял основной глагол в составе разбираемой аналитической формы и в стяженном виде, это нас заставляет строить косвенное предположение о том, что во время Уваровского были употребительны обе приведенные формы. В современном же языке употребление основного глагола в полном виде в единственном числе данного сочетания необычно, более того, вовсе не встречается.

§ 3. Отрицательное спряжение производится несколькими способами. Во-первых, оно производится от усеченного варианта основного глагола путем вставления между ним и глаголом *э-* имени отрицания *суох*, в чистом или осложненном аффиксом принадлежности виде, личные окончания принимает глагол *э-*.

Ед. число

1 л. *мин барыа суох (суоҕа)* этим — 'я не пошел бы'
2 л. *эн барыа суох (суоҕа)* этиҥ — 'ты ...'
3 л. *кини барыа суох (суоҕа)* этэ — 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги барыа суох (суоҕа) этибит* 'мы не пошли бы'
2 л. *эһиги барыа суох (суоҕа) этигит* 'вы ...'
3 л. *кинилэр барыа суох (суоҕа) этилэр* 'они...'

При втором способе отрицательного спряжения личные окончания принимает основной глагол, имя отрицания *суох (суоҕа)* и форма *этэ* остаются без изменения.

Ед. число

1 л. *мин барыам суох (суоҕа) этэ* — 'я не пошел бы'
2 л. *эн барыаҥ суох (суоҕа) этэ* — 'ты ...'
3 л. *кини барыа суох (суоҕа) этэ* — 'он...'

Мн. число

1 л. *биһиги барыахпыт суох (суоҕа) этэ* 'мы не пошли бы
2 л. *эһиги барыаххыт суох (суоҕа) этэ* 'вы ...'
3 л. *кинилэр барыахтара суох (суоҕа) этэ* 'они ...'

При третьем способе личные окончания принимает имя *суох*, а основной глагол (в данном случае выступающий в усеченном виде) и вспомогательный глагол *этэ* остаются неизменными.

Ед. число

1 л. *мин барыа суоҕум этэ* — 'я не пошел бы'
2 л. *эн барыа суоҕуҥ этэ* — 'ты ...'
3 л. *кини барыа суоҕа этэ* — 'он ...'

Мн. число

1 л. *биһиги барыа суохпут этэ* — 'мы не пошли бы'
2 л. *эһиги барыа суоххут этэ* — 'вы ...'
3 л. *кинилэр барыа суохтара этэ* — 'они...'

Наконец, оформление отрицания возможно через присоединение аффикса отрицания непосредственно к основе глагола (*барымыах этим*, *барымыах этиҥ* и т. д.), но оно в современном языке употребительно редко — лишь в особых оборотах речи.

Наиболее обычным употреблением формы сослагательного наклонения на *-ыах/-ыа этэ* в якутском языке является ее употребление в составе условного периода. Сослагательная форма на *-ыах/-ыа этэ* в условном периоде составляет его вторую половину — протазис, представляющую главное предложение тогда как условная форма, выражающая условие, является аподозисом периода, представляющим придаточное предложение условия. В этом случае придаточное условие может быть оформлено любыми средствами, выражающими условие.

1) Условной формой на *-тар*.

Эн саҕа *баайым буоллар*, баҕар, мин *уоруом суох этэ* (АФ ТА II 6) 'Если *бы я был богат* так, как ты, я, вероятно, *не воровал бы*'; Саллаат буолар оҕом да суох, *баара да буоллар*, күн ыраахтааҕыттан *күрэтиэ суох этим* (МД ТА 68) 'У меня и сына-то нет, могущего идти в солдаты, а *если и был бы*, *я бы не упрятал* его от государя-императора (букв.: солнца-царя)'.

2) Условной формой на *-тах*. Оруос Баай кутун-сүрүн *көтүттэххэ*, отчут-масчыт олоҕо *тупсуо этэ* (СО ТА 43) 'Если *б уничтожить* Оруос Бая (букв.: *если заставить взлететь душу* Оруос Бая), *улучшилась бы* жизнь трудящегося люда (букв.: жизнь косаря-дровосека)'; Наада *тирээтэҕинэ*, мин кини оннугар тыыммын да биэрэрбин *кэрэйиэм суох этэ* (ХС, 1963, 2, 46), '*Если приспичит* нужда, *я бы* жизнь свою *не пожалел* отдать за него'.

3) Формами 2-го и 3-го лица повелительного наклонения в условном значении. Арай Байбааскы хаар күндү көмүһүн *итигэстээн ылар буоллун*, оччоҕо хайаан да хамначчыт дьоҥҥо *ыһан биэриэх этэ* (АФ ТА II 15), 'Вот *если б* Павлушка *собрал* драгоценное серебро снега, тогда он непременно *раздал бы* его беднякам';'Арай итини, хашытын кэннэ, хомуйан ылан куоракка тиэйэн *таһаарар буол*. Бэрт суостаахтык умайар чугас мас уонна арыы сирэ *ыраастыйыа этэ* (АА КСХ 399) 'Вот если его (ивняк) после подсыхания *вывозить бы* (букв.: вывози), были бы хорошо горящие близкие дрова и территория острова *очистилась бы*'; Холобур, эһиги оскуола оҕолоро, ол курдук сир таһаартаан, манна оҕуруот аһын арааһын, сибэкки эгэлгэтин *олордор буолуҥ*... Дэлэлээх *үчүгэй буоло этэ* дуо (АА КСХ 399) 'К примеру, вот вы, школьники, расчистив таким образом площадь, *садите* здесь различнейшие овощи, цветы... Как удивительно *хорошо было бы!*'

4) Сочетаниями причастий на *быт* и *-ар* + имени *киhи*, выступающими в данном случае в условном значении: Бүгүн театрга *барбыт киhи абыраныах этэ* ‘*Если бы* сегодня *пойти* в театр, *было бы замечательно*’; О, ону *көрөр киhи* «олоруохпун олордум» *диэх этэ* (АФ ТА II 54) ‘О, *если б увидеть* это, *можно было бы сказать*: славно я пожил’.

Во всех этих случаях первая часть условного периода, выступающая в форме условного наклонения и ее вариантов, выражает собой условие, предпосылку для возможного гипотетического с точки зрения говорящего лица действия, которое могло бы быть уже совершено в прошлом — до момента речи, а также может быть совершено в будущем после момента речи. Глагол-сказуемое, обозначающее это возможное быть осуществленным в прошлом или будущем действие при выполнении условия, заключенного в аподозисе периода, как раз и оформляется через сослагательное наклонение. При этом в зависимости от контекста, от характера условия или предпосылки глаголы сослагательного наклонения могут носить как вполне реальный, так и совсем ирреальный характер.

§ 4. При всей своей широкой употребительности выступление сослагательного наклонения в составе условного периода в современном якутском языке не может быть признано в качестве единственной формы функционирования этого наклонения. Тем более, нельзя представлять дело таким образом, что оно составляет неотъемлемую и обязательную часть условного периода, без которой немыслимо существование последнего или, наоборот, представлять дело так, что причинная обусловленность составляет неотъемлемый признак сослагательного наклонения.

Как показано выше, глаголы условного наклонения способны вступать в сочетание не только с глаголами сослагательного, но и многих других наклонений. То же самое и сослагательная форма на *-ыах/-ыа этэ* в якутском языке может употребляться в других сочетаниях. Так, она может употребляться в составе сложноподчиненного предложения, составляя в одном случае главную, в другом — придаточную его часть. Көҥүллээбитин быhытынан, мин мантан *барыам этэ* (СО 73) ‘Поскольку ты разрешил, *я бы ушёл* отсюда’; Барыаххар диэри *бүтэрэн биэриэм этэ* ‘До твоего отъезда *я бы смог закончить*; Эт эрэ, больше-

вэктар тугу *оҥоруоххут этэй?* (МД ТА 144) 'Скажи-ка, *что бы вы, большевики, сделали?*'

Вышеприведенные примеры мы склонны рассматривать как сложноподчиненные предложения. Первые два из них имеют в своем составе причинное и временное придаточные, в которых сослагательная конструкция играет роль главных предложений. В третьем предложении она выступает в роли придаточного предложения (придаточного дополнительного). Она может употребляться в составе сложносочиненных предложений, составляя сказуемое одного из них: Ити ыстаайаҕа баар оккун Ньукулай оҕонньор ынаҕа күрүөһүлээн киирэн бары сиэбит, ол тобоҕун тарбыйаахпытыгар *сиэтиэхпит этэ* (К ТА 114) 'Все твое сено, что было в стайке, съела корова старика Николая, туда пролезшая, этот остаток *надо бы скормить* нашему теленку'; Киэһэрэн барда ээ, *баран хомуйталыаҥ этэ* (К ТА 202) 'Стало вечереть, *надо бы сходить* и *пригнать* скот'.

Наконец, сослагательная форма на *-ыах/-ыа этэ* может употребляться и самостоятельно, представляя собою одно распространенное или нераспространенное предложение. Уопсай мунньах иннинэ Кокориновы иннин *ылыаххыт этэ* (АФ ТА II 276) 'До общего собрания *надо было бы уломать* Кокоринова'; Ол эрээри кини бастакы түбэспит большевигын тырыта бысталаан өлөрөртөн *туттунуо суох этэ* (ЭЭ МЫ 4) 'Тем не менее *он не воздержался бы* от растерзания на части первого попавшего в его руки, большевика'; Мин көрдөһүүбүн *толоруоҥ этэ дуо?* (АА ПУо 97) '*Ты исполнил бы* мою просьбу?'

Иными словами, предположение, выраженное сослагательной конструкцией, не обязательно может быть обусловленным реальной (нереальной) предпосылкой. Оно может быть и необусловленным, т. е. логически независимым.

§ 5. Во временном отношении действия, выражаемые сослагательной формой на *-ыах/-ыа этэ* в составе условного периода, как сказано выше, могут восприниматься и в плане возможного прошедшего, и в плане возможного будущего времени (это легко определяется условиями контекста). В одном случае оформителем времени выступает вспомогательный глагол (*э-*), в другом — основной глагол сочетания. Вячка эбитэ буоллар, мин ама *билиэм суоҕа этэ* дуо? (ЭЭ МЫ 34) 'Если бы это был Вячка, я разве *не мог бы* его *узнать?*' Букатын суоҕа буоллар, былыр

хантан ылан Парижтааҕы выставкаҕа алмааһы *ыытыах-тар этэй?* (НТ АТ 64) 'Если бы совсем не было, откуда бы в старину *могли послать* алмаз на Парижскую выставку?'

В составе предложений других типов разбираемая аналитическая форма может иногда утрачивать значение сослагательности и приобретать некоторые другие модальные оттенки. Так, при передаче прошедших действий она приобретает модальный оттенок совета или мягкого осуждения, порицания за неправильно совершенные в прошлом действия. Итиннэ төрүт *сыстыа суох этигит* (АС ДьХ 177) 'Вам совсем *не надо было связываться* с этим (делом)'. Алҕаһаабыккын, бэйэҥ санааҕын аһаҕастык *этиэҥ этэ.* 'Ты ошибся, *тебе следовало* открыто *высказать* свое мнение'; Дьэ кырдьык, ыт өлүүтүгэр өлө сыспыккын, көрөн туран бу маннык дириҥ хаспакка *киириэҥ* суох этэ (ТС ЯС МБК 36) 'Действительно, ты чуть не погиб зазря, видя такое глубокое ущелье, *тебе не надо было забираться* в него'.

В приведенных предложениях формой сослагательности выражены возможные в прошлом действия. И наоборот, в приводимых ниже предложениях передаются действия, возможные в будущем. *Ол* көмүстээх үрүйэбин, билигин бардаргын, *булуо этиҥ* дуо' (НЯ КҮ149) 'Тот золотоносный ручеек, если сейчас пойдешь, *ты нашел бы?*' Өрүс турарыгар тиийдэрбин дойдубар оройуонунан *таһаарыахтар этэ* (ВМ 82) 'Если бы я дожил до рекостава, *повезли бы* меня на родину через районный центр'.

При выражении действий, возможных осуществиться в будущем, данная форма может:

1) Сохранять значение сослагательности: Маны колхоз бүхгалтера, бука, бэрт түргэнник *суоттуо этэ* (АС КБ 32) 'Это бухгалтер колхоза, наверное, *подсчитал бы* очень быстро'; Солуурчахпын миниэһиги баайгыт аҥарыгар да *биэриэм суох этэ* (СО 50) 'Свой котелочек *я не дал бы* и за половину вашего богатства'.

2) Носить оттенок пожеланий, мечтаний говорящего лица: Быйыл дьиэтигэр олорон, эһии үөрэххэ бараарга *бэлэмнэниэх этэ* (МД ТА 195) 'В этом году он посидел бы дома и *подготовился бы* для поступления на учебу в будущем году'; Хокуукка курдук таҥыннаран баран, бэйэбин кытта *илдьэ сылдьыам этэ* (ХС, 1963, № 2, 83) 'Разнарядив как куклу, *возил бы* с собой'.

3) Носить модальный оттенок совета с мягким укором, увещевания со стороны говорящего лица: Онтон оҕонньор мунхатыгар барыаҥ кэриэтэ ол холкуос тэриллэр мунньаҕар *барыаҥ этэ* хата (К ТА 365) 'Чем идти на старикову неводьбу, *ты бы шел* лучше на учредительное собрание колхоза (на собрание, на котором будет организовываться колхоз)'; Бу өрүү массыынанан маҕаһыыннары кэрийэргин аччата да *туһүөҥ этэ* (ДО 34) '*Тебе бы следовало* немного *сократить* эти постоянные разъезды на машине по магазинам'.

4) Выражать побуждение к действию в форме просьбы или призыва со стороны говорящего лица: Оҕом, Тооромоһум, *аһыах этиҥ* (АФ ТА II 57) 'Песик мой, Торомос, *поел бы*'; Чэ, уолаттар, аһаан-сиэн бараммыт, рацияבытын *дьаһалатэн көрүөхпүт этэ!* (ХС, 1961, 4, 53) 'Ну, ребята, давайте поедим да *начнем налаживать* нашу рацию'.

2. Сослагательная форма на *-ыах/-ыа эбит*

§ 6. Вторая форма сослагательного наклонения в якутском языке образуется сочетанием причастия на *-ыах/-ыа* и спрягаемой формы *эбит*.

П о л о ж и т е л ь н а я ф о р м а

Е д. ч и с л о

1 л. *мин барыах, барыа эбиппин*	'я, оказывается, пошел бы'
2 л. *эн барыах, барыа эбиккин*	'ты ...'
3 л. *кини барыах, барыа эбит*	'он ...'

М н. ч и с л о

1 л. *биһиги барыах, барыа эбиппит*	'мы, оказывается, пошли бы'
2 л. *эһиги барыах, барыа эбиккит*	'вы' ...'
3 л. *кинилэр барыах, барыа эбиттэр*	'они' ...'

Отрицательное спряжение данной формы сослагательного наклонения, аналогично предыдущей, производится несколькими способами, которые суть:

Ед. число

1 л. *мин барыа суох (суоҕа) эбиппин*	'оказывается, я не пошел бы'
2 л. *эн барыа суох (суоҕа) эбиккин*	'оказывается, ты не пошел бы'
3 л. *кини барыа суох (суоҕа) эбит*	'оказывается, он не пошел бы'

II

1 л. *мин барыам суох (суоҕа) эбит*
2 л. *эн барыаҥ суох (суоҕа) эбит*
3 л. *кини барыа суох (соуҕа) эбит*

III

1 л. *мин барыа суоҕум эбит*
2 л. *эн барыа суоҕуҥ эбит*
3 л. *кини барыа суоҕа эбит*

Мн. число

I

1 л. *биһиги барыа суох (суоҕа) эбиппит*	'оказывается, мы не пошли бы'
2 л. *эһиги барыа суох (суоҕа) эбиккит*	'оказывается, вы не пошли бы'
3 л. *кинилэр барыа суох (суоҕа) эбиттэр*	'оказывается, они не пошли бы'

II

1 л. *биһиги барыахпыт суох (суоҕа) эбит*
2 л. *эһиги барыаххыт суох (суоҕа) эбит*
3 л. *кинилэр барыахтара суох (суоҕа) эбит*

III

1 л. *биһиги барыа суохпут эбит*
2 л. *эһиги барыа суоххут эбит*
3 л. *кинилэр барыа суохтар эбит*

Отрицательное спряжение данной формы сослагательного наклонения возможно произвести и синтетическим путем — путем непосредственного принятия аффикса от-

рицания причастием на *-ыах* (*барымыах эбиппин*, *барымыах эбиккин*, *барымыах эбит* и т. д.). Однако эта форма отрицания употребительна в языке менее активно, чем остальные.

3. Употребление и значение формы на *-ыах/-ыа эбит*

§ 7. По своему употреблению данная форма сослагательного наклонения ничем не отличается от предыдущей формы. Наряду с преимущественным употреблением в составе условного периода она может употребляться в составе предложений и другого типа, а также самостоятельно. По выражаемой модальной семантике же она имеет небольшое отличие от предыдущей формы. Это отличие состоит в том, что она при сохранении всех вышеописанных значений первой формы несет в себе дополнительный оттенок перфективности, который вносится формой *эбит* — модальным словом со значением 'оказывается', 'как установлено', т. е. если сослагательная форма на *ыах/-ыа этэ* служит для обозначения вообще потенциально-возможных действий в плане прошедшего или будущего времени, то сослагательная форма на *-ыах/-ыа эбит* служит для выражения таких потенциальных действий, возможность осуществления которых обнаруживается или осознается говорящим лицом по определенным, наличествующим на момент речи, приметам.

В сказанном можно убедиться из нижеприводимых примеров: Атын күн эбитэ буоллар, доҕотторум суруктарыттан *күлүөх эбиппин* (НА СҮө 168) 'Был бы какой другой день, *я бы, оказывается, посмеялся* над письмом своих друзей'; Тыый, эһэ баара буоллар, миинэ *туһуө эбиккин* (АФ ТА II 347) 'Тьфу-ка, ты, будь бы медведь, *оказывается*, ты прямо на него и *сел бы*'; Аҥардас ийэм тылынан сылдьыбытым буоллар, сүөһү аттыгар *уктаниэ суох эбиппин* (МД ТА 212) 'Если б я во всем слушалась только своей матери, я, *оказывается*, к скоту, близко *не подошла бы*'.

Разбираемой сослагательной формой может также передаваться:

1. Оттенок совета, наталкивания на совершение желательного или, наоборот, совета воздержаться от нежелательного действия со стороны говорящего лица. Көстүүмүн киртийэн эрэр. *Ыраастатыа эбиккин* (НА С 36) 'Костюм

твой подгрязнился. *Надо бы тебе его дать в чистку*'; Ваня, тәһө да соҕотоҕун иһин, Асяҕытын боростуой соҕустук *иитиэ эбиккит* (ДО К 35) 'Ваня, хотя она у вас и единственная, но вашу Асю *надо бы* попроще *воспитывать*; Атыны да *лахсыһыа эбиккит*, кырдьаҕас, эрэйии-кыһалҕаны билбит дьон быһытынан, аны тыл-өс *буола сылдьыа* (АС КС 29). *Говорили бы* о чем-нибудь другом, как подобает старым, познавшим жизнь людям, а то пойдут всякие разговоры'.

2. Оттенок просьбы, пожелания к совершению действия. Мин дьиэбэр бара түһэн *кэлиэ эбиппин* (АА ПУо 167) '*Я бы сбегал* домой ненадолго'; Биир эмэ ырбаахы таҥаһа табаар оҕотун *биэриэх эбиккин* (К ТА 216) '*Дала бы* ты мануфактурки хоть на одну рубаху'.

3. Оттенок мягкого укора, выговора преимущественно по поводу нецелесообразности, с точки зрения говорящего лица, совершенных до момента речи действий. Маннык улахан суолга таһаарар буолан бараҥҥыт, бэрэстээтэли биитэр парторгу кытта *кэпсэтиэ эбиккит* (НА СҮө 137) 'Раз Вы решили вынести такое важное решение, *Вам надо было переговорить* или с председателем, или с парторгом'; Миичэкэ, эн оҕобут да туһугар уһаты-туора *тыллаһыа суох эбиккин* (АС КБ 19) 'Дмитрий, ты бы хоть ради нашего ребенка лишнего не *говорил бы*'; 'Итини баҕас *өйдөөхтүө да эбит* (АА СК 247) 'Это-то он *должен был бы понять*'.

4. Сослагательная форма на *-ар этэ*

§ 8. Третья форма сослагательного наклонения в якутском языке образуется сочетанием причастия на *-ар* и вспомогательного глагола *э-*; в отличие от первых двух она имеет только один тип спряжения, при котором изменяется вспомогательный глагол и неизменным остается причастие (исключение составляет одно третье лицо множественного числа, которое допускает изменение и основного глагола).

Положительная форма

Ед. число

1 л. *мин барар этим* 'я пошел бы'
2 л. *эн барар этиҥ* 'ты ...'
3 л. *кини барар этэ* 'он ...'

Мн. число

1 л. *биhиги барар этибит* 'мы пошли бы'
2 л. *эhиги барар этигит* 'вы ...'
3 л. *кинилэр барар этилар* 'они ...'

Отрицательная форма

Ед. число

1 л. *мин барбат этим* 'я не пошел бы'
2 л. *эн барбат этиҥ* 'ты ...'
3 л. *кини барбат этэ* 'он ...'

Мн. число

1 л. *биhиги барбат этибит* 'мы не пошли бы'
2 л. *эhиги барбат этигит* 'вы ...'
3 л. *кинилэр барбат этилэр* 'они ...'

§ 9. Как видно из таблицы, данный вариант сослагательного наклонения совпадает с формой прошедшего незаконченного времени (имперфекта) изъявительного наклонения. Вернее в основе обоих их лежит одна общая форма. Только в первом случае времяобразующим компонентом сочетания является вспомогательный глагол *э-*, стоящий в форме прошедшего категорического времени, отсюда и значение прошедшего времени. Во втором же случае таковым выступает причастие на *-ар*, содержащее в себе значение настояще-будущего времени, осложняемое оттенком сослагательности, которое создается при помощи глагола *э-*.

Таким образом, данная аналитическая форма — конструкция оказалась расчлененной на две отличных по значению самостоятельных формы — в зависимости от того, какой из его компонентов выступает доминантой по значению.

Примечание. Стяженная форма имперфекта не создает значения сослагательности, употребляясь только в собственном своем значении.

§ 11. По своему значению и употреблению данная форма сослагательного наклонения значительно отличается от первых двух: она может употребляться только в составе условного периода и не может употребляться самостоятельно: она имеет оттенок сослагательности и не имеет остальных модальных оттенков, свойственных сослага-

тельным формам на *-ыах/-ыа этэ* и *-ыах/-ыа эбит*. Ганна, ийэм көрөллөрө буоллар... төһө эрэ *сөбөллөр этэ*! (СД МЭК 77) 'Если бы Ганна и мать увидели это, *как бы они удивились*!' Оо, Сэдьүк ону билэрэ буоллар, Уйбаанчаны төһө эрэ *мөҕөр этэ*? (НЯ КҮ 9) 'О, если бы это узнал Седюк, *как бы он наругал* Иванчу? Мин дьиэбэр баарым эбитэ буоллар, кини ити курдук *быһыыламмат этэ* 'Если бы я был дома, *он* так *бы не повел себя*; Мин көмүс сымыыттарым тыыннаахтара буоллар, төһө эрэ дьоллоохпун *диир этим* (НЯ Т 203) 'Если б были живы мои родненькие, как *бы я себя считала* счастливой'.

§ 12. Третий вариант сослагательного наклонения является общетюркской формой, имеющей место в целом ряде других тюркских языков, тогда как первые два имеют место только в якутском языке.

ГЛАВА IX
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. Предположительное наклонение в якутском языке впервые было отмечено Н. С. Григорьевым в его школьной грамматике якутского языка [109]. Более углубленному разбору оно подверглось в работах Л. Н. Харитонова [110].

§ 2. Предположительное наклонение образуется от основы причастия на *-тах*, принявшей аффиксы принадлежности.

1. О причастии на *-тах* (*-дык*) в тюркских и якутском языках

§ 3. Причастие на *-тах/-дык/-дук* имеется не во всех тюркских языках. Оно зарегистрировано в памятниках древнетюркской письменности (орхоно-енисейской и уйгурской), в языках огузской группы и в якутском языке.

§ 4. В орхоно-енисейских памятниках причастие на

[109] M. I. Kirgielejep. Saqa tьiьn kьramaatьkata. M., 1938, стр. 127.

[110] Л. Н. Харитонов. Саха тылын грамматиката. Морфология, 1951, стр. 27; Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 213.

-дук, по Радлову, не выступает в качестве прилагательного и субстантивированного имени [111]. В падежных формах оно служит для выражения отношения зависимого предложения к главному [112]. С. Е. Малов находит, что причастие на *-дук* (и в положительном, и в отрицательном аспекте) в языке памятников употреблялось: 1) в качестве сказуемого придаточного предложения в составе сложноподчиненных предложений, чаще всего в сочетании с послелогом *üсüп* 'для, ради, вследствие', а также с модально-вводным словом *ärinc* 'пожалуй, возможно, надо думать'. Ol järkä ƅän, ƅilgä Toñuquq, *tagürtük üčün* saruγ altuŋ, örün kümüs, quz quduz, ägritäƅi, aδu ƅuŋ suz kälürti (СЕМ ПДП 64). 'Так как я, мудрый Тоньюкук, дошел (с войском) до этого города (букв: до этой земли), то он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (букв.: без границ)'. *Білмадӱк ӱчӱн* (јаблакыңын ӱчӱн ärim каҕан уча барды) (СЕМ ПДП: 31). 'Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя — каган улетел (т. е. умер)'. Анта кісрä інісі äчісін тäг *кылынмадук äрінч*, оҕлы каңын тäг *кылынмадук äрінч* білігсіз каҕан олурмыс äрінч, јаблак каҕан олурмыс äрінч, буйурукы јäмä білігсіз äрінч јаблак äрміс äрінч (СЕМ ПДП 29) 'После того, так как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то (сели на царство), надо думать, неразумные каганы, надо думать сели трусливые каганы и их «приказные» были также неразумны, были трусливы; 2) употреблялось в качестве определения. *Бардук* јірдä äдгуг ол äрінч (СЕМ ПДП 34) 'И в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего'. Тӱрк будун *illäдук* ilin ычҕыну ыдмыс, *каҕанladук* каҕаныn јітӱрӱ ыдмыс (СЕМ ПДП 29). 'Тюркский народ привел в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз и навлек гибель на царствовавшего (до того времени) кагана'; 3) в падежных формах (чаще местного падежа, реже винительного падежа) употреблялось в обстоятельственной функции. Каҕым

[111] Die alturkischen Inschriften der Mongolei von W. Radloff. Driette Lieferung, 1895, 420.
[112] Die altturkischen Inschriften der Mongolei von Dr. W. Radloff, Neu Folge, 1897, 116.

каҕан *учдукда*, інім Kÿl tігін јі(ti јашда kaltы, он јашда) (СЕМ ПДП 31). 'По смерти моего отца-кагана мой младший брат, Кюль-Тегин остался семи (?) лет (от роду): в десять лет'. Мін öзім каҕан *олуртукыма jip* саjу бармыш будун ölÿ jilÿ jaдaҕын jal ацын jана kälti (СЕМ ПДП 31) 'Когда я сел на царство по всем странам бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришел (к нам) обратно'.

§ 5. То же самое В. М. Насилов в древнеуйгурских памятниках находит, что причастная форма на *-дук*/*-дүк*, *-тук*/*-түк* «выступает чаще всего в различных падежных формах и образует предикативные компоненты развитых членов предложения», «что встречаются определительные компоненты, выражающие атрибутивные признаки объекта действия», «можно наблюдать и полную субстантивацию глагольного имени на *-дук*/*-дүк*, *-тук*/*-түк*, а также, что глагольное имя на *-дук*/*-дүк*, *-тук*/*-түк*, употребляясь с послелогами, выражает различные обстоятельственные категории» [113].

Таким образом, уже в древнетюркском языке причастие на *-дук* значительно отличалось от других причастных форм, в частности от форм на *-ар* и *-мыш*, прежде всего тем, что оно, как правило, не употреблялось в качестве личной спрягаемой формы глагола.

§ 6. В современном турецком языке форма на *-dık*, как установил А. Н. Кононов, употребляется в речи: 1) в «чистом», т. е. без наращивания других аффиксов виде; 2) с аффиксами принадлежности. В своем «чистом» виде форма на *-dık* представляет собой глагольное имя («причастие»), основное синтаксическое назначение которого состоит в выражении атрибутивно-предикативных отношений. В местном падеже она выражает обстоятельство времени и образа действия [114]. Форма *-dık*, принявшая аффикс принадлежности, как имя действия выступает во всех синтаксических функциях, свойственных имени, т. е. в функциях сказуемого, подлежащего, определения, дополнения и обстоятельств, в том числе и в функции главных членов предложения [115].

[113] В. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 53—54.

[114] А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка, М.— Л., 1956, стр. 439.

[115] Там же стр. 440.

Т. Дж. Дашчян находит, что в азербайджанском языке «глагольные имена на *-дыг* выражают грамматические значения, присущие глаголу, и значения, свойственные именам существительным. Как глаголы, они выражают значение времени, залога, аспекта, грамматического лица. Подобно именам существительным, присоединяют аффиксы принадлежности, склоняются, сочетаются с послелогами и служебными именами» [116]. Но «будучи зависимой формой, глагольное имя самостоятельного значения времени не выражает и специального аффикса для выражения значения времени не имеет. В языке за этой формой закреплено значение времени, которое протекает одновременно с действием управляющего глагола или же предшествует ему, т. е. имеет значение относительного настоящего или прошедшего времени» [117]. Грамматическое значение лица выражается посредством аффиксов принадлежности (*охудугум* — мое чтение и ... что я читал). В современном азербайджанском литературном языке представлены именительный, дательный, винительный и исходный падежи глагольного имени на *-дыг*. Очень редко встречаются формы родительного и местного падежей [118].

Л. А. Покровская находит, что в «гагаузском языке причастие на *-дык* в «чистом» виде сохранилось только в отрицательной форме *-мадык/-медик*, которая «обозначает негативный признак предмета, лица, явления, имеющий оттенок прошедшего времени» [119]. Одновременно она считает, что из сочетания причастия на *-дык* с аффиксом принадлежности 3-го лица произошло вторичное причастие на *-дыы*, которое следует рассматривать в качестве положительной формы причастия на *-мадык*, имеющий пассивное значение (*алдыы* «взятый», *истедии* «желанный») [120]. Л. А. Покровская в гагаузском языке также выделяет отглагольное имя на *-дык* со значениями: 1) имени существительного (типа русских *желанный*, *возлюбленный*,

[116] Т. Дж. Дашчян. Глагольные имена на *-дыг*, *ачаг*, *-маг* и *-ма* в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962, стр. 8.

[117] Там же, стр. 8, 9.

[118] Там же, стр. 9.

[119] Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 236.

[120] Там же, стр. 237.

пережитое) и 2) имени действия (типа русских *хождение*, *лежание*, *чтение*) [121].

В современном якутском языке причастие на *-тах* в «чистом», безаффиксальном виде также почти не употребляется. Академиком О. Н. Бетлингком и профессором Л. Н. Харитоновым была зафиксирована всего одна основа этого причастия от глагола *диэ* 'говорить' — *диэтэх*, способная выступать в роли определения: мин *диэтэх* киһи '*такой уж* человек, как я', эһиги *диэтэх* дьон '*такие уж* люди вы'. Правда, причастие на *-тах* в качестве определения может употребляться в составе некоторых развернутых обстоятельств. Сайылыкка *көстөх* киэһэ алладьы сиэбиппит 'В вечер *переезда* на летник (в вечер, когда переехали на летник) мы ели оладьи'; Былаашпын театрга *сырыттах* күн сүтэрбитим. 'Свой платок я потеряла в день *хождения* в театр (в день, когда ходила в театр)'; Сэттис кылааһы *бүтэрдэхпит* күн комсомолга киирбиппит (АФ ТА I 432) 'В день *окончания* седьмого класса мы вступили в комсомол'.

Наконец, «чистая» основа причастия на *-тах* способна употребляться в сочетании с послелогами *аайы*, *ахсын* типа: *бардах аайы* 'при каждом уходе', 'в каждый раз, когда уходим', *кэллэх аайы* 'при каждом приходе, в каждый раз, когда приходим'.

Примечание: Преобразование узкого гласного *-у/-ы* тюркского аффикса *-дук/-дыг* в широкий гласный *а* аффикса *-тах* в якутском языке объясняется известным соответствием широких тюркских гласных узким якутским и наоборот (*ай* — *ый*, *канат* — *кынат*, но *-ды* — *-да*, *-дук/-дыг/-тах*).

§ 7. Склонение причастия на *-тах* в якутском языке по сравнению с другими причастными формами в значительной степени разрушено. В формальном плане можно говорить о пяти сохранившихся падежных формах этого причастия.

1) Форма дательного падежа, выполняющая в языке в основном роль условного инфинитива. Өлөөрү гыммыт киһи *диэтэххэ* олус эрчимнээтик ынчыктыыр (АА СК 198) 'Для умирающего человека (*если сказать*, *если принять во внимание*, что умирающий человек) он стонет слишком энергично'; От охсуута омос *көрдөххө* бииргэ дылы

[121] Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 236.

(АА СК 158) 'Косьба сена на первый взгляд (если смотреть в первый раз) кажется одинаковой (по приемам)'; Уруогу аахпатахха дьыала сатаммат '*Если не прочитать* уроков, дело не пойдет'.

2) Частный падеж или пережиточная форма местного падежа притяжательного склонения, выступающая в качестве второй формы условного наклонения. *Кыһаннахпына* эн саҕа таҥнаа инибин (АФ ТА I 413) '*Если захочу*, наверняка буду одеваться не хуже тебя'; *Ааһа бардаххына* хоргутуом, хомойуом (ПО А II 116) '*Если проедешь мимо*, обижусь, опечалюсь'; Оройуонунан *кэллэхтэриҥ*, олус уһуохтара (АФ ТА I 27) '*Если приедут* через районный центр, сильно задержатся'.

3) Форма исходного падежа, выполняющая в основном обстоятельственные функции. «Арыылаахха» *көстөхтөн* ылата мин кинини көрсө иликпин 'Со времени *переезда* в «Арылах» я с ним еще не встречался; Кыра оҕо *эрдэххиттэн* тоҥуу хаары кэспитиҥ туох кэмнээх буолуоҕай? (АА СК 595) 'Мало ли набродился я по целинному снегу с самого *детства*; Тиэстэ бухатыыр табаарыстара *таһаарбатахтарыттан* бэккэ кыһыйан-абаран, мээлэ баран иһэн, биэс киһини көрсө түспүт (СО СО 11) 'Сильно раздосадованный *тем*, *что* его *не подняли* (его) товарищи, богатырь Тесто, идя куда глаза глядят, встретил пятерых людей'.

Однако исходный падеж положительной формы причастия на *-тах* за исключением глагола *эр-* в современном языке, как правильно заметила Е. И. Убрятова, становится все менее употребительным, часто заменяясь формой исходного падежа причастия на *-ыах*. Так, из нижеприводимых двух предложений «сайылыкка *көһүөхтэн* ыла мин кинини көрсө иликпин» и сайылыкка *көстөхтэн* ыла мин кинини көрсө иликпин» как более привычное и употребительное в современном языке воспринимается первое.

Что касается более часто употребительной формы исходного падежа причастия на *-батах*, то она в данном случае, судя по значению, скорее представляет отрицательную падежную форму широко употребительного в языке причастия на *-бым*, а не причастия на *-тах*.

4) Форма винительного падежа лично-притяжательного склонения, выступающая в синтаксическом плане в функции прямого дополнения. Мин *оҥордохпун* көр 'Посмотри, *как я сделал* (посмотри мной *сделанное*)'; Туйаарыма

Куо барахсаны былдьаан-талаан бараары *бысталаан эрдэхтэрин* көр эрэ (ПО А III 68) 'Посмотри-ка, *как они изощряются*, чтобы украсть-увезти прекрасную Туйаарыма Куо'.

Возможно изменение в этом падеже и отрицательного причастия на *-батах*, представляющего в данном случае тоже склоняемую отрицательную форму причастия на *-быт*, а не причастия на *-тах*. Бүгүн эн үлэҕэ *тахсыбатаххын* дьүүллүүллэр 'Сегодня обсуждают твой *невыход* на работу'.

5) Форма пережиточно-сохраняющегося родительного падежа. Тэрэпиэһинньиктээххэ караҕа суох эмээхсин сурдьа Болот оҕонньор *хонон олордобун* киэһэ Коля эмиэ баар этэ (ЭЭ ТА 65) 'В вечер *ночевки* младшего брата слепой старухи старика Болота в семье трапезника (букв.: у трапезниковских) Коля тоже был'; Ити уруу *буоллабын* дьыл улахан сут, хоргуйуу буолла (АФ ТА I 189) '*В год* этой свадьбы случились большой недород, голод'; Пхеҥьяҥҥа американецтар опернай театры *үлтү рууттэхтэрин* күнүгэр Пей Сю саа тутан охсуһа барбыт (АФ ТА I 189) 'В день *разрушения* американцами оперного театра в Пхеньяне Пей Сю пошел сражаться с оружием в руках'.

В синтаксическом отношении эта падежная форма служит в функции сказуемых придаточных предложений времени. При опущении основного глагола (это обычно имеет место в восклицательных предложениях) данная падежная форма начинает выполнять функцию сказуемого самостоятельного предложения. Оо, *үөрдэхпин*, улахан баһыыба, Толя (АФ ТА I 59) '*Как я рад* (*как я обрадовался*), большое спасибо, Толя'; Ыччакабын даа, этим *саластабын* (ПО А II 60) 'Брр, как сильно *я продрог* (букв.: *как сильно пробрал* меня мороз по коже!): Олорбучча олороот, бу үлүгэрдээх муҥҥа-таҥҥа *түбэстэхпитиэн!* (К ТА 207) 'После тихой жизни *попали же* (*угораздило же нам попасть*) в такие ужасные мучения-страдания!'

§ 8. Причастие на *-тах*, принявшее аффикс принадлежности, может выполнять в языке еще подлежащные функции, но такое его употребление носит довольно-ограниченный характер. Оно возможно только в восклицательно-эмоциональных предложениях... Киһи куйаката күүрүөх, *кыырдаба* тоҕо амырыынай! (ПО А II 54) 'Как зловеще его *камлание*, прямо волосы встают дыбом!' Эрэйдээх *бардаҕа* эмискэччитин! (АФ ТА I 39) 'Какой

внезапной оказалась *смерть* бедняжки!' (Как быстро скончалась бедняжка!)' Оокколорум *тубустахтара* дөбөнүг! (АА КСХ 221) 'Как быстро состоялось *примирение моих* деточек (Как быстро помирились мои дорогие детишки!)' *Эттэбиг* эриэккэһин даа! (АС И 56) 'Как прекрасно сказал ты (букв.: как прекрасно *сказанное* тобою)'.

Причастие на *-тах*, присоединившее к себе аффикс принадлежности, также может одновременно выполнять роль сказуемого главного и роль подлежащего зависимого предложения в составе сложноподчиненного предложения типа: Алта уон сэттис хаарым *уулуннаба* бу дии (АА КСХ 321) 'Вот и *растаял* мой 67-й снег'; Бу аан дойдуга төрөөн-үөскээн олорон *бүттэбим* бу (ПО А II 117) 'Вот *и окончил я* свою жизнь, родившись, расплодившись на этом свете'; Көлөһүммүтүн *быыһаатахпыт* ити дии (АФ ТА I 18) 'Вот и спасли мы свой труд (вот и *спасение* нашего труда)'; Оттон ол сэриилэһэн бу былааһы *ылахтара* ити дии (АА КСХ 65) 'Вот так, повоевав, они *захватили* эту власть'.

Таким образом, по сравнению с другими тюркскими языками (турецким, азербайджанским, гагаузским), в которых именные свойства причастия на *-dık/-дыг* проявляются более отчетливо, в якутском языке, эти свойства в причастии на *-тах*, наоборот, заметно ослаблены.

Особенность развития причастия на *-тах* в якутском языке состоит в том, что оно пошло в направлении большего оглаголивания формы, чем это имеет место в других тюркских языках. Е. И. Убрятова не без основания считает причастие на *-тах* формой, имеющей тенденцию перейти в собственно-глагольную форму и легшей в основу двух глагольных наклонений в языке, в том числе разбираемого предположительного наклонения.

2. Спряжение и значение предположительного наклонения

§ 9. Предположительное наклонение, видимо, надо считать одним из самых «молодых» наклонений в якутском языке. Процесс становления его в качестве самостоятельного наклонения можно считать завершающимся на глазах. Выполняемая им модально-семантическая нагрузка довольно еще разнообразна, неоднородна и далеко не

укладывается в рамки одной предположительной модальности.

Спряжение предположительного наклонения нам представляется в следующем виде:

Положительная форма

Ед. число	Мн. число
1 л. *мин бар-даб-ым*	1 л. *биһиги бар-дах-пыт*
2 л. *эн бар-даб-ыҥ*	2 л. *эһиги бар-дах-хыт*
3 л. *кини быр-даб-а*	3 л. *кинилэр бар-дах-тара*

Синтетической отрицательной формы это наклонение не имеет. В качестве ее отрицательной формы все более стабилизируется аналитическая форма в составе отрицательной формы на *-табым* и модального слова *буолуо*:

Ед. число	Мн. число
1 л. *мин барбатабым буолуо*	*биһиги барбатахпыт буолуо*
2 л. *эн барбатабыҥ буолуо*	*эһиги барбатаххыт буолуо*
3 л. *кини барбатаба буолуо*	*кинилэр барбатахтара буолуо*

§ 10. Особенность предположительного наклонения в якутском языке состоит в том, что оно в отличие от многих наклонений глагола не обладает одним постоянным временным значением. В зависимости от конкретных контекстных условий может выражать различные временные оттенки и значения. Прежде всего сама предположительная модальность, т. е. предположение говорящего лица об уже состоявшейся совершенности действия, локализует действия этого наклонения в прошедшем времени. Чэ, хааллын, биирдэ *итирдэбим* дии оттон (АА КСХ 137) 'Ну, хватит, выходит, один раз я *опьянел* (имею же право один раз опьянеть)'; Хайаан да Валя *дьиибэрдэбэ* (АФ ТА I 150) 'Это непременно Валя *напроказила*'; Буруйдаама, кинилэр билбэккэ *өлөрдөхтөрө дии!* (ПО А II 35) 'Не вини, они ведь (конечно) по незнанию *убили*'; Ол-бу буолан кубулунума, булбуккун билэн бачча ыраах сиргэ *кэллэхпит дии!* (НЯ КҮ 92) 'Не ломайся, не хитри, мы в такую даль *приехали* только потому, что узнали, что ты нашел (по контексту: золото)'; Ол аата күлүүспүтүн *алдьаттахтара дии*... Били окко киирдэххэ сиэниллиэ диэн уурбут мэккэ бурдукпутун *мэлиттэхтэрэ* (ЭЭ МЫ

197) 'Это значит, они *взломали* наш замок... значит, прибереженную для сенокоса нашу муку *унесли!*'

Оттенок предположительности уже совершенных действий в подобных случаях часто усиливается дополнительным присоединением модального слова *буолуо* 'наверное, видимо'. Тукаам, түргэнник бар, *хойутаатаҕын буолуо* (АФ ТА I 33) 'Иди быстрее, дружок, *опоздал, наверное*'; Бука мунньаҕы буутайдыы *кэллэҕэ буолуо* (ПО А III 256) '*Наверне, пришел* собрание путать'; Бөлүүҥҥү хаһыны бэйэҕит *билләххит буолуо* (АФ ТА 1 17) 'О сегодняшнем (случившемся сегодня ночью) заморозке вы уже и сами *узнали, конечно*'; Бадаҕа кыыһы, кыыс тахсан барбытын оннук олуонатык сөбүлүүр харахпынан көрөн *хааллаҕым буолуо* (Кыым, 1, V, 64) '*Должно быть, я остался смотреть*, на девушку, на ее выход своими влюбленными глазами довольно неприлично'.

Как явствует из контекста, во всех приведенных примерах форма на *-тах* служит для обозначения действий, уже совершенных, уже состоявшихся к моменту речи.

§ 11. Наряду с этим в якутском языке имеет место употребление формы предположительного наклонения в значении, близком к значению прошедшего категорического времени на *да* или даже совпадающем с ним, но только осложненном дополнительным эмоционально-модальным оттенком. Такое ее употребление особенно заметно в фольклорных произведениях (олонхо, прежде всего), а также в языке якутских писателей старшего поколения, а спорадически и в современном литературном языке.

Орто дойдуга оҕо төрөөммүн, аал уот баһын билбэтим. Эрэй диэни *эҥэрдэстэҕим*, буруй диэни *муҥнастаҕым* (ИП и РЯ 115) 'Родившись младенцем, не познал я на белом свете (букв.: в серединном мире), что значит быть главой уютной семьи (букв.: уютного очага). Со страданием *спутничал ведь* я, с мучениями *боролся ведь я!*'

Үс харыс үрдүүргэ дылы буолла, үс тутум үллэргэ дылы буолла. .. Ону көрөн баран ол дойду улуу удаҕана *аймана түстэҕэ, айдаарбытынан бардаҕа* (ПО А IV 297) 'На три пяди словно возвысился, на три корха словно раздулся... Увидев это, великая удаганка той страны сразу *заволновалась, зашумела, конечно*';

Төһө-мө тоххору олорон баран, биир сарсыарда туран, Хаан Дьаргыстай доҕоругар, Өксөкүүлээх Бэккистэйгэ

эттэбэ: — Доҕоор! бу биһиги баай мунгун байдыбыт, тот мунгун тоттубут, олох үтүөтүн олордубут» (ИАХ ОНЛЯ 164) 'Прожив довольно изрядное время, однажды утром Хан Джаргыстай другу Ексекюлях Бэкистэй *сказал*: «Друг! Мы разбогатели и насытились предельно, прожили жизнь славную'; Харытыана эрэйдээх, тэнгэһиэ дуо, туран бэйэтин тэллэҕин-суорҕанын уонна эрин таҥаһын хомуйан ампаарга орон оҥоро *таҕыстаҕа* (ПО А II 188) 'Бедняжка Харитина (что ей оставалось делать), встав и собрав свою постель и одежду мужа, *вышла, конечно*, в амбар стелить постель'. Бу олордохпутуна, дьэ доҕоор, хайа эрэ диэккиттэн дьахтар *кыланнаҕа* (К ТА 248) 'Когда вот так сидели (что бы ты думал), дружище, с какой-то стороны вдруг женщина пронзительно *воскрикнула ведь!*' Эн дьоллоох-соргулаах сырыыҥ туһугар, диэн дьиэлээх хотун хардары хоруйдаан, үрүүмкэ көтөҕөн тыл *эттэҕэ* (ПО А II 120) 'За твое счастливое, удачное путешествие', так хозяйка в ответ, подняв рюмку, тост *произнесла* (разумеется, конечно)'; Барсук ойон туран окороогу сиэн кэбистэ... Дьэ, уонна санаата нус буолан, иһигэр кулбэхтээн баран, төнүргэс урдүгэр бүк түһэн, салбана-салбана *утуйан буккураттаҕа* (ПО А II 32) 'Барсук, вскочив, съел окорок. А затем, удовлетворенный, ухмыляясь про себя, свернувшись на пне клубком, облизываясь, *заснул, засопел*'; Өндөйөн көрбүтэ, бэртээхэй кырса өлөөрү *тэбиэлэнэ сыттаҕа* (Кыым, 18, X, 66) 'Когда он приподнялся — в предсмертных судорогах *лежит* прекрасный песец'.

В приведенных примерах форма на *-тах* совершенно не содержит оттенка предположительности. Наоборот, она несет оттенок явного утверждения совершенности действия до момента речи, т. е. здесь она, нам кажется, выполняет функцию прошедшего категорического времени на *-та*, правда, сопровождаясь при это в зависимости от контекста, различными дополнительными эмоционально-модальными оттенками. Последние, по нашим наблюдениям, могут быть достаточно большого диапазона, они могут отражать восхищение, восторг, удовлетворение, утверждение, удивление, недовольство, досаду, возмущение говорящего лица по поводу совершенного действия.

Об использовании формы на *-тах* в аналогичных случаях в заместительной функции вместо формы прошедшего времени на *-да* косвенно свидетельствует и их смешанное, одновременное употребление в широких контекстах (см.

первый, второй и последний из приведенных выше примеров).

Обычно при таком употреблении форма на *-тах* сопровождается еще модальными словами *үһү*, *ини*. Сиһим дэлби *ырыйдаба үһү* — эмээхсин айалаан туран сылабаарга чох укта (АФ ТА I 352) '*И разболелась же* (*как разболелась, ведь как разболелась*) моя поясница,— старуха, охая, подошла и подбросила углей в самовар'; Сатахха, кэлбитим кэннэ тойонум оҕонньор кытаанах үлэни үлэлэтэн *өлөрдөбө үһү* (НН ТА 174) 'И, как назло, после моего приезда свекор *одолел* меня тяжелой работой *ведь*'; Эмээхсин эргиллэ түһэн, сиэнэ соҕотоҕун көрөн уоскуйда. Киһини *соһуттаба үһү*! (АА КСХ 75) 'Старуха, обернувшись назад и увидев, что внук один, успокоилась. Ну, *и напугал же* (*вот ведь как напугал*) меня!'

Саманнык саталаах тыалы көрө илигим, *көрдөбүм ини* (ПО А IV 238) 'Такого сильного ветра я раньше еще не видывал, наконец, *значит*, (наконец вот) *увидел*'. В данной функции форма на *-тах*, как и форма прошедшего категорического времени на *-та*, в качестве стилистического приема может употребляться и для обозначения предстоящих — будущих действий или, точнее, для обозначения решимости, подтверждения согласия говорящего лица на совершение действия в скором будущем. Дьэ *бардабыым*, *ойдобум!* (СО ТА I 31) 'Значит, *я пошел*, *поскакал* (т. е. *я пойду*, *поскачу*, *готов пойти*, *поскакать*). Сравните предложение *дьэ бардым*, *ойдум* в таком же самом употреблении.

Описанная функция причастия на *-тах* дает нам возможность считать небезосновательной выдвинутую П. И. Кузнецовым гипотезу о том, что древнейшим значением формы на *-дык*/*-тах* было, видимо, временное значение [122]. Приведенные примеры можно как раз расценивать как показатель реликтового сохранения первоначального свойства формы на *-тах* выражать конкретное временное значение, значение прошедшего времени в частности.

Эта мысль находит определенное подтверждение в том, что в памятниках древнетюркской письменности мы обнаруживаем некоторые примеры, когда отрицательная форма причастия на *-дук* явно употребляется в качестве отрица-

[122] Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, стр. 54.

тельной формы прошедшего времени. Uluɣ āb örtänmiš, qatyḏa tägi *qalmaduq*, bökiḏä tägi *qodm(ad)uq*,— tir, anča biliḏlär: jablaq ol (СЕМ ПДП 81). 'Большой дом, говорят сгорел. *Не осталось* даже основания. *Не осталось даже* забора (крыши?). Так знайте: это дурно!' ... Oɣlyn kišisin *utuzmaduq* jana toquzon boš qoń utmyš (СЕМ ПДП 88) 'Своего сына и жену его он *не проиграл*, а даже выиграл еще свободных (?) девяносто баранов'.

В. М. Насилов находит, что в древнеуйгурском языке встречаются примеры, когда причастие на *-дук/-дүк*, *-тук/-түк* употребляется в предикативной позиции, но приводит он примеры только на отрицательную форму этого причастия. Кангы хан өчи қатун эшидип экүн (икин) кәlип оғлынга нәчә антсар, нәң кигинч *бирмәдук* 'Его отец-хан и его мать-госпожа, услышав, оба пришли, и сколько бы ни спрашивали сына, никакого ответа (он) *не дал*'[123].

Судя по тому, что в памятниках мы обнаруживаем две формы прошедшего времени (на *-ты* в положительном и отрицательном аспектах, на *-мыш* только в положительном аспекте спряжения) и судя по выражаемой ими семантике, форма *-мадук* уже в них стала употребляться в качестве отрицательной формы времени на *-мыш*. Это мы имеем и в современном якутском языке. Отрицательная форма прошедшего результативного первого и прошедшего повествовательного времен, в основе которых лежит причастие на *-быт*, образуется с помощью аффикса *-батах* (т. е. аффикса отрицательной формы причастия на *-тах*, а не аффикса отрицания причастия *-быт*, каковых в якутском языке нет, так же как и в древнетюркском языке). Ср.: *бар-быт — бар-ба-тах*, *бар-быт-а — бар-ба-таб-а*.

Аналогичное явление мы обнаруживаем и в гагаузском и туркменском языках. Л. А. Покровская, как мы уже указали выше, находит, что в гагаузском языке причастие на *-дык* сохранилось в «чистом», т. е. первичном, виде только в отрицательной форме *-мадык*, *-медик*. Далее она устанавливает, что причастия на *-мадык* имеют очень сходные с причастием на *-мыш* грамматические значения. Вместо отрицательной формы причастия на *-мыш*, т. е. *-мамыш* может употребляться причастие на *-мадык*. *Кайнанмыш киреч* 'гашеная известь', *кайнанмадык киреч*

[123] В. М. Насилов. Указ. соч., стр. 55.

'негашеная известь' [124]. Э. Каджарова утверждает, что в современном туркменском литературном языке аффикс *-мадык* употребляется как отрицательная форма причастия на *-ан*: *окан китабым* 'прочитанная мною книга', *окамадык китабым* 'не прочитанная мною книга' [125].

Таким образом, развитие причастия на *-тах* в якутском языке продолжило линию языка древнетюркских памятников, пошло так, что его отрицательная форма сегодня полностью отошла от него и воспринимается в качестве отрицательной формы причастия на *-быт*. В результате этой утраты синтетической отрицательной формы данного наклонения, как нам кажется, вызвана к жизни аналитическая форма отрицания его.

Нам кажется, что с этим обстоятельством надо связывать и изменение более древних функций и качеств формы, в частности разрушение и утрату его временной функции (выражение прошедшего времени, реликтовое проявление которого мы увидели выше) и приобретение новых функций и свойств.

В качестве одной из таких функций можно отметить употребление формы предположительного наклонения в некоторых контекстах в значении, почти совпадающем со значением близкого будущего времени повелительного наклонения. Или его употребление для обозначения признания говорящим лицом очевидности, естественности совершения данного действия, согласия с ним, подтверждения необходимости этого действия. Улахаҥҥынан даҕаны, көссүөҕүнэн да аны барыбытынааҕар *ордук буоллаҕын*, онон эн *бардаҕын!* (СО 9) 'Ты ростом, и нравом своим *лучше* всех нас, поэтому *ты иди* (*следует идти тебе*)'; Кинини *талларпыт*, кинини *көрдөстохпут!* — дэсиһэн, суугунаһан Тойон кыылы талан ыыппыттар (СО 16) '*Значит*, *изберем* его, *попросим* его — загалдели все, затем избрали и послали Орла'; «Оо, дөбөҥнүк да утуйар киһи доҕор! — дии санаата Ваня.— Мин хата, оргууй сылан тураммын, оҕонньорго *бардаҕым* (АА КСХ 405) 'О, как быстро он засыпает (букв.: какой быстро за-

[124] Л. А. Покровская. Указ. соч., стр. 236, 237.
[125] Э. Каджарова. Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1964.

спящий человек) друг,— подумал Ваня.— Я лучше потихоньку поднимусь и *пойду* к старику'.

Очень часто в этих случаях оттенок решимости или призыва к действию подчеркивается усилительной частицей *дии*. Чэ, гражданнар! Мунньахпытын *мунньахтаатахпыт дии* (ПО А III 210) 'Ну, что же, граждане! *Начнем* наше собрание (другого не остается)'; Эһиги мигин кырдьык өлөрүөххүгүн баҕарар буоллаххытына куулга уган баран, ойбоҥҥо *уктаххыт дии* (СО 51) 'Если вы на самом деле хотите убить меня, так давайте затолкайте меня в куль и *спустите* в прорубь (это ведь так ясно, очевидно)'; Кэлэн манна олор, табаарыскар *көмөлөстөбүн дии* (АФ ТА I 55) 'Подойди, присядь здесь, *помоги* своему товарищу (*надо же помочь* своему товарищу)'; Людочка, дьиэҕэр *төнүннэбин дии* (ХС, 1964, 2, 90) 'Людочка, *вернись-ка ты* домой (*тебе следует вернуться* домой)'.

§ 12. В некоторых контекстах форма предположительного наклонения приобретает желательно-сослагательный оттенок. Такое употребление формы имеет место в эмоционально-экспрессивных восклицательных и вопросительных предложениях и обычно в сопровождении каких-либо модальных слов и частиц (*саатар*, *бабас*, *дуу* и др.). Бу бараахсан аты сааһым тухары ат *гыннабым дуу!* (ПО А II 127) '*Вот бы завладеть* (*как было бы хорошо завладеть*) этой прекрасной лошадью на всю (мою) жизнь'; Күтүр тыллаах буолан, *кэпсээтэбин бабас дуу!* (АА КСХ 391) 'Болван, как имеющий язык (обладающий даром речи) *хоть бы рассказал*'; Сатаатар, били Ирабыт кэлэн, хаһыат *аабан биэрдэбэ дуу!* (АФ ТА I 86) 'Хоть бы та (наша) Ира пришла и газетку *прочитала* нам'; Биһиэхэ саатар ити күөл чиэппэрин саҕа *күөллээх буоллахпыт дуу!* (МД АЛ 107) '*Иметь бы нам озеро*, хотя бы с четверть этого озера'; Оо, кини билигин *тиийэн бабас кэллэбэ дуу!* (НН ТА 174). '*О, хоть бы* он сейчас *пришел* сюда!'

§ 13. Глаголы предположительного наклонения могут пониматься в плане настоящего времени, если в составе конструкции или оборота имеется:

1) деепричастие на *-ан*: Көннөрү күүлэйдии *баран истэбин дии* (АФ ТА I 51) 'Значит, *ты идешь* просто гулять'; Ийэтэ билигин улэтиттэн *бутэн эрдэбэ* (АС КБ 32) 'Мать (его) сейчас, *наверное, кончает* работу'; Оттон кырдьыга, улахан баай-дуол Улахан Эбэ сис хайаларыгар

сөҥөн сыттаба (АФ ТА I 21) 'В самом-то деле большие богатства, *надо полагать, лежат* скрытыми в глубине гор Улахан Эбэ'; Мин үс оҕолоохпун, онон балачча ыал буолабын, ону бэйэҕит бэркэ *билэн олордоххут* (АФ ТА I 115) 'У меня трое детей, так что имею порядочную семью, это вы сами *знаете* прекрасно (букв.: *зная, сидите*)'.

2) если в составе конструкции наличествует форма на *-а/-ыы*: Ытаабатах бэйэкэм, *ытаахтыы олордобум* (ПО А III 74) 'Никогда раньше не плакавшая, *плача, значит, сижу я*'; Ол аата, эн кулууптан *кэлэ сырыттабын?* (ХС, 1964, 2, 47) '*Значит, ты* из клуба *ходишь?*' Ыллыыр оннугар *ынчыктыы турдабым*, ымаҥныыр оннугар *ытыы сырыттабым* (ПО А III 119) 'Вместо того чтобы петь, *стеная стою*; вместо того чтобы улыбаться, *плача хожу*'; Ол аата тугуй, *саалана истэбин дуу?* (ХС, 1964, 2, 50) 'Что же это *охотиться, значит, ты идешь?*'

Выражение значения настоящего времени в этих случаях связано, видимо, с тем, что глагол предположительного наклонения здесь вступает в сочетание с функционально-служебными глаголами, выступающими в деепричастной форме и выполняющими видовые функции (в частности, характеризующими продолжающуюся в момент речи длительность действия);

3) этим же, видимо, объясняется и то, что видообразующие функционально-служебные глаголы на *-тах* могут выражать в некоторых контекстах значение настоящего времени и без вступления в сочетание с деепричастными формами основных глаголов. Ээ, оттон бу манна сылдьа үөрэммит сирбэр *сырыттабым дии* (К ТА 96) 'Ну, что же, я вот и *хожу* здесь по привычным для меня местам'; Тыый, оттон от диэн онно, Балаҕаннаахха *сыттаба дии* (ХС, 1964, 2, 42) 'Что ты говоришь, вот там, именно в Балаганнахе, *наверное*, и *есть* настоящая трава'; Киһи омугун дьүһүнэ быһаарар *диэтэбин дуу* (ХС, 1964, I, 19) '*Разве ты думаешь*, что облик национальности определяет человека'.

§ 14. Таким образом, хотя семантика формы на *-тах*, как видно из вышеприведенного описания, довольно разнообразна, но в ней достаточно четко улавливается ее основное модальное значение — значение предположения о совершении действия к моменту речи, и это позволяет нам рассматривать ее в качестве особого предположительного наклонения глагола в якутском языке.

В вопросительном аспекте глаголы предположительного наклонения спрягаются не единообразно. Так выглядит их спряжение в вопросительной форме:

Ед. число

1 л. *мин* + вопр. слово + *бар-дах-пын-ый*
2 л. *эн* + » » + *бар-дах-хын-ый*
3 л. *кини* + » » + *бар-даҕа-й*

Мн. число

1 л. *биһиги* + вопр. слово + *бар-дах-пыт-ый*
2 л. *эһиги* + » » + *бар-дах-хыт-ый*
3 л. *кинилэр* + » » + *бар-дах-тара-й*

Как видно из приведенной таблицы, 1-е и 2-е лицо единственного числа спрягаются иначе, чем все остальные лица единственного и множественного числа: последние образуются путем присоединения вопросительного аффикса к основе причастия на *-тах*, осложненной аффиксом принадлежности. Что касается образования форм 1-го и 2-го лица единственного числа, то тут можно допускать следующие предположения:

1) что они образованы путем присоединения вопросительного аффикса к основе причастия на *-тах*, осложненной не аффиксом принадлежности, как в предыдущем случае, а аффиксом сказуемости (ср. *бар-дах-пын-ый* вместо ожидаемого *бар-даҕ-ым-ый*);

2) что они приняли свой современный вид в результате претерпевания некоторого фонетического преобразования, вызванного, скажем, стремлением к фонетической унификации по схеме 1-го и 2-го лица множественного числа, т. е. произошла замена губно-губного сонанта *м* в нашем примере *бардаҕымый* глухим согласным *п*, что соответственно повлекло за собой переход увулярного *ҕ* в заднеязычный *х* (*бардаҕымый* > *бардахпыный*);

3) что в основе вопросительной формы предположительного наклонения в 1-м и 2-м лице единственного и множественного чисел исторически лежит падежная форма (форма винительного падежа) причастия на *-тах*.

За возможность такого предположения может говорить тот факт, что современный якутский язык допускает и второй вариант воспросительной формы глаголов предположительного наклонения во множественном числе. Так,

наравне с формой *бардахпытый* в том же самом значении, без никакого привнесения дополнительных оттенков, употребляется форма *бардахпытыный*, которая ясно расчленяется на форму винительного падежа и аффикс вопроса.

Как бы то ни было, вопросительная форма глаголов предположительного наклонения в якутском языке относится к числу разноспрягаемых форм. Примеры на ее употребление: Мин ити икки кыһыл көмүстэрбин ханна быраҕан барыахпын саҥа *саҥара олордоххунуй?* (ПО А III 174) 'Как *ты можешь говорить* о том, что я могу куда-то уехать, бросив вот этих своих дорогих детей?' (букв.: свои два золотца?); Кырдьык даҕаны, туоҕум хара соругар, бу айылаах куйааска хара буору хаһан *сордонноххунуй?* (НЯ С 63) 'В самом деле, за какие свои грехи, в такую жару *я мучаюсь*, копая землю?'; Бу туох үлүгэрбитигэр *түбэстэхпитий?* (ПО А II 72) 'В какую же эту беду мы *попали?*' Нохоо, бүгүн эн туох буоллуҥ? *Боппуруостаан хааллабай* доҕор ... (АА КСХ 76) 'Парень, что сегодня с тобой случилось? *Надоел* своими вопросами?'.

§ 15. Вопросительная форма предположительного наклонения в 1-м и 2-м лице обоих чисел имеет в языке параллельно-употребительный стяженный вариант. Образование такого стяжения фонетически возможно и объяснимо от обоих возможных исходных вариантов вопросительной формы (на наших примерах и от *бардаҕымый*, *бардаҕыҥый* и т. д. и от *бардахпыный*, *бардаххыный* и т. д.). Туох диэн *эттеҥий*, Бүөтүкээ? (АФ ТА I 133) 'Что ты этим *хочешь сказать*, Петруха?' Бачча киэһэ тоҕо *бардамый?* 'К чему *мне ходить* так поздно?'; Дьоҥҥ утуттан тоҕо *хааллаҥтый*, барыстаххыт дии? Зачем вам отставать от своих, поезжайте с ними?.

§ 16. В некоторых контекстах вопросительное слово может опускаться, имея место в предшествующих предложениях или в какой-то степени подразумеваясь. В таких случаях вопросительный оттенок собственно-самой формой почти не выражается или выражается в весьма ослабленной степени. Семен киһи ооньоото буна *кыыһырдаҥай, доҕор*,— диэтэ Хандараас (АФ ТА I 114) 'Друг, Семену *незачем сердиться*, когда человек шутит,— сказал Кондраш (Друг, *зачем* Семену *сердиться*, когда шутит человек,— сказал Кондраш)'.

Полную вопросительную форму предположительного наклонения, образованную непосредственно от его основы, мы встретили только в «Образцах народной литературы якутов», собранных И. А. Худяковым и изданных под редакцией Э. К. Пекарского: Туох *буоллабыгый?* (ИАХ ОНЛЯ 93) 'Что с тобой *случилось?*' Эй, ол абааһы уола Ачыраман-Чачыраман тугун бэрдэ диэн *саҥара турдабыгый?* (ИАХ ОНЛЯ 110) 'Э, о каких достоинствах дьявола сына Ачыраман-Чачыраман *ты можешь говорить?*' Хайа бэйэбинэн баран *быһаатабымый-абыраатабымый?* (ИАХ ОНЛЯ 151) 'Какие же у меня возможности (силы), чтобы идти выручать — спасать? '

В современном языке подобная полная форма не встречается совсем.

§ 17. Выше мы отметили, что глаголы в форме предположительного наклонения, вступая в сочетание с послелогами и именами, могут выполнять обстоятельственные функции. В современном якутском языке особенно встречаются случаи употребления таких сочетаний в функции обстоятельств времени и причины.

Обстоятельства времени: Мин хас *хааматабым ахсын* бадылҕахтыыр этим (ПО А П 35) '*При каждом шаге я*, увязал'; Рабфагы бүтэрэн *табыстабым сайын* Ньукуустаах Даайа сыбаайбалаабыттара (СД МЭК 44) '*В то лето, когда я приехал по* окончании рабфака, Никуш с Даей сыграли свою свадьбу'; *Үлэлээтэхпит үһүс күнүгэр* мин төбөм дэлби ыалдьыбыта (АФ ТА I 103) '*На третий день нашей работы* у меня сильно разболелась голова'; *Холбостохпут утаа* эйиэхэ күнүүлээн, көхсүбүн тобулута сынньар этэ (АФ ТА I 393) '*В первые дни нашего сожительства* ревнуя к тебе, он сильно избивал меня (колотил меня в спину)'; Кинини кытта хас *көрүстэхпит аайы* кэриэтэ ити туһунан кэпсэтии күөрэйэн тахса турар буолара (ХС, 1964, 2, 23). 'Почти *при каждой нашей встрече* с ним всплывал разговор об этом'.

При употреблении в роли обстоятельства причины форма на *-тах*, принявшая аффиксы принадлежности, обычно вступает в сочетание с деепричастием на *-ан* других глаголов, чаще всего связочного глагола *буол-* и некоторых других. *Сөхтөбө буолан*, киэр хайыһан баран, айаҕын аҥар илиитинэн саба сапсыйда (ПО А П 65) '*Представившись очень удивленным*, он отвернулся и одной рукой прикрыл рот'; Уолбутун үөрэттэрэммит билиҥҥиттэн ыалбы-

тыттан *мөҥүлүнньэхпит диэхтээннэр*, Арамаасҡы ойоҕунуун пионер уолларын таһыйбыттар (АА КСХ 20) '*Подумав, что они уже оказались поруганными* соседями из-за того, что выучили сына, Ромашка с женой вздули сына-пионера'; Кардашевскай, *соһуйдаҕа аатыран*, хааһын сүүһүн диэки өрө сыҕайбыт (ХС, 1964, I, 19) 'Кардашевский, *сделав вид, что удивился* (в знак удивления), приподнял кверху (букв.: в сторону лба) свои брови'.

§ 18. В некоторых контекстах глаголы в форме предположительного наклонения вступают в сочетание с вспомогательным глаголом *буол-*, поставленным в форме 3-го лица единственного числа повелительного наклонения и служат традиционной формой выражения действий, представляющих благо- или злопожелания. Действия эти во временном плане, в зависимости от контекста, могут мыслиться как происшедшие до, так и предстоящие после момента речи. Аан дархан андаҕары, *андаҕайдахпыт буоллун*! (ПО А I 38) '*Пусть будет так, что мы поклялись* величайшей (наиклятвенной) клятвой, или пусть мы поклянемся величайшей (наиклятвенной) молитвой'; Эһиги эппэтэххит, иэйэхсит *эттэҕэ буоллун!* (ПО А II 47) '*Пусть будет так, что* не вы, а сама богиня размножения *сказала* это!'

Это сочетание может иметь место и в таких контекстах, где значение пожеланий значительно стерто, заменяясь оттенком согласия (соглашения с кем-либо в чем-либо).

§ 19. Форма предположения от вспомогательного глагола *буол-* во всех лицах обоих чисел может сочетаться с формами настояще-будущего и прошедшего результативного первого времени изъявительного наклонения, осложняя их дополнительным модальным оттенком предположительности обычного, настояще-будущего, а также уже совершенного к моменту речи действия. Америка атыыһыттара халаабыттарыгар эһиги *үөрэр буоллаххыт дии* (АФ ТА I 179) '*Значит, вы радуетесь*, что (нас) разграбили американские купцы'; Оскуолаларыгар кырдьаҕастары ытыктаан диэн *үөрэтэр буоллахтара* (АФ ТА I 34) '*Значит* (*видимо*), в школе их учат уважать старых'; Эһиги *билбэт эбит буоллаххыт* (АФ ТА I 115) '*Значит, вы не знаете*'. Эмиэ *аккаастаабыт буоллахтара* (АФ ТА I 96) '*Значит, они опять отказали*'; Умнан *эппэтэх буоллахтара* (АС КБ 16) '*Значит, они позабыли и не сказали*'.

Онон, айылааҕын, нэс *төлөстөхпүт буоллун* (ХС, 1964, I, 32) 'Таким образом, на худой конец, *пусть будет так*, что мы расплатились с долгами'.

В некоторых же контекстах форма предположения от глагола *буол-* в составе таких сочетаний выполняет роль усилительной частицы, примерно соответствующей русским '*ведь*', '*же*'. Тыымпы күөлүм арҕаа булуҥун түгэҕэр, ыччат мастаах тумулум уһугар киэһэ аайы бур-бур буруо унаарыйан *көстөр буоллаҕа* (НН ТА 23) 'На западном углу (моего) лесного озера, на конце мыса с молодой древесной порослью каждый вечер *тянется ведь* тонкой струйкой дымок'. Бу уол киһи мөхтөҕүнэ *күлэр буоллаҕа* 'Этот парень, когда его ругают, *смеется ведь* (таков его странный характер или привычка)'.

Аналогичное явление мы имеем при сочетании предположения от глагола *буол-* с формой будущего времени изъявительного наклонения, когда оно вносит в последнюю дополнительный модальный оттенок предположительного характера предстоящего будущего действия. Аккаастаан кэбиһиэҕи, ылымыаҕы — *хоргутуохтара буоллаҕа* (ХС, 1964, 2, 27) 'Отказаться бы, не взять — *обидятся*'; Үөрэниэм этэ гынан баран, оҕолор *күлүү гыныахтара буоллаҕа* (АА КСХ 10) 'Я бы поступил учиться, да ведь *ребята будут* (надо мной) *смеяться*'.

Но наряду с этим, в отличие от предыдущих сочетаний, форма *буоллаҕа* может осложнять форму будущего времени изъявительного наклонения совершенно противоположным модальным оттенком — оттенком утверждения, уверенности (подчас абсолютной, категорической) в совершении предстоящего действия. Дьэ бу киэһэ мин кинини сууйан-сотон *көрүөм буоллаҕа* (АА КСХ 770) 'А вот сегодня вечером я его *прочищу* (*вот уж почищу* его) как следует'; Оччо аһыйар буоллаҕына, кэнники харчынан *толуйан ылыа буоллаҕа дии* (АА КСХ 366) 'Если столь дорога эта вещь, *ведь он может ее выкупить* потом деньгами'.

Наконец, разбираемое сочетание служит для выражения вынужденного с точки зрения говорящего лица согласия с чем-либо. Тамараны сыһытыаххар диэри быраатым аахха *олоруом буоллаҕа* (ДО К 53) 'Пока ты не укротишь Тамару, *мне придется жить* у своего брата'; Үүрэр буоллаххытына *барыам буоллаҕа* 'Если гоните, *уйду*, *конечно*'.

§ 20. Форма предположения от глагола *буол-* вступает в сочетание с различными именами, ведя себя при этом, как и в предыдущем случае, т. е., с одной стороны, внося оттенок предположения, с другой — оттенок утверждения. В данном случае как первый, так и второй оттенок относятся к характеристике с той или другой стороны того имени, с которым вступает в сочетание *буоллаҕа*, или действия, производимого лицом, выраженным этим именем и т. д.

Дуогабарбын, аны ыалдьан, толорбот *киһи буоллаҕым*... (ХС, 1964, 3, 113) 'Договор свой, из-за болезни, видимо, *не выполню я* (букв.: стану человеком, который не выполнит)'; Быкаа диэн ити тапталлаах *хос аата буоллаҕа дуу* (ХС, 1964, 2, 47). 'Малюсенький — это, *видимо, его ласкательное прозвище?*' Аҕам ыыпыт кэһиитэ *бу буоллаҕа* 'Посланный отцом гостинец, *видимо, это и есть*'.

Сравните с приведенными примерами, содержащими в рассматриваемом сочетании оттенок предположения нижеследующие примеры, которыми выражаются уже оттенки прямого утверждения. Күн Баачыкабыт, *таҥара оҕото буоллаҕыҥ*, онон... санааҥ сайаҕас буолуохтаах (ХС, 1964, 3, 125) 'Солнце — наш батюшка, *ты ведь человек божий* (букв.: божье дитя), поэтому думы твои должны быть добрые'; О, ама биһиги Сахабыт сирэ барахсан кытаанах дойду *буолаахтаатаҕа!*' (СО ТА I 466) 'Да, родная Якутиюшка, как бы то ни было, *суровая страна!*' Дьоло суох *эрэйдээхтэр буоллахпыт* (АА КСХ 48) '*Несчастливые же мы*, бедняжки'.

Таким образом, форма предположения от глагола *буол-* в современном якутском языке имеет тенденцию перейти в разряд модальных слов, имеющих самостоятельное лексическое значение — значение утверждения определенного факта, значение усиления, подчеркивания совершенности действия и т. п. Этим объясняется ее способность сочетаться и с глагольными формами повелительного, сослагательного наклонения, и со всеми деепричастными формами. Кини даҕаны *кыһыйдын буоллаҕа* (АА КСХ 84) '*А пусть* и *он подосадует*'; Эн эмиэ *бар буоллаҕа!* 'Ну что ж, *иди* и *ты тоже!*' Мин *таҥныым буоллаҕа* '*Дайте же и мне тоже одеться* (почему и мне нельзя одеваться)'; Аны райком бастакы секретарыгар бэйэтигэр *барыахха буоллаҕа дии* (ХС, 1964, 2, 80) '*Ясно, что теперь надо идти к* самому первому секретарю райкома'; Тымныыта бэрт ээ. Сайын *киириэҥ этэ буоллаҕа* (АФ ТА I

354) 'Слишком ведь холодно. *Тебе следовало приехать летом*; — Саҥа көстүүм ыллыҥ дуо? — *Ылан, ылан буоллаҕа дии!* (АФ ТА I 283) 'Ты достал (купил) новый костюм? — *Достал, достал, конечно*'; — Аня ааҕа олорор дуу? — *Ааҕа буоллаҕа дии.*— 'Аня читает — сидит? — *Конечно же, читает*'; — Киинэҕэ бараары тиэтэйдиҥ дуу? — Киинэҕэ *бараары буоллаҕа дии* — 'В кино идти торопишься? — *А как же, конечно*, туда'; — Аһаат ыстанна дуо? — *Аһаат буоллаҕа дии* 'Он ускакал сразу после еды? — *Конечно, тут же сразу*'.

Во всех приведенных случаях, как это видно из примеров, слово *буоллаҕа* служит для усиления, утверждения, большего подчеркивания оттенка решимости: повеления, совета, пожелания к совершению будущего, совершающегося в момент речи, а также уже состоявшегося до момента речи действия. Поэтому его перевод на русский язык мы дали в этих случаях через усилительную частицу «же» и служебное слово «ведь».

Усилительно-подчеркивающее, утвердительное значение слова *буоллаҕа*, как видно из примеров, еще более подчеркивается его сочетанием с усилительными частицами *дии* и *даҕаны* (да).

§ 21. Якутский язык допускает сочетание формы предположения от глагола *тур-* в 3-м лице единственного числа с формой будущего времени изъявительного наклонения. В таком случае создается конструкция, по своему значению выражающая и подчеркивающая предстоящее впереди, ожидаемое действие. Төһө-эмэ бииргэ *үлэлиэхпит турдаҕа* (ХС, 1964, 1, 23) '(Впереди) *предстоит наша* большая *совместная* (*безусловно*) *работа*' или '*Ясно, нам предстоит* большая *совместная работа*'; Чэ, эмиэ ууруах бөҕө *ылыллыа турдаҕа дии* (ХС, 1964, 1, 72) 'Ну, опять *предстоит* (впереди) *принятие* большого количества постановлений (разумеется)': Уонна, хайа, куорат оскуолатыгар *үөрэниэхтэрэ турдаҕа дии* (АФ ТА I 39) 'Ну, затем *им предстоит ведь учеба* (*учиться*) в городской школе'; Бары да *өлүөхпүт-өһүөхпүт турдаҕа* (ХС, 1964, 2, 148) 'И всем-то *нам предстоит смерть-тление*'.

Турдаҕа может сочетаться с именными формами, служа при этом средством для эмоционального усиления высказываемой мысли. Тугу да дакаастыаҥ суоҕа. Хайа, билсэрим-көрсөрүм бөҕөуруум-тарыым, атастарым-доҕотторум *элбэхтэрэ турдаҕа дии* (ХС, 1964, I, 50) 'Ничего

ты не докажешь. Не забудь принять во внимание, что у *меня множество* знакомых, родственников, друзей'; Улуу революция норуот айар уоҕар биэрбит килбиэннээх *далааһына турдаҕа дии* (ХС, 1964, I, 8) 'Учтите (не забудьте, примите во внимание) замечательный *размах*, вдохнутый великой революцией в творческие силы народа'.

ГЛАВА X
К ВОПРОСУ О ДРУГИХ ФОРМАХ ГЛАГОЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. О сочетании *-аа ини*

§ 1. Выше, в кратком обзоре истории изучения вопроса, мы упомянули, что Е. И. Убрятова высказалась за то, что сочетание модального слова *ини* с глагольной формой на *-аа* (типа *бараа инибин* 'видимо, пойду, авось пойду', *кэлээ инигин* 'наверное, придешь, видимо, придешь' и т. д.), можно рассматривать как форму самостоятельного наклонения в якутском языке. При этом Е. И. Убрятова высказала предположение, что аффикс *-аа*, видимо, представляет собой древний причастный аффикс, заимствованный якутским языком из монгольского и засвидетельствованный в памятниках последнего фонетически в несколько ином виде, а именно: в виде аффикса *-ба* [126]. Тем самым Е. И. Убрятова возразила С. В. Ястремскому, который форму на *-аа* (*-ээ*, *-оо*, *-өө*) считал формой шестого деепричастия в якутском языке [127]. Не отрицая эту, хорошо мотивированную гипотезу Е. И. Убрятовой, мы на основании собранного нами материала все же воздерживаемся сочетание формы на *-аа* с модальным словом *ини* рассматривать в качестве самостоятельного наклонения в якутском языке. Большая семантическая близость, более того, полная адекватность наводит нас на мысль о том, что

[126] Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.— Л., 1950, стр. 284—285.
[127] С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 137.

в лице формы на *-аа* мы можем иметь причастную форму на *-ар*, которая видоизменилась в первую в силу определенных фонетико-артикуляционных закономерностей языка, проявившихся сначала на диалектной основе, а затем получивших распространени? во всем языке.

Сочетание в составе формы на *-аа* (с ее фонетическими вариантами) и модального слова *ини* в современном литературном языке служит для обозначения действий, безусловно проецированных в план будущего, т. е. предстоящих к совершению после момента речи. В значении этих действий содержится осложненная оттенком сомнения модальность надежды, желания или более или менее определенной уверенности в совершении их. Хайдах эмэгынан тыыннаах *хаалаа инибит* (К ТА 232) 'Авось, как-нибудь *останемся* живы'; Таҥара *көмөлөһөө ини* (ПО А П 153) '*Авось*, бог *поможет*'; Оҕо барахсаны билигин, эһэ кус оҕотун тутарын курдук, *тутаа инибин* (К ТА 307) 'Вот теперь-то я с ним, голубчиком, *расправлюсь*, как медведь с утенком'. Оо, дьэ оттон хомуньуустар обургулар, батарааактар обүргулар үрдүбүтүгэр *чохчоннонһоо иниләр*, сирэйбитин-харахпытын *тэпсээ инилэр!* (ПО А II 195) 'О вот теперь-то уж молодчики-коммунисты да батраки, *вот поплящут на нас, вот потопчут нас* (букв.: потопчут наши лица, глаза!)' Эчи дьон да саҥатын *уйумаа инибин* (АФ ТА I 237) 'Где уже там, и людского осуждения-то *я не вынесу*'; Хайа, бачча элбэх дьону боротокуоллуурга күмааҕыгыт да *тиийимээ ини* (ДТ ТА 66) 'А что, у вас, пожалуй, и *бумаги-то не хватит*, чтобы запротоколировать такое множество людей'. Образование отрицания от формы на *-аа*, мы полагаем, явление позднего порядка, ставшее возможным в результате ее довольно широкой употребительности в языке.

Совершенно аналогичную, как нам кажется, семантическую нагрузку выполняет в якутском языке сочетание модального слова *ини* с причастием на *-ар* в тех контекстах, когда она употребляется для обозначения будущих действий. Мигин куоракка ыҥырыа буолуо да мин сотору эмээхсиммэр *барар инибин* (АА ПУо 309) 'Хотя он, может быть, и позовет меня в город, но я, *наверное*, скоро *поеду* к своей старухе'; Ама да кини баайын ыһин кыыһын бачча түүлээхтээх киһиэхэ *биэрэр ини* (НЯ К 10) 'Как бы он ни был богат, он, *небось*, *отдаст* свою дочь (в жёны) человеку, имеющему столь много пушнины'; Билбэтим ээ, субу сотору *киирэр ини*

(К ТА 208) 'А право, не знаю, *наверное*, скоро (вот-вот) *зайдет*'; Оттон мантан антах *аккаастаммат инигин?* (АС КС 93) 'Ну, отныне-то *ты уже не будешь отказываться?*' Биһиги былааспыт дьадаҥылары хоргутан *өлөрбөт ини!* (НЯ КУ 116) '*Небось* наша власть *не позволит* беднякам умереть от голода'.

Во всех приведенных примерах без внесения какого-либо нарушения или смещения семантического значения, т. е. с полным его сохранением, причастную форму на *-ар* можно заменить формой на *-аа*, т. е. переоформить эти примеры следующим образом:

Минигин куоракка ыҥырыа буолуо да, мин сотору эмээхсиммэр *бараа инибин*. Ама да кини баайын иһин, кыыһын бачча түүлээхтээх киһиэхэ *биэрээ ини*. Билбэтим ээ, субу сотору *киирээ ини*. Оттон мантан антах *аккаастаныма инигин?* Биһиги былааспыт дьадаҥылары хоргутан *өлөрүмээ ини!*

Такую замену нельзя производить только в тех контекстах, когда причастная форма на *-ар* употребляется для обозначения действий, происходящих обычно, постоянно или в момент речи. Сокуону эйигиттэн баҕас арыый ордук *билэр инибин* (АА СК 149) 'Законы, *наверное*, *я знаю* чуть получше тебя'. Эн сатаан *эрдэр инигин?* (НЗ ҮС 145) '*Ты*, *наверное*, *умеешь грести?*' Оскуолабыт кэннигэр баар үрдүк, көнө тиити *өйдүүр инигин?* (АФ ТА I 432) 'Ты, *наверное* (*небось*), *помнишь* высокое стройное дерево, стоящее за нашей школой?' Ээ бу киһи иһэ *тыаһыыр ини* (СО ТА II 72) 'Э, *наверное*, у этого человека, *в животе урчит*'. Эн да миэхэ *кыыһырбат инигин?* (СД ТА 170) 'И ты, я надеюсь, *не сердишься* на меня?' Эһиги сахалыы суругу *билбэт да инигит* (АА КСХ 33) '*Вы*, наверное, якутскую-то грамоту и вовсе не знаете'.

Это обстоятельство позволяет нам допустить, что форма на *-аа* первоначально могла возникнуть в отдельном говоре якутского языка с целью разграничения временного значения причастия на *-ар* в составе разбираемого типа сочетания: сочетание *-аа ини* стало употребляться для выражения предстоящих после момента речи, т. е. будущих действий, а сочетание *-ар ини* сохранилось для передачи действий, постоянных или происходящих в момент речи. Фонетически подобные изменения, т. е. замена в определенной позиции согласных звуков гласными с приобретением последними долготы, принципиально возможны и имеют место в говорах якутского языка. Так, в Мом-

ском районе ЯАССР, как мы уже указали выше, было зафиксировано употребление носителями этого говора формы *турдахпына* в виде *турдаабына*. В Кытанахском наслеге Чурапчинского района, выходцем из которого является автор этих строк, слово *билбэппин* в случае сомнения в достоверности чего-либо произносится как *билээппин*, в случае еще большого сомнения как *биллээппин*. Оо, дьэ *билээппин* доҕор, итинниги тоҕо эрэ баччааҥҥа диэри истибэтэҕим ээ 'О, *не знаю*, друг, о подобном что-то я не слыхивал до сих пор'.

Возникшее первоначально на диалектной основе явление позже могло получить более широкое распространение. Вот почему, как нам кажется, стало возможно параллельное употребление в одном и том же значении сочетаний в составе *-ар ини* (со значением будущего времени) с одной стороны и *-аа ини* — с другой.

При таком подходе к вопросу отпадает основание рассматривать сочетание типа *-аа ини* в качестве самостоятельного глагольного наклонения и, наоборот, возникает основание рассматривать его как обычное присоединение к причастной форме на *-ар* модального слова. Тем более что модальное слово *ини* в якутском языке способно присоединиться и к другим причастиям:

1) на *-ma*: Ыраахтааҕы суох буолла да, сокуона да *сотуллунна ини* (АА СК 305) 'Раз царя не стало, то и законы его, *наверное*, *утратили силу* (букв.: *вычеркнуты*)'; Доҕоор, эн *билбэтиҥ ини?* (АА ПУо 50) 'Друг, *ты*, *небось*, *не узнал?*'

2) на *-быт*: Силэпиэн «соруйан кэлбэтим» *диэбит ини?* 'Ксенофонт, *конечно*, *сказал*: «нарочно не пришел»'; Хаһына биһиги оҕолорбутун босхо *үөрэппэтэх бабайыта ини* (АА СК 87) 'Казна, *поди*, даром *не станет учить* наших детей'.

3) на *-быт* + аффиксы принадлежности: Театрга урут *сылдьыбытыҥ ини?* 'Ты в театре, *конечно*, *бывал* раньше?' Эн тоҕо мин суруктарбар эппиэттээбэт буолбуккуную? *Ыалдьыбатабыҥ ини?* (СД ТА 179) 'Ты почему перестала отвечать на мои письма? *Ведь не была больна?*'

4) на *-ках*: *Барыаҥ ини*, *барымыаҥ ини* — ону күүтүөхпүт дуо? '*Пойдешь ли*, *не пойдешь ли* — а мы будем ждать'. Ыкка дылы ырыалаах *буолуо ини!* (АА ПУо 139) 'Подобно собаке, *имеет ведь* еще песню!'

5) на *-тах*: Ээ ... оттон *буоллаҕа ини* ...(К ТА 277) 'Ну что ж, *так и быть*'.

б) на *а* + *илик*: Онтугар туҕу да *ыла илик инигин?* (К ТА 211) 'За это, ты, наверное, *еще* ничего *не получил?*'

Так же модальное слово *ини* способно присоединиться и к вторичным причастиям (на *-ардаах*, *-ыахтаах* и др.) 'Более того, *ини* следует рассматривать как универсальную модальную энклитику, способную присоединиться к любому слову: *мас ини* '*дерево, видно*'; *үчүгэй ини* '*хороший, небось*'; *баар ини* '*есть, наверное*'; *үс ини* '*наверное, три*' и т. д.

Мы не находим оснований в сочетании *-аа ини* видеть форму самостоятельного наклонения в якутском языке.

2. О форме на *-аахтаа*

§ 2. Глагольную форму на *-аахтаа* мы не обнаруживаем в работах первых исследователей якутского языка. Так, ее нет в фундаментальной работе о якутском языке акад. О. Н. Бетлингка, специальном исследовании о якутском языке акад. В. В. Радлова, грамматике якутского языка Д. И. Хитрова. Ни одного примера на употребление формы на *-аахтаа* не встречается и в первом литературном произведении на якутском языке — «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского.

Основываясь на этих фактах, исследователь мог бы допустить, что форма на *-аахтаа* отсутствовала в то время в языке и появилась в нем позднее. Однако дело обстояло, видимо, все же не так. В «Краткой грамматике якутского языка» Д. И. Хитрова, изданной в 1858 г. (т. е. спустя всего семь лет после издания работы Бетлингка и воспоминаний Уваровского), хотя в ней и не дается специального описания формы на *-аахтаа*, мы встречаем пример, оформленный с помощью аффикса *-аахтаа*. Керебиль юряхь басыттан джебярь *исяхтибин* бу. 'С вершины речки Керебиля вот *я плетусь* домой'[128]. Т. е. с бо́льшим основанием можно допустить, что эта давно бытующая в языке форма могла в то время иметь неодинаковое употребление в разных его говорах, почему не могла быть зафиксированной даже в довольно больших по объему «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского.

[128] Д. Хитров. Краткая грамматика якутского языка, М., 1858, стр. 135.

Первое специальное описание этой формы мы находим у С. В. Ястремского, который, оговариваясь, что его внимание на аффикс *-aaxmaa* обратил Э. К. Пекарский, в первом издании своей «Грамматики» в разделе о видовых и залоговых формах глагола пишет: «Суффикс *āxmā* (*ǟxmǟ*, *ōxmō*, *ȫxmȫ*), привнося в понятие оттенок презрительности, но также и сожаления, нежности, образует обширный класс производных глаголов, которые можно назвать уничижительными или ласкательными (deminativa): *acāxmā* 'есть помаленечку', *icǟxmǟ* 'пить потихоньку', *тӯcǟxmǟ* 'падать помаленечку', *сытāxmā* 'полеживать'[129]. После этого она оказалась помещенной во все учебные грамматики по якутскому языку. В учебниках А. А. Иванова-Кюндэ «Наша речь» и «Якутский язык» она была преподана в качестве одной из семи глагольных форм в якутском языке под названием *атаахтатар саҥа* (ласкательное слово)[130] и *атаахтатар туохтуур* (ласкательный глагол)[131]. То же самое мы имеем в учебниках Н. Н. Павлова[132] и Н. С. Григорьева[133].

В отличие от названных авторов Л. Н. Харитонов в своем учебнике видовые формы якутского глагола отделил от его залоговых форм, и к числу первых (т. е. видов) отнес форму на *-aaxmaa*[134]. В вузовском пособии «Современный якутский язык» Л. Н. Харитонов рассматривает формы на *-aaxmaa* (*-ээхтээ*, *-ooxmoo*, *-өөхтөө*) в числе аффиксальных форм глагольного вида под названием уменьшительных глаголов[135]. Однако в своей специальной монографии о видовых формах якутского глагола Л. Н. Харитонов форму на *-aaxmaa* не показывает как видовую, т. е. он ее здесь выключил из числа видов. Эта форма не находит места и в его монографии о залогах якутского глагола.

[129] С. В. Ястремский. Указ. соч., стр. 146.
[130] Kynde (æ. æ. Ujbanљр). Bihigi tьlbьt. М., 1925, стр. 40—41.
[131] K y n d e (Ujbanьар ө. ө.). Saqa tьla. Kьramaatьka uonna ьгаар-sajbьk surujuu. Çokuuskaj, 1934, стр. 67.
[132] Nj. Nj. B a a b ь l a p. Saqa tьlьn kьramaatьkata. Benietike, morpoluoguja. Çokuuskaj, 1935, стр. 70.
[133] M. I. K i r g i e l e j e p. Saqa tьlьn kьramaatьkata. M., 1938, стр. 110.
[134] Л. Н. Х а р и т о н о в. Саха тылын грамматиката. Морфология, VI кылааска үөрэнэр кинигэ. Якутскай, 1951, стр. 35—38.
[135] Л. Н. Х а р и т о н о в. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 181, 183, 184.

Естествен вопрос: что это за форма, не является ли она одним из наклонений глагола в якутском языке? На это мы склонны ответить отрицательно, хотя по своему грамматическому оформлению и основному оттенку выражаемой семантики форма на *-аахтаа* действительно близка к наклонению. Основным оттенком, передаваемым ею, является модально-эмоциональный оттенок ласки, жалости, сожаления, исходящий от говорящего лица. Соҕотоҕун *иһээхтиир* эбит (АФ ТА I 50) 'Оказывается, он, *бедняга*, один *идет*'; Кэбис, тоойуом, сүрэҕим *билээхтиир*. Киһи буолбат киһи *сытаахтыыбын* (НС КҮ 36) 'Нет, дружочек, *чует* (букв.: знает), мое бедное сердце. *Лежу я, бедный*,— не жилец на этом свете'; Олус да *кырдьаахтаабыккын* (АФ ТА I 392) 'Как же ты, *бедненький*, сильно *постарел!*'

Второстепенным оттенком данной формы является то, что она в некоторых контекстах может передавать оттенки досады, иронии, презрения, гнева и др. чувств по поводу совершаемого в момент речи или после него, а также уже совершенного до момента речи действия. Киһи гынан абыраабыккынан *өҥнөн биэрээхтиигин* (АФ ТА I 436) 'Ну *и любишь же ты бахвалиться* тем, что сделал человеком (оттенок досады); Уонна «эн бэккин» диэн элэктээн *эбинээхтиир буоллаҕын*... Кырдьыга да мин бэппинэн, эн эрэйдээх, аҥала, акаары киһи, бу мас балаҕаны, ити аҕыйах сүөһүнү бас билэн *олорооохтуугун* буолбат үһү дуо? (АА СК 232) 'Еще *ты смеешь* дразниться: «ты хороша!» А разве не благодаря тому, что я хороша, ты, ничтожество, разиня и дурак, *не живешь* владельцем этой деревянной юрты, этого небольшого количества скота?' (оттенок презрения, смешанного со злостью); Хамнаһы баҕас *аахсаахтыы түһээхтиибин* (ВП К 90) 'Зарплатишку-то я зарабатываю неплохо' (оттенок хвастовства с иронией);

Оо, дьэ эмиэ *кэлээхтээтэ* (АФ ТА I 377) 'О, опять *ведь он пришел*' (оттенок досады с иронией).

Кроме того, Л. Н. Харитонов находит, что «уменьшительная форма глагола» по отношению к действию выражает «его уменьшение или ослабление»[136]. Однако такой оттенок за этой формой нами не усматривается, она не вносит никаких изменений в характер течения самого

[136] Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык, стр. 183.

действия, т. е. она не носит видового оттенка, почему, видимо, Л. Н. Харитонов в своей специальной работе о глагольных видах не включил ее в число глагола. Она не имеет и залогового значения. Таким образом, по основной модально-семантической нагрузке форму на *-аахтаа* можно было бы рассматривать в качестве самостоятельного наклонения глагола.

Но мы воздерживаемся делать это. Дело в том, что форма на *-аахтаа* стоит особняком от всех наклонений якутского глагола, она как бы стоит над всеми ними. Так, от нее можно образовать формы всех залогов с тем же модально-эмоциональным значением ласки, жалости, сожаления и т. д. Бүгүн Уйбаан убайын кытта от *тиэйиһээхтээтэ* (*тиэйсээхтээтэ*) 'Сегодня Иван (*родненький*) вместе со старшим братом сена *повозил*' (совместно-взаимный залог); Тоойуом, эккин *буһараахтаа*, күн ыраахпыт 'Дружочек, *ставь вариться* мясо, времени уже много' (побудительный залог); Киһибит дьонун тылын *ылынаахтаабыт* 'Он (*бедненький*) *согласился* с мнением своих' (возвратный залог); Сыарҕатын быатыгар *иилиллээхтээбит* '*Он* (*бедный*) *зацепился* за ремни своих саней' (страдательный залог).

С помощью аффикса *-аахтаа* от любой глагольной основы можно образовать любую видовую форму глагола. Баран барытын *хомуйталаахтаабыт* '*Он* (*бедняжка*) пошел и все *собрал*'; Үөрүүтүттэн өрүтэ *ойуоккалаахтаабыт* '*Он* (*родненький*) от радости *попрыгал* даже' (вид многократного действия); *Хаампалаахтаа* '*Пошагивай* (*сердечный*) *быстрее*' (вид ускоренного действия) и т. д.

С помощью аффикса *-аахтаа* образуются все, присущие изъявительному наклонению, временные формы: 1) *бараахтыыр* (настоящее-будущее); 2) *бараахтыаҕа* или *бараахтыа* (будущее), 3) *бараахтаата* (недавнопрошедшее, категорическое); 4) *бараахтаабыта* (прошедшее повествовательное), 5) *бараахтаабыт* (прошедшее результативное первое); 6) *бараахтаан турар* (прошедшее результативное второе); 7) *бараахтыыр этэ* или *бараахтыыра* (прошедшее незаконченное, имперфект); 8) *бараахтаабыттаахпын*; *бараахтаан турардаахпын* (прошедшее эпизодическое); 9) *бараахтаабыт этэ* (давнопрошедшее); 10) *бараахтаабыттаах этим*, *бараахтаан турардаах этим* (давнопрошедшее эпизодическое).

С помощью аффикса *-аахтаа* от любой глагольной основы можно образовать все другие наклонения якут-

ского глагола, приобретающие при этом указанные выше дополнительные модально-эмоциональные оттенки: *бараахтаатарбын*, *бараахтаатахпына* (условное наклонение); *бараахтыыһыбын/бараахтыыһыкпын* (утвердительное наклонение); *бараахтаайабын/бараахтаайыкпын* (возможное наклонение); *бараахтааччыбын/бараахтааччыкпын* (наклонение обычности), *бараахтыырдаахпын/бараахтыахтаахпын* (долженствовательное наклонение); *бараахтыа/бараахтыах этим*, *бараахтыыр этим* (сослагательное наклонение), *бараахтаатаҕым* (предположительное наклонение); *бараахтаа*, *бараахтаар*, *бараахтыахтыбын* (повелительное наклонение); *бараахтыы иликпин* (наклонение несовершенного действия).

Это свойство формы на *-аахтаа* особенно примечательно, ибо в якутском языке невозможно образование глагольных наклонений от других. Так, например, от формы долженствовательного наклонения на *-ыахтаах* нельзя образовать форму условного наклонения на *-тар* или *-таҕына* и наоборот.

От формы на *-аахтаа* возможно образование всех деепричастных и причастных форм: *бараахтаат* төнүннэ ʻон (бедненький) вернулся почти тут же, как ушелʼ. *Аһаахтаары* чоҕолуҥнуу олорор ʻОн (бедненький) сидит, поблескивает глазами в ожидании едыʼ; Оҕолору кытта *оонньоохтуу* олорор ʻОн (родненький) сидит играет с детьмиʼ; Салҕалаан *тиийээхтээн* иэдьэгэй уутун истэ (ПО А I 142) ʻПодойдя дрожащей походкой, он попил творожной водыʼ;

Бассабыык баартыйа *бараахтыыр* суолунан. ʻПо дороге, которой идет партия большевиковʼ; *Кырдьаахтаабыт* киһи ʻСостарившийся человекʼ; *Үөрэнээхтиэх* оҕо ʻСпособный весьма хорошо учиться ребенокʼ; Сайылыкка *көһөөхтөөтөх* күн саламаат сиэбиппит. ʻВ день переезда на летник мы ели саламатʼ.

Возможны все падежные формы причастий, образованных с помощью аффикса *-аахтаа*. Туох билиэй, хайдах *сылдьаахтыылларын* (К ТА 234) ʻКто знает, как они (бедные) живутʼ; Оҕом сүктэн *бараахтыырыгар* манньык күн буолбута ʻВ день свадьбы моей бедной дочери был такой деньʼ; Бабараан тахсан *бараахтыырын кытта*... (АФ ТА II 268) ʻКак только вышел (бедный) Бабаран...ʼ Бу барыта оҕом *ыалдьаахтаабытыттан* таҕыста ʻВсе это получилось из-за болезни моего дорогого ребеночкаʼ;

Таах *олоруохтаахтаабар* сапта хат эрэ 'Чем зря сидеть, посучи-ка, голубушка, нитки'.

Возможны наречные образования от глагольных основ, образованных с помощью аффикса на *-аахтаа*. Сотору *бараахтыырдыы* тутунна 'Он повел себя так, словно он скоро едет'; Сааскы хаар *уулаахтыырыныы* уостан хаалла 'Подобно тому как быстро тает, весенний снег быстро опал'.

Из всего вышеизложенного, нам кажется, следует аффикс *-аахтаа* рассматривать не как наклонение образующий, а как словообразовательный глагольный аффикс, который привносит в глагольную основу дополнительный модально-эмоциональный оттенок ласки, жалости, сожаления и др. Отношение аффикса *-аахтаа* к глагольной основе такое же, как отношение уменьшительного аффикса существительного *-чаан* к именной основе (ср., например, *уол — уолчаан*, *бар — бараахтаа*), т. е. в форме на *-аахтаа* мы имеем универсальную вторичную глагольную основу с модально-эмоциональным значением, придающим субъекту действия ласкательно-уменьшительное значение.

Из-за указанных особенностей данной глагольной формы мы воздержались от включения ее в систему форм наклонения глагола.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА СК — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов). Сааскы кэм (Весенняя пора). Якутск, 1952.

АА КСХ — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов), т. 1. Кэпсээннэр. Сэһэннэр. Хоһооннор (Рассказы, повести и стихи). Якутск, 1956.

АА КК — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов). Күнү көрсө. (Навстречу солнцу). Якутск, 1947.

АА ПУо — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов). т. 2, Пьесалар. Уочаркалар (Пьесы и очерки). Якутск, 1956.

АА АИ — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов). Ааһан иһэн. (На ходу, новеллы). Якутск, 1944.

АА С — Амма Аччыгыйа (Н. Е. Мординов). Сэрии (Война). Якутск, 1942.

ААС Р/Ф — А. А. Саввин. Рукописный фонд ЯФАН СССР.

АС ОДь — А. И. Софронов. Олох дьэбэрэтэ (Тина жизни). М., 1927*.

АС ДьДь — А. И. Софронов. Дьадаҥы Дьаакып (Бедный Яков). Якутск, 1924*.

АС БК — А. И. Софронов. Бүдүрүйбүт көммөт (Споткнувшийся не поправится). М., 1927*.

АС М — А. И. Софронов. Манчаары. М., 1926*.

АС О — А. И. Софронов. Ооньуулар (Пьесы). М., 1926*.

АС РФ — А. И. Софронов. Рукописный фонд ЯФАН СССР.

АС ТА I — А. И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар, т. I (Избранное, т. I). Якутск, 1964.

АС ТА II — А. И. Софронов. Талыллыбыт айымньылар, т. II (Избранное, т. II). Якутск, 1965.

АК ЫХ — А. Кулаковскай. Ырыалар-хоһооннор (Песни-стихотворения). Якутск, 1957.

АМ ССКОЭҮ — А. А. Макаров. Саха сирин киин оройуоннарын эмтээх үүнээйилэрэ (Лекарственные растения центральных районов Якутии). Якутск, 1961.

АС Дь — Анастасия Сыромятникова. Дьүөгэлиилэр (Подруги). Якутск, 1961.

* Здесь и далее помеченные звездочкой названия этих произведений транслитерированы на современную якутскую графику.

АС ДьХ — Анастасия Сыромятникова. Дьэдьэннээх халдьаайы (Земляничная поляна). Якутск, 1963.

АС КБ — Анастасия Сыромятникова. Кыһыл балык (Красная рыба). Якутск, 1956.

АС КС — Анастасия Сыромятникова. Көнүл сардаҥата (Заря свободы). Якутск, 1958.

АС Х — А. Сыромятникова. Хопто (Чайка). Якутск, 1950.

АФ АА — Афанасий Федоров. Айан аартыга (В дорогу). Якутск, 1957.

АФ ТА I — Афанасий Федоров. Талыллыбыт айымньылар, т. I (Избранное, т. I). Якутск, 1962.

АФ ТА II — Афанасий Федоров. Талыллыбыт айымньылар т. II (Избранное, т. II). Якутск, 1962.

БДь МС — Бэс Дьырааһын (Г. Бястинов). Муммут Сөдүөт (Сбившийся с пути Федот). «Альманах якутской советской художественной литературы». Якутск, 1942.

БХ КТДь — Баал Хабырыыс. Киһи тахсар дьоно (Вырастут людьми настоящими). Якутск, 1966.

ВМ — В. В. Местников (народный артист СССР). Якутск, 1962.

ВНВ КК — Образцы народной литературы якутов, записанные В. Н. Васильевым; вып. 1. Сказка. Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур. Пг., 1916.

ВНВ ОНЛЯ — Образцы народной литературы якутов, записанные В. Н. Васильевым. Пг., 1916.

ВП БКП — Василий Протодьяконов. Бэлиэ кэмнэр пьесалара. Якутскай, 1962.

ВП К — Василий Протодьяконов. Кэскил (Кэскил. Повести и рассказы). Якутск, 1961.

ВЧ ДьОС — Валерий Чиряев. Дьоллоох оҕо сааска (Счастливое детство. Стихи для среднего и старшего школьного возраста). Якутск, 1966.

ГВ, ХК СНА — Г. М. Васильев, Х. И. Константинов. Саха народун айымньыта (Творчество якутского народа). Якутск, 1942.

ГВ, НК, ГЭ ССЛИО — Г. М. Васильев, Н. П. Канаев, Г. У. Эргис. Саха советскай литературатын историятын очерката (Очерк истории якутской советской литературы). Якутск, 1956.

ГН ҮК — Г. Ныныров. Үтүө күнүнэн (С добрым днем. Очерки). Якутск, 1966.

ДВ ИД — Дмитрий Васильев. Инним диэки (Вперед. Сборник стихов). Якутск, 1966.

ДГ БМБ — Д. Говоров. Бүдүрүйбэт Мүлдьү бөҕө (Бюдюрюйбэт Мюльджю Беге, якутская былина, записана со слов Д. М. Говорова). Москва-Якутск, Якутское государственное издательство, 1938*.

ДО К — Дмитрий Очинскай. Кэпсээннэр (Рассказы). Якутск, 1961.

ДТ ТА — Дмитрий Таас. Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1954.

ДьА НьуоЛ — Дьүөгэ Ааныстыров (Н. К. Седалищев). Ньургуһун уонна Лоокут (Ньургусун и Локут. Рассказ из прошлого). Якутск, 1938*.

ДьА ТА — Дьүөгэ Аанысттыров (Н. К. Седалищев). Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1957.
ЕАК OYU — Е. А. Косминскай. Орто үйэлэр историялара. (История средних веков). Якутск, 1949.
ИАХ ОНЛЯ — Образцы народной литературы якутов, собранные И. А. Худяковым. Пг. 1918.
ИИ ОБ — Иван Иванов. Оҕолор барахсаттар (Милые дети. Рассказы для детей младшего и среднего школьного возраста). Якутск, 1967.
ИГ ЫЫХ — Иван Гоголев. Ыам ыйын халлаана (Майское небо. Пьесы). Якутск, 1966.
ИГ ЫУо — И. Гоголев. Ыҥырар уоттар (Зовущие огни). Якутск, 1952.
ИН С — Исай Никифоров. Степан, Якутск, 1939*.
ИПиРЯ — Исторические предания и рассказы якутов. М.—Л., 1960.
ИС ССТ — И. Я. Строд. Саха сирин тыатыгар (В якутской тайге). Якутск, 1963.
К БС — Күндэ (А. А. Иванов). Биһиги саҥабыт (Наша речь). М., 1925*.
К К — Кюндэ (А. А. Иванов) Кэпсээттэр (Рассказы). М., 1927*.
К О — Кюндэ (А. А. Иванов). Оонньуулар (Пьесы). М., 1927*.
К ТА — Күндэ (А. А. Иванов). Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1960.
КУ ТДьБ — Күннүк Урастыров (В. М. Новиков). Нуоҕалдьын кугас аттаах тойон Дьаҕарыма бухатыыр (олонхо). Якутск, 1941.
КУ ҮҮө — Күннүк Урастыров (В. М. Новиков). Үчүгэй Үөдүйээн (Ючюгэй Едюйэн. Драма в трех действиях в стихах). Якутск, 1945.
КЫ — Кыһыл ыллык (ж. «Красная тропа»).
ЛП ХК — Леонид Попов. Хоһооннор. Кэпсээннэр (Стихи, рассказы). Якутск, 1954.
ЛП ЫТ — Леонид Попов. Ыраах тыаҕа (В далекой тайге). Якутск, 1947.
ЛС — Ленин суолунан (ж. «По ленинскому пути»)
МД АЛ — Михаил Догордуров. Аныгы Лоҥкууда (Новая Лонкуда). Якутск, 1952.
МД ТА — Михаил Догордуров. Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1963.
МЕ ТК — Моисей Ефимов. Таас киһи (Каменный человек). Якутск, 1960.
МК СТК — М. Киргиэлэйэп. Саха тылын кырамаатыката (Грамматика якутского языка). М. 1938*.
МТ А — Михаил Тимофеев. Аанус (Анус). Якутск, 1965.
НА СҮө — Николай Апросимов. Сүрүн үөскэ (На главном русле). Якутск, 1960.
НГ ММ — Николай Габышев. Мин муммутум (Как я заблудился. Для детей младшего школьного возраста). Якутск, 1965.
НГ Т — Николай Габышев. Таптал (Любовь. Рассказы). Якутск, 1965.

НГ ЫК — Николай Габышев. Ый күлэр (Луна смеется. Короткие рассказы). Якутск, 1961.

НН ТА — Н. Д. Неустроев. Талыллыбыт айымньылар. (Избранное). Якутск, 1947.

НЗ Д — Николай Заболоцкай. Дабаан (Подъем). Якутск, 1965.

НЗ ЛХ — Н. М. Заболоцкай. Литература хрестоматията. М., 1937*.

НЗ ҮС — Николай Заболоцкий. Үрүн сүүрүктэр (Белые потоки). Якутск, 1960.

НТ АТ — Николай Туобулахов. Алмаастаах тайҕаҕа (В алмазной тайге). Якутск, 1962.

НЯ КҮ — Николай Якутскай. (Н. Г. Золотарев). Көмүстээх үрүйэ. (Золотоносный ручей). Якутск, 1948.

НЯ С — Николай Якутскай (Н. Г. Золотарев). Сир (Земля). Якутск, 1958.

НЯ Та — Николай Якутскай (Н. Г. Золотарев). Тайҕаҕа (В тайге). Якутск, 1952.

НЯ Т — Николай Якутскай (Н. Г. Золотарев). Төлкө (Судьба). Якутск, 1947.

НЯ ТМУ — Николай Якутскай. (Н. Г. Золотарев). Тоҕус муора улаҕатыгар (За девятью морями). Якутск, 1966.

НЯ ХД — Николай Якутскай. Хотой Доҕоро (Друг орла). Якутск, 1965.

НЯ ХТ — Николай Якутскай (Н. Г. Золотарев). Хорсуттар тустарынан (О храбрых. Очерки и рассказы). Якутск, 1955.

ӨИМКБДҮТ — Өрөбөлүүссүйэ иннигэр мөккүһээччилэргэ көмөлөһөр бары дойду үрдүнэн тэрилтэ (МОПР). Якутск, 1928*.

ӨӨ ЫХ — Өксөкүлээх Өлөксөй (А. Е. Кулаковский). Ырыа хоһоон (Стихи и поэмы). Якутск, 1946.

ПО А — Платон Ойунский. Айымньылар сэттэ томнаах (Сочинения в семи томах). Якутск, 1958—62 гг.

ПО Б — П. А. Ойунский. Бассабыык (Большевик. Пьеса). Якутск, 1928*.

ПО ДьТ — П. Ойунский. Дьэбэрэттэн тахсыы (Выход из тины. Рассказ). М., Учпедгиз. 1936*.

ПК — Поэзия күнэ (День поэзии). Якутск, 1963.

ПФ РС — Петр Филиппов. Революция саллаата (Солдат революции). Якутск, 1962.

Р ББДь — Рытхэу. Биһиги биэрэкпит дьоно (Люди нашего берега). Якутск, 1955.

РБ ҮМ — Рафаэль Баҕатаайыскай. Үс муннук (Треугольник. Стихи и поэмы). Якутск, 1967.

РК С — Реас Кулаковскай. Сыккыс (Струйка. Сборник рассказов). Якутск, 1965.

СВ Б — Сергей Васильев. Бухатыырдар (Богатыри. Сборник стихов). Якутск, 1944.

СВ ҮөХ — Сергей Васильев. Үөлэн хардаачча (олонхо). Якутск, 1957.

СД МЭК — Софрон Данилов. Мин эйиэхэ кэпсиим... (Я тебе расскажу...). Якутск, 1964.

СД НГ ТЛ — С. П. Данилов, Н. Г. Габышев. Төрөөбүт литературабыт (Родная литература. Хрестоматия для VI класса). Якутск, 1949.

СД НСБ — С. К. Дмитриев. Новгородов суруга-бичигэ (Новгородовская письменность). Якутск, 1962.

СД СА — Софрон Данилов. Сахалар ааттарыттан (От имени якутов). Якутск, 1966.

СД ТА — Софрон Данилов. Төрөөбүт алааска (В родном аласе). Якутск, 1957.

СДь СС — Семен Яковлев. Суоруна соруктаммыт (Рано скончавшаяся. Пьеса). Якутск, 1931*.

СЕМ ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, М.— Л., 1951.

СО — Саха остуоруйалара, т. I (Якутские сказки, т. I). Якутск, 1954.

СО Д — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Драмалар. (Драмы). Якутск, 1948.

СО ДьЭИ — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Дьол эйэ иһин (За счастье и мир. Очерки). Якутск, 1951.

СО К — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Кэпсээннэр (Рассказы). Якутск, 1954.

СО ОС — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Омоон суоллар (Первые тропы). Якутск, 1945.

СО СО — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Саха остуоруйалара (Якутские сказки). Якутск, 1954.

СО ТА — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1959.

СО ТЫ — Суорун Омоллоон (Д. К. Сивцев). Тыыннаах номохтор (Новые легенды). Якутск, 1963.

ССХУо — Саха сирин хорсун уолаттара (Храбрые сыны Якутии). Якутск, 1965.

СТ ХДь — Семен Туласынов. Хоһуун дьоннор (Храбрые люди). Якутск, 1964.

Т К — Тыаһыт (Н. Н. Павлов). Кууһума (Кузьма). Якутск, 1940.

ТБ ҮӨ — Таллан Бүрэ. Үчүгэй Өлүөнэ (Прекрасная Елена). Якутск, Якутское книжное издательство, 1963.

ТС ЫТ — Тоң Суорун (Бурнашев И. И.). Ырыа-тойук. (Песнопения). Якутск, 1944.

ТС ЯС МБК — Тимофей Сметанин, Яков Стручков. Мэхээлэчээн булчут кэпсээннэрэ (рассказы охотника Мэхээлэчээн-а). Якутск, 1961.

У А — Уваровскай А. Ахтыылар (Воспоминания). Якутск, 1947.

УС — Украина суруйааччылара (Писатели Украины). Якутск, 1954.

ФБ А — Федор Бережнев. Аргыстар (Спутники). Якутск, 1963.

ХС — Хотугу сулус (ж. «Полярная звезда»).

Ч — Чолбон (ж. «Утренняя звезда»).

Э ХП — Эллэй (С. Р. Кулачиков). Хоһооннор. Поэмалар. (Стихи и поэмы). Якутск, 1954.

ЭК — Эдэр коммунист (газ. «Молодой коммунист»).
ЭКП ОНЛЯ — Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1907—11 гг.
ЭЭ МЫ — Эрилик Эристиин (С. С. Яковлев). Маарыкчаан ыччаттара (Молодежь Марыкчана). Якутск, 1942.
ЭЭ ТА — Эрилик Эристиин (С. С. Яковлев). Талыллыбыт айымньылар (Избранное). Якутск, 1954.

ЛИТЕРАТУРА

Азербайҹан дилинин грамматикасы, т. I. Бакы. 1960.

Алиев У. Б. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. «Совещание по вопросам категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1961.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология, ч. 1. М., 1952.

Баскаков Н. А. Категории наклонения и времени в тюркских языках. «Совещание по вопросам категории времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1961.

Баскаков Н. А. Причастие на *-ды/-ты* в тюркских языках. «Труды Московского института востоковедения», вып. 6, 1951.

Баскаков Н. А., Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II Морфология». М., 1956.

Батманов И. А. Грамматика киргизского языка. Вып. 3. Фрунзе, 1940.

Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

Боровков А. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.

Гермогенов Г. У. и Моруо И. Д. Самоучитель якутского языка. Якутск, 1930. Грамматика алтайского языка. Сост. членами Алтайской миссии. Казань. 1869.

Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 1. М., 1960.

Григорьев Н. С. Синтаксические функции прилагательных в якутском языке. «Доклады на второй научной сессии Якутского филиала АН СССР». Якутск, 1951 г.

Дашчян Т. Дж. Глагольные имена на *-дыг*, *-аҹаг*, *-маг* и *-ма* в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962 г.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948.

Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939.

Дмитриев Н. К. Соответствие р/з. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика», М., 1955.

Дульзон А. П. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. «Уч. зап. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории». Вып. 8. Абакан, 1960.

Дыренкова Н. Л. Грамматика шорского языка. М.— Л., 1941.

Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.— Л., 1940.

Инкижекова-Грекул А. И. Причастия в хакасском языке. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953.

Исхаков Ф. Г., и Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
Ищанов К. Повелительное и желательное наклонения в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1963.
Каджарова Э. Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1964.
Казахско-русский словарь. Отв. ред. Г. Мусабаев. Алма-Ата, 1954.
Казембек М. А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
Карпов В. Г. Изъявительное наклонение в хакасском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
Катанов Н. Д. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим тюркским языкам тюркского корня. Казань. 1903.
Қазіргі қазақ тілі, т. III, Алматы. 1954.
Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М., 1940.
Кононов А. Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. «Тюркологический сборник», 1951 г.
Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.— Л., 1956.
Кононов А. Н. Турецкая глагольная форма «мыш». «Уч. зап. ЛГУ», № 20, вып. 1, серия филол. наук, 1939 г.
Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка, 1941.
Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960.
Корш Ф. Е. Происхождение формы настоящего времени в западно-турецких языках. Древности Восточные, III, вып. 1, 1907.
Краткая грамматика якутского языка, сост. протоиереем Д. Хитровым, М., 1858.
Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.
Кузнецов П. И. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка. «Краткие сообщения Института востоковедения». XVIII, 1956.
Липеровский В. П. Категория наклонения в современном литературном языке. Хинди (рукопись канд. дисс.).
Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.— Л., 1952.
Маманов Е. И. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата.
Мелиоранский П. М., Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
Мелиоранский П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I. Фонетика и этимология. Оренбург, 1894.
Мещанинов И. И. Глагол. М., 1949.
Михайлов М. С. О форме на *-/у/ а* в турецком языке. «Вопросы языка и литературы стран Востока». М, 1958.
Михайлов М. С. Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе. М., 1957.
Михайлов М. С., Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.

Монгуш Д. А. О временных формах в тувинском языке. «Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории», вып. VIII. Кызыл, 1959.
Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
Насилов В. М., Древнеуйгурский язык. М., 1963.
Насилов Д. М. К вопросу о перифрастических формах глагола в древнетюркских языках. «Вопросы языкознания», 1960, № 3.
Никитевич В. М. Модальные функции глаголов изъявительного наклонения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953.
Ойротско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и Т. М. Тощакова. М., 1947.
Ойунский П. А. Законы изменения якутского языка и наши задачи. «Сборник трудов научно-исследовательского Института языка и культуры при СНК ЯАССР», вып. 1. Якутск, 1937.
Орузбаева Б. О. Формы прошедшего времени в киргизском языке (рукопись канд. дисс.).
Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб. 1907—1930.
Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
Поппе Н. Н. Учебная грамматика якутского языка. М., 1926.
Пепинова С. А. Структурно-семантические (видо-временные) особенности форм прошедшего времени в немецком и азербайджанском языках. Баку, 1966.
Рагимов М. Ш. Формы выражения настоящего и будущего времени в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVIII вв. Языковедческий сборник. «Труды Института литературы и языка им. Низами». Баку, 1957.
Рагимов М. Ш. История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Баку, 1966.
Раджабов А. А. Язык орхоно-енисейских памятников древне-тюркской письменности. Морфология (в сопоставлении с азербайджанским языком). Автореф. канд. дисс. Баку, 1967.
Резюков К. А. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954.
Русско-татарский словарь, т. I. Казань, 1955.
Русско-чувашский словарь. Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1951.
Сат Т. Ч. Причастие в тувинском языке. «Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории». Выпуск VII. Кызыл, 1959.
Сауранбаев Н. Т. О категории лица повелительного наклонения. «Изв. АН Каз. ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 2. Алма-Ата, 1954.
Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961.
Серебренников Б. А. Система времени татарского глагола. Казань, 1963.
Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.
Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков. Баку, 1954.
Саха тылын грамматиката. Толоруута суох отто уонна отто школаҕа. I чааһа. Фонетика уонна морфология. М., 1940.
Тувинско-русский словарь. Под ред. А. А. Пальмбах. М., 1955.

Убайдуллаев К. Категория прошедшего времени глаголов в изъявительном наклонении в современном каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
Убрятова Е. И. Согласование в якутском языке. «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., 1962.
Убрятова Е. И. Взаимодействие языков на материале взаимоотношений якутского и эвенкийского языков. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1956, № 9.
Убрятова Е. И. Причастные формы и их роль в якутском языке (рукопись).
Убрятова Е. И. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке. «Тюркологические исследования». М.— Л., 1963.
Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945.
Убрятова Е. И. Язык норильских долган (тезисы дисс.) р/ф ЯФ СО АН СССР, фонд. № 5, оп. № 4, ед. хр. 167.
Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. М.— Л., 1950.
Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка, т. II. Сложное предложение (рукопись).
Уйгурско-русский словарь. Сост. Н. Д. Баскаков и В. М. Насилов. М., 1939.
Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.
Хакасско-русский словарь. Сост. Н. А. Баскаков и А. И. Инкижекова-Грекул. М., 1953.
Хангилдин В. Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.
Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
Харитонов Л. Н. Саха тылын грамматиката. Якутскай, 1942.
Харитонов Л. Н. Саха тылын грамматиката. Морфология VI кылааска үөрэнэр кинигэ, Якутскай, 1951.
Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжение глагола в башкирском языке. М., 1958.
Ястремский С. В. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900.
Bötlingk. Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. St. P-g, 1848—51.
M Alexander Castren's Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre. SPg, 1857.
Kirgielejep M. I. Saqa tьlьn kьramaatьkata. Sitete suoq otto oskuolaqa yerener kinige. M., 1938.
Kynde (æ æ Ujbanљp). Bihigi saŋabьt. M., 1925.
Kynde (Ujbanьap Ɵ. Ɵ.). Saqa tьla. Kьramaatьka uonna ьraapsajdьk surujuu. Çokuuskaj, 1934.
Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen von Dr. W. Radloff. St.-Pg, 1908.
Die alttürkischen Inschriften der Mongolei von W. Radloff. Driette Lieferung, 1895.
Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neu Folge von D-r W. Radloff, 1897.
E. I. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre, Helsinki, 1952.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Категория модальности и лично-глагольные формы ее выражения в якутском языке 23

Часть первая

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Глава I. Настояще-будущее время 33
1. Спряжение и происхождение настояще-будущего времени 34
2. Значение настояще-будущего времени в якутском языке 45

Глава II. Будущее время. 52
1. Спряжение будущего времени. 53
2. Значение будущего времени 58

Глава III. Прошедшее время 61

1. Недавнопрошедшее (определенное, категорическое) время
Аффикс *-т* (*-д*, *-л*, *-н*) + аффиксы лица 61
Спряжение недавнопрошедшего (определенного, категорического) времени 61
К вопросу о происхождении формы недавнопрошедшего, определенного (категорического) времени. 65
Значение недавнопрошедшего (определенного, категорического) времени в якутском языке 70
2. Преждепрошедшее повествовательное время
Причастие на *-быт* + аффиксы принадлежности 75
Спряжение преждепрошедшего повествовательного времени 75
Значение преждепрошедшего повествовательного времени в якутском языке 77
3. Прошедшее результативное время первое
Причастие на *-быт* + аффиксы сказуемости 81
Спряжение прошедшего результативного времени первого 81
Значение прошедшего результативного времени первого 84
4. Прошедшее результативное время второе
Деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени глагола *тур-* 91

Спряжение прошедшего результативного времени второго 91
Значение прошедшего результативного времени второго 92
5. Прошедшее эпизодическое время
Причастие на *-быт* + аффикс *-лаах* + аффикс сказуемости; причастие на *-быт* + аффикс принадлежности + имя *баар*; деепричастие на *-ан* + форма настояще-будущего времени от глагола *тур-* 97
Спряжение прошедшего эпизодического времени . . . 98
Значение прошедшего эпизодического времени 101
6. Прошедшее незаконченное время (имперфект)
Причастие на *-ар* + *этэ*, причастие на *-ар* + *э* . . . 103
Глагол *эр-* 103
Глагол *э-* 110
Спряжение прошедшего незаконченного времени . . . 114
К вопросу о происхождении формы прошедшего незаконченного времени 116
Значение прошедшего незаконченного времени 121
7. Давнопрошедшее (предпрошедшее) время
Причастие на *-быт* + *этэ* 124
Спряжение давнопрошедшего (предпрошедшего) времени 124
Значение давнопрошедшего (предпрошедшего) времени 126
Другие случаи образования и употребления давнопрошедшего (предпрошедшего) времени 128
8. Давнопрошедшее эпизодическое время
Причастие на *-быт* + *лаах* + *этэ*; причастие на *-бытым* + *баар* (*суох*) + *этэ*; деепричастие на *-ан турар -даах* + *этэ* 131
Спряжение давнопрошедшего эпизодического времени 131
Значение давнопрошедшего эпизодического времени . . 136

Часть вторая

«КОСВЕННЫЕ» НАКЛОНЕНИЯ

Глава I. **Повелительное наклонение** 139
1. Из истории вопроса 139
2. Близкое будущее время повелительного наклонения.
Спряжение и происхождение формы 147
Значение близкого будущего времени 152
Усилительно-просительный вариант близкого будущего времени 156
3. Отдаленное будущее повелительного наклонения
Спряжение и происхождение 160
Значение отдаленного будущего времени 162
О некоторых других способах выражения повеления . 162

Глава II. **Условное наклонение** 169
1. Первая форма условного наклонения
Спряжение формы 170
Значение первой формы условного наклонения 171
2. Вторая форма условного наклонения

Происхождение и спряжение второй формы условного наклонения в якутском языке 184
Значение второй формы условного наклонения 186
Безличная форма условного наклонения в якутском языке 194

Глава III. Утвердительное наклонение 195

1. Спряжение утвердительного наклонения 195
2. О происхождении формы утвердительного наклонения 198
3. Значение утвердительного наклонения 204

Глава IV. Долженствовательное наклонение 207

1. Настояще-будущее время долженствовательного наклонения 208
2. Будущее время долженствовательного наклонения . . . 210
3. Прошедшее время долженствовательного наклонения . 217

Глава V. Наклонение обычно совершаемого действия . 220

1. Спряжение формы 221
2. Происхождение и значение формы 224

Глава VI. Возможное наклонение 230

1. Спряжение возможного наклонения 231
2. К вопросу о происхождении форм возможного наклонения 232
3. Значение возможного наклонения 234

Глава VII. Наклонение несовершившегося (неосуществленного) действия 238

1. К вопросу о выделении наклонения несовершившегося (неосуществленного) действия 238
2. Настоящее время наклонения еще не совершившегося (неосуществленного) действия 247
3. Прошедшее время наклонения несовершившегося (неосуществленного) действия 248

Глава VIII. Сослагательное наклонение 250

1. Сослагательная форма на *-мах/ -ма этэ* 250
2. Сослагательная форма на *-мах-/ -ма эбит* 257
3. Употребление и значение формы на *-мах/-ма эбит* . . . 259
4. Сослагательная форма на *-ар этэ* 260

Глава IX. Предположительное наклонение 262

1. О причастии на *-тах* (*-дык*) в тюркских и якутском языках 262
2. Спряжение и значение предположительного наклонения 269

Глава X. К вопросу о других формах глагольного наклонения в якутском языке 285

1. О сочетании *-аа ини* 285
2. О форме на *-аахтаа* 289

Список сокращений 295

Литература 301

Евдокия Иннокентьевна
Коркина

Наклонения глагола
в якутском языке

Утверждено к печати Институтом
языка и литературы истории
ЯФ СО АНСССР

Редактор *В. К. Романов*

Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 17/VI 1969 г.
Подписано к печати 15/XII 1969 г.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$ Бумага типогр. № 2
Печ. л. 9,62. Усл. печ. л. 15,16. Уч.-изд. л. 15,9
Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 2549
Цена 1 р. 13 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»